Валерио Боргезе
Чёрный князь людей-торпед

Боргезе Валерио
Чёрный князь людей-торпед

БОРГЕЗЕ В.

Чёрный князь людей-торпед

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

На старинном братском кладбище в Севастополе высится памятник 12-метровая фигура скорбящего матроса с надписью: "Родина - сыновьям". На стеле значится: "Мужественным морякам линкора "Новороссийск", погибшим при исполнении воинского долга 29 октября 1955 года. Верность военной присяге была для вас сильнее смерти". Фигура матроса отлита из бронзы винтов линкора...

Об этом корабле и его таинственной гибели мало кто знал до конца 80-х, когда о нем разрешили писать, и судьба его, как мы увидим, связана с темой нашей книги.

Линкор, носивший в последние годы имя "Новороссийск", был построен в Италии в 1914 году и его первое название было "Джулио Чезаре" ("Юлий Цезарь"). В 1933 - 1937 годах уже старенький линкор капитально отремонтировали и осовременили. В годы Второй мировой он ничем особым себя не проявил, а в феврале 45-го в результате воздушного налета союзников получил значительные повреждения в носовой части, принял много воды и затонул. Вскоре его подняли, снова отремонтировали и ввели в строй.

По разделу между союзниками итальянского флота в 1949 году линкор достался Советскому Союзу и через шесть лет уже под новым именем прошел еще один ремонт и модернизацию.

28 октября 1955 года в 17.30 "Новороссийск" возвратился из рейса и встал на левый якорь и швартовую бочку в Севастопольской бухте почти напротив Графской пристани. А через 8 часов под носовой частью линкора грянул мощный взрыв. Все, что было потом, многократно описывалось в печати. Для нас интересны выводы специальной правительственной комиссии, которые нашли, что наиболее вероятная причина гибели - взрыв немецкой донной мины, оставшейся на грунте со времен войны. Второй, менее вероятной причиной посчитали диверсию.

Комиссия установила, что взрыв сопровождался двойным сотрясением корпуса. Вахтенные соседних кораблей видели в носовой части вспышку огня, прошедшего до середины корпуса. Затем черный дым из-под носовой части поднялся до мостиков, то есть взрыв был на корабле, а не на дне от мины... Взрыв пробил не только днище, но и второе дно, три промежуточных палубы и даже палубу полубака.

Характер разрушений корпуса и днища не был похож на те, что получались при подрыве на донных минах, зато весьма смахивал на разрушения от взрывов зарядов, заложенных итальянскими подводными диверсантами под корпуса таких кораблей, как английские линкоры "Куин Элизабет" и "Велиэнт"...

Под "Новороссийском" водолазы обнаружили две воронки. Дно воронок вдавленный плотный грунт без ила. Если бы мина взорвалась на грунте, то он бы оказался не вдавлен, а разворочен! В одной воронке нашли лист железа. Откуда он взялся, так и не выяснилось.

Донные мины имеют срок годности 6-8 лет и их дееспособность зависит от работы электробатарей. В 1955 году на Черном море провели эксперимент на минных батареях и убедились, что оставшиеся мины - небоеспособны...

Короче: многое, если не все, говорит в пользу взрыва заряда, прикрепленного к днищу или подвешенного под ним.

А теперь интересные детали, неизвестные до поры до времени широкой общественности. Во время приемки советскими моряками в Италии в 1949 году в

итальянской печати появились призывы к патриотам Италии не допустить, чтобы корабль плавал под чужим флагом, и взорвать его. Адмирал Левченко, возглавлявший приемку, был лично предупрежден о возможности диверсии.

Вскоре после гибели "Новоросисйска" слетели со своих постов начальник разведки Черноморского флота генерал-майор Намгаладзе и командир ОВРа (охраны водного района) контр-адмирал Галицкий. А вот наш герой - командир отряда боевых пловцов князь Валерио Боргезе в начале ноября 1955 года получил орден. За что?

...В 1964 году наши моряки некоторое время находились в Алжире, передавая алжирцам боевые катера. Там же в это время работали итальянские офицеры, обучавшие алжирских боевых пловцов своему ремеслу. И один из итальянцев хвастался, что у него есть орден за потопление "Новороссийска"!

Так итальянцы отомстили русским за свое поражение в подводной войне на Черном море.

А начиналось все в 30-х годах, когда Муссолини был на коне, покровительствовал подводникам и особенно молодому князю Валерио Боргезе, нарисовавшему дуче радужную картину победоносной подводной войны и торжества идей итальянского фашизма во всем Средиземноморье. Прошли годы, и князь создал мощную военную организацию, на счету которой - более тридцати кораблей и судов общим водоизмещением 265 тыс. тонн, потопленных в Средиземном и Черном морях с помощью миниподлодок и управляемых человеком торпед. Он умер в 1974-м в Кадисе, Испания, и до самой смерти был непримиримым антисоветчиком и маэстро диверсий. Все-таки все сходится к тому, что гибель "Новороссийска" - дело рук его людей.

Итак, Черный князь людей-торпед раскрывает свои тайны...

Н. Непомнящий

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемая вниманию читателей книга "Десятая флотилия МАС" вышла в Италии в 1950 году.

Автором ее является офицер итальянского военно-морского флота В. Боргезе. Он рассказывает о боевых действиях флотилии, в которых применялись специальные штурмовые средства.

В самом начале книги автор пишет о том, что накануне Второй мировой войны Англия с ее мощными вооруженными силами и развитой промышленностью представляла для Италии серьезную угрозу. Требовалось найти пути и средства борьбы с более сильным противником. Поиски привели к созданию штурмовых средств - нового оружия, способного поражать корабли мощного английского флота в его сильно укрепленных и тщательно охраняемых базах.

К числу надводных штурмовых средств относились катера, взрывающиеся при столкновении с объектом атаки. Имелись также катера, вооруженные одной-двумя обычными торпедами. Подводными штурмовыми средствами являлись сверхмалые подводные лодки и человекоуправляемые торпеды, получившие название "Майяле". Кроме указанных средств, использовались также подрывные заряды (мины), которые прикреплялись к днищам кораблей противника специально обученными подводными пловцами.

В период Второй мировой войны итальянцы проводили атаки на английские корабли в Гибралтаре, бухте Суда (о. Крит), Александрии и Мальте. При помощи штурмовых средств ими было потоплено или повреждено более 30 кораблей и судов общим водоизмещением около 265 тыс. тонн.

Автор книги последовательно рассказывает о боевых действиях флотилии, о ее успехах и неудачах. Сам он как командир подводной лодки, транспортировавшей человекоуправляемые торпеды, являлся непосредственным участником походов к английским базам. В Гибралтаре лодка скрытно проникала в бухту Альхесирас, после чего экипажи управляемых торпед взрывали английские корабли или причиняли им серьезные

повреждения.

Особенно удачным для итальянцев был поход к Александрии и удар (19 декабря 1941 года) по находившимся там английским кораблям. Выпущенным с подводной лодки "Шире" экипажам управляемых торпед удалось подорвать линейные корабли "Куин Элизабет" и "Вэлиент", а также один танкер.

На секретном заседании английской палаты общин 23 апреля 1942 года У. Черчилль вынужден был признать, что после нападения на Александрию в восточной части Средиземного моря сложилась для английского флота весьма неблагоприятная обстановка.

Говоря о неудачах, Боргезе особо выделяет одну из них: она постигла итальянцев при их попытке совершить нападение на английские корабли в базе Ла-Валетта на о. Мальта. Если бы рухнувшая вниз при взрыве ферма металлического моста не преградила путь взрывающимся катерам, то их атака, по его мнению, могла бы принести крупный успех.

Автор сильно преувеличивает значение описываемых им штурмовых средств. Он пишет, что массовое применение их в самом начале войны могло уравновесить силы на Средиземноморском театре. Сильно приукрашиваются автором и действия личного состава флотилии. Надо иметь в виду, что успеху итальянцев во многом способствовала благоприятная для них обстановка. Экипажи управляемых торпед в ряде случаев прибывали в Гибралтар через испанскую территорию, а после выполнения задания их встречали на испанском берегу итальянские агенты и помогали благополучно вернуться в Италию.

Описываемые Боргезе штурмовые средства применяли не только итальянцы. Немцы также пытались применять во время Второй мировой войны управляемые торпеды, но вскоре отказались от этого, ввиду незначительной их эффективности. Об этом сказано в выпущенной в Германии в 1953 году книге "Kampf und Untergang der Kriegsmarine" (автор К. Беккер). В 1954 году в США вышла книга "The Midget Raiders" (авторы С. Уоррен и Дж. Бенсон). В ней говорится о том, как в 1942 году атаки итальянских человекоуправляемых торпед навели англичан на мысль применить это средство против стоявших на обороняемых рейдах германских кораблей. Попытка англичан атаковать в 1942 году германский линейный корабль "Тирпиц" в Тронхеймском фьорде была неудачной. Зато в январе 1943 года они успешно применили человекоуправляемые торпеды против итальянских кораблей в Палермо. Итальянцы потеряли тогда 1 крейсер и 2 торговых судна.

По условиям мирного договора 1947 года, штурмовые средства итальянского флота подлежали уничтожению, а личный состав - демобилизации.

Однако при прямой поддержке агрессивных стран и прежде всего США Италия под разными предлогами сохранила часть штурмовых средств и специалистов. После включения Италии в агрессивный Североатлантический блок командование итальянского флота открыто приступило к подготовке новых кадров, строительству новых и модернизации старых типов подводных и надводных штурмовых средств. Определенные итальянские круги, вставшие на путь военных приготовлений, не желают, видимо, считаться с обязательствами, которые Италия должна была выполнять согласно условиям мирного договора. Поэтому выход названной книги был не случайным явлением. Боргезе, по-видимому, поставил перед собой определенную задачу - представить в красочной форме боевые действия флотилии в минувшей войне и воодушевить подготавливаемых в настоящее время водителей штурмовых средств на новые "подвиги" в будущей войне.

Многое в книге (при критическом отношении к ее содержанию в целом) представляет интерес для российских читателей.

Глава I

КАК ЗАРОЖДАЛОСЬ НОВОЕ ОРУЖИЕ

Причины возникновения. Санкции и враждебность англичан во время войны в Абиссинии. Предшественники: "Грилло" - Пеллегрини и "Миньята" - Паолуччи и Россетти, Тоски и Тезеи. Появление управляемой торпеды. Первые опыты. Школа в Серкио. Первые водители торпед. Появление взрывающегося катера. Герцог д'Аоста. Два потерянных года. Возобновление работ в 1938 году. Командир Алоизи. Усовершенствования 1940 года. Первое

учение, проведенное при участии подводной лодки "Аметиста". Что можно было бы сделать и что не было сделано.

2 октября 1935 года. Италия прокладывает путь к Восточной Африке. Флот находится в боевой готовности, так как события могут развернуться в любой момент. Возможно, мы к этому не готовы, но нас не тревожит перспектива столкновения с английским флотом, самым сильным флотом в мире, поскольку каждый офицер, каждый матрос находится на своем посту и готов выполнить свой долг.

Чтобы изложить историю штурмовых средств и причины их возникновения, я должен обратиться не столько к событиям, связанным с Первой мировой войной, сколько к событиям, предшествовавшим вновь надвигающейся войне, потому что именно последние вызвали необходимость применения нового оружия.

Что могла бы Италия противопоставить англичанам при их попытке сломить ее силой своего мощного флота? В предстоящей воздушно-морской войне мы будем значительно слабее противника. Наши слабости были заранее известны: огромное неравенство в силах как на море, так и в воздухе; меньшие производственные мощности промышленности и возможности снабжения. Мы окажемся запертыми на нашем маленьком и неудобном полуострове, и английская блокада вскоре заставит нас голодать. Как избежать этого? И вот появилась мысль: нужно создать какое-то оружие разрушения, внезапное применение которого в удачно выбранный момент вызвало бы "значительное ослабление морских сил противника в начальный период войны, благодаря новизне средства и решительности атакующих"*.

Такое новое, необычное оружие, которое можно быстро изготовить и немедленно пустить в ход, - оружие, дающее возможность нанести сильные удары противнику в самом начале военных действий, обеспечило бы нам равенство сил или по крайней мере поставило бы нас в менее невыгодные условия. Эффективность этого оружия будет зависеть от неожиданности его применения, т.е. от сохранения в секрете самого факта его существования, однако применение оружия должно быть массовым. Им нужно бить одновременно по многим объектам, так как с раскрытием секрета возможности его использования будут ограничены, а само применение станет значительно более трудным и рискованным.

Тезео Тезеи и Элиос Тоски - два инженер-лейтенанта военно-морского флота с флотилии подводных лодок, находящейся в Специи, уже давно, в течение нескольких лет, занимались этой проблемой. Они с особым интересом изучали материалы, касающиеся работ в области создания и применения нового оружия в годы Первой мировой войны. Так, например, было известно, что капитан 3-го ранга Пеллегрини на торпедном катере "Грилло", оборудованном гусеницами для преодоления боновых заграждений, пытался проникнуть в порт Пола, но в критический момент, когда катер проходил через заграждение, Пеллегрини был схвачен и не смог приблизиться к цели. В 1918 году молодой лейтенант медицинской службы Рафаэле Паолуччи (получивший впоследствии большую известность как хирург) вместе с инженер-капитаном 3-го ранга Рафаэле Россетти положил начало действиям по одиночному проникновению в порт противника. Вот что рассказывает Паолуччи о том, как зародилась его идея:

"В феврале 1918 года я намеревался проникнуть в порт Пола и подорвать один из стоявших там кораблей. Я хотел подойти на моторном катере как можно ближе к входу в порт, перекрываемому боновыми заграждениями, и затем вплавь, буксируя мину, приблизиться к ближайшему, стоявшему непосредственно за заграждениями кораблю типа "Радецкий". Моя мина должна была иметь сигарообразную форму, длину - 160 см, диаметр - около 60 см. Взрывчатое вещество - 100 кг прессованного тротила - должно было находиться в средней части мины, а между ним и носовой оживальной частью - часовой механизм для взрыва детонатора, а следовательно, и для взрыва мины. Подведенной к борту корабля мине нужно было придать вертикальное положение, для чего следовало открыть ее кормовую воздушную камеру. Затем при помощи линя длиною немногим больше четырех метров

подвесить мину под корпусом корабля. После этого оставалось завести часовой механизм с расчетом, чтобы взрыв произошел примерно через час, и повторить уже пройденный путь, на этот раз налегке, без мины, снова перелезть через сетевые и боновые заграждения и здесь ждать результата взрыва. Проплыв несколько дальше, можно было просигналить электрическим фонариком ожидавшему меня итальянскому катеру"*.

От этого примитивного проекта отказались после того, как его автор упорно тренировался по ночам уже в течение месяца. Паолуччи плавал на дистанции до 10 км, буксируя при этом бочку, которая изображала мину. Капитан 1-го ранга Костанцо Чиано приказал Паолуччи объединить свои усилия с Россетти, который с самого начала войны работал над созданием аппарата для проникновения в базу Пола с целью потопления находившихся там вражеских кораблей.

Этот аппарат представлял собой торпеду, двигавшуюся посредством сжатого воздуха и имевшую наружное управление. "К головной части торпеды прочно прикреплялись два заряда, каждый из которых содержал 170 кг тротила. Взрыв осуществлялся при помощи часового механизма. Для автоматического прикрепления зарядов к металлическому корпусу корабля имелось специальное магнитное устройство. Магниты длиной около 20 см и толщиной 6-7 см помещались в специальной выемке внутри каждого заряда. Коснувшись подводной части корпуса корабля, заряды как бы присасывались к нему. Отсоединение зарядов от торпеды производилось чрезвычайно просто. Мощность двигателя торпеды равнялась 40 л.с., что позволяло развивать скорость 3-4 мили в час при дальности плавания с полным запасом сжатого воздуха максимум 8-10 миль"*.

Проведенная Паолуччи и Россетти 31 октября 1918 года операция вошла в золотую книгу морских подвигов. После нескольких месяцев тренировки и окончательной отработки нового оружия они отбыли из Венеции на миноносце "65 PN" вместе с руководившим операцией Костанцо Чиано. Вечером у входа в базу Пола их спустили на воду. Преодолев сильное течение и разного рода заграждения, Паолуччи и Россетти сумели минировать линейный корабль "Вирибус Унитис" водоизмещением 22 000 т. В результате на рассвете 1 ноября произошел взрыв - корабль переломился и затонул.

Этот случай был вдохновляющим примером для Тезеи и Тоски. Товарищи по совместной учебе, следуя общим идеалам, оба они любили свою профессию и отдавали работе все силы. И тот и другой были проникнуты духом здоровых принципов, считали своим долгом и самой высокой честью служить родине.

Тоски - высокий, сильный, хорошо сложенный человек, с открытым, честным лицом, на котором блестят живые и острые глаза. Тезеи - ниже ростом, такой же сильный, но более нервный, с резко очерченным профилем, смягченным глубокими темными глазами, в которых читается зрелость мысли и твердость характера.

Тезеи и Тоски занялись решением технической стороны проблемы. Беря за основу аппарат Россетти, они намеревались создать более совершенное оружие, которое давало бы возможность двум человекам - водителю и его помощнику плавать, двигаться к цели, нападать на нее, находясь под водой, и самим оставаться в живых.

Закрывшись в своей небольшой комнате на базе подводных лодок в Специи, они ночами напролет обсуждали и обдумывали тактические и технические детали. Наконец, мысль облеклась в определенную форму.

"Новое боевое средство, по размерам и по внешнему виду похожее на торпеду, в действительности представляет собой миниатюрную подводную лодку с электрическим двигателем и с рулевым устройством, напоминающим управление на самолетах. Особенно важным новшеством является то, что экипаж этой лодки не находится запертым внутри ее, а размещается снаружи. Два человека подлинные пилоты морских глубин - верхом на маленьком подводном "самолете", едва защищенные от ударов встречной волны овальным щитом из органического стекла, оставаясь совершенно невидимыми среди густого мрака ночи и ориентируясь по светящимся навигационным приборам, могут двигаться и нападать. Экипаж, не связанный в своих действиях стальной коробкой, подвижный, проворный, может

опуститься на морское дно и передвигаться по нему в любом направлении, может разрезать сети и удалять другие препятствия при помощи находящихся в его распоряжении пневматических инструментов, т.е. может преодолевать любое заграждение. Снабженные дыхательными приборами с большим запасом кислорода, члены экипажа могут без какой-либо связи с поверхностью плавать на торпеде под водой на глубинах до 30 м, неся с собой к порту противника тяжелый заряд большой взрывной силы. Совершенно невидимые, вне пределов чувствительности любого ультразвукового прибора, они могут маневрировать внутри гавани, пока не приблизятся к подводной части какого-нибудь большого судна и не прикрепят к нему заряд. От взрыва заряда судно затонет"*.

Законченные расчеты и чертежи проекта были представлены на утверждение, при этом испрашивалось разрешение построить одну или две торпеды для практических опытов. Ответ начальника морского генерального штаба адмирала Каваньяри был незамедлительный и благоприятный. Решено было в кратчайшие сроки построить два опытных образца, для чего выделили 30 рабочих завода подводного вооружения в Сан-Бартоломео (Специя). Поскольку изобретатели не были освобождены от своих основных обязанностей инженер-механиков лодок, они могли заниматься специальным заданием только в свободные от корабельной службы часы. Несмотря на это, после преодоления больших трудностей, используя случайные средства (первый двигатель взяли из деталей разобранного подъемника!), за короткий срок, не свыше двух месяцев, два образца были построены. "Первые испытания прошли удовлетворительно, писал Тоски, - проведенные в холодных водах залива в январе месяце, они дали положительные результаты. Находясь под водой, коченея от холода, мы все же испытывали радость от сознания того, что созданная нами торпеда легко несет нас на себе и послушно бороздит море".

После первой демонстрации было проведено официальное испытание в присутствии представителя морского министерства адмирала Фалангола. Это испытание проводилось в одном из ремонтных доков арсенала в Специи, который в интересах сохранения тайны был оцеплен карабинерами. Несмотря на холод, различные неполадки из-за еще не отработанной окончательно материальной части и ограниченные размеры дока, испытания на маневренность и погружения прошли в соответствии со строгими требованиями. Результаты рассеяли существовавшие до того сомнения и недоверие. В самом деле, эти два настойчивых и смелых человека действительно создали новое боевое средство. В этом нельзя было сомневаться, наблюдая, как их головы то появляются, то бесследно исчезают в мутной воде в зависимости от движения аппарата, невидимого, но, несомненно, послушного и подчиняющегося воле управляющих им людей.

Адмирал Фалангола должным образом оценил преимущества нового оружия и дал разрешение на изготовление некоторого количества торпед, которые вскоре были заказаны. В первые месяцы 1936 года несколько офицеров-добровольцев, обладавших незаурядными физическими и моральными качествами, начали обучаться нелегкому искусству управления торпедой. Хочу напомнить их имена. Кроме Тоски и Тезеи, новое оружие осваивали старший лейтенант Франдзини, лейтенант Стефанини и гардемарин Чентурионе.

Это было зародышем того, что затем стало 10-й флотилией МАС, предназначенной заниматься вопросами исследования, строительства, обучения и боевого применения штурмовых средств итальянского военно-морского флота.

Но не все проходило гладко и спокойно. Новое изобретение неизбежно встретило противодействие, недоверие и скептицизм. С одной стороны, были фанатики, сторонники прогресса, которые считали, что флоты - уже пройденный этап, что они не могут существовать при наличии нового оружия. С другой стороны, были консерваторы, полагавшие, что в будущем, как и в прошлом, только корабельная артиллерия сможет разрешать проблему превосходства на море. "Что могут, - спрашивали они, - сделать два человека, погруженные в холодную воду и мрак ночи, при наличии непреодолимых средств обороны морской базы, в которой стоят на якоре корабли флота? Следует ли тратить время и деньги и отвлекать офицеров (в которых ощущался большой недостаток из-за

несоответствия штатов растущим потребностям флота) для обучения новому делу, которое вряд ли даст хорошие результаты?" Можно ли удовлетворить желание двух молодых офицеров военно-морской инженерной службы стать первыми водителями созданных ими торпед в операциях будущей войны? Согласно уставу, это категорически запрещалось. Управляемая торпеда являлась боевой единицей итальянского королевского военно-морского флота, а право быть командиром любого корабля является привилегией офицеров строевой службы. Офицеры инженерной службы могли проектировать торпеду, но не могли выполнять командных функций.

Итак, первый маленький отряд водителей управляемых торпед формировался под командованием капитана 2-го ранга Каталано Гонцага из флотилии подводных лодок, дислоцирующейся в Специи, а изобретатели Тоски и Тезеи на своих подводных лодках часто находились в плавании, вдали от места дислокации флотилии. Они могли заниматься усовершенствованием своего изобретения и обучением офицеров только в те немногие часы, которые оставались свободными от их основной службы.

В устье реки Серкио, в имении герцогов Сальвиати, вдали от всех дорог, от всякого любопытного взгляда, среди столетних сосен, спускавшихся почти к самому берегу моря, сначала в палатках, а потом в крестьянских домах размещалась учебная база управляемых торпед. Здесь, на лоне величественной и красивой природы, проводилась молчаливая, скрытная, кипучая и упорная деятельность горсточки моряков, которым в один прекрасный день предстояло действовать против кораблей британского флота и своей отвагой заслужить безграничное восхищение всего мира.

Тем временем генерал авиации герцог Амедео д'Аоста из тех же побуждений, которыми руководствовались Тезеи и Тоски, решил достигнуть таких же результатов, но совершенно иными средствами. По его мнению, сразу же после начала военных действий следовало на летающих лодках доставить к базам противника маленькие, быстроходные катера, несущие заряд взрывчатого вещества. Эти катера после спуска их на воду должны были проникать в порт и производить атаку кораблей противника. Атаку следовало прикрывать ударом авиации, отвлекающей внимание средств обороны. Свою идею герцог д'Аоста сообщил брату Аймоне - адмиралу и страстному любителю водно-моторного спорта. Тот заинтересовался ею, и при участии инженеров-специалистов (Джорджис - по корпусам, Гуидо Каттанео - по механической части кораблей) быстро построил два образца катера, отвечающего по размерам и весу особым требованиям, которые имелись в виду при проектировании. Катер имел очень легкий корпус (деревянный набор, обтянутый плотным брезентом) и подвесной мотор. В носовой части помещался заряд взрывчатого вещества, который при ударе катера о корабль противника должен был взорваться и потопить его. Рулевой, убедившись в точности наведения катера на цель, выбрасывался в море за несколько секунд до столкновения.

Так появился первый штурмовой моторный катер, из которого после многих переделок и усовершенствований получилось прекрасное боевое средство, принесшее нам блестящую победу в бухте Суда.

В связи с окончанием войны в Африке, быстро завершившейся поражением Эфиопии и провозглашением империи, ответственным военным руководителям показалось, что обстановка улучшилась и угроза нараставшего европейского конфликта значительно уменьшилась. В результате небольшое, недавно созданное подразделение, осваивавшее новое специальное оружие, было молча расформировано. Это явилось большой ошибкой, последствия которой мы ощутили в самом начале войны с Англией. Мы не должны были допускать такой ошибки, имея в виду, что укрепление наших позиций в Восточной Африке не только не могло уменьшить недружелюбия Англии по отношению к нам, но еще больше усиливало его.

Получилось так, что с конца 1936 до 1938 года сравнительно небольшое количество нового оружия, требовавшего еще окончательной доработки в целях его совершенствования, было заперто на складах, хорошо укрытых от любопытных взглядов. Немногие добровольцы,

уже подготовленные для смелой деятельности, казавшейся одно время неминуемой, были использованы по другому назначению. Технические исследования и соответствующая подготовка планов - прекращены.

В 1938 году командиром 1-й флотилии быстроходных МАС* в Специи был назначен энергичный офицер, капитан 2-го ранга Паоло Алоизи, которому министерство поручило заниматься специальными средствами. Получив со складов старую материальную часть, он энергично взялся за усовершенствование. Примитивная управляемая торпеда Тоски и Тезеи была значительно улучшена, а катера с брезентовой обшивкой заменены другими с полностью деревянными корпусами. Алоизи активно помогал инженер Каттанео; работа велась на верфи Бальетто в Варацце.

Только в июле 1939 года, ввиду быстрого ухудшения международной обстановки и совершенно очевидного приближения европейского конфликта, морской генеральный штаб отдал следующее распоряжение: "Командованию 1-й флотилии МАС поручается организовать обучение группы личного состава применению специальных средств и провести под наблюдением адмирала Гойран несколько опытов и испытаний в целях улучшения и окончательной отработки этих средств".

После этого, в первые месяцы 1940 года, получившие ранее опыт водители торпед периодически направлялись в Серкио, однако основные должности на кораблях за ними сохранялись. В учебную группу Тоски, в которую входили Тоски, Тезеи, Стефанини, Каталано, Центурионе, включили также офицеров: де Джакомо, ди Доменико, Веско, Виринделли, Бертоцци, де ла Пенне и Алоизи.

Начальник морского генерального штаба адмирал Каваньяри, которому тем временем был показан документальный фильм о новых взрывающихся катерах, учитывая потенциальные возможности нового оружия, приказал построить 12 катеров и в оперативном отделе штаба создать бюро по изучению специальных средств под руководством капитана 1-го ранга де Паче. Таким образом, новая идея начала постепенно принимать конкретную форму.

Алоизи, как бы пробудивший новое оружие от летаргического сна, много сделал для его совершенствования. Формируя первое подразделение и организуя обучение личного состава, он стремился главным образом к тому, чтобы ослабить недоверие и сломить сопротивление многих лиц, усматривавших в факте сформирования отряда если не бесполезную трату сил, то благоприятные возможности для кое-кого уклоняться от строгой службы и жить в свое удовольствие. И хотя в высших военных кругах укреплялась мысль о решительном использовании в самый начальный момент войны этого оружия как фактора, определяющего исход конфликта, из-за двух потерянных лет не были готовы ни материальная часть, ни личный состав. Между тем события неумолимо надвигались, а следовательно, и приближался день испытания нового оружия.

В начале 1940 года я получил возможность лично познакомиться с группой водителей управляемых торпед. В то время я командовал подводной лодкой "Аметиста", которая была выделена для первого учения с применением таких торпед. О транспортировке их самолетами уже не думали. Нехватка морской авиации, отсутствие действенного, тесного сотрудничества между флотом и авиацией заставили отказаться от этого способа. (Один из примеров того, как в результате отсутствия согласованности в действиях снижались возможности наших вооруженных сил.) Самолет был заменен подводной лодкой.

"Аметиста" вышла в море, имея на борту командующего Верхне-Тирренским морским округом адмирала Гойрана, офицеров де Паче и Алоизи, а также весь личный состав нового отряда. Три торпеды были закреплены на палубе. Южнее острова Тино, в заливе Специи, с подводной лодки, находившейся в позиционном положении, начался выход водителей торпед. Высвободив торпеды, они сели на них верхом - по два человека на каждую, и мы увидели, как три маленьких "суденышка" быстро пропали в темноте ночи. Некоторое время еще виднелись шесть черных точек - головы, едва показывавшиеся над водой, но скоро исчезли и они. Водители торпед должны были, приблизившись к порту, проникнуть в

восточные ворота и атаковать стоявший на рейде корабль "Куарто". Учение продолжалось всю ночь. На рассвете задачу выполнил один из трех экипажей (у других торпед оказались механические неполадки); к подводной части корабля прикрепили сильный заряд (имитация). В условиях настоящей войны корабль наверняка был бы либо уничтожен, либо серьезно поврежден. В этом учении применили систему радиосвязи на ультракоротких волнах. С подводной лодки водителям торпед, снабженным приемниками, указывался путь возвращения по выполнении операции. Связь себя не оправдала, и от нее отказались. Да и сами водители торпед настаивали на этом. Они считали, что возвращение на лодку не следует даже планировать. Водители должны заранее знать, что с момента спуска торпед на воду всякая связь с лодкой прерывается. О спасении не следует даже думать, нужно все силы использовать для того, чтобы любой ценой выполнить задание. Этот принцип особенно отстаивал участвовавший в ночном учении Тезеи, доходя до фанатизма. "Исход операции, - говорил он, - не самое главное. Важно то, что есть люди, готовые умереть и действительно умирают, жертвуя собой. Последующие поколения будут брать с нас пример и черпать силы для того, чтобы побеждать". Этими словами Тезеи как бы предсказывал свою гибель. Своей решимостью он завоевал большой авторитет среди товарищей по отряду, которые считали его не только опытным техником, но также своим вожаком и совестью.

Как первое, так и последующие учения, в которых я принимал участие, произвели на меня глубокое впечатление. Будучи достаточно опытным специалистом по подводному оружию, а также дипломированным водолазом, я хорошо представлял себе возможности нового боевого средства. Применение этого оружия, несомненно, было связано с трудностями, но при помощи его люди с высокими физическими и моральными качествами, действуя на пределе человеческих сил, выносливости и воли, могли выполнять то, что по своей неожиданности ни с чем несравнимо. Имея управляемую торпеду и взрывающийся катер, итальянский флот, и только он один, владел средствами, которые могли бы при внезапном и массовом применении их, одновременно в различных портах, принести Италии весьма ощутимую победу в самом начале военных действий. Эта победа уравняла бы потенциальные возможности противостоящих флотов.

Взрывающийся катер был настоящим штурмовым средством, тогда как к управляемой торпеде больше подходило название "коварное средство". Сами названия показывают, сколь противоположными были требования, предъявляемые к добровольцам одного и другого видов оружия. Насколько для одного нужна стремительность, настолько для другого - сдержанность. Один собирает все свои силы, чтобы использовать их в течение нескольких секунд, другой должен расходовать их часами; один в решительный момент смело бросается навстречу противнику, которого он видит, другой движется во мраке морских глубин, руководствуясь показаниями светящихся приборов, и определяет цель, только нащупывая голыми руками днище корабля противника; наконец, один подобен стрелку, попавшему под перекрестный огонь противника и выскакивающему из окопа в атаку с ручной гранатой или со штыком, другой - минер, прокладывающий через препятствия дорогу в неприятельских водах; он окружен ловушками и опасностями, доверился весьма уязвимому механизму и защищен от леденящего холода морской воды только легким комбинезоном из прорезиненной ткани.

Нужны были разные люди с различными характерами, разные методы подготовки.

Однако их общими отличительными признаками являлись: высокие моральные качества, твердость характера, решительность и смелость, презрение к опасности, серьезность намерений, беззаветная преданность родине.

Взрывающиеся катера находились в Специи, при школе, где люди изучали моторы, управление катером, навигацию, способы преодоления препятствий и осуществления атак. Управляемые торпеды имелись в Серкио, где обучали пользоваться кислородно-дыхательным прибором под водой, управлению торпедой, навигации, преодолению препятствий при помощи сетепрорезателя или сетеподъемника и, наконец, подготовке взрыва корабля.

Таков был в начале 1940 года этот маленький отряд офицеров и матросов. Люди обладали прекрасными личными качествами, но у них не хватало средств, не было еще достаточно ясного представления о реальных возможностях нового оружия, высказывались сомнения успешности его применения и, наконец, отсутствовал перспективный план. Так закрывался путь к большому успеху Италии, который мог бы изменить, а может быть, и повернуть весь ход войны. Утверждение о том, что своевременный массированный удар в начале военных действий имел бы полный успех, подтвердилось результатами применения в середине войны наших еще несовершенных средств против английского флота в его хорошо укрепленных базах, т.е. когда уже существовали действенные меры предосторожности и защиты. И даже после того как англичане завладели нашим новым оружием и оно для них не составляло больше секрета, их корабли в Александрии и Гибралтаре много раз подвергались нападениям, дававшим положительные результаты.

Не из любви к полемике мы вспоминаем о совершенных ошибках и упущенных возможностях, а только потому, что история должна быть написана объективно для будущих поколений. Они должны учиться на ошибках предшественников и не повторять их.

Глава II

ШТУРМОВЫЕ СРЕДСТВА

Описание специальных средств. Сверхмалая подводная лодка типа СА. Управляемая торпеда SLC и ее применение. Торпеда Сан-Бартоломео SSB. Взрывающийся катер MTM. Однотипный ему MTR, перевозимый на подводной лодке. Торпедный катер MTS и однотипные ему MTSM и SMA. "Миньятте", "Чимичи" и "Баулетти"*, применяемые боевыми пловцами.

В ходе войны штурмовые средства итальянского флота подвергались различным изменениям и усовершенствованиям, которые вызывались тем, что противник противопоставлял средствам нападения, по мере ознакомления с ними, все новые и новые средства защиты.

Основными видами штурмовых средств были:

1. Сверхмалая подводная лодка типа СА водоизмещением около 12 т, построенная фирмой "Капрони" по первоначальной модели, относящейся к периоду войны 1915-1918 гг. Она была вооружена двумя торпедами (диаметр 450 мм) и имела экипаж из двух человек. По идее Анджело Беллони, предусматривалось использование такой лодки для проникновения в подводном положении в порт противника и высадки диверсантов - боевых пловцов с целью минирования кораблей.

Достижения техники в области средств подводного поиска, большие расстояния от наших исходных баз до баз противника (в отличие от обстановки в предыдущей войне), незначительная автономность подводной лодки СА и появление управляемой торпеды - более подвижного, обладающего лучшими тактико-техническими данными для проникновения в порт противника, и более экономичного оружия, заставили отказаться от указанной выше идеи применения подводной лодки. Такие лодки готовились использовать для удара по кораблям в порту Нью-Йорк, но этому помешало заключенное перемирие.

Было также построено несколько подводных лодок типа СВ, более мореходных и обладавших значительно большей автономностью. Они имели водоизмещение 30 т и экипаж 4 человека. Эти лодки успешно действовали на Черном море, но не в качестве штурмовых средств.

2. Тихоходная управляемая торпеда SLC, названная "Майяле" (проект Тезеи - Тоски). "Майяле" - это разновидность торпеды длиной 6,7 м, диаметром 53 см, на которой верхом располагались два человека: впереди водитель (обычно офицер), позади его - помощник, как правило, квалифицированный водолаз, их ноги упирались в подножки; установленный перед водителем козырек из стекла служил волноотводом. Максимальная скорость хода торпеды не превышала 2,5 мили в час; радиус действия - около 10 миль; глубина погружения - до 30 м (предел, который в боевых операциях часто превышали); погружение и всплытие осуществлялись заполнением и продуванием цистерн. Двигатель - электрический, который

обеспечивался энергией от аккумуляторной батареи, состоящей из 30 элементов общим напряжением в 60 вольт. Он мог давать 4 скорости хода, которые регулировались посредством маховичка, связанного с реостатом. Управление рулями осуществлялось так же, как на самолетах. На приборной доске перед водителем имелись контрольные приборы: глубиномер, магнитный компас, вольтметр, амперметр, манометр, показывающий давление в цистернах, и дифферентометр. Все контрольные приборы - светящиеся, чтобы можно было пользоваться ими ночью в подводном положении.

Рассмотрим теперь "Майяле" с носа до кормы. Головная часть - зарядное отделение, содержащее 300 кг взрывчатого вещества, соединено с корпусом торпеды посредством муфты и может легко отделяться. Далее в корпусе находится носовая дифферентная цистерна и над ней - сиденье для водителя, защитный козырек и доска с приборами управления и контроля. В средней части торпеды помещаются аккумуляторные батареи и электромотор, а над ними цистерна быстрого погружения и воздушный патрубок с клапаном. Продувание цистерны производится сжатым воздухом из баллона, расположенного сзади нее. Затем имеется сиденье для второго члена экипажа, который спиной прислоняется к ящику с рабочим инструментом (пневматические сетеподъемник и сетепрорезатель, ножницы, зажимы, именуемые "сержантами", для подвески зарядного отделения под килем корабля противника, достаточной длины трос, намотанный на доску, который на нашем языке называется "подъемник"). Дальше в корпусе торпеды помещается кормовая дифферентная цистерна, отделение гребного вала, гребной винт с оградительной решеткой, горизонтальный и вертикальный рули.

Водители торпед надевали специальные водолазные костюмы из прорезиненной ткани, полностью закрывающие тело, за исключением головы и кистей рук. Костюм Беллони (по имени изобретателя Анджело Беллони) представляет собой герметический комбинезон, надеваемый через отверстие в средней его части, закрываемое затем искусно придуманной водонепроницаемой застежкой. Для дыхания под водой каждый член экипажа имеет кислородно-дыхательный прибор, рассчитанный на шестичасовое действие. Кислород поступает из стального баллона в резиновую сумку, а оттуда - через гофрированную трубку в маску. Выдыхание происходит через ту же трубку в патрон, который поглощает выдыхаемый углекислый газ.

Теперь посмотрим, как применяется эта материальная часть. Представим себе, что мы находимся внутри большой подводной лодки - носителя. Наши торпеды помещены на палубе в специальных герметических цилиндрах. После нескольких дней плавания подходим к району базы, где намереваемся произвести атаку. Подходим возможно ближе, насколько позволяют естественные препятствия и средства обороны базы.

Выйдя из лодки через люк и очутившись на палубе, каждый экипаж извлекает свою торпеду из цилиндра и проверяет ее, чтобы удостовериться в отсутствии повреждений за время перехода. Если все в порядке, то, включив двигатель и следя за светящейся стрелкой компаса, экипажи с максимальной скоростью хода торпеды двинутся заранее намеченным курсом к входу в гавань. Вначале, в целях ориентировки, водители будут держать головы над водой и дышать наружным воздухом. Это позволяет сохранять силы, что очень важно, так как иногда при длительном пользовании кислородным прибором люди теряют сознание.

По мере приближения к зоне наблюдения часовых противника скорость хода торпед уменьшается. Если возникает опасность быть обнаруженным сторожевым катером или потребуется ускользнуть от луча прожектора, то, используя цистерну быстрого погружения, экипаж скроется под водой, продолжая сближение. И вот торпеда ударяется в сетевое заграждение. Если можно, она пройдет под заграждением, в противном случае будет сделан проход при помощи сетеподъемника или сетепрорезателя. Наконец она в гавани. Движемся к предназначенной цели малым ходом, чуть высовывая над водой голову (глаза на уровне воды). Расположение цели хорошо известно, а следовательно, и курс подхода, силуэт же цели тщательно изучался заранее.

Вот и корабль. Как происходит атака? Хочу рассказать об этом словами одного

человека, неоднократно участвовавшего в подобных операциях:

"Вы видите силуэт вашей цели; она как скала возвышается на фоне неба. Об этом вы мечтали месяцами, готовились к этому годами. Настали решающие минуты. Успех означает славу, неудача - потерю исключительной возможности. Держа глаза на уровне воды, приближаетесь к цели на расстояние до 30 м. Может быть, какой-нибудь свет на палубе, яркая вспышка спички, поднесенной к сигарете, или отрывок песни из помещений команды напомнят вам, что вы собираетесь погубить людей. Ложитесь на курс по компасу, открываете цистерну быстрого погружения и скрываетесь под водой.

Кругом холод, мрак и тишина. Погрузившись на достаточную глубину, закрываете клапан цистерны, даете малый ход и скользите вперед. Неожиданно темнота сгущается: значит, вы уже под кораблем. Останавливаете мотор и открываете клапан продувания цистерны быстрого погружения. Во время всплытия держите одну руку над головой и думаете о том, чего коснетесь гладкой листовой стали или острых зубьев, которые могут повредить пальцы, или, еще хуже, разорвать резиновый комбинезон, и вода проникнет внутрь его.

Вот и киль. Теперь вы отталкиваете торпеду назад так, чтобы ваш помощник мог ухватиться за боковой киль, который имеется на каждом борту любого большого корабля. Чувствуете слабый толчок в спину: это помощник подает знак, что нашел боковой киль и закрепляет зажим. Два толчка в спину - зажим закреплен. Теперь вперед, чтобы добраться до бокового киля другого борта. Помощник протягивает трос от одного бокового киля до другого и прикрепляет к последнему второй зажим. Снова назад, вдоль натянутого под днищем троса, до киля. В то время как вы руками держитесь за трос, а ногами удерживаете торпеду, помощник оставляет свое место и проходит мимо вас к зарядному отделению торпеды. Хотя и темно, но вы знаете, что он отсоединяет зарядное отделение и подвешивает его на тросе, протянутом под днищем корабля.

Наконец, работа закончена; начинает отсчитывать секунды часовой механизм взрывателя, который сработает через два с половиной часа. Помощник возвращается на свое место. Три толчка в спину - все сделано. Включаете мотор, уходите из-под корабля и плавно поднимаетесь наверх. Теперь можно подумать и о своем спасении".

Просто, не правда ли?

Позднее мы увидим, как в действительности развертывались события и какие на самом деле трудности встречали водители управляемых торпед, которые часто добивались успеха. Но, прежде чем рассказывать об этих событиях, насыщенных драматическими моментами, мы хотели показать вам действия, протекающие в исключительно благоприятных условиях. Даже простое их описание может дать читателю представление о том, с какой оценкой должен подойти к себе каждый, кто добровольно вызвался действовать ночью в открытом море, за тысячу километров от собственных баз, от своего дома; в легком костюме из прорезиненной ткани, верхом на хрупком аппарате, с ужасным грузом - в 300 кг взрывчатого вещества, чтобы под водой проникнуть внутрь гавани и своими руками заложить или подвесить заряд под корпус вражеского корабля.

Это оружие было применено в Гибралтаре, на Мальте, в Алжире и принесло Италии большую победу в Александрии.

3. Торпеда SSB. Это усовершенствованная модель торпеды SLC. Она имела значительно большую глубину погружения, автономность, скорость хода и лучшую мореходность. Изготовленная в секретном цехе завода в Специи по проекту майора Марио Машулли и при содействии капитана Травальини, она так и не была использована во время войны. Намеченное применение ее не осуществилось в связи с заключением перемирия.

4. Катер МТМ* ("взрывающийся катер"). Ширина - 1,90 м, длина - 5,20 м, мотор - "Альфа Ромео" 2500 л.с., скорость хода - 32 мили в час. Автономность при максимальной скорости хода - 5 часов. Комбинированный винт-руль составляет внешний блок, как у подвесного мотора. При преодолении заграждений, чтобы не задеть их, он легко поднимается. В передней части моторного катера находится заряд взрывчатого вещества

весом в 300 кг с ударным и гидростатическим взрывателями. Катером управляет один человек. Осторожно преодолев препятствия и противоторпедные сети, он определяет курс к объекту атаки и наводит на него катер. Затем дает полный ход, закрепляет руль и тотчас выбрасывается в море. Чтобы не быть в воде в момент взрыва, он быстро взбирается на спасательный деревянный плотик, служивший на катере заспинной доской (плотик выбрасывается в море поворотом рычага, перед тем как покинуть катер). Катер, продолжая свой путь, ударяется о цель, в результате чего взрываются пороховые заряды, расположенные кольцом вокруг корпуса катера, разрезая корпус надвое. Кормовая часть отделяется от носовой и быстро тонет. В то же время носовая часть с основным зарядом, достигнув установленной глубины, равной осадке корабля, взрывается под действием гидростатического давления. От взрыва в подводной части корабля образуется большая пробоина.

Этими штурмовыми катерами и были произведены атаки в бухте Суда и на Мальте.

5. Моторный катер MTR*. Имеет те же данные и особенности применения, что и предыдущий, но он меньших размеров для того, чтобы его можно было помещать в цилиндр для перевозки на подводной лодке.

6. Торпедный катер MTSM. Предназначен для нападения на корабли, находящиеся не только в гавани, но и в открытом море, в движении. Размеры: длина - 7 м, ширина - 2,3 м. Два мотора (2500 л.с. "Альфа Ромео"), расположенных по бортам, позволяют катеру развить скорость хода около 30 миль в час. Торпеда диаметром 450 мм находится в специальном торпедном аппарате, расположенном в диаметральной плоскости катера. Она выстреливается с кормы сжатым воздухом. Погрузившись в воду, торпеда начинает свой путь, меняя направление движения и проходя под корпусом катера. Две специальные мины с гидростатическим взрывателем дополняли вооружение катера, являясь единственным средством защиты от преследующих его кораблей. Катер MTSM имел экипаж из двух человек: первый и второй рулевые. Он являлся модификацией катеров типа MTS (один мотор и две торпеды), которые участвовали в операциях в Санти Куаранта и в Порто Эдда. К концу войны был создан еще один тип катера - SMA. Катера MTSM широко применялись на Черном море в "колонне Моккагатта", в Северной Африке в "колонне Джоббе", в Тунисе, Сицилии, Сардинии.

7. "Миньятта" или "Чимиче". Подрывной заряд небольших размеров весом 2 кг, присоединяемый к подводной части корабля путем присасывания. Четыре или пять таких зарядов носил на поясе "боевой пловец", снабженный небольшим кислородным аппаратом, который позволял работать под водой в течение 40 минут. Заряд имел взрыватель с часовым механизмом.

"Боевой пловец" - это морской диверсант. В специальном плотно облегающем тело прорезиненном комбинезоне может проплыть 6-7 тыс. м со скоростью 1500 м/час и незаметно, не вызывая подозрений, приблизиться к кораблю противника. Невидимо и неслышно двигается он под водой, под днищем корабля. Движение облегчают резиновые ласты, надетые на ноги. На голове у пловца сетка, к которой прикреплены водоросли или другие предметы, маскирующие его.

8. "Баулетти". Это усовершенствованный "Чимиче", т.е. подрывной заряд, в корпусе которого помещается 4,5 кг очень сильного взрывчатого вещества. Пловец присоединяет заряд к боковому килю корабля двумя зажимами. Чтобы взрыв произошел не в порту, а в открытом море, заряды имеют взрыватели, устанавливаемые не только "на время", но также "на расстояние". Взрыватель представляет собой маленький винт, приводимый в действие в море от движения судна и только после того, как скорость хода превысит пять миль. После некоторого установленного числа оборотов, соответствующих определенному отрезку пути, винт освобождает стопор часового механизма, что вызывает взрыв. Когда в целях борьбы с этим оружием англичане начали широко применять своеобразный метод, протягивая стальной трос по днищу кораблей, заряд стали снабжать дополнительно защитной скобой, по которой трос скользил, не зацепляясь. В дальнейшем, когда англичане начали

систематически обследовать подводную часть своих кораблей при помощи водолазов и подводных пловцов, был применен механизм, вызывавший взрыв при отвинчивании зажимов с целью отделить заряды от корпуса судна.

Было исследовано много других типов штурмовых средств, изготовлялись опытные образцы. Однако я считаю ненужным описывать их, поскольку они не применялись, а также по ряду других причин. Очень много "изобретений" поступило к нам во время войны от частных лиц. В большинстве своем "изобретения" сумасбродные и неосуществимые. Только очень немногие можно было как-то использовать для усовершенствования морских средств нападения.

В общем, подобного рода изобретательность не принесла пользы этой отрасли военного производства.

Все описанные выше средства имели ограниченный радиус действия и требовали предварительной транспортировки к району, где находились объекты атаки. В связи с недостатком самолетов, которые во многих случаях были бы идеальным транспортным средством, пришлось переоборудовать некоторые корабли, в частности эскадренные миноносцы и подводные лодки, приспособив их для транспортировки штурмовых средств. Миноносцы со специальным оборудованием (кильблоки на палубе, электрокран для спуска на воду) оказались подходящими для транспортировки взрывающихся катеров, а некоторые подводные лодки были приспособлены для перевозки управляемых торпед. Такие торпеды помещались в находящиеся на палубе лодки - большие герметически закрытые металлические цилиндры с легко открывающимися дверцами.

Пловцов, снабженных "Миньятте" или "Баулетти", можно было доставить к объектам атаки различными средствами: одни высаживались с обычных или торпедных катеров, другие - с подводных лодок. В некоторых случаях, когда позволяли обстоятельства, они действовали с побережья нейтральных стран.

Глава III

МЫ ВОЮЕМ.

ПЕРВЫЙ ПОХОД ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ "ИРИДЕ" В АВГУСТЕ 1940 ГОДА

Вступление в войну. Штурмовые средства не подготовлены к событиям. Школа боевых пловцов и командир Беллони. Военная тайна. Поход подводной лодки "Ириде" к Александрии. Торпедирование "Ириде" самолетом-торпедоносцем в заливе Бомба. Спасение заживо погребенных. Печальный итог.

10 июня 1940 года Италия вступила в войну против Англии и Франции на стороне Германии, которая имела с Россией договор о ненападении. Естественно, что итальянский флот испытывал всю тяжесть английского превосходства на море, все более ощущаемую, поскольку задача флота заключалась в обеспечении непрерывного снабжения вооружением и людьми нашего фронта в Ливии.

Как же мы начали войну? Как использовалось преимущество выбора нами момента вступления в войну? Каковы были наши планы ведения военных действий? Учитывали ли они элементы быстроты и внезапности и как мы использовали преимущества внезапности? В действительности оказалось, что в военном отношении мы находились на прежних исходных позициях, с ранее существовавшим соотношением сил. Ни плана действий, ни цели. Мы выжидали.

На французском фронте мы держали оборону; на ливийском фронте велись лишь незначительные действия мелких разведывательных групп (Египет в то время почти совершенно не защищался английскими войсками); Мальта английская военная морская база (расположенная в центре Средиземного моря на пути из Италии в Ливию), нейтрализация которой должна была бы в течение многих лет быть объектом изучения и планов генеральных штабов, средства воздушной обороны которой состояли на 10 июня 1940 года из 4 самолетов "Гладиатор", не потревожена. Английский флот на Средиземном море, разделенный между базами Гибралтар и Александрия, был недоступен.

Таковы факты. Кто несет за это ответственность, установят будущие историки*.

На штурмовых средствах при вступлении в войну также отразилась эта общая ситуация. Из нескольких десятков людей был создан маленький отряд, располагавший весьма незначительным количеством оружия, еще не отработанного окончательно. Многие недостатки в материальной части и организации восполнялись в пределах человеческих возможностей упорством, уверенностью, стойкостью и решительностью добровольцев - людей, для которых не было непреодолимых препятствий, трудностей и опасностей.

Столкнувшись с необходимостью набора и обучения добровольцев, командование 1 сентября 1940 года организовало наконец в С. Леопольдо, вблизи от военно-морского училища в Ливорно, школу подводных пловцов, идею создания которой тщетно защищал уже много лет Беллони, один из тех в Италии, кто посвятил себя изучению подводного дела. Несмотря на преклонный возраст и полную глухоту, он был призван на военную службу, назначен начальником учебной части школы и техническим советником отряда "коварных" средств. Сюда принимались по личному желанию офицеры всех видов вооруженных сил, унтер-офицеры и матросы всех категорий. Здесь обучали пользоваться кислородно-дыхательным аппаратом, позволяющим часами находиться под водой, без ограничения свободы передвижения в отличие от обычного водолаза, получающего воздух с поверхности от насоса, с которым он связан посредством резинового шланга.

В процессе обучения происходил первый строгий отбор. Всякого, кто не вызывал уверенности в том, что он обладает высокими физическими или моральными качествами и твердостью характера, вскоре возвращали из школы в часть как "подготовленного специалиста-водолаза". Для кандидата в водители штурмовых средств после наведения тщательных справок о его прошлом, о семье, о личных мотивах, толкнувших его подать заявление (денежные затруднения, разочарование в любви, семейные раздоры - мотивы, достаточные для того, чтобы забраковать кандидата), наступал самый ответственный момент: непосредственная беседа с командиром отряда, который ставил обучающемуся вопросы, чтобы узнать его внутреннюю жизнь, идеи и характер. После тщательного медицинского осмотра командир на основе своих впечатлений, ознакомления и изучения людей, исходя из своего личного опыта и служебной практики, давал окончательное заключение. Затем в соответствии с психофизическими данными кандидата его направляли либо в надводный, либо в подводный отряд.

Начинался долгий курс обучения (опыт показывал, что для подготовки хорошего водителя управляемой торпеды требовалось не менее года), чтобы постепенно выработать у добровольца профессиональные навыки и прежде всего воспитать в нем "готовность пойти на все", которая уже была свойственна его старшим товарищам по оружию.

Сохранение в абсолютной тайне не только всего, что касалось вооружения, учений, численности и дислокации отряда, фамилий товарищей и начальников, но даже и своей принадлежности к отряду, было первым требованием к добровольцам и первым испытанием, которому они подвергались. Никто не должен был знать о фактической специальности, которую доброволец выбрал для себя, даже родители, даже невеста. Имея в виду характерную для итальянцев склонность болтать и хвастаться своей осведомленностью, можно представить, какие особые качества требовались от этих молодых людей. Ведь итальянец способен скорее жертвовать жизнью, чем обрекать себя на молчание. Однако это достигается обучением, примером и тренировкой. Мне кажется, во время войны среди добровольцев штурмовых средств не было ни одного, который дал бы повод для замечаний за болтливость как в Италии, в течение долгих месяцев подготовки и ожидания, так и в плену во время непрерывных допросов.

В Серкио готовилась первая боевая операция с применением штурмовых средств. Каждый человек в отряде чувствовал все нарастающее напряжение.

Действия экипажей управляемых торпед против кораблей английского флота, обычно стоявших тогда на якоре в базе Александрия (два линейных корабля и один авианосец) , должны были проводиться в ночь с 25 на 26 августа 1940 года, когда взойдет луна.

Подводная лодка "Ириде" должна была выйти из Специи в залив Бомба (западнее

Тобрука) для того, чтобы принять там с миноносца "Калипсо" управляемые торпеды и их экипажи. Торпеды были те же самые, которыми пользовались при обучении, но тщательно отрегулированные (новые, боевые торпеды, находились еще в постройке). В заливе Бомба их следовало перегрузить на подводную лодку и закрепить на палубе на специальных блоках.

После испытаний на погружение с торпедами на борту "Ириде" должна была вечером 22 августа выйти к Александрии, рассчитав путь так, чтобы в ночь на 25 августа быть в 4 милях от базы. Поскольку управляемые торпеды рассчитаны на давление воды максимум на глубине 30 м, постольку лодка не могла погружаться на большие глубины. Это было очень серьезным ограничением, так как прозрачность воды позволяла воздушной разведке противника обнаруживать подводные лодки даже на глубине 50 м. Получив по радио из Рима подтверждение, что корабли английского флота, согласно данным авиаразведки, стоят на якоре в базе, "Ириде" должна была спустить торпеды с экипажами, которым следовало проникнуть в гавань. На борту лодки должны были находиться 5 экипажей - по одному на каждую управляемую торпеду и один резервный. Для участия в операции были назначены: водитель Джино Биринделли с водолазом Дамос Пассаньини; водитель Тезео Тезеи с водолазом Алчиде Педретти; водитель Альберто Франции с водолазом Эмилио Бьянки; водитель Элиос Тоски с водолазом Энрико Лаццари. В резерве остались водитель Луиджи Дюран де ла Пенне и водолаз Джованни Лацларони.

Подводной лодкой "Ириде" командовал старший лейтенант Франческо Брунетти. Руководил операцией капитан 3-го ранга Марио Джорджини, принявший перед началом военных действий командование 1-й флотилией МАС и отрядом специальных средств.

"Ириде" (которую я хорошо знал, так как в 1937 году во время войны в Испании плавал на ней) прибыла благополучно в залив Бомба утром 21 августа; вскоре там же встал на якорь миноносец "Калипсо", имея на борту управляемые торпеды и их экипажи. В заливе уже стояли моторное судно "Монте Гаргано" под флагом командующего морскими силами в Ливии адмирала Бруно Бривонези, небольшой пароход, с которого выгружали бочки с бензином, и несколько моторных шхун.

После полудня 21 августа английские самолеты бомбардировали гидроаэродром Менелао, расположенный в заливе Бомба. Они, конечно, не могли не заметить сосредоточение кораблей в этих обычно пустынных водах. На следующее утро появился английский самолет-разведчик, по которому зенитная артиллерия кораблей открыла сильный, но безрезультатный огонь. В 11 час. 30 мин., когда была закончена погрузка торпед с "Калипсо" на полубу "Ириде" и миноносец ошвартовался у борта "Монте Гаргано" для пополнения запасов, а "Ириде" вышла с рейда для пробного погружения с управляемыми торпедами на палубе, на расстоянии 6000 м были замечены три английских самолета-торпедоносца, летевших строем клина на высоте 60-70 м. Самолеты также заметили лодку и устремились на нее.

Поскольку малая глубина (15 м) не позволяла произвести быстрое погружение, командир Брунетти отдал следующие приказания: "Полный вперед! Задраить переборки! Боевая тревога!" Надеясь затруднить прицельное сбрасывание торпед с самолетов, он повел лодку контркурсом по отношению к среднему самолету. На дистанции, немного превышающей тысячу метров, лодка открыла пулеметный огонь по крайним самолетам, которые между тем снизились до 10-15 м. Эти два самолета, пролетая справа и слева от лодки, торпед не сбрасывали, но обстреливали ее из пулеметов, в результате часть орудийной прислуги была убита; средний самолет с дистанции 150 м сбросил торпеду. Торпеда пробила правый борт в носовой части лодки и взорвалась в кают-компании. "Ириде" тут же затонула. На поверхности воды остались 14 человек из числа тех, кто был на палубе и на мостике (среди них Тоски и Биринделли).

Оказавшись в воде, командир лодки Брунетти, несмотря на то что сам был ранен, собрал при помощи Биринделли оставшихся в живых и позаботился об оказании помощи раненым, среди которых находился штурман Убалделли. Между тем самолеты, продолжая дерзкий налет, успешно атаковали "Монте Гаргано". Направленная в миноносец "Калипсо"

торпеда по счастливой случайности не достигла цели. И все это произошло за несколько секунд!

Командир "Калипсо", приказав обрубить швартовы, поданные на "Монте Гаргано", который начал тонуть, направил миноносец к месту, где исчезла "Ириде", и подобрал пострадавших. Экипажи торпед без подводного снаряжения (оно все осталось на "Ириде") сразу же начали нырять с борта корабля все глубже и глубже, пока не достигли корпуса лодки, который был очень хорошо виден, и не закрепили линь с буйком.

"Ириде" лежала на дне на глубине 15 м, сильно накренившись; в корпусе лодки зияла громадная пробоина. Как только "Калипсо" доставил из Тобрука водолаза и несколько кислородных приборов, началось тщательное обследование затонувшего корабля. Биринделли, Тезеи, Тоски, Францини, де ла Пенне и их помощники поочередно опускались на дно в надежде, что кто-нибудь из экипажа лодки еще остался жив. Наконец Тезеи доложил: "Слышны голоса!" Немедленно была установлена звуковая связь: выяснилось, что в живых осталось только 9 человек и все они находятся в кормовом торпедном отсеке.

С этого момента развернулась напряженная борьба. 10 человек - экипажи управляемых торпед, направлявшихся в порт Александрия, использовали все свои силы, весь опыт для спасения оставшихся в живых на затонувшей лодке. Борьба длилась без перерыва 20 часов и полна драматических моментов. Люди против стали. Кормовой люк лодки - единственный путь спасения - заклинило при взрыве. Для того чтобы снять крышку люка, водолазы работали всю ночь при свете подводных прожекторов. Только на рассвете удалось при помощи лебедки моторной шхуны вырвать крышку люка и открыть таким образом выход для личного состава лодки. Подводным пловцам представилось ужасное зрелище: в горловине люка находились окоченевшие трупы двух унтер-офицеров, которые хотели спастись, но не смогли открыть крышку и погибли. Между тем положение оставшихся в живых становилось все труднее, несмотря на то, что удалось обеспечить их воздухом при помощи шланга. У некоторых появились признаки потери рассудка, другие выражали неуверенность в успехе работ по их спасению; с течением времени увеличивалось отравление газом, выделяемым аккумуляторными батареями. Снаружи спасающие отдали приказание: "Откройте внутреннюю крышку люка и затопите весь отсек. Крепко держитесь друг за друга, чтобы не быть опрокинутым потоком ворвавшейся воды. Как только отсек будет затоплен, выбирайтесь через горловину люка и поднимайтесь наверх".

В лодке приказание долго обсуждалось людьми, уже потерявшими способность здраво рассуждать. Они отказывались выполнить его, несмотря на то, что это был единственный путь к спасению. Они, кажется, предпочитали медленную и верную смерть в своем стальном гробу. В конце концов пришлось прибегнуть к сильному средству, которое оправдало себя. Спасавшие предупредили: "Если вы не выполните приказа в течение получаса, мы прекратим работы и уйдем". Чтобы усилить угрозу, все поднялись на поверхность.

Предоставим теперь слово одному из присутствовавших во время этой трагической сцены:

"С маленькой шхуны, на которой мы находимся уже второй день, пристально всматриваемся в воду и ждем, когда появится признак того, что люк отдраен. Ничего не заметно. Медленно тянутся минуты; установленный срок (полчаса) уже почти истек. Вдруг над поверхностью моря вздымается водяной столб и вырывается воздушный пузырь. Сильный всплеск. Открыли! Готовимся нырять, чтобы в случае необходимости оказать помощь. Между тем поверхность воды постепенно успокаивается.

Резкий крик человека, вынырнувшего со дна и показавшегося на поверхности, нарушил только что установившуюся тишину. Это первый спасшийся человек. Видя солнце и море, видя природу после 24 часов пребывания в стальном гробу, среди вредных испарений и мрака, избежав мучительной смерти, он испустил этот потрясающий крик. Это крик новорожденного, но в сто раз сильнее, так как он исходил от двадцатилетнего матроса. Вскоре один за другим появляются остальные. На глазах некоторых из присутствующих от волнения выступают слезы*".

Так вышли все. Последнего, наиболее упрямого, буквально вырвал из могилы де ла Пенне, который проник в кормовой торпедный отсек "Ириде". К несчастью, из-за внутреннего кровоизлияния как результат главным образом неспособности переносить высокое давление, двое из спасшихся вскоре умерли, несмотря на помощь врачей и энергично проделанное искусственное дыхание.

Наконец, после того как экипажи управляемых торпед подняли 4 торпеды и в скорбном молчании отдали честь павшим товарищам, шхуна со своим вызывавшим печаль грузом покинула этот район.

На том же "Калипсо" группа, отбывшая месяц назад с такими большими надеждами, возвратилась в Серкио. Это была неудача, причины которой следовало проанализировать, но она оказала стимулирующее воздействие на экипажи управляемых торпед. Люди, испытавшие тяжелое разочарование, будучи вынужденными напрягаться до последнего предела человеческих сил, но не для нанесения удара по противнику, а для спасения своих собратьев, находящихся в опасности, немедленно вновь принялись за работу с целью как можно быстрее подготовиться к новой попытке.

В связи с изложенными выше событиями офицеры штурмовых средств, командир группы Джорджини, командир "Ириде" и командир "Калипсо" были награждены серебряной медалью "За воинскую доблесть"; те, кто остался на дне моря, почти вся команда "Ириде" - крестом "За воинскую доблесть" посмертно; двое из оставшихся в живых, проявивших высокую выдержку в трагические часы пребывания в затонувшей подводной лодке, получили бронзовые медали.

Итак, потерей подводной лодки, одного парохода и многих человеческих жизней закончилась первая робкая, импровизированная попытка применения нового оружия военно-морского флота. Из-за поверхностного и легкомысленного отношения к подготовке материальной части и недостаточно четкой организации было маловероятно, что использование нового оружия принесет успех, даже если бы торпеда противника и не прервала поход лодки в самом начале.

Операция проводилась по приказанию адмирала де Куртен, в ведении которого в тот период находились штурмовые средства.

Глава IV

СЕНТЯБРЬ 1940 ГОДА.

ПОХОДЫ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК "ГОНДАР" И "ШИРЕ"

"Веттор Пизани" дает течь. На Балтийском море. Меня назначают командиром подводной лодки "Шире". Поход подводной лодки "Гондар" к Александрии. Потопление "Гондар". "Шире" направляется к Гибралтару; в базе кораблей нет. Неужели шпионаж?!

Вступление Италии в войну застало меня на должности командира подводной лодки "Веттор Пизани", приданной флотилии, базирующейся на Аугусту*. Это был старый корабль с сильно изношенными механизмами и корпусом, через который повсюду просачивалась вода. Плавать на нем и вести боевые действия было настоящим подвигом. В каждом отсеке лодки мы имели запас резиновых шлангов, которые использовались для того, чтобы отводить проникающую воду непосредственно в заместительные цистерны. В результате после нескольких часов пребывания в подводном положении помещения лодки походили на девственный лес, где нелегко было пробраться среди переплетавшихся во всех направлениях, как упругие лианы, резиновых шлангов. Только после неоднократных предупреждений о возможной катастрофе военно-морское министерство признало подводную лодку "Веттор Пизани" "непригодной к боевым операциям" и передало ее созданной в Пола школе подводного плавания.

В августе 1940 года я с двумя другими офицерами, Мази и Буонамичи, был направлен на специальные курсы, где обучали боевым действиям против атлантических конвоев. Курсы были организованы при немецкой школе подводников в Мемеле на Балтийском море. Обучение носило исключительно практический характер и заключалось в интересном десятидневном походе, во время которого я находился сначала на борту плавучей базы

подводных лодок, а затем на некоторых лодках. Благодаря этому я мог убедиться, что личный состав немецких подводных лодок - от командира до матросов - ни по индивидуальным качествам, ни по слаженности действий не был выше нашего. Но он получал длительную прекрасную теоретическую и практическую подготовку, позволявшую немцам уже в период обучения накапливать необходимый опыт и развивать у них качества, которые наши командиры и экипажи приобретали лишь в ходе боевых операций.

Как офицер, прошедший курс обучения боевым действиям в Атлантике, я ожидал, что по возвращении в Италию меня назначат командиром одной из наших океанских подводных лодок, которые в те дни уходили в море, направляясь в нашу новую базу в Бордо. Но вместо этого я был вызван в морской генеральный штаб, где меня принял адмирал де Куртен. Он предложил мне командовать подводной лодкой "Шире", находившейся в распоряжении командира флотилии специальных средств флота. Я с радостью принял это предложение.

Вскоре я прибыл в Специю. "Шире" находилась в доке. Это была самая современная лодка водоизмещением 620 т, относившаяся к хорошо зарекомендовавшему себя типу лодок, известному мне еще с того времени, когда я был командиром "Ириде".

После неудачного похода в августе к Александрии, который стоил нам подводной лодки "Ириде", торпедированной самолетом в заливе Бомба, шла активная подготовка к новой операции. Две подводные лодки, "Гондар" и "Шире", были переоборудованы в "транспортеры штурмовых средств". На их палубах было установлено по три металлических цилиндра (два рядом - на корме и один - на носу), способных выдержать давление воды на предельных для подводной лодки глубинах и оборудованных для размещения в них управляемых торпед. С лодок сняли орудия, для которых уже не осталось места; были произведены некоторые работы, обеспечившие вентиляцию батарей управляемых торпед и систему заполнения и осушения самих цилиндров. Исходя из личного опыта, я внес ряд других усовершенствований. Рубка стала меньше и уже, что делало лодку менее заметной на поверхности воды. После долгих изысканий и экспериментов с окраской лодки я выбрал матовую светло-зеленую краску, которая казалась наиболее пригодной для маскировки в ночных условиях. С такой окраской лодка как бы сливалась с ночным небом.

Командиром подводной лодки "Гондар" назначили Брунетти, приняв во внимание его просьбу довести до конца внезапно прерванную операцию. Мое же назначение на "Шире" было вызвано, вероятно, тем, что в предшествующие годы я как водолаз много занимался подводными проблемами.

На основании приказа адмирала де Куртена был разработан план операции, который предусматривал при благоприятной фазе луны в сентябре одновременный удар по двум большим английским военно-морским базам на Средиземном море: "Гондар" под командованием Брунетти, на глазах у которого затонула торпедированная "Ириде", должна была направиться к Александрии, а "Шире" нанести удар по кораблям эскадры в Гибралтаре. Одновременность действий диктовалась желанием использовать элемент внезапности. До сих пор еще не был потоплен ни один корабль противника при помощи нового секретного оружия, оружия мощного, но использование которого требовало больших усилий и риска. Естественно было предположить, что, как только противник после первого удара поймет, какую угрозу представляет для его кораблей это оружие, он немедленно постарается отыскать и применить для обороны своих баз новые средства. Поэтому возобновить нападение будет значительно труднее или даже невозможно.

Вечером 21 сентября "Гондар" с управляемыми торпедами, надежно укрытыми в цилиндрах, вышла из Специи. В Мессинском проливе у виллы Сан-Джованни она приняла на борт экипажи торпед. Задержка с приемом экипажей была умышленной, чтобы сократить время пребывания их на лодке, т.е. не утомлять людей физически накануне предстоящего им исключительного напряжения сил. Кроме капитана 2-го ранга Марио Джорджини, старшего начальника при выполнении операции, на борт были приняты: водитель торпеды Альберто Франции и водолаз Альберто Качоппо; водитель Густаво Стефанини и водолаз Александре Скаппино; водитель Элиос Тоски и водолаз Умберто Руньяти; водитель Аристиде Кальканьо

и водолаз Джованни Лаццарони (последние два человека составляли резервный экипаж).

Переход до Александрии проходил нормально. Вечером 29 сентября "Гондар" всплыла и пошла самым полным надводным ходом, чтобы вовремя прибыть к намеченному месту выпуска управляемых торпед. Однако водителей торпед, нетерпение которых росло по мере приближения решительного момента, постигло разочарование. В полученной из Рима телеграмме говорилось: "Английский флот в полном составе покинул базу. Возвращайтесь в Тобрук".

Горькое разочарование и бессильный гнев испытывали водители торпед, когда "Гондар" меняла курс, удаляясь от Александрии. Пребывание в этом тщательно охранявшемся районе, как, впрочем, в районе всякой военно-морской базы, было опасным. Это вскоре подтвердилось. В 20 час. 30 мин. 29 сентября во всех отсеках лодки прозвучал резкий сигнал срочного погружения. Через несколько секунд после того, как был задраен единственный остававшийся открытым во время плавания в боевой обстановке рубочный люк, лодка послушно развернулась и с чрезвычайной быстротой начала погружаться.

Брунетти, немедленно спустившись из рубки в центральный пост, объявил: "Корабль противника на расстоянии менее 800 м".

Неужели лодку заметят? Неужели ее обнаружат при помощи точных приборов поиска, которыми наука уже снабдила все английские корабли?

Этот вопрос тревожил всех членов экипажа, которые молча стояли на боевых постах, в то время как лодка, в которой они находились, быстро погружалась на максимальную глубину - 80 м. Шум винтов проходившего прямо над ними корабля, ясно различаемый ухом, не предвещал ничего хорошего. Через несколько секунд все сомнения исчезли: пять сильных взрывов, раздавшихся вблизи лодки, подбрасывали ее как листик, очутившийся во власти урагана. Внутри лодки все погружено во мрак. Экипаж спокоен. Люди готовы использовать все силы, весь свой опыт на то, чтобы выдержать неизбежное долгий и смертельно опасный поединок. Включено аварийное освещение; исправлены некоторые приборы, поврежденные страшными взрывами; каждый на своем боевом посту следит за приборами и различными механизмами. Это не борьба людей против людей, а борьба с яростными силами моря, потревоженного подводными взрывами.

Подводная лодка погрузилась на глубину 125 м; все корабельные механизмы остановлены, чтобы устранить всякий источник шума, который мог бы облегчить противнику поиск. Внутри лодки царит абсолютная тишина. Люди, затаив дыхание, стоят или присели на корточки у своих постов; они передвигаются лишь в случае крайней необходимости, выполняя приказания спокойными, бесшумными движениями. Они ждут. Это напряженная игра нервов, игра в терпение - обычная жизнь подводников в военное время. Тишина, неподвижность - единственная мера защиты от преследования противника. За его действиями следит корабельный гидроакустик, голос которого время от времени нарушает мертвую тишину: "Корабль с турбинной установкой на подходе, курс 320... приближается... приближается... прямо над нами..." Снова грохочут ужасные взрывы, которые, кажется, нельзя перенести. В клепанных швах стальных листов от ударов и огромного давления начинает просачиваться вода.

И так час за часом, в течение всей ночи. За подводной лодкой охотятся три корабля, через каждый час сбрасывается серия глубинных бомб. Экипаж с изумительным спокойствием выдерживает разгул страшных сил, борьба с ними ведется всеми возможными способами: используются аварийные средства, откачивается вода, которая уже накопилась в разных местах. Но это неравная борьба. Лодка теряет устойчивость, ее то подбрасывает вверх, то она погружается, подвсплывает и вновь погружается, становясь все менее послушной воле человека. Постепенно истощаются запасы сжатого воздуха и электрической энергии.

И вот, в 8 часов утра, после 12-часовой охоты противника за лодкой, "Гондар" начинает погружаться все глубже и глубже, как кусок свинца. Кажется, что она уже не может остановиться, видимо, это конец. Короткое совещание офицеров: жертвовать людьми

бессмысленно, нужно попытаться спасти их. Начали продувать балластные цистерны, используя остаток сжатого воздуха. Хватит ли его, чтобы прекратить погружение и всплыть на поверхность? Глаза следят за стрелкой глубомера: на глубине 155 м погружение прекратилось. Сначала очень медленно, потом все быстрее и быстрее лодка поднимается из глубины и затем как воздушный пузырь выскакивает на поверхность.

На борту все подготовлено для последующего затопления лодки. Мгновение - и команда, отдраив люки, очутилась на палубе. Оставив люки открытыми, люди бросаются в воду. Лодка вскоре снова погружается, исчезая в волнах, - теперь уж навсегда.

Люди, которые, казалось, были осуждены на гибель, снова очутились на поверхности голубого моря в лучах солнечного света. Они полной грудью вдыхали чистый воздух, так непохожий на тот, насыщенный парами масла и углекислоты, которым они дышали столько времени. Они живы! Неважно, что два английских миноносца, "Стюарт" и "Н-22", и корвет продолжают вести огонь. Неважно, что самолет типа "Сандерленд", снизившись до 50 м, сбрасывает на опустевшую лодку несколько бомб. Теперь это не страшно, а если суждено, то уж лучше умереть под открытым небом, глядя на солнце. Через некоторое время английские корабли подбирают моряков. Таким образом, вместе с другими попали в плен Тоски, Францини, Стефанини, Джорджини, Брунетти и все остальные члены экипажей управляемых торпед. Подводная лодка "Гондар" погибла. Так закончилась вторая попытка напасть с помощью штурмовых средств на английский флот в Александрии.

Между тем "Шире" 24 сентября тоже покинула Специю, имея на борту три управляемые торпеды и их экипажи в составе: водителя Тезео Тезеи и водолаза Альчиде Педретти; водителя Джино Виринделли и водолаза Дамос Пакканьини; водителя Луиджи де ла Пенне и водолаза Эмилио Бьянки. В резервный экипаж входили: водитель Джангастоне Бертоцци и водолаз Арио Лаццари.

Согласно плану, "Шире", войдя в Гибралтарский пролив, должна была проникнуть в бухту Альхесирас, в которой, как известно, находится английская военно-морская база. Командиру лодки следовало выбрать удобное место для выхода экипажей управляемых торпед. Последние должны, преодолев препятствия, атаковать в базе корабли, которые им предварительно укажет командир лодки в соответствии с полученными по радио из Рима данными относительно расположения кораблей. Был установлен порядок очередности выбора целей: линкоры, авианосцы, крейсера, ворота доков, если доки заняты. Экипажи торпед, прикрепив заряды к корпусам кораблей, должны попытаться покинуть бухту и добраться до нейтральной территории (испанский берег находится всего в нескольких километрах от Гибралтара). Были приняты меры для обеспечения им быстрого передвижения по Испании и возвращения воздушным путем в Италию.

Этот поход лодки дал возможность испытать оборудование, предназначенное для транспортировки управляемых торпед. Подводная лодка "Шире" с тремя цилиндрами на палубе, окрашенная в светло-зеленый цвет, на фоне которого выделялся нарисованный более темной краской силуэт траулера, выглядела довольно нелепо. Трудно было представить себе что-либо более неуклюжее. На определенном расстоянии она не походила ни на подлодку, ни на надводный корабль; ее можно было принять за лихтер или баржу. Но человек быстро привыкает ко всему, и вскоре она стала для меня самой лучшей подводной лодкой флота, такой же, какими в свое время были те 9 подводных лодок, на которых я плавал до этого.

Во время похода к Гибралтару я ближе познакомился с экипажем. Он весь состоял из старых подводников, которые обладали основными необходимыми качествами: спокойствием, хладнокровием в любой обстановке и терпением. Им были присущи дух самопожертвования, возведенный в жизненное правило, глубокое чувство долга, скромность и сдержанность, особая вдумчивая методичность во всех движениях и, наконец, уверенность в командире, слово которого было для них законом.

В состав экипажа входили: мой старший помощник неаполитанец Антонио Урсано, умевший хорошо наладить внутрикорабельную службу, штурман Ремиджо Бенини, пришедший из торгового флота, невысокого роста, всегда спокойный, хладнокровный,

прекрасный моряк, минер Армандо Ольчезе, лигуриец, тоже из торгового флота, сильный человек, смелый и опытный моряк. Инженер-механик Бонци (которого впоследствии сменил Антонио Таиер), красивый молодой человек с открытым и честным лицом, прекрасный специалист. Унтер-офицеры были надежные люди - старые морские волки, проплававшие на подводных лодках по нескольку лет. Среди них: Равера - отличный и надежный старшина-машинист; старшина-электрик Рапетти - культурный и вежливый, обладающий всеми качествами, необходимыми для того, чтобы стать офицером; Фарино - старшина-торпедист, скромный и энергичный. Все остальные, старшины-специалисты и матросы являлись также отважными, способными, знающими свое дело моряками. Это был замечательный экипаж, состоявший из обычных моряков, а не из специально подобранных людей. Своими подвигами во время войны и своей гибелью он показал, на какой героизм способны итальянцы, когда ими руководят командиры, учитывающие физические и духовные запросы подчиненных. Незабвенные моряки, спящие вечным сном в подводной лодке "Шире", лежащей на дне Средиземного моря, вам я посвящаю эти строки! Я хочу, чтобы ваши действия и ваша гибель стали известны итальянцам, чтобы они выразили вам заслуженную признательность и сохранили бы о вас вечную память.

Благополучно совершив переход, 29 сентября мы оказались в 50 милях от Гибралтара. В это время от высшего военно-морского командования была получена радиограмма, предписывавшая возвратиться в Ля Маддалена, так как, согласно достоверным сведениям, английский флот из Гибралтара ушел. 3 октября "Шире" ошвартовалась в Ля Маддалена.

Как было сказано ранее, 29 сентября на основании имевшихся сведений о внезапном уходе английских кораблей из Александрии за несколько часов до планируемого нападения аналогичный приказ был отдан подводной лодке "Гондар". Были ли англичане предупреждены? Может быть, шпионаж? Интеллидженс сервис? Или это было всего-навсего случайное совпадение выхода английских кораблей из баз независимо от наших планов? Все это остается загадкой.

Но некоторые обстоятельства и, в частности, тот факт, что при последующих действиях наших штурмовых средств английские корабли не были подготовлены к отражению нападения и, стоя на якоре на обычных местах, спокойно ожидали своей участи, дает право предположить, что речь идет о неблагоприятном стечении обстоятельств. Человек всегда стремится отыскать причину неудачи, но зачастую ход событий зависит только от судьбы.

Не сдаваться, не останавливаться, не отступать. "Терпение и настойчивость могут сделать многое", - говорил Нельсон.

Глава V

МОККАГАТТА СОЗДАЕТ 10-ю ФЛОТИЛИЮ МАС

Моккагатта - командир флотилии. Организационные вопросы. Подводный и надводный отряды. Тотальная мобилизация. Взаимоотношения между офицерами и матросами. Обучение. Радиоуправляемый корабль "Сан-Марко". Жизнь в Серкио. Наши матросы. Адмиралы де Куртен, Джартозио, Вароли Пьяцца. Рост активности 10-й флотилии. Трезвое решение Моккагатта.

Нашим командиром вместо Джорджини был назначен капитан 2-го ранга Витторио Моккагатта, очень способный и знающий офицер, настойчивый в осуществлении своих целей. До этого он служил главным образом на больших кораблях и ему не хватало специальных технических знаний в области нового оружия. Однако благодаря своей неиссякаемой энергии, исключительной работоспособности он быстро вошел в курс дела. Прекрасный организатор, он разработал такую организационную структуру, которая должна была превратить отряд штурмовых средств в высокоэффективную военно-морскую часть, занимающуюся исследованиями, созданием и применением оружия, способного "поражать противника всюду, где бы он ни находился".

15 марта 1941 года штурмовые средства выделили из состава 1-й флотилии МАС, куда они входили с 1938 года. В целях маскировки действительного назначения вновь созданной части ее по предложению Моккагатта назвали "10-я флотилия МАС". Штаб флотилии имел

оперативный и исследовательский отделы и канцелярию. Флотилия включала в себя подводный отряд, командовать которым был назначен я, и надводный отряд, вверенный капитану 3-го ранга Джорджо Джоббе.

В подводный отряд входили: школа подводных пловцов в Ливорно; школа водителей управляемых торпед в Бокке ди Серкио; подводные лодки - носители управляемых торпед и, наконец, диверсионные группы. В надводный отряд входили: взрывающиеся катера и школа их водителей в Специи (в Балипедио Коттрау дель Вариньяно), а также катера других типов, которые постепенно вводили в строй по мере того, как это вызывалось необходимостью, в том числе взрывающиеся катера, транспортируемые на подводных лодках в цилиндрах вместо управляемых торпед. Кроме того, имелись другие плавсредства (MTJ, MTG и др.), о которых скажем ниже.

Были значительно расширены источники комплектования. Министерство военно-морского флота разослало циркуляр командирам всех военно-морских частей, предлагая не задерживать добровольцев, желающих выполнять "специальные военные задания". Это давало возможность производить более тщательный отбор людей. Водителей штурмовых средств подвергали всесторонним обследованиям в специально созданном "Биологическом центре", куда были приглашены наиболее видные специалисты итальянской медицины, чтобы помочь командованию флотилии отобрать людей, обладающих качествами, позволяющими им действовать в особых условиях.

Беллони руководил так называемым "Подводным центром", в задачу которого входило изучение круга вопросов, связанных с длительным пребыванием человека под водой. Министерство отпустило дополнительные фонды и, что особенно важно, предоставило большую самостоятельность в их распределении в рамках директив генерального штаба. Командование флотилии установило более тесные, непосредственные отношения с отделом подводного оружия арсенала в Специи. Опытный инженер - майор Марио Машулли - был назначен начальником цеха секретного оружия, из которого продолжали поступать более усовершенствованные управляемые торпеды. Другие средства находились в стадии разработки. Флотилия имела полномочия заключать договоры непосредственно с частными фирмами на поставку необходимой материальной части. Особо тесное сотрудничество поддерживалось с фирмой "Пирелли", поставлявшей кислородно-дыхательные приборы и другую материальную часть для подводных пловцов, и с фирмой "Каби", которая производила специальные детали для взрывающихся катеров. Один из бывших работников последней - инженер Каттанео, призванный из запаса, - служил техником на флотилии.

Так в этой маленькой части военно-морского флота произошло объединение военных и штатских специалистов, наладилось сотрудничество медиков, ученых, изобретателей, инженеров, моряков и представителей промышленности, необходимое для получения максимального успеха. Такое сотрудничество было бы желательно распространить на все вооруженные силы, однако 10-я флотилия была редким и, может быть, единственным примером этому в Италии. Между тем другие страны, лучше нас обеспеченные природными богатствами и более сильные в промышленном отношении, встретили войну, мобилизовав все свои силы и направив к одной цели согласованные усилия всей научной и производственной деятельности нации.

Произошли изменения также и в области планирования. Представители высшего командования, убедившись наконец в огромных возможностях новых боевых средств, предоставляли командованию 10-й флотилии МАС все большую инициативу в отличие от положения, существовавшего до этого в итальянском флоте. (Это была своего рода децентрализация в противоположность централизации, практикуемой высшим военно-морским командованием.) Она дала исключительно хорошие результаты: стимулировалась инициатива отдельных лиц, ускорялся процесс реализации ценных предложений, лучше сохранялась военная тайна.

10-я флотилия жила своей внутренней жизнью, не подвергаясь никаким внешним влияниям. Вопросы политики, иллюзии о скором окончании войны, внезапный восторг по

поводу успеха, подавленность в связи с неудачей - все это не занимало наши умы и не отвлекало нас от дела. Нас вдохновляли одна мысль, одно страстное желание, одно стремление: подготовить людей и оружие и найти способ как можно сильнее ударить по противнику. Все остальное нас не интересовало.

От командира флотилии до офицеров, от унтер-офицеров до матросов - все мы были связаны узами, несомненно, более тесными, чем те, которые требует воинская дисциплина. Это было уважение по отношению друг к другу: матрос видел в офицере начальника, а офицеры в свою очередь вели себя во всех случаях, и особенно в боевой обстановке, так, чтобы заслужить уважение подчиненных и увлечь их за собой больше личным примером, чем командой.

По мере того как флотилия росла и расширяла свою деятельность, увеличивалась численность личного состава. Становилось все труднее сохранять военную тайну. Для этого применили систему разделения на отдельные ячейки. Личный состав каждой специальности был отделен как бы непроницаемой переборкой, так что люди, входившие в одну группу, не знали ничего о том, что делается в смежных группах, и, конечно, о том, что делается в масштабе всей флотилии. Случалось так, что два матроса, служившие в 10-й флотилии, но в разных отрядах, встретившись, скрывали свою причастность к работам со специальными средствами.

Командование флотилии усилило практические занятия, что являлось ключом к наибольшей эффективности нового оружия, представляющего собой комплекс из людей и материальной части. Водители управляемых торпед, закончившие курс обучения в Серкио, два раза в неделю прибывали в Специю, где с баркаса или с подводной лодки спускались в море и проводили в ночное время учение, включающее: подход к гавани; преодоление сетевых заграждений; скрытное плавание внутри гавани; сближение с целью; подход к подводной части судна; присоединение зарядного отделения торпеды и отход. Целью при подобных учениях являлся выделенный в наше распоряжение старый крейсер "Сан-Марко", переоборудованный в радиоуправляемую мишень для артиллерийских стрельб.

Он стоял на якоре в бухте Вариньяно, окруженный противоторпедными сетями, которые, являясь реальной защитой корабля от возможных атак противника, приближали учение в целом к действительности. Иногда объектом "нападения" был не "Сан-Марко", а отдельные корабли, временно находившиеся в Специи. Вспоминаю, в частности, случай с линейным кораблем "Чезаре". Водителям торпед удалось присоединить зарядные отделения незаметно для находившихся на борту корабля людей, хотя предварительно командование и вахтенные были предупреждены и поэтому элемент внезапности отсутствовал. Только когда на "Чезаре" после нескольких часов внимательного изучения поверхности моря скептически заключили: "Они не смогут это сделать", вблизи борта показались попарно шесть черных голов, и водители, сделав жест рукой, означавший "Все готово", исчезли в ночной темноте.

Во время этих упражнений я сопровождал в море экипажи на небольшом катере с электромотором, работа которого не мешала слышать любой звук, исходящий от подводных пловцов, и, в частности, возможные призывы тех, кто почувствовал себя плохо. Это было неизбежно и случалось часто: нужно помнить, в каких условиях вынужден работать человек, погруженный надолго в воду, когда нарушается дыхание в результате повышенного давления или из-за неисправности маски, или из-за отравления чистым кислородом при длительном пользовании кислородным прибором.

Имели место повреждения и материальной части, к сожалению, также неизбежные. Следовательно, неожиданное недомогание водителя торпеды, вызванное случайными причинами или холодом, против которого шерстяная одежда и специальные жиры были только паллиативом, требовало немедленного моего вмешательства или помощи врача, всегда сопровождавшего нас.

По окончании учения, около четырех часов утра, мы все собирались на "Сан-Марко", где нас ожидал плотный горячий завтрак, всегда начинавшийся с вкусных макарон. В моей памяти сохранилась много раз повторявшаяся картина этих завтраков в скромной кают-

компании с единственным столом, за которым занимали места бок о бок офицеры, унтер-офицеры и матросы, только что испытавшие длительное напряжение сил, на лицах которых еще не исчезли следы от маски, славные парни с благородными сердцами, стальными кулаками, крепкими легкими; руки у них были красные и распухшие от задержки кровообращения, вызванной манжетами резинового костюма. Среди них - врач, незабвенный Фалькомата, который следил за каждым из них во всякой обстановке, чтобы вовремя заметить малейшие признаки переутомления или возможного недомогания.

"Ну как прошло ученье сегодня, командир?" - спрашивал с легким лигурийским акцентом де ла Пенне. Тосканец Биринделли был немногословен: "Надо бы еще лучше!" "На Мальту, взрыватель на ноль и врагов на воздух!", твердил уроженец острова Эльбы Тезеи, а триестинец Марчелья молчаливо с ним соглашался. Спорили о женщинах, об охоте, пока Мартеллотта из Таранто не изрекал: "Мир и благодать!", подводя итог нашему душевному состоянию. С наступлением рассвета, утолив голод, полусонные водители торпед возвращались на автобусе в Серкио, чтобы, наконец, забыться в безмятежном, восстанавливающем силы сне.

В Серкио текла самая нормальная, здоровая и непринужденная жизнь, какую только можно представить. После занятий все находили развлечения: спортивные игры на открытом воздухе, бесконечные ожесточенные партии в волейбол, купанье в море, прогулки по сосновой роще, охота на кабанов (землевладельцы о ней, к счастью, ничего не знали), иногда чтение, споры по самым различным вопросам и песни. Пели старые матросские песни и новые, сложенные во время прогулок.

И никаких газет, никакой политики, ни одной женщины, вход которым был строго-настрого воспрещен. В разговорах чаще всего затрагивалась тема о боевых операциях. Каждый говорил о том, где бы ему хотелось действовать, как преодолеть препятствия, как избежать неожиданных помех. На их столах были, помимо неизбежных фотографий красивых девушек, снимки и географические карты баз противника, главным образом Александрии, Мальты и Гибралтара, которые исследовались с лупой и корректировались по последним данным разведывательных сводок и авиаразведки. Для водителей торпед эти базы с их молами, заграждениями, набережными, доками, местами якорных стоянок и их системой обороны не являлись загадкой; экипажи так хорошо изучили ориентиры, глубины, что на своих торпедах могли действовать ночью с такой же уверенностью, как человек в своей собственной комнате.

Много желаний возникало при просмотре ежегодных справочников корабельного состава; разглядывая силуэты самых больших кораблей противника, входящих в состав Средиземноморского флота, водители торпед думали: "Удастся ли когда-нибудь увидеть их ночью в натуре? Когда будет назначена следующая операция и кого из них пошлют? Что явится объектом атаки?" Однако они делали вид, что не проявляют беспокойства, хотя всякий знал, что нужно быть готовым, каждый надеялся, что пошлют его. Они верили в свои силы и свою подготовку.

Некоторые уже понесенные потери в людях огорчали, но не пугали. Это служба, которую они все добровольно избрали: может быть, завтра придет их черед, и они не боятся. Какая же внутренняя сила воодушевляла их и поддерживала? Что же делало этих людей так непохожими на многих других, отрешенными от личных материальных интересов, что так облагораживало их? У них не было стремления к честолюбию; они не принимали даже искреннего признания их заслуг и избегали почестей и похвал. Богатство их не прельщало; они не получали никакой премии за свои подвиги. Они не получали и повышения в звании и должности, чего легче добиться сидя в министерстве. Не тщеславие руководило ими в стремлении быть участниками исключительных подвигов, поскольку на пути к цели их ждала смерть, а какая польза от того, что тебя отметят после смерти? Одно только вдохновляло их - верность долгу! Как много моряков считают своим долгом целиком посвятить себя службе своей стране. Это безграничное самопожертвование является результатом инстинктивного и глубокого чувства - любви к родине.

Отрядом надводных средств, которому командир Моккагатта отдал много сил, командовал опытный и энергичный офицер Джоббе. Материальная часть отряда непрерывно обновлялась и совершенствовалась в процессе исследований и практических испытаний в море, личный состав усиленно совершенствовал боевую подготовку.

Проводились длительные ночные плавания вдоль Лигурийского побережья с последующей высадкой в намеченных пунктах. При этом задача заключалась в том, чтобы не вызвать тревоги у нашей обычно не предупреждаемой береговой обороны. Тревога, поднятая бдительным сторожевым постом, огонь пулеметных установок и стрелков - вот что влекла за собой неосторожность. Трудно придумать учения, более приближенные к боевой действительности, чем эти. Водители штурмовых средств обучались не только осторожности в целях использования тактической внезапности, но одновременно учились в случае обнаружения бесстрашно продолжать атаку под огнем так, как этого требовали условия применения нового оружия.

Эти необходимые и, несомненно, связанные с риском учения стоили жизни некоторым добровольцам: один рулевой катера во время учений, проводившихся недалеко от устья реки Магра, утонул, когда катер перевернуло неожиданно набежавшей волной; младший лейтенант Реньони также утонул во время учебной групповой атаки корабля "Куарто" в порту Ливорно. Эти двое и другие погибли на боевом посту, но не напрасно: без жертв не достичь успеха.

В целях включения деятельности 10-й флотилии МАС в общий план военных операций и для поддержания связи с другими частями флота и координации действий с другими видами вооруженных сил, а также с нашими союзниками немцами назначались по очереди три адмирала: де Куртен, Джартозио и Вароли Пьяцца. Они являлись связующим звеном между 10-й флотилией и военными властями; они представляли для нас ощущаемое олицетворение того туманного, абстрактного и неуловимого, что называлось "министерством". Они были нашими покровителями, защитниками перед высшим военно-морским командованием наших интересов и нужд. Они были, наконец, единственными хранителями многих наших секретов, прежде всего в области применения штурмовых средств, принимая иногда на себя ответственность за утверждение предложенных нами действий и сообщая о них другим заинтересованным властям только тогда, когда это не могло нанести ущерба ходу операции.

С указанными выше адмиралами, весьма различными по характеру, у нас всегда устанавливалось хорошее сотрудничество. Оно укреплялось с течением времени и все больше поднимало значение 10-й флотилии среди других действующих частей флота.

Командиру Моккагатта принадлежит большая заслуга в деле ее создания и поддержания в размерах, отвечающих постоянно растущим, выдвигаемым перед ней требованиям.

В своем дневнике 29 ноября 1940 года он писал: "Я целиком посвятил себя специальным средствам; почти ничего не читаю и больше ничем не отвлекаюсь. Для того чтобы достигнуть конкретных результатов, необходима твердая решимость".

Вскоре Моккагатта представился случай показать образец выдержки и твердой решимости.

Глава VI

ВТОРОЙ ПОХОД "ШИРЕ" В ГИБРАЛТАР В ОКТЯБРЕ 1940 ГОДА

Начало трехлетней борьбы между 10-й флотилией и Гибралтаром. "Шире" снова выходит в море. Выбор места спуска на воду. Течения в проливе. "Шире" в бухте Альхесирас. Тяжелая жизнь на "Шире". Действия Тезеи и де ла Пенне. Биринделли проникает в гавань. Англичане открывают наш секрет. Подводники в горах. Золотая медаль Боргезе и Биринделли. Доклад в Палаццо Венеция.

Потоплением подводной лодки "Гондар" и неудачным походом "Шире" закончилась первая серьезная, согласованная попытка нанести удар противнику новым оружием. Но неудача не поколебала нашей веры в будущие успехи. Наоборот, она послужила стимулом к

дальнейшим действиям. Железная настойчивость в достижении цели и желание поразить корабли противника, находящиеся в тщательно охраняемых базах, несмотря на трудности и вопреки им, стали главным, что характеризовало моряков 10-й флотилии.

И вот, при очередном новолунии в октябре "Шире" снова вышла к Гибралтару. Это была первая доведенная до конца операция из всех тех, которые с неисчерпаемым упорством и непревзойденной храбростью вела 10-я флотилия МАС в течение войны против удаленной и неуязвимой базы флота противника в западной части Средиземного моря, т.е. Гибралтара.

Один офицер английского флота, принадлежащий к секретной военно-морской службе, находившийся во время войны в Гибралтаре, говорит: "Шире" под командованием князя Валерио Боргезе доставила три экипажа штурмовых средств для атаки английских линейных кораблей в Гибралтаре. Так началась война, длившаяся три года и развертывавшаяся под водой в бухте Гибралтара. Ценой гибели трех человек и трех попавших в плен итальянские штурмовые средства потопили или повредили там 14 кораблей союзников общим водоизмещением в 73 000 т.

Постоянная угроза бесшумной ночной атаки требовала от личного состава флота и армии непрерывного наблюдения. История этой "войны в войне" - это хроника хитростей и ловушек. Ни одна из семи проведенных итальянцами операций не нарушила испанский нейтралитет. Каждая из них требовала от атакующих столько смелости и физической выносливости, что могла вызвать уважение любого флота мира"*.

Попытку нападения на Гибралтар решили повторить те же самые экипажи (за исключением заболевшего водолаза Джузеппе Вильоли, которого заменил Лаццари).

21 октября "Шире" покинула Специю. На борту лодки царили спокойствие и уверенность, несмотря на то, что никто не скрывал трудностей задачи.

Экипажи управляемых торпед большую часть времени проводили лежа на диванах; нужно сохранить силы и как можно меньше подвергаться неизбежным неприятностям, вызываемым неблагоприятными условиями (скученность и духота) на лодке. Питание обильное, настроение прекрасное. Через несколько дней настанет их черед, а пока все заботы лежат на экипаже лодки, который должен доставить их целыми и невредимыми в пункт, наиболее близко расположенный к кораблям противника, и он эту задачу отлично выполняет. Плавание доставляло обычные "развлечения" военного времени: 22 октября была обнаружена дрейфующая мина, которую несколькими выстрелами из пулемета отправили на дно; 23-го - сильное волнение на море; 26-го - самолеты противника вынудили нас двигаться подводным ходом. Наконец, 27-го мы были у входа в пролив. Ночью попытались приблизиться к Гибралтару в надводном положении, затем повторили такую попытку 28 октября, но оба раза напрасно: эсминцы противника беспокоят и преследуют нас. Наконец, 29-го, следуя в подводном положении против течения, по направлению к Атлантике, нам удалось проникнуть в пролив и затем пройти в бухту Альхесирас.

Мы долго выбирали место, наиболее пригодное для сложного маневра выпуска экипажей управляемых торпед. Оно должно удовлетворять различным, весьма противоречивым требованиям: быть как можно ближе к базе, чтобы люди не утомились, не потеряли бы много времени и не подвергались большому риску при подходе к цели; глубина должна быть около 15 м, что позволит подлодке лежать на грунте, в то время как водители будут извлекать торпеды из цилиндров; место должно находиться в зоне, по возможности удаленной от вероятного пути сторожевых кораблей, иначе последние могут неожиданно протаранить лодку, маневрирующую на малой глубине.

Наиболее подходило для этой цели место у испанского побережья в глубине бухты Альхесирас, там, где река Гуадарранке впадает в море.

Оно было выбрано с согласия водителей и имело то преимущество, что благодаря характерным течениям в бухте подход управляемых торпед облегчался слабым попутным течением. Чтобы подойти к этому месту, подлодка должна была в трудных условиях осторожно проскользнуть в глубь бухты, т.е. проникнуть в самую пасть льва, по возможности еще в светлое время суток, так, чтобы выход водителей мог начаться сразу же

после захода солнца и чтобы они имели в своем распоряжении целую ночь для выполнения смелой и сложной задачи.

Хорошо известное сильное течение в проливе постоянного направления (из Атлантического океана в Средиземное море) затрудняло маневр. Пройти проливом в подводном положении при попутном или встречном течении не трудно, хотя там часто встречаются водовороты, требующие большого внимания при маневрировании. Но пересечь пролив поперек, когда лодка повернута бортом к направлению течения, действительно трудно и прежде всего потому, что скорость течения около 1,5 мили в час равнялась половинной скорости подводного хода лодки. Поэтому я считал более удобным попытаться (прецедентов не было, ни одна итальянская подводная лодка не проникала на рейд Альхесирас в подводном положении ни во время войны, ни, насколько мне известно, в мирное время) сначала идти против течения, имея его затем попутным при маневрировании у входа в бухту. Вот почему в полдень 29 октября "Шире" оказалась в Гибралтарском проливе, пройдя в подводном положении мимо входа в бухту Альхесирас. Она лежала на дне, на крутом скалистом откосе испанского берега в ожидании вечера. Так провели мы весь день на 70-метровой глубине. Время от времени вихревые движения подводного течения подбрасывали лодку и швыряли на лежащие под ней камни с глухим гулом, который зловеще отдавался в сигарообразном корпусе, вызывая у нас сильное беспокойство, поскольку лодка могла получить повреждение, а противник при помощи гидрофонов мог обнаружить ее присутствие.

Наконец, наступил вечер, и мы всплыли. Море спокойное, ветер западный, видимость прекрасная. Лодка была в 500 м от берега бухты Тольмо. Направились в позиционном положении к Гибралтару. Хорошо освещенный, он вырисовывался слева по носу. В 21 час мы попали в луч прожектора; погрузились и, ориентируясь или по глубинам, или периодически поднимая перископ, по испанским маякам (все они были зажжены) вошли в бухту Альхесирас. Сильное течение могло причинить неприятности. Непосредственно вокруг точки поворота в направлении берега имеется ряд очень опасных подводных камней и мелей (Лас Бахас). Около этих камней образуются водовороты во всех направлениях. Бедная "Шире" кружилась как сухой лист, подхваченный ветром; она то бросалась вниз, то стремилась во что бы то ни стало всплыть, то приближалась к берегу, не слушаясь руля (кстати, действие руля почти не ощущается на таких малых скоростях). Чтобы избежать дрейфа, вызванного течением, я вел лодку курсом с поправкой на 40° влево от истинного курса. Наконец удалось усмирить "непослушного коня" и, удерживая его в руках, медленно продвигаться прямым курсом к цели.

А противник? Мы приближались к его базе и находились уже в нескольких тысячах метров от Гибралтара. Через гидрофоны было слышно движение кораблей на рейде: среди них эскадренные миноносцы в дозоре, сторожевые катера, крейсирующие перед входом в порт, слышались шумы работающих двигателей внутреннего сгорания (возможно, это были испанские рыболовные суда из Альхесираса) - вся жизнь на поверхности отражалась в нашем акустическом приборе. Руководствуясь этими звуками, зная их характер, интенсивность и направление, мы ясно представляли, что происходило наверху над нами, и соответственно определяли наши действия.

Сколько звуков слышишь под водой, когда плаваешь в военное время в подводном положении на лодке! В это время все внимание концентрируется на акустическом приборе.

Турбина... Это эсминец: сейчас он приближается, мы без гидрофона отчетливо слышим, как его винты разрезают воду. Вот он проходит над нами, все прислушиваются, затаив дыхание; затем он удаляется. Курсы кораблей случайно пересеклись: миноносец наверху шел в направлении пролива, а лодка на глубине бесшумно пробиралась в бухту. Бывают же такие совпадения!

В лодке стояла полная тишина, так как мы находились совсем близко от Гибралтара - на расстоянии около двух миль. У всех на обуви веревочные подошвы, металлические ключи обернуты ветошью; все корабельные механизмы, кроме главных электромоторов,

остановлены; приняты всевозможные меры предосторожности, с тем чтобы противник, который находился очень близко, не мог нас обнаружить. Экипажи управляемых торпед были спокойны и готовы к выполнению задачи; они, кажется, очень желали бы ускорить переход. Командир группы водителей Биринделли активно помогал мне в управлении лодкой.

"Шире" медленно и скрытно продолжала свой путь. Глубины начали уменьшаться, лодка задевала за склон берега. Неожиданно над нами послышался шум двигателя внутреннего сгорания, который затем внезапно прекратился. Все посмотрели друг на друга: что будет? Имеет ли противник гидрофоны? Есть ли у него глубинные бомбы? Моя шутка по адресу нарушителя нашего покоя разорвала гнетущую тишину, воцарившуюся на лодке; на лицах появляется улыбка, момент неуверенности прошел. И вот, в 1 час 30 мин. 30 октября мы оказались в намеченном пункте у устья реки Гуадарранке на глубине 15 м. Трудности подхода преодолены. Водители надевали специальное снаряжение и заканчивали последние приготовления. Между тем корабельный радист принял сообщение высшего военно-морского командования - подтверждение того, что два линейных корабля находятся в гавани. Распределив цели, я в два часа подвсплыл, чтобы, сердечно попрощавшись и пожелав успеха экипажам управляемых торпед, спустить их на воду. Затем сразу же лодка погрузилась. Через несколько минут мы услышали в гидрофоны характерный шум удаляющихся торпед. Их действия начались. "Шире", выполнив свою задачу, изменила курс. Самым малым ходом в подводном положении, почти скользя по дну, чтобы не поднять тревоги, которая роковым образом сказалась бы на исходе всей операции, мы вновь пересекли в обратном направлении бухту Альхесирас. В 7 час. лодка вышла из нее при попутном течении и весь день шла курсом на Италию. Поскольку мы находились в радиусе действия английских сторожевых кораблей, нужно было идти в подводном положении, но это мучительно: электрическая энергия на исходе - батареи почти разряжены, хотя мы шли все время самым малым ходом; сжатый воздух почти весь израсходован; воздух внутри лодки был в такой степени беден кислородом и насыщен углекислым газом, что у всех тяжелела голова и появлялось неудержимое желание подышать чистым, свежим воздухом.

Но сделать этого пока нельзя. Всплыть - значит погибнуть. Весь день продолжались мученья. К 6 час. вечера появились первые случаи потери сознания. Физическое напряжение людей достигло предела; лодка находилась под водой ровно 40 часов. В 19 час. 00 мин., несмотря на то, что солнце еще не скрылось за горизонтом, я принял решение всплывать. Поток свежего воздуха, ворвавшийся в лодку, создал ощущение опьянения. Поднимаюсь на мостик и дышу полной грудью. На безоблачном синем небе огненное солнце перед закатом освещает скалу Гибралтар, похожую на льва, припавшего к воде.

Вечером 3 ноября с попутным западным ветром вошли в Специю.

Из сообщений, полученных нами по радио из Рима, следовало, что в гавани находятся два линейных корабля. Я распределил цели между водителями торпед следующим образом: Биринделли - ближайший линкор, Тезеи, у которого была торпеда с большим радиусом действия, - линкор, стоящий дальше, а де ла Пение должен был разведать место якорной стоянки авианосцев и крейсеров. В случае их отсутствия он должен был прикрепить зарядное отделение торпеды под гребные винты ближайшего к выходу из гавани линкора в надежде, что это также может причинить повреждение носовой части соседнего линкора.

Кроме того, всем трем водителям были даны следующие указания: в случае отсутствия больших кораблей атаковать эскадренные миноносцы и портовые сооружения (путепроводы торгового порта, сторожевой корабль у заграждений, батопорты сухих доков и т.д.). Ни в коем случае не оставлять никаких следов в руках противника о том, какие средства принимали участие в нападении на базу.

Проследим теперь, как разворачивались события после того, как управляемые торпеды были спущены с подводной лодки на воду в 350 м от испанского берега и в трех милях от Гибралтара. Водители верхом на торпедах, содержащих по нескольку сотен килограммов взрывчатого вещества, должны были приблизиться к месту стоянки огромных кораблей

водоизмещением по 35 000 т - чудовищ, дремлющих под защитой оборонительных сооружений базы, - и прикрепить к их корпусам заряды.

Де ла Пенне - Бьянки. Выйдя из люка подводной лодки, они направляются к левому кормовому цилиндру, открывают дверку, вытягивают свою торпеду и начинают проверку. Убедившись, что все в порядке, они всплывают на поверхность. Здесь они сталкиваются с первой неприятной неожиданностью: компас не действует. Однако это не имеет большого значения, пока торпеда движется на поверхности и направляется к такой отлично видимой цели, как освещенный город Гибралтар, отчетливо выделяющийся на фоне скал. Де ла Пенне, держа голову над водой, решительно устремляется к цели. Вот как он описал свои действия:

"Через 20 мин. плавания я был освещен четырьмя сильными прожекторами сторожевого судна; погружаюсь и продолжаю движение на глубине 15 м. Спустя 10 мин. слышу треск и обнаруживаю, что мотор остановился. Торпеда быстро погружается, и мне не удается задержать ее падение. Достигнув глубины предположительно 40 м, касаюсь грунта и обнаруживаю, что торпеда от давления деформировалась. Продувая цистерну, пытаюсь подняться на поверхность. Убедившись, что торпеда имеет чрезмерный вес, прихожу к заключению, что она получила пробоину и заполнена водой. Пробую завести мотор и пустить помпы - ничего не выходит. Тогда я покидаю уже непригодную торпеду и всплываю на поверхность, где нахожу Бьянки, который всплыл раньше меня. Мы освобождаемся от кислородных приборов, топим их и плывем к берегу, до которого, по моим подсчетам, около двух миль.

Пока мы плыли, сторожевой катер приближался к нам несколько раз на расстояние меньше 30 м, освещая поверхность воды сильными прожекторами. Но нам удалось остаться незамеченными, и через два часа, т. е. около 5 час. 30 мин. по местному времени, мы вышли на берег в одной миле севернее Альхесираса.

Снимаем наши водолазные костюмы и направляемся в район встречи с агентом N, которого находим на дороге в 7 час. 30 мин."*.

Тезеи - Педретти. "Около 2 час. 30 мин. 30 октября я выхожу из подводной лодки "Шире" и вдоль палубы добираюсь до носового цилиндра. Извлекаю мою торпеду и произвожу ее проверку при помощи водолазов Вильоли и Педретти. При этом обнаруживаю: 1) сильное потемнение циферблатов приборов на приборной доске; 2) водяная помпа работает ненормально. Заняв с Педретти места на торпеде, мы покидаем подводную лодку и следуем на восток. Приблизительно через 5 мин. уменьшаю скорость, поджидая других участников операции. До берега около 500 м, ясно слышен шум прибоя. Быстроходный катер (по-видимому, сторожевой), имеющий прожектора, и один рыболовный идут прямо на нас. Немедленно погружаюсь на глубину до 15 м, чтобы не быть обнаруженным по свечению воды, которое здесь очень сильное. С этого момента теряю связь с другими участниками. Город Гибралтар освещен, порт же полностью затемнен. По направлению к северному молу вижу зеленый огонь, а над ним белый. Правлю на эти огни и примерно через час, находясь вблизи них, устанавливаю, что это освещенный пароход и на нем вахта. Оставив пароход справа, держу курс на восток, пересекая широкое пространство, где расположены десятки различных транспортов. Некоторые из них были частично освещены, на палубах работали люди. Здесь же были и сторожевые корабли (очевидно, формировался конвой). Такая обстановка обязывала часто отклоняться от курса и преодолевать большие участки пути в подводном положении.

Около 5 час. различаю северный мол. Достигнув входа в порт и начав пользоваться кислородно-дыхательным прибором для того, чтобы пройти под водой через препятствия, обнаруживаю, что мой респиратор заполнен водой. Достаю из ящика, расположенного на корме, запасной кислородный прибор, заряженный 10 дней назад, но и он не пригоден к использованию, так как при дыхании вызывает рвоту.

Кислородный прибор моего помощника также действует плохо. Учитывая, что: 1) без кислородного прибора я не смогу погрузиться; 2) торпеда имеет большой дифферент на

корму и тяжела и 3) вода сильно фосфоресцирует, прихожу к заключению о бесплодности дальнейших моих попыток действовать на поверхности. Кроме того, они принесут вред другим участникам операции. В силу этих причин решаю отказаться от выполнения задачи и направляюсь к испанскому берегу. Через 15 мин. отсоединяю и топлю головную часть торпеды и продолжаю движение курсом норд на западные огни Ла-Линеа. В 7 час. 10 мин. касаюсь грунта. Уничтожаю кислородные приборы и, открыв систему затопления торпеды, даю ей ход в южном направлении.

Достигнув берега и сняв наши водолазные комбинезоны, мы поднимаемся на дорогу и, обойдя контрольный полицейский пост, направляемся к месту встречи с агентом N"*.

Итак, из-за неисправной работы материальной части и второй экипаж не достиг успеха, который, казалось, был так близок.

Проследим теперь за действиями третьего экипажа.

Бириндeлли - Пакканьини. Из подводной лодки они вышли вместе с остальными, но сразу же столкнулись с трудностями при извлечении торпеды из цилиндра, на что они потеряли 40 мин. Всплыв на поверхность, Бириндeлли вдруг обнаружил, что водяная помпа не работает и торпеда очень тяжела - она с трудом удерживалась на плаву. Одновременно водолаз Пакканьини обнаружил неисправность кислородного прибора. Он бросил его в море и взял запасной прибор. Кроме того, выяснилось, что скорость хода торпеды очень мала; весьма вероятно, что в батареи попала вода, и этим объяснялось прибавление в ее весе.

"Торпеда не имеет запаса плавучести и едва удерживается на поверхности воды. Она камнем пойдет на дно, если заполнить балластную цистерну. Несмотря на это, решаю продолжать выполнение задания в расчете, что если удастся проникнуть в гавань в надводном положении, я найду такие глубины, которые позволят подойти по дну к указанному мне линейному кораблю "Бархэм". Поэтому начинаю сближение, правя на огни города. Примерно через час оказываюсь между двумя пароходами - первыми в двух длинных линиях стоящих судов. Проходя между ними, слышу голоса вахтенных... Так как торпеда имеет дифферент на корму, моя голова и часть зарядного отделения торпеды немного выступают из воды. Продолжаю таким образом плавание среди кораблей еще около двух часов и затем обнаруживаю, что нахожусь перед оконечностью Северного мола. Плыву параллельно угольной пристани на расстоянии примерно 100 м от нее, направляясь к входу в гавань. Через 3 час. 40 мин. после выхода с подводной лодки мы оказываемся у заграждений. Они представляют собой большие четырехугольные плавучие боны, расположенные друг от друга на расстоянии около 5 м и соединенные толстыми железными полосами. На каждой из этих полос имеется по три железных шипа высотой около 20 см; интервалы между шипами - 1,5 м. Я слышу голоса часовых и вижу их тени, но нас никто не замечает. В надводном положении мы проходим через первое и второе заграждения. Вскоре после преодоления второго заграждения обнаруживаю, что нахожусь на траверзе "Бархэма" на расстоянии около 250 м от него. бш98Приближаюсь еще немного к кораблю и затем, заполнив балластную цистерну, погружаюсь на дно, на глубину 14 м. Едва мы коснулись дна, как Пакканьини предупредил меня, что в его респираторе кончился кислород. Это произошло из-за недостаточной емкости баллона кислородного прибора и оттого, что мой помощник находился все время под водой, даже при плавании в надводном положении. Зная, что его прибор уже не пригоден, я приказываю ему подняться на поверхность и оставаться там неподвижным, чтобы не привлечь внимания экипажа корабля. Медленно передвигаюсь по дну, усыпанному мелкими обломками камней, о которые иногда сильно ударяется торпеда. Через 10 мин. она неожиданно останавливается. Выключив мотор и предполагая, что заклинило винт, я произвожу осмотр. Но винт совершенно чист. Снова включаю мотор и пробую его на разных оборотах - он работает вполне нормально, но торпеда остается неподвижной. Убедившись в бесполезности всякой попытки заставить ее сдвинуться, всплываю на поверхность, чтобы посмотреть, на каком расстоянии я нахожусь от цели. Я в 70 м от корабля. Вновь спустившись на дно, решаю подтащить торпеду к цели. Через 30 мин. невероятных усилий чувствую первые признаки обморока вследствие недостатка кислорода

и большой концентрации углекислого газа в респираторе прибора. Тогда я, включив часовой механизм взрывателя, поднимаюсь на поверхность и вижу, что нахожусь от цели почти на таком же расстоянии, что и раньше. Остается только попытаться выбраться из гавани и вплавь достичь испанского берега. Двигаясь осторожно, миную первое и второе заграждения. Здесь я взбираюсь на бон, ложусь и снимаю с себя комбинезон и кислородный прибор. Между тем на молу включается прожектор, луч которого скользит по заграждению и затем гаснет. Топлю кислородный прибор... Затем ныряю около бона, чтобы привязать комбинезон к цепи, иначе он всплывет, и удаляюсь вплавь. Я пытался отыскать Пакканьини, но безрезультатно. После того как я проплыл 200 м параллельно угольной пристани, у меня начались судороги, которые постепенно увеличиваются до такой степени, что я уже не могу держаться на поверхности. Приближаюсь к пристани, намереваясь подняться на нее, пешком дойти до Северного мола и снова плыть в направлении Испании. Влезаю на пристань по стальному тросу и минут двадцать отдыхаю. Потом начинаю пробираться дальше. Прячась за мешками с углем и перебравшись через две ограды, я незаметно для часовых подхожу к середине Северного мола, где имеется узкий мост, охраняемый часовым. Здесь я спускаюсь на сетку, которая закрывает пролет моста, и таким образом миную пост. Между тем начинает светать. Считая, что больше прятаться нельзя, засучиваю рукава рабочей одежды, чтобы не было видно нашивок, и смешиваюсь с толпой рабочих и солдат, которые уже движутся в большом количестве по молу. Моряки и солдаты обращают внимание на мою грязную и мокрую одежду, подозрительно присматриваются, но не останавливают. На внешней стороне мола ошвартовано много паровых баркасов и английских моторных катеров. Так как уже совсем рассвело, добраться вплавь до испанского берега, оставаясь незамеченным, невозможно. Иду по внутренней стороне мола и замечаю небольшое судно под названием "Сант'Анна". Предполагая, что оно испанское, поднимаюсь на борт и пытаюсь спрятаться там до наступления ночи. Матросы экипажа заметили меня и начали задавать вопросы. Даю им понять о моем желании остаться на борту. Они говорят, что судно контролируется и никто не может подниматься на него и сходить без разрешения англичан. Я предлагаю им 200 песет, и они готовы взять их, но на борт поднимается английский матрос и спрашивает, являюсь ли я членом экипажа. Они мнутся и ничего не говорят. Матрос уходит и вскоре возвращается с двумя полицейскими, которые задерживают меня и ведут на военно-морской контрольный пункт. Здесь один лейтенант спрашивает меня, кто я. Показываю свое удостоверение личности. Он явно удивлен, звонит по телефону, и вскоре прибывает другой офицер в чине капитана 3-го ранга. В это время происходит взрыв заряда торпеды. Поднимается большая суматоха. Несколько эсминцев отдают швартовы и выходят из гавани. Теперь уже капитан 3-го ранга спрашивает меня, кто я. В ответ я показываю ему удостоверение личности. Он мне говорит по-французски следующее: "Если вы тот, за кого я вас принимаю, то вы опоздали на три дня. Ваши друзья уже три ночи гуляют по побережью Ла-Линеа. Один жил в отеле "Принчипе Альфонсо". Я молчу, и меня отправляют в гибралтарскую тюрьму. Вечером меня вызывают, и группа из шести офицеров флота, армии и авиации начинает допрос. Отвечаю, что не могу сообщить ничего, кроме моего имени и чина. Они продолжают задавать вопросы самого различного характера до 5 час. утра; затем меня вновь отправляют в одиночную камеру, говоря, что, поскольку я не объяснил, как и с какими целями прибыл в Гибралтар, они считают меня диверсантом. На следующий вечер меня опять вызывают и говорят, что считают меня военнопленным. Что касается Пакканьини, то он был обнаружен в море утром 30 октября и схвачен. Вел себя он отлично"*.

Так Биринделли рассказывает о необычайном приключении, стоившем ему трех лет тяжелого плена, вспоминая о боевом задании, выполненном с исключительным мужеством, достоинством и гордостью.

Несмотря на упорное желание участников, и эта операция не имела успеха из-за явного несовершенства еще не отработанной до конца материальной части. Но по сравнению с предыдущей попыткой были достигнуты определенные успехи, ибо впервые управляемые

торпеды были доставлены в назначенный пункт для спуска на воду, преодолели естественные препятствия и оборонительные заграждения противника, а одному из экипажей удалось проникнуть внутрь гавани и подойти на 70 м к цели.

У нас не было недостатка в сообщениях об исходе операции. Благодаря хорошей организации, предварительно созданной на испанском берегу, два экипажа де ла Пенне и Тезеи немедленно вернулись на родину. От них мы узнали о технических причинах, побудивших их отказаться от выполнения заданий. Даже Биринделли, находясь уже в плену, вскоре прислал свое донесение. Каждый водитель торпеды должен был запомнить секретный код (различный для каждого). Пользуясь этим кодом, они в обычных, дозволенных военнопленным письмах домой сообщали об исходе операции, сведения о базе противника и о том, с какими непредвиденными трудностями там можно встретиться, а также выражали свое мнение о возможности повторных попыток.

"Скажите моему брату, чтобы он вторично сдавал экзамены! - писал своим родным Биринделли. - Если провалится снова, пусть не отчаивается: хорошо подготовившись, он не встретит непреодолимых препятствий и добьется успеха". Эти слова были понятны командованию 10-й флотилии.

Но, как всегда, имелась и обратная сторона медали. Впервые проникнув в английскую базу, итальянские водители управляемых торпед раскрыли секрет применения нового оружия, представлявшего собой новую угрозу. Было логичным ожидать, что во избежание повторного нападения противник примет меры предосторожности.

В первый момент англичане приняли взрыв заряда торпеды за взрыв авиационной бомбы. Но после захвата Биринделли и Пакканьини у них уже не было больше сомнений о действительном характере нападения, произведенного на их базу. Кроме того, покинутая Тезеи торпеда, побродив по бухте (двигатель не был выключен), приткнулась к песчаному берегу на испанской территории, вблизи от Гибралтара. Правда, испанцы сразу же завладели ею и отвезли в свой арсенал. Но это не укрылось от англичан. Тем более что об этом упоминалось в прессе. Газета "Информасионес" 31 октября в статье под заголовком "Итальянская подлодка вблизи Гибралтара" сообщала: "Ла-Линеа, 31. - Упорные, циркулирующие среди населения слухи подтвердились: утром 30 октября итальянской подводной лодке удалось приблизиться к входу в гавань и выпустить торпеду, которая повредила металлические сети, прикрывающие вход в гавань". Мадридская газета А.В.С. поместила 2 ноября следующее сообщение: "Альхесирас 1 ноября 1940 г., 23 часа. Через Альхесирас в С. Фернандо провезли найденный на побережье Эспигон в Ла-Линеа аппарат для осмотра и изучения его в арсенале Ла Каррака. Аппарат длиной 5 м напоминает обычную торпеду, но имеющую два сиденья и несколько рукояток. Относительно экипажа ничего не известно, но предполагают, что аппарат аналогичен тому, который взорвался в заградительных сетях гавани у Гибралтара. Он был скрытно выпущен с подводной лодки, надводного корабля или с самолета. Когда на берегу обнаружили эту странную торпеду, ее винт все еще вращался".

Командование английской военно-морской базы в Гибралтаре 31 октября опубликовало следующее сообщение: "Сегодня утром офицерами итальянского военно-морского флота была произведена неудачная попытка взорвать находящиеся в базе корабли при помощи торпед специального устройства. Одна торпеда взорвалась при входе в гавань, не причинив, однако, ущерба, вторая выбросилась на побережье на испанской территории".

Вскоре подтвердилось, что попытка совершить нападение вызвала тревогу среди англичан. Один осведомитель 6 ноября сообщил: "В истекшие дни с некоторых кораблей в гавани стали неожиданно сбрасывать глубинные бомбы; делается это с нервозностью, которая царит на борту кораблей после случая с появлением управляемых торпед... Общественное мнение Гибралтара встревожено появлением нового загадочного оружия.

Распространился слух, что подводная лодка, выпустившая торпеды, будто бы произвела выпуск их из пролива. Вероятно, этот слух распространяется искусственно с целью показать, что лодке никогда не удалось бы безнаказанно войти в бухту. Экипажи

торговых судов, которые всегда стоят на внешнем рейде, в связи с этим очень обеспокоены".

В итоге эта операция явилась ценным опытом, полезным на будущее. Выяснилось, что подход подводной лодки к базе противника на дистанцию дальности действия управляемой торпеды был вполне осуществимым делом; подводная материальная часть (торпеды и кислородно-дыхательные приборы) до конца еще не отработаны; заграждения Гибралтара проходимы; экипажи могут выполнить задание при условии безотказной работы материальной части; экипажи торпед значительно утомлялись при плавании на подводной лодке, будучи вынужденными находиться несколько дней в неблагоприятной обстановке; наконец, противник был встревожен опасностью, представляемой новым средством ведения войны, вследствие чего, вероятно, ввел новые меры предосторожности. С другой стороны, у экипажей вражеских кораблей создавалось нездоровое настроение, т.е. не было уверенности в собственной безопасности, даже когда корабли стоят в гавани. Это само по себе уже являлось успехом, так как влекло за собой расход сил и средств противника в большем объеме с целью предотвратить угрозу даже в гаванях, считавшихся до сих пор недосягаемыми для наших нападающих сил и средств.

После возвращения в базу я был приглашен к заместителю морского министра и начальнику морского генерального штаба адмиралу Каваньяри. Он выразил свое удовлетворение нашими действиями в связи с выполнением задания и спросил, что меня особенно беспокоит и что он мог бы для меня сделать. Я ответил, что хотел бы организовать отдых в горах для всего моего экипажа, в хороших отелях, где вне рамок военной дисциплины моряки могли бы восстановить свои силы и развлечься. Все связанные с этим расходы я просил отнести за счет средств флота. Адмирал с готовностью удовлетворил мою просьбу. Через несколько дней половина команды "Шире" прибыла в Ортизеи в Валь Гардена. Для меня не было ничего более приятного, чем знать, что мои моряки пользуются заслуженным отдыхом в этой веселой местности. Они просыпались в своих мягких кроватях, когда хотели, и приказывали: "Шоколад со сливками - буду завтракать в постели"; потом катались на лыжах, спускаясь с самых крутых снежных склонов. Вечером, отличные кавалеры, какими умеют быть моряки, они составляли приятную компанию грациозным дачницам и самым красивым здешним девушкам. Этим признанием заслуг моего экипажа я был удовлетворен, пожалуй, больше, чем золотой медалью "За воинскую доблесть", которой я был награжден как командир подводной лодки, проникшей в Гибралтар.

Впоследствии мои коллеги, командиры подводных лодок, тоже решились претендовать на подобное отношение и к их экипажам; таким образом, льгота, полученная для команды "Шире", распространилась, стала правилом для всего подводного флота Италии.

После своего возвращения на родину Биринделли был награжден золотой медалью. Пакканьини и 4 человека, составлявшие два других экипажа, были награждены серебряными медалями.

В ноябре, сопровождаемый адмиралом Каваньяри, я был принят дуче, являвшимся Главнокомандующим вооруженными силами в военное время. Первый и последний раз я прошел по знаменитому салону Маппамондо в Паллаццо Венеция. Со мной были Тезеи, Педретти, де ла Пенне и Бьянки.

Дуче стоял за письменным столом, руки по швам, одетый на сей раз в штатский костюм - серые брюки в полоску и черный пиджак. Он выглядел усталым и рассерженным (перед нами он принял генерала Содду, возвратившегося из инспекционной поездки по Албании, где находились наши войска и где война с Грецией принимала трагический оборот).

Аудиенция была короткой. После представления, сделанного адмиралом Каваньяри, дуче пожелал заслушать доклад об операции. Я кратко доложил, пользуясь навигационной картой, которую имел при себе. Он заинтересовался, в частности, фактом, что Гибралтар был освещен, как в мирное время; призвал нас к настойчивости и выразил свое удовлетворение "от имени всех итальянцев".

Фразой "можете идти" аудиенция была окончена.

Я имел возможность лично познакомиться с Муссолини за несколько лет до этого

случая на завтраке, устроенном морским министерством для награжденных за участие в войне в Испании; три года спустя, в сентябре 1943 года, я вновь увидел его в Рокка делле Каминате в чрезвычайно драматической для нашей страны обстановке.

Глава VII

ПЕРВЫЙ УСПЕХ ШТУРМОВЫХ СРЕДСТВ. ПОБЕДА В БУХТЕ СУДА В МАРТЕ 1941 ГОДА

Греция вступает в войну. Походы к Санти Куаранта и Корфу. Организация английской военно-морской базы в Суда (о. Крит). Катера базируются на Берос. Тщетные попытки в январе и феврале. Наконец создается благоприятная обстановка. Атака катеров. Донесения лейтенантов Фаджони и Кабрини. Потопление крейсера "Йорк" водоизмещением 10 000 т. Шесть золотых медалей. Немецкая ошибка и упорство английского адмиралтейства. Два документа командира крейсера "Йорк".

Со вступлением Греции в войну (28 октября 1940 года) англичане сразу использовали якорные стоянки, которых так много вдоль побережья этой страны, в особенности вдоль берегов ее многочисленных островов. Заливы и открытые бухты в южной части Адриатического моря находятся сравнительно на небольшом расстоянии от наших берегов. Как якорные стоянки кораблей, они имели относительно слабые оборонительные сооружения, и потому осуществить нападение при помощи наших надводных средств не представляло большого труда.

В начале апреля 1941 года были организованы походы катеров в районы портов Санти Куаранта (Саранде) и Корфу. "Эти походы не относятся к числу особо важных, - писал в своем военном дневнике Моккагатта, - так как в названных портах вряд ли могло быть много кораблей противника, но речь идет об испытании средств и тренировке экипажей. Позднее мы перейдем к решению более серьезных задач..."

3 апреля катера МТМ, предварительно сосредоточенные в Бриндизи, были отбуксированы на островок Сасено, который мы избрали в качестве нашей операционной базы в связи с тем, что он расположен вблизи от намеченных объектов для атаки.

"Мы вышли в море 4 апреля вечером. Погода безветренная, луна слегка закрыта облаками, - описывал события Моккагатта, который непосредственно руководил действиями катеров. - Катера шли полным ходом к Саранде. Однако в ночной тишине они создавали много шума, и когда мы были на расстоянии 200-300 м от мыса Ферруччо, зажегся прожектор, и противник открыл частый пулеметный огонь. Как выяснилось позже, катер Джоббе получил два попадания, катер Массарини - ни одного. Я стал разыскивать их и вскоре нашел один катер, а второй обнаружил утром в Сасено. Я был удовлетворен, представив себе, на что способны катера этого типа, и наметил даты будущих боевых походов. Было бы несправедливым не упомянуть в этих записках о подчиненном мне личном составе. Люди работали с большим напряжением сил, не зная отдыха, не оставляя времени на то, чтобы сесть за стол и покушать, однако были бодры и хотели только одного - работать и бороться. В этот поход я должен был взять дополнительно двух человек, уступая их настойчивым просьбам. Они ни за что не хотели оставаться на берегу, просили взять их с собой. С такими людьми можно идти на край света".

Поход к Корфу с теми же участниками, т.е. Джоббе и Массарини, под руководством Моккагатта не дал желаемого результата в связи с неожиданной для нас воздушной бомбардировкой, проведенной нашей авиацией в это же самое время, но явился очередной проверкой материальной части и послужил для участников подготовкой для будущих боевых действий.

Между тем в широкой и глубокой бухте Суда, на северо-западном берегу острова Крит, была создана английская военно-морская база, где английские корабли находили убежище и снабжение. Эта база являлась угрозой нашим островам (Додеканес) и морским сообщениям между Италией и этими островами, которые представляли собой наши далеко выдвинутые форпосты в восточной части Средиземного моря.

Начиная с декабря 1940 года в целях противодействия морским перевозкам противника

между Египтом и Грецией, в бухте Партени на острове Лерос, дислоцировалась флотилия катеров МТМ, готовых атаковать корабли противника в бухте Суда, как только воздушная разведка обнаружит их там.

Моккагатта находился на острове Лерос почти месяц, чтобы окончательно отработать план сложной операции и проследить за специальной подготовкой и тренировкой личного состава. Особенности применения штурмовых средств требуют изучения в самых мельчайших подробностях наиболее пригодного метода их использования, преодоления различных трудностей, учета специфики этого оружия, географической и тактической обстановки в каждом порту.

Два эскадренных миноносца, "Криспи" (командир Феррута) и "Селла" (командир Редаэлли), были выделены для перевозки катеров, по 6 на каждом. Для подъема и спуска катеров на воду на этих кораблях имелись шлюпбалки с электрическим приводом. В процессе многих упражнений, выполненных на Леросе под руководством неутомимого и настойчивого Моккагатта, благодаря искусно придуманному устройству и умелой подготовке людей удалось добиться спуска на воду 6 катеров за 35 сек. - прекрасный результат!

20 января Моккагатта вернулся в Италию для того, чтобы продолжать выполнение обязанностей командира флотилии. Он оставил в распоряжении командующего ВМС в Эгейском море (адмирал Бьянкери) эффективное боевое средство, готовое к использованию при первой благоприятной обстановке.

В период новолуния (примерно с 23 января до первых чисел февраля) катера под командованием старшего лейтенанта Фаджони, погруженные на "Криспи" и "Селла", ждали приказа о выходе в море. Между тем самолеты морской авиации ежедневно производили фоторазведку над бухтой Суда, чтобы определить состав и расположение кораблей противника и наличие и характер заграждений.

Однако благоприятного случая не представилось ни в январе, ни в феврале (т.е. в месяцы, которые по продолжительности темного времени суток являются самыми удобными для проведения атак): либо на якорной стоянке в бухте Суда не было военных кораблей, представляющих интерес, либо состояние моря было таким, что совершенно исключалась возможность спуска катеров на воду.

Всего лишь по одному разу в январе и в феврале "Криспи" и "Селла" выходили в море, но после нескольких часов плавания возвращались. Первый раз потому, что произведенная авиационная разведка не обнаружила английских кораблей в бухте, и второй раз из-за того, что количество кораблей было слишком незначительным.

Какое совпадение благоприятных обстоятельств требуется для успеха операции! В течение нескольких дней должна быть достаточно хорошая погода, позволяющая производить воздушную разведку; состояние моря таким, чтобы маленькие катера могли преодолевать не слишком крутую волну; необходимо иметь корабли - носители катеров; должны быть полностью готовы катера и их рулевые и, наконец, корабли противника находиться в их базе.

Во время долгих дней ожидания небольшой отряд Фаджони постоянно тренировался. Настроение личного состава всегда было бодрым, несмотря на неудачные выходы в море в январе и феврале и на то, что отряд дислоцировался в Партени - месте, лишенном каких-либо удобств и средств обслуживания.

20 января при взрыве авиабомбы, сброшенной самолетом противника, были ранены два рулевых. Оба они просили не освобождать их от выполнения задания. Они быстро выздоровели и вскоре были в состоянии принимать участие в операции. В марте вести воздушную разведку над бухтой Суда стало трудно в связи с улучшением противовоздушной обороны и, в частности, действиями многочисленных истребителей противника.

25 марта "Криспи" и "Селла", находившиеся в Стампалья с катерами МТМ на борту, подверглись бомбардировке с самолета противника. На "Криспи" один матрос был убит и трое ранены. В тот же день создались, наконец, благоприятные условия для действий

катеров. Погода установилась прекрасная, море было спокойное, а авиаразведка обнаружила в бухте Суда 2 эскадренных миноносца, 12 грузовых судов и крейсер водоизмещением предположительно 10 000 т. Был дан приказ начать операцию. Ночь выдалась темная, звездная, над водой поднимался небольшой туман. Благополучно совершив переход морем, 2 эсминца в 23 час. 30 мин. прибыли в намеченный пункт в 10 милях от побережья противника. Катера спустили на воду, рулевых напутствовали сердечными пожеланиями. Корабли легли на обратный курс.

Шесть катеров с водителями: Луиджи Фаджони, Анджело Кабрини, Алессио де Вито, Туллио Тедески, Лино Беккати и Эмилио Барбери подошли в сомкнутом строю к входу в бухту.

Теперь предстояло выполнить самую трудную часть задания, т.е. бесшумно и незаметно, преодолевая сетевые заграждения, проникнуть в глубинную часть бухты, где в безопасности стояли на якоре корабли.

Из рапорта Фаджони:

"Погода и видимость хорошие, легкий юго-западный ветер, пологая волна. При входе в бухту уменьшаем скорость хода, чтобы шум наших моторов не был услышан противником. Направляю катер к середине 1-го заграждения, вхожу в промежуток между двумя буями и легко прохожу его. Остальные катера проходят за мной. Через несколько минут вижу 2-е заграждение и прохожу его вблизи небольшого островка, где выступают подводные камни, которые легко спутать с катерами. Прохожу без затруднений. Следующий за мной Барбери несколько задерживается. Чтобы не потерять связь, выключаю мотор, останавливаюсь и жду в тени, падающей от островка. Через некоторое время снова вижу всех пятерых, становлюсь головным и продолжаю движение, держась середины бухты. Время около 2 час. 45 мин. (26 марта), через два с половиной часа начнет светать. Имея в виду возможность задержки при прохождении 3-го заграждения, увеличиваю скорость хода. Через 10 мин. два прожектора освещают центр бухты, но противник нас не замечает. В 3 час. 30 мин. подходим к 3-му заграждению. Не будучи в состоянии прямо преодолеть его, проникаем через небольшой зазор между заграждением и берегом. Двигаюсь к середине бухты, через несколько минут даю сигнал остальным водителям застопорить моторы и собраться около меня; мы еще имеем в запасе время, чтобы немного подождать и затем действовать в более благоприятных условиях видимости. Решаю ждать. Крейсер стоит на якоре приблизительно в 200 м от нас, а грузовые суда несколько дальше, лишь один танкер стоит в 100 м, развернувшись против ветра. Тщательно обследую в бинокль место стоянки кораблей и выбираю наиболее крупные цели, а затем передаю его по очереди Кабрини и другим водителям, чтобы они запомнили расположение объектов их атак. Время 5 час. На крейсере производят побудку, слышатся свистки боцманских дудок и виден передвигающийся по палубе свет фонаря; из передней трубы корабля поднимается дым. Через некоторое время вижу, как зажигаются проблесковые красный и зеленый огни на разводной части заграждения. Даю сигнал "Вперед!" Кабрини и Тедески устремляются в атаку на крейсер. Катера развивают максимальную скорость хода, и через несколько томительных секунд раздается один взрыв и за ним немедленно звуки выстрелов зенитных орудий, стреляющих по воображаемым самолетам. Справа слышу другой взрыв и предполагаю, что он произведен Барбери. Беккати находится слева от меня и просит разрешения атаковать большой танкер, который я ему предварительно указал. Я приказываю ему подождать, и мы вместе приближаемся к танкеру. Только когда Беккати хорошо различает цель, разрешаю ему выходить в атаку. Он только этого и ждал; его катер рванулся вперед. В это время сзади раздался взрыв. Крейсер сильно накренился на правый борт, весь окутанный клубами дыма. Но погружается он медленно, поэтому я также решаю атаковать его. Прежде чем включить скорость, осматриваю еще раз в бинокль бухту и вижу сзади танкера корабль, имеющий камуфляжную окраску. Это военный корабль. Перекладываю руль вправо, увеличиваю скорость до максимальной и иду в атаку. Спустя некоторое время закрепляю руль и выбрасываюсь с катера. В течение нескольких секунд слышу шум мотора, затем следует взрыв, однако, учитывая расстояние и направление

атаки, предполагаю, что катер ударился о какое-то препятствие внутри гавани. Я плыву, напрягая силы, по направлению к северному берегу. Вскоре делается светло, и с носа ближайшего парохода слышатся крики. Подходит шлюпка, берет меня и доставляет на борт. Сообщаю свою фамилию и чин, меня обыскивают и ведут в кают-компанию, где собрался почти весь экипаж судна; на каждом надет спасательный пояс. Спрашивают, не с подбитого ли я самолета и есть ли другие мои товарищи в море. Отвечаю отрицательно. Мне не дают приблизиться к иллюминатору, чтобы посмотреть, что творится снаружи, предлагают виски, чай, сигареты и помогают снять резиновый комбинезон. Примерно через полчаса солдаты морской пехоты доставляют меня на берег в комендатуру, они же защищают меня от группы враждебно настроенных грузчиков греков. Вижу матроса, на ленточке бескозырки которого написано: "H. M. S. York". В 10 час. в сопровождении одного вооруженного пистолетом морского офицера и двух часовых меня переправляют на шлюпке на другой берег. Пересекая бухту, проходим мимо танкера, из пробоины которого вытекает нефть, вижу крейсер, глубоко осевший носом в воду. Корма его находится на уровне воды, орудия кормовой башни оставлены в положении с максимальным углом возвышения; люди заняты работой на палубе, у правого борта крейсера стоит небольшой танкер. Один гидросамолет обследует бухту вдоль и поперек, летая на очень малой высоте.

Подходим к небольшому пирсу. Недалеко от него вижу один из наших катеров, целый и невредимый, вокруг него много солдат. Офицер подводит меня к катеру и, угрожая пистолетом, спрашивает, опасно ли трогать катер. Предполагая, что взрыв может еще произойти, отвечаю утвердительно и рекомендую отвести от этого места солдат. Он спрашивает меня, могу ли я объяснить ему, как обезвредить заряд и как устроен взрыватель. Отвечаю, что ничего не знаю. Офицер снова угрожает пистолетом и настаивает на ответе. Я не отвечаю. Вскоре он прекращает допрос, приказывает всем удалиться, и мы снова возвращаемся обратно в комендатуру...

На следующий день в полдень в тюрьме Кастелло Палеокастро я увидел остальных пятерых водителей наших катеров.

Атака была выполнена в соответствии с полученной подготовкой и приказами Моккагатта. Она началась с наступлением рассвета. Командир группы, распределив цели, ожидал исхода атак по наиболее важным целям, располагая еще и резервом. Подход к бухте, преодоление заграждений и сама атака были осуществлены спокойно и решительно всеми участниками, которые подтвердили готовность выполнить свой долг.

27 марта я попросил разрешения написать семье и условным шифром сообщил о захвате противником одного невзорвавшегося катера. Прошло достаточно времени, пока я узнал, что в июне 1941 года мое письмо дошло до командования 10-й флотилии"*.

А вот как рассказывает Кабрини о своей атаке крейсера "Йорк":

"Выполняя приказание Фаджони, глушим моторы и приближаемся к нему. Видны очертания различных кораблей и вдали слышен шум турбовентиляторов. В направлении шума обнаруживается темная масса крейсера.

Фаджони знакомит нас со своим решением; он выделяет два катера для атаки крейсера. Эта задача поручена мне и Тедески. Мы должны атаковать крейсер, как только позволят условия видимости. Другие участники, из которых каждый имеет свою цель, отойдут после того, как услышат первые взрывы.

Оставляю группу Фаджони и с минимальной скоростью направляюсь к крейсеру. Тедески ведет свой катер в непосредственной близости от моего. Очень темно, отчасти потому, что берег высокий. Крейсер имеет защитную окраску и его трудно различать. Приближаемся до тех пор, пока корабль становится отчетливо виден, затем останавливаемся, ожидая начала рассвета. Дистанция до корабля - 300 м. Стоим 15 мин. В 5 час. 30 мин., опасаясь, что противник может заметить нас или наших товарищей, даю приказание выходить в атаку. Некоторое время идем борт о борт на полной скорости. Когда до крейсера оставалось около 80 м, закрепляю руль, освобождаю предохранитель и выбрасываюсь в воду. Катер, когда я оставляю его, наведен на центр корабля.

Прежде чем мне удается взобраться на спасательный плотик, отчетливо слышу звук удара двух катеров по корпусу корабля. Ясно слышу также разрезающие катера взрывы и через несколько мгновений ощущаю мощный подводный взрыв. Сразу же вижу сильно накренившийся крейсер. Слышу шум моторов других катеров, затем серию взрывов, некоторые из них на близком, а некоторые на далеком расстоянии...

Обнаруживаю, что мой резиновый комбинезон порван, с большим трудом снимаю его и плыву к берегу в надежде найти место, где я смогу выбраться. В 15 м от берега ко мне подошла шлюпка. Офицер, направив на меня пистолет, приказывает поднять руки. Затем меня, как груз, поднимают на шлюпку; я очень устал и с трудом держусь на ногах. Меня высадили на берег, вблизи от батареи, и передали двум часовым.

Здесь я встречаю также Тедески, Беккати и Барбери"*.

Водители других катеров успешно произвели атаки намеченных целей: де Вито - парохода; Барбери - танкера, который, получив попадание в среднюю часть, затонул; Беккати - другого большого груженого танкера (18 000 т), который, получив громадную пробоину, тоже затонул.

В течение нескольких минут в бухте слышались грохот взрывов и звуки стрельбы многочисленных батарей, открывших интенсивный зенитный огонь.

Затем с рассветом наступила тишина. Англичане с изумлением выяснили, что были застигнуты врасплох; их корабли подверглись неожиданной атаке с применением неизвестного оружия, которым владели итальянские моряки. А пленные итальянцы испытывали радость, сознавая, что добились успеха. Беккати в своем донесении рассказывает:

"С батареи мы могли видеть сильно накренившийся крейсер, который буксиры пытались отвести на мель. Видели бухту и много нефти, которая всплывала на месте затонувшего танкера, а также другой накренившийся танкер, создававший впечатление, что он тонет".

Водители катеров вели себя отлично. Они проникли далеко в воды противника, пройдя через три ряда заграждений; достигли зоны в нескольких сотнях метров от кораблей и устроили там совещание, спокойно изучая обстановку, передавая с катера на катер бинокль командира. Окруженные часовыми, прожекторами, орудиями, они ожидали рассвета, а затем по команде "Вперед!" бросились в атаку на корабли, действуя спокойно и хладнокровно, как во время обычных учений и тренировок, проводимых в дружественных водах. Это было демонстрацией самообладания, основанного на высоких моральных качествах и дисциплине, закрепленного в процессе частых упражнений, когда люди умышленно ставились в условия не менее трудные, чем при фактических боевых действиях.

Шесть отважных водителей катеров, принимавших участие в атаке кораблей в бухте Суда, по возвращении на родину из плена были награждены золотой медалью "За воинскую доблесть".

Тесное, хотя и недостаточное взаимодействие между авиацией и военно-морским флотом, поддерживаемое и укрепляемое единым командованием вооруженных сил Эгейского моря, высокая эффективность катеров, отличная организация и напряженная подготовка (что является заслугой Моккагатта), и прежде всего высокая доблесть участников обеспечили победу, которая явилась началом ряда успехов 10-й флотилии МАС. Крейсер "Йорк" водоизмещением 10 000 т и 3 торговых вспомогательных английских судна общим водоизмещением 32 000 т, потопленные или выведенные из строя на все время войны, - совсем неплохо для начала.

Когда в мае 1941 года немецкие войска заняли Крит, они обнаружили в бухте Суда полузатопленный крейсер "Йорк" и, считая, что он потоплен в результате воздушных бомбардировок, которым был подвергнут остров до занятия, зачислили его на свой счет. Но описанные выше неопровержимые факты не вызывают сомнений в том, кому следует приписывать эту морскую победу. Если бы сомнения все же остались, их можно рассеять при помощи документов, найденных на том же "Йорке" итальянскими офицерами и

матросами, прибывшими на корабль сразу же после оккупации острова. Среди документов имеется написанное от руки распоряжение командира корабля командиру электромеханической части. Вот его содержание:

Распоряжение

Командиру электромеханической части

от командира корабля - лично.

Прошу собрать показания всех, кто находился в машинном и котельном отделениях в момент нанесения удара по кораблю 26 марта, а также от каждого, кто может дать сведения о двух кочегарах, погибших в машинном отделении.

Кроме того, хотел бы, чтобы вы составили в хронологическом порядке, пока события свежи в вашей памяти, итоговую запись, установленных и отмеченных повреждений, а также перечень событий после того, как мы начали откачивать воду.

Р. П. 27/3.

Второй документ - это инструкция, напечатанная на машинке:

Крейсер "Йорк", 28 марта 1941 года

№ 37

Распоряжение командира.

Командирам боевых частей.

1. Командирам боевых частей предлагается представить как можно быстрее рапорты, осветив в них следующие вопросы, касающиеся недавнего торпедирования корабля "Йорк":

а) полученные повреждения;

б) вопросы, представляющие особый интерес;

в) имена офицеров и матросов, поведение которых, по их мнению, заслуживает особого упоминания.

2. Приказы адмиралтейства по флоту, которые могут потребоваться в связи с этим, можно получить в моей канцелярии.

(Подпись) Реджинальд Портал

Кроме того, было подтверждено, что имевшиеся повреждения на палубе и частично во внутренних помещениях корабля являются не результатом взрывов авиационных бомб, а зарядов, подорванных наспех самими англичанами, прежде чем оставить Суду.

Несмотря на эти очевидные факты и то обстоятельство, что никто лучше самих англичан не знает действительную историю потопления "Йорка", британское адмиралтейство как бы не хочет этого признать. Следуя упорно выдерживаемой линии, т.е. желая принизить успехи итальянского флота, нанесшего потери английскому флоту, оно продолжает настойчиво указывать в официально публикуемых после войны списках потерь, что причиной гибели "Йорка" является воздушная бомбардировка немецкой авиацией бухты Суда.

Глава VIII

ТРЕТИЙ ПОХОД "ШИРЕ" В ГИБРАЛТАР - МАЙ 1941 ГОДА

"Шире" совершает "регулярные рейсы" на линии Специя - Гибралтар. Новость: танкер "Фульгор". Новые экипажи. Еще раз у устья Гуадарранке. Гавань пуста! Рапорты Каталано и Визинтини. Недомогание Марчелья. Снова неудача.

В мае 1941 года перед выполнением намеченной операции на Мальте подводная лодка "Шире" под моим командованием сделала третью попытку проникнуть в порт Гибралтар. Были приняты во внимание и изучены выявившиеся в предыдущем (октябрьском) походе недостатки и приняты меры для того, чтобы избежать ошибок в будущем. Материальная часть была улучшена и испытана самым тщательным образом. Усиленно готовились и сами экипажи управляемых торпед. Чтобы избавить их от неудобств, связанных с длительным пребыванием на подводной лодке во время перехода, было решено направить их в Испанию самолетом, снабдив документами, которые не вызывали бы подозрения у испанских властей или у тех, кого интересовало движение пассажиров. С аэродрома они должны были (воспользовавшись средствами, предоставленными имевшимися в Испании нашими

агентами) направиться на итальянский танкер "Фульгор", интернированный в порту Кадис в самом начале войны. Предполагалось, что "Шире", пройдя пролив и направившись в Атлантический океан, войдет ночью незаметно для испанцев в порт Кадис, ошвартуется у танкера "Фульгор", примет экипажи управляемых торпед и необходимые предметы снабжения и еще до рассвета успеет выйти из порта. Затем, следуя с запада, она войдет в пролив и поднимется в бухту Альхесирас. Требования, которым должно было удовлетворять место спуска управляемых торпед, оставались прежними. Практика показала, что они отвечали поставленным целям.

Пока мы готовились, противник тоже не дремал. Нам было известно, и это подтверждалось конкретными фактами, что в результате наших повторных действий с применением штурмовых средств англичане создали широкую организацию, располагающую специально обученным личным составом, большим количеством средств и кораблями в целях предупреждения и отражения атак 10-й флотилии. Во всех базах Средиземного моря были созданы специальные оборонительные подводные отряды - самая настоящая "анти-10-я флотилия".

15 мая "Шире" с управляемыми торпедами на борту в третий раз вышла в поход. Она, казалось, совершала (как коммерческое судно) регулярные рейсы между Специей и Гибралтаром.

Из-за встречной большой волны у берегов Испании мы подошли к проливу с опозданием на 24 часа. Переход из Средиземного моря в Атлантический океан прошел благополучно; в 4 часа утра, в 6 милях от мыса Европа, идя серединой пролива, мы погрузились на глубину 60 м и в 23 часа всплыли по ту сторону мыса Тариф. На рассвете 23 мая подводная лодка была вблизи Кадиса, мы погрузились перед портом и на глубине 40 м легли на грунт. Весь день мы отдыхали.

Трудно представить себе обстановку, более располагающую ко сну, чем обстановка внутри лодки, лежащей на грунте. Тишина, обычная под водой, становится еще более ощутимой после прекращения работы корабельных механизмов; мы чувствуем себя защищенными толщей воды от всякого нападения. После многодневного плавания, вызывающего большое физическое и нервное напряжение, утомляющего и оглушающего шума моря, ветра и моторов, кажется, что ты очутился где-то далеко от войны, в каком-то ином мире. На глубине даже радиоволны не доходят до нас. Мы абсолютно одни, наедине с собой.

Мне вспоминается другой проведенный на грунте день, также у берегов Испании в водах Таррагоны. Это было в канун рождества в 1937 году, во время войны в Испании, на подводной лодке "Ириде". Тогда экипаж приготовил без моего ведома прелестную рождественскую елку из корабельных средств (ручка метлы, веточки из прутьев, окрашенных зеленой краской, цветные электрические лампочки), были даже мастерски сделанные ясли с вырезанными из жести консервных банок фигурками людей и фигуркой младенца Иисуса, вылепленной из хлебного мякиша.

Взволнованный этим событием, прекратив на несколько часов боевые действия, я подошел тогда в подводном положении совсем близко к порту Таррагона и дал возможность каждому члену экипажа посмотреть в перископ, направленный на собор. После выполнения этой религиозной церемонии я поздравил моряков, и мы обратились мысленно к нашим далеким семьям. Лодка легла на грунт, и мы превосходным завтраком (приготовленным также при участии всей команды и без ведома командира, для которого это было сюрпризом) и заслуженным отдыхом мирно отметили этот радостный праздник.

Но я немного отвлекся - в рапорте командира "Шире" об этом ничего не говорится. Там мы найдем только следующее: "23 мая, 6 час. 00 мин. Погружение в 8 милях (пеленг 90°) от маяка Кадис. Ложимся на грунт на глубине 40 м в ожидании ночи. Собрание экипажа. Говорю о том, что закончилась первая фаза операции (переход) и что нужно быть готовыми ко второй (атака Гибралтара). Затем общий отдых".

Вечером "Шире" всплывает и, соблюдая осторожность, медленно ползет внутрь порта

Кадис, поднимаясь по реке Гуадалете, течение которой, сопротивляясь встречному приливному течению, образует странную игру маленьких и бурных пенящихся волн. Лодка незаметно проходит между пароходами, стоящими на якоре (среди них есть английские), и, отыскав "Фульгор" - танкер в 6000 т, ошвартовывается у его борта, оставаясь в позиционном положении, чтобы уменьшить возможность обнаружения. Происходит самая сердечная встреча с офицерами танкера, а также с членами экипажей управляемых торпед, которые прибыли несколько дней назад, не вызвав ни малейшего подозрения в отношении их личностей и целей путешествия.

В состав экипажей входят: водитель Дечио Каталано (начальник группы) с водолазом Джаннони; водитель Амедео Веско с водолазом Франки; водитель Личио Визинтини с водолазом Магро. Резерв: водитель Антонио Марчелья и водолаз Скергат. С ними на "Шире" переходит капитан медицинской службы 10-й флотилии Бруно Фолькомата, чтобы до последнего момента наблюдать за физическим состоянием этих людей перед предстоящим им тяжелым испытанием.

Крепкого рукопожатия этих людей для меня достаточно, чтобы убедиться в их отличном состоянии; они довольны проделанным путешествием и уверены в успехе.

Весь экипаж лодки принял на танкере горячий душ - комфорт, который немыслим на "Шире". Запасаемся свежей зеленью, чтобы разнообразить нашу пищу, приготовляемую из консервированных продуктов, и обеспечить команду, в особенности экипажи управляемых торпед..."

Товарищеские услуги, оказываемые нам на "Фульгоре", принимаются с большой радостью и удовольствием. Не часто представляется возможность при выполнении боевого задания, освежившись под душем и даже успев побриться, провести ночь, развалившись в удобном кресле кают-компании, рассуждая о том о сем, попивая прекрасное вино и куря ароматную гаванскую сигару.

Использую представившуюся возможность, чтобы ознакомиться с обстановкой и кое-что узнать о кораблях противника, находящихся на базе Гибралтар. Один молодой дипломат добровольно предложил свои услуги. Только что возвратившись из лично проведенной им разведки, он передал мне точные и полезные сведения. Между тем экипажи извлекли торпеды из цилиндров и произвели окончательную их проверку.

Еще до рассвета, сопровождаемая добрыми пожеланиями экипажа "Фульгор", "Шире" отдала швартовы и с попутным течением вышла из порта. Как только начало светать, она погрузилась.

25 мая, избежав встречи с эскадренными миноносцами, патрулирующими пролив, "Шире" в подводном положении приблизилась к входу в бухту Альхесирас. Соблюдая обычные правила безопасности и предосторожности (речь шла о том, чтобы проникнуть в пасть льва, не дав себя заметить), я с попутным приливным течением продолжал плавание. Но так как мы все же запаздывали по времени, то я отказался от попытки проникнуть в бухту и отложил ее до следующей ночи.

Выйдя из пролива на запад, я на рассвете 26-го возобновил попытку. На этот раз все шло успешно. В 22 час. 30 мин., всплыв в позиционное положение, чтобы ориентироваться после плавания вслепую в течение дня, я установил, что нахожусь внутри бухты Альхесирас, в 2,5 мили к западу от порта Гибралтар. Перед нами раскинулся город, весь освещенный огнями. Ночь великолепная, на море штиль, небо закрыто облаками, все вокруг предвещало удачу.

Шли подводным ходом, продвигаясь в бухте до уже известного нам пункта. В моем рапорте об операции сказано:

"23 часа 20 мин. Находимся в установленном месте у устья реки Гуадарранке, ложусь на грунт на глубине 10 м. Экипажи готовятся к выходу, врач экспедиции капитан Фалькомата в последний раз осматривает людей. Но в 23 час. 30 мин. высшее военно-морское командование сообщает нам по радио, что гавань пуста, все корабли ушли вечером, поэтому экипажи управляемых торпед должны атаковать торговые суда, стоящие на

открытом рейде. Глубокое разочарование, - пишу я в рапорте, - но никакого уныния. Отдаю последние распоряжения; в 23 час. 58 мин. всплытие, выход экипажей. Марчелья заменяет водолаза Франки, почувствовавшего недомогание".

"Шире" в подводном положении начала медленно уходить, соблюдая меры предосторожности, чтобы не вызвать тревоги, столь опасной для наших людей, которые тем временем отважно шли навстречу трудному испытанию. 31 мая "Шире", благополучно завершив переход, ошвартовалась в базе Специя.

Проследим теперь по рапортам водителей торпед за действиями трех экипажей, которым было приказано атаковать стоящие на рейде пароходы. Задание было менее трудным и рискованным, так как этот путь более короткий (не нужно было преодолевать заграждения и избегать опасности быть обнаруженными постами наблюдения на молах).

Каталано писал в своем рапорте: "Огорчение, вызванное тем, что мы не сможем провести операцию в гавани, частично компенсировалось радостью, что наконец-то после долгих месяцев подготовки и тренировки мы можем действовать. Настроение моих товарищей приподнятое. Выходим в установленном мною порядке. Прощаемся с экипажем подводной лодки. Все уверены в успехе..."*

После извлечения торпеды и ее проверки Каталано всплыл на поверхность. Он так рассказывает о своих действиях:

"Вхожу в визуальный контакт с водителями других торпед - Веско и Визинтини. Визинтини буксирует торпеду Веско, мотор которой не работает... Даю распоряжение затопить эту торпеду на больших глубинах после того, как будет отсоединено ее зарядное отделение, которое должен буксировать Визинтини. Марчелья должен перейти ко мне в качестве третьего члена экипажа, а Веско пойти с Визинтини. Следуем курсом на восток. Около 1 час. 40 мин. слева, на расстоянии приблизительно 600 м, замечаем огонь судна, стоящего на якоре. Приказываю разделиться, предварительно указав Визинтини его объект атаки. Пожелав друг другу успеха, расходимся. Правлю на замеченный до этого огонь. Объект плохо виден на фоне темного берега; кажется, это судно среднего тоннажа. Прохожу между ним и Гибралтаром. На фоне огней Альхесираса теперь ясно видно, что это современный теплоход..."

Решив прикрепить заряд к винту, Каталано подошел к корме. В то время как он, сидя верхом на торпеде, держался руками за руль судна, Марчелья и Джаннони отсоединяли зарядное отделение и прикрепляли его к гребному валу.

"Неожиданно во время этой работы Марчелья начинает барахтаться в воде, сильно и часто дыша, как будто бы ему не хватает воздуха. Слышу, как Джаннони спрашивает его, что случилось, и Марчелья отвечает: "Чувствую себя хорошо". Предполагая, что Марчелья очень устал, я зову его к себе и предлагаю занять мое место, а сам направляюсь к головной части торпеды, чтобы не дать ей удариться о корпус судна. Марчелья занимает мое место... Я слежу за работой Джаннони, который тем временем погрузился. Периодически высовываю голову из воды. Неожиданно замечаю, что Марчелья лежит ничком, неподвижно, голова его слегка повернута к корме. Приближаюсь и зову его, он не откликается".

Каталано бросился на помощь Марчелья. В момент замешательства покинутая всеми торпеда пошла ко дну. Напрасно Джаннони нырял, пытаясь найти ее, она погрузилась на большую глубину, так что с ней все было покончено.

Каталано и Джаннони прилагали все усилия, чтобы помочь Марчелья, который потерял сознание и не подавал признаков жизни, а между тем течение относило их от судна.

"Даю кислород в дыхательный мешок кислородного прибора Марчельи, чтобы он лучше держался на поверхности, и снова окликаю его. В это время Джаннони, выполняя мое приказание, снимает и уничтожает мой и свой кислородные приборы. Снимаем маску с Марчельи; он все еще без движения.

Наши голоса услышали на борту судна. Вахтенный матрос вышел на корму и ярким фонарем осветил воду в нашем направлении; мы, к счастью, не попали в луч света. Продолжаем плыть к берегу. Проходит еще несколько минут, и Марчелья, которому я, чтобы

привести его в чувство, дал несколько пощечин, начинает очень громко хрипеть, привлекая внимание команды теплохода. Наконец Марчелья приходит в себя и после сильной рвоты его состояние улучшается настолько, что он может плыть.

В 4 часа, обойдя наблюдательный пост, мы выходим на берег (в Испании), снимаем комбинезоны и добираемся до назначенного пункта"*.

Внезапное недомогание Марчелья было косвенной причиной потери торпеды Каталано. Таким образом, его атака закончилась неудачно, когда успех казался уже обеспеченным.

Визинтини, Веско и Магро. Выйдя из подводной лодки, Визинтини подошел к Веско, торпеда которого не могла двигаться из-за повреждения двигателя. Получив приказание Каталано, присоединившегося к ним на поверхности, он взял на буксир зарядное отделение этой торпеды, а саму торпеду затопил. Взяв Веско как третьего члена экипажа, он направился к якорной стоянке пароходов. Дополнительное зарядное отделение своей металлической массой оказывало влияние на компас, а это означало, что в подводном положении нельзя будет точно держаться курса. Но учитывая месторасположение целей, а также то, что открытый рейд и освещение Гибралтара и Альхесираса обеспечивали прекрасную ориентировку, этот недостаток почти не имел значения. Подойдя к якорной стоянке, Визинтини пристал к одному из судов, но тотчас же отказался от атаки, обнаружив на его бортах два больших белых креста - это было госпитальное судно. Приблизившись ко второму, он снова отходит в сторону, увидев на борту надпись "Швейцария". Нефтяная баржа в 600-800 т также не представляла заманчивой цели. А время шло, и его нельзя было растрачивать попусту. Визинтини решил атаковать сразу же, как только приблизился к очередному нефтеналивному судну.

"Подхожу к корме и приказываю Магро начать присоединение зарядного отделения торпеды к судну при помощи линя. Через несколько минут, считая, что Магро нуждается в помощи, я покидаю свое место и, приближаясь к нему, зову, но ответа не получаю. Замечаю только, что он не двигает руками и, кажется, замер в сильном напряжении. Чувствую, что линь угрожающе натягивается, тогда я спускаюсь вниз и, прежде чем добраться до торпеды, приказываю Веско: "Амедео, воздух, воздух!"

Едва я достигаю головной части торпеды, как линь резко слабеет и торпеда с Веско и со мной начинает быстро погружаться. Она имеет большой дифферент на корму. Пытаюсь добраться до поста управления, но это мне не удается. Погружение все ускоряется, и я чувствую, что меня всего сдавливает, появляется странное ощущение благополучия, перед глазами поплыли разноцветные круги. Глубина, должно быть, больше 30 м, а падение не прекращается. С горечью сознаю, что все потеряно. Когда начинаю понимать, что ощущение благополучия вот-вот перейдет в потерю сознания, я не выдерживаю. Чтобы подняться наверх, я должен еще добавить кислорода и плыть как можно энергичнее. Достигнув, наконец, поверхности, жду Веско, и секунды ожидания кажутся мне бесконечными.

Наконец появляется Веско. Он, по-видимому, очень устал, и я оказываю ему необходимую помощь. Между тем Магро, обеспокоенный нашим отсутствием, зовет нас. Говорю ему, чтобы он подплывал к нам и соблюдал полную тишину. Мы освобождаемся от нашего легководолазного снаряжения и топим его.

От Магро узнаю, что он привязал линь к рулю судна, но линь оборвался. Веско сказал, что он пытался продуть цистерну торпеды, но безрезультатно.

Выбираю очень удобный способ плавания на спине; плывем вместе, держась друг за друга и ритмично отталкиваясь ногами.

Плывем с 2 час. 40 мин. до 4 час. 15 мин., затем выходим на берег в указанном заранее пункте.

Отмечаю водолаза Магро Джованни за смелые действия и высокие профессиональные способности, которые он, в частности, показал в этой операции. Надеюсь, что ему будет и впредь разрешено участвовать при действии с управляемыми торпедами".

Так заканчивается рапорт Визинтини. Непредвиденный случай, аналогичный тому, который послужил причиной неудачи атаки Каталано, благодаря превратностям судьбы

привел к неудаче и на сей раз. Во время присоединения зарядного отделения торпеды к корпусу корабля торпеда неожиданно отяжелела, оборвала линь, на котором она держалась, и, следуя законам природы, несмотря на попытки Визинтини и Веско остановить падение, стремительно пошла вниз и исчезла на большой глубине.

Так неудачно закончилась вся операция: в порту не оказалось военных кораблей; одна управляемая торпеда была повреждена с момента спуска на воду, другие две были потеряны из-за непредвиденных трудностей в связи с тем, что действовать пришлось не в гавани, а на рейде с большими глубинами.

С другой стороны, операция явилась тренировкой участников в боевой обстановке, она обошлась без потерь в людях и была проверкой нового способа приближения экипажей управляемых торпед к объекту, используя танкер "Фульгор". Итальянская разведка блестяще выполнила свою задачу. Прибытие и пребывание в Испании, затем возвращение на берег, немедленная отправка на машине в Севилью и отбытие на самолете компании "ЛАТИ"* в Италию 6 членов экипажей управляемых торпед не оставили следа и не вызвали никаких подозрений среди испанцев и англичан. И так как эти последние совершенно не знали о том, какой опасности они подвергались в ночь на 26 мая, то оставалась возможность повторения попытки застигнуть их врасплох.

Наконец, было получено новое доказательство, что "Шире" с ее командой способна выполнить любое задание независимо от того, насколько оно является опасным в военном и трудным в навигационном отношении.

Шесть водителей управляемых торпед были награждены серебряной медалью "За воинскую доблесть".

Глава IX

"СЛАВНАЯ НЕУДАЧА" НА МАЛЬТЕ 25-26 ИЮЛЯ 1941 ГОДА

Мальта - постоянная угроза для Италии. Навязчивая идея Тезеи. Попытка произвести атаку в мае. Повторная попытка в июне - горькое, ужасное разочарование! Просьба Тезеи и решение Моккагатта. Окончательный план. Действия 25-26 июля. Сомнения Джоббе. Самопожертвование Тезеи и Карабелли. Гибель нападающих. Секрет англичан - радар. Мнение губернатора Мальты о наших моряках. Духовное завещание Тезеи.

Идея нападения на порт Мальты Ла-Валлетта - главную английскую военно-морскую крепость на Средиземном море, представляющую постоянную угрозу для Италии, - родилась в далеком 1935 году, когда была создана управляемая торпеда. Мальта и являлась тем объектом, против которого было направлено новое оружие. Внезапное массовое его применение в начале войны не было осуществлено по частично изложенным уже причинам. В то же время в результате изменения методов ведения войны создалась ситуация, совершенно отличная от существовавшей в 1935 году. Со вступлением Италии в войну, в связи с возросшей опасностью воздушных бомбардировок и близостью аэродромов Сицилии (15 мин. полета), Мальта потеряла значение главной базы, т.е. постоянного местопребывания крупных кораблей флота, сохранив лишь функции базы снабжения проходящих кораблей и операционной базы малых кораблей, имеющих задачу нарушать наши морские пути сообщений с Африкой. Логическим следствием создавшейся обстановки явилось разделение линейных сил английского флота. Линейные корабли базировались теперь на Александрию и Гибралтар, находящиеся на таком удалении от Италии, что наша бомбардировочная авиация могла достичь цели только после длительного полета и без прикрытия истребителями, что давало возможность противнику своевременно подготовиться к отражению налета. Поэтому Александрия и Гибралтар стали главными объектами нападения для 10-й флотилии МАС.

Но закончившаяся успешно операция в бухте Суда побудила вновь вернуться к рассмотрению первоначального плана операции против Мальты. Тезеи был убежденным сторонником этого плана. В его представлении применение управляемых торпед имело главным образом моральное значение. "Нужно, чтобы весь мир узнал, - как он имел обыкновение говорить, - что есть итальянцы, которые с величайшей отвагой бросаются на Мальту; потопим ли мы какие-нибудь корабли или нет, не имеет большого значения; важно

то, чтобы мы сами были полны решимости взлететь на воздух вместе с торпедой на глазах у противника. Этим мы покажем нашим детям и будущим поколениям, какие жертвы приносятся во имя настоящего идеала и каким путем достигается успех".

По указанию адмирала де Куртена 25 апреля 1941 года была начата разработка плана крупной операции. Моккагатта вел в Риме переговоры с руководящими органами, ведавшими планированием операций. Но ответственные начальники отнеслись к этой затее, по крайней мере вначале, не особенно доброжелательно. Моккагатта в своем дневнике 10 мая писал: "Сегодня была приготовлена памятная записка о плане нападения на Мальту, но вечером мне показалось, что его превосходительство Кампиони (заместитель начальника генерального штаба) не особенно убежден в своевременности операции. Завтра получим ответ; опять это бесконечное ожидание..." Запись от 22 мая гласила:

"20-го утром я был принят заместителем министра, но не получил положительного ответа. Откровенно говоря, сказал он, если бы вы могли заверить меня, что операция практически осуществима, я дал бы свое согласие на ее проведение... Здесь (в Аугусте) экипажи наших штурмовых средств полны энергии и хотели бы действовать незамедлительно. Но надо сохранять спокойствие и хладнокровие; подготовка должна быть выполнена во всех деталях".

Берега Мальты в большей своей части труднодоступны; они высоко возвышаются над морем. Единственная большая гавань - Ла-Валлетта является идеальной, естественной якорной стоянкой. Море как будто вторгается внутрь острова. Небольшие бухты, водоемы, заливы тянутся на несколько километров по сторонам центрального полуострова, на котором построен город и который разделяет воду на главную гавань и бухту Марса-Мушет. Подходы к Ла-Валлетта со стороны моря ночью различаются с трудом, так как они скрыты среди высоких скал, которые при наблюдении с моря сливаются в общий массив. К этим естественным трудностям прибавляются еще оборонительные сооружения, возведенные руками человека и накапливавшиеся в течение столетий. За последнее время в этой базе были созданы дополнительные сооружения с учетом опыта начавшейся войны: многочисленные сетевые заграждения, радиолокаторы, гидрофоны, установки легких скорострельных орудий, перекрестный огонь которых полностью перекрывал единственный вход в гавань.

Сведения, которыми мы располагали о современном состоянии обороны острова, были весьма скудными, они ограничивались данными аэрофотосъемки. На Мальте мы не имели (невероятно, но факт) ни одного агента! В частности, нам не было известно, какие новые оборонительные средства англичане ввели в действие на Мальте после первых попыток смельчаков 10-й флотилии в Гибралтаре в октябре 1940 года и в бухте Суда в марте 1941 года.

Одна группа катеров МТМ была расположена в Аугусте. Подготовка людей и материальной части совершенствовалась. К новолунию в мае месяце эта группа была готова действовать.

В целях проверки возможности приблизиться к острову незамеченными, а также выяснения условий видимости берега и подходов к Ла-Валлетта проводилась предварительная разведка.

Моккагатта, лично участвовавший в разведке с одной группой торпедных катеров, так рассказывает об этом:

"Аугуста, 25 мая. Вышли в море. После мыса Пассеро плохая погода вынудила меня уменьшить скорость хода с 30 до 18 миль в час, вследствие чего я прибыл к намеченному пункту у Ла-Валлетта с опозданием почти на 2 часа. Темная ночь. Я находился в засаде около 2 час., но ничего интересного не обнаружил. Все, что я видел, - это лучи прожектора и приземлявшийся английский самолет. В 7 час. 30 мин. я возвратился в Аугусту. Я очень доволен обоими командирами катеров. Состояние материальной части прекрасное".

"28 мая. Сегодня ночью я опять вышел с двумя катерами и был в засаде перед Ла-Валлетта. Ночь темная, небо закрыто облаками. Ничего особого не заметили. Только между

3 час. 30 мин. и 4 час. 30 мин. появились 3 бомбардировщика; последний из них осветил на несколько секунд всю зону".

30 мая он записал:

"Сегодня утром адмирал де Куртен позвонил мне и сказал, что, учитывая малое количество кораблей в гавани Мальты, высшее военно-морское командование решило не проводить операцию. Значит, ничего не удалось и в это новолуние".

В конце июня, в начале новой благоприятной фазы луны, вся группа опять прибыла в Аугусту. Моккагатта так описывает в свойственном ему лаконичном стиле новую попытку:

"Аугуста, 23 июня 1941 года. Прибыл сюда после двух дней, проведенных в Риме. В кармане у меня приказ на операцию против Мальты. Может быть, на этот раз удастся; 27-е или самое позднее 28-е - будет днем наших действий.

24 июня. Сегодня утром в 4 часа последнее испытание катеров по форсированию препятствий. В 6 час. общее испытание по буксировке в море.

26 июня. Сегодня ночью провели у Мальты успешную разведку. При свете более 30 прожекторов, включенных в связи с воздушным нападением, можно было наблюдать берег, к которому я подошел на расстояние меньше 3000 м; мы могли различать здания. Водители катеров, которых я брал с собой для ознакомления с берегом, вернулись назад удовлетворенными. Завтра вечером начнем действовать.

28 июня. Вчера вечером вышел из Аугусты со своей группой участников операции против Мальты, но свежая погода (сильный юго-восточный ветер) причиняет беспокойство; катера получают повреждения, что заставляет меня терять время. Один из катеров тонет. Продолжаю поход, но после того как я получил донесение еще о двух случаях аварии, поворачиваю обратно и возвращаюсь в Аугусту. Неудача. Завтра выход повторится. Моя воля непреклонна...

30 июня. Горькое, страшное разочарование! В 15 час. находился в море со всей группой. Иду под вспомогательными двигателями, скорость хода 6 миль в час, слабый юго-восточный ветер. Кажется, плавание начинается хорошо, но в 16 час. вынужден остановить всех, так как один буксируемый катер МТМ дал течь и может затонуть. Проверив на месте и не желая терять времени, беру на буксир другой катер, а поврежденный приказываю отбуксировать обратно в Аугусту. Опять ложусь на прежний курс. У мыса Мурро-ди-Порко юго-восточный ветер крепчает. Уверен что все мои подчиненные не считают возможным продолжать переход. Но я убежден, что на заходе солнца ветер должен стихнуть, и поэтому до 20 час. следую в том же направлении. Я был прав: ветер постепенно стих, волнение уменьшилось. В 20 час. 10 мин. я останавливаю всю группу для приведения в порядок катеров. Приказываю откачать воду и проверить моторы, а затем снова беру курс на Мальту. На море штиль. Теперь я убежден в успешном исходе. Но в самом начале движения еще один катер теряет буксир, а мотор его не заводится. Посылаю к нему на борт лучших механиков, но теряю час времени, а мотор завести так и не удается. Это неприятно, так как этот катер имеет задачу прорвать заграждения. В 22 часа решаю следовать дальше без него. Джоббе высказывает мне совершенно противоположное мнение. Через 5 мин. останавливается из-за неполадок с мотором один буксирный катер, что приводит к потере еще 20 мин. На этом я сдаюсь, так как катера подошли бы к Мальте слишком поздно, т.е. на рассвете, когда уже нет никакой возможности действовать внезапно. Ложусь на обратный курс и направляюсь к Аугусте. Два с половиной часа идем без всяких приключений. В 1 час 30 мин. ночи я в порту. Смешная деталь: один водитель катера МТМ заснул и не заметил, как мы легли на обратный курс. Когда мы остановились, то, увидя вблизи берег, он приготовился к атаке, считая, что находится у Мальты. Это был Карабелли - славный парень, прекрасный офицер и первоклассный водитель штурмовых средств".

Так неудачно закончилась вторая попытка атаковать Мальту. И на этот раз упорство и настойчивость людей не смогли преодолеть естественные трудности этого предприятия. Но это не обескуражило нас. Операция была отложена до июля. Такие отсрочки вызывались причинами, которые, как это видно из слов Моккагатта, имели очень серьезные последствия.

Как известно, предыдущие планы операции предусматривали использование только катеров типа МТМ, а отсрочка операции еще на месяц позволила Тезеи добиться принятия его предложения. Он утверждал, что в атаке Мальты должны принимать участие также и управляемые торпеды и с ними, конечно, он сам.

Идея применения такого различного по характеристике и использованию оружия при взаимном сопровождении и поддержке была с чисто технической точки зрения весьма смелой. Благородная настойчивость, с какой Тезеи дрался за право его личного участия в операции, представляла собой по существу форму самоубийства.

Зная Тезеи, его взгляды, силу его характера, зная то, что умереть при проведении операции, и в особенности у Мальты, для него означало выполнить свой долг, я пришел к заключению, что настойчивость Тезеи - это следствие твердого решения, принятого им. Тезеи уже в своей предыдущей боевой деятельности сделал все, что было в человеческих силах. Будучи участником первой операции против Александрии, он в течение 20 час. напрягал свои силы, пытаясь спасти оставшихся в живых на подводной лодке "Ириде". Дальнейшая служба с частым перенапряжением сил отразилась на состоянии его здоровья, вызвав в конце концов ослабление сердечной деятельности, на которое уже оказали свое влияние длительные пребывания под водой при тренировках и во время испытаний легководолазного снаряжения. Тезеи добровольно участвовал во втором походе "Шире" к Гибралтару. По возвращении из этого похода он был подвергнут медицинскому осмотру и признан "негодным к подводному плаванию в течение шести месяцев из-за тяжелого порока сердца". Прекрасно зная о последствиях, которые могут быть в случае невыполнения предписаний врача, он как компетентный специалист военно-морской инженерной службы и как подводный пловец ежедневно принимал участие в продолжительных подводных обследованиях торпедированного авиацией линейного корабля "Кавур", собирая весьма нужные данные, которые позволили быстро поднять корабль. Такое физическое напряжение, опасное даже для здорового организма, вызвало у него неизбежное ухудшение сердечной деятельности и общего состояния здоровья. Не оставалось уже сомнений в том, что он не сможет принять активного участия в будущих боевых действиях. Осознав это, он в благородном порыве настойчиво добивался разрешения пожертвовать собой ради победы над врагом. Это было обдуманное и сознательное решение. Предложения Тезеи были проникнуты таким горячим чувством, что ему удалось, наконец, добиться согласия Моккагатта.

Был принят новый, более сложный план операции.

В главную гавань Ла-Валлетта можно было проникнуть двумя путями: через главный вход, закрытый четырьмя линиями заграждений, и маленький проход под мостом, соединявшим мол Сант-Эльмо с берегом. Это был металлический мост на трех опорах, достаточно высокий, чтобы под ним могли проходить небольшие суда.

Теперь, в военное время, в целях закрытия этого прохода с моста свешивалась противоторпедная металлическая сеть, которая, вероятно, достигала дна. Мы исходили из предположения, может быть не полностью отвечавшего действительности, но, безусловно, логичного (нужно иметь в виду отсутствие точной информации), что главный вход в достаточной степени обеспечен сторожевыми постами, часовыми, средствами подслушивания, заграждениями и другими искусственными сооружениями, что делало его практически непроходимым. Поэтому было решено проникнуть в гавань через второстепенный проход, под мостом. Учитывая предыдущий опыт, мы отказались от доставки катеров МТМ к Мальте методом буксировки, поскольку это связано с большими неудобствами. Для этой цели использовали быстроходное посыльное судно "Диана", бывшую президентскую яхту, переданную дуче в распоряжение флота на все время войны. Было предусмотрено, что "Диана" подойдет близко к острову, имея на борту взрывающиеся катера МТМ и на буксире специальный катер типа MTL, задачей которого являлось подвезти на самое короткое расстояние к входу в гавань две управляемые торпеды. Таким образом, водители штурмовых средств не расходовали своих сил и были избавлены от необходимости

преодолевать пути подхода к объектам атаки и трудности ориентировки.

Экипаж на одной из управляемых торпед должен был направиться к мосту, подойти к противоторпедным сетям, свешивавшимся с него, подвязать и подорвать заряд. Таким образом делался в сети проход, через который и проникли бы катера МТМ, спущенные тем временем с борта "Дианы" и подошедшие в полной тишине на близкое расстояние к мосту. Внутри гавани водители должны были сразу же на полном ходу атаковать корабли противника. Экипаж второй торпеды должен был одновременно проникнуть в соседнюю бухту Марса-Мушет - месторасположение базы подводных лодок - и присоединить заряд к корпусу одной из лодок в надежде потопить при взрыве сразу несколько единиц, так как в английском флоте принято швартовать лодки лагом одна к другой. Оба экипажа торпед должны были по выполнении задания возвращаться на моторные катера. Как видно, задуманная операция являлась сложной. Она требовала, кроме чрезвычайной твердости и решительности со стороны водителей (в их качествах нельзя было сомневаться), отличной согласованности действий различных элементов ради одной цели: требовала того, что обычно довольно трудно достигается, особенно на море, ночью, в военное время, по многим как естественным, непредвиденным, так и зависящим от человека причинам, которые могут обречь на неудачу прекрасно составленный план.

Пользуясь оставленными Моккагатта записями, проследим за ходом операции:

"9 июля 1941 года, Специя. Активно занимаюсь подготовкой управляемых торпед и средств доставки их к Мальте.

18 июля 1941 года, Рим. Еду в Аугусту действовать против Мальты...

22 июля 1941 года, Аугуста. Прибыл вечером 19-го. Утром 20-го в мое распоряжение поступила "Диана", на которой будем транспортировать катера МТМ. Работаю буквально день и ночь, чтобы подготовить операцию "Мальта". Сегодня вечером проводятся последние занятия по спуску катеров на воду в ночное время с борта "Дианы", и затем всякие испытания и тренировки заканчиваются. Завтра вечером пойду на двух моторных катерах к Мальте, чтобы предоставить водителям возможность ознакомиться с обстановкой, 24-го вечером отдых для всех, и 25-го вечером буду готов действовать. Пока что погода замечательная, и я беспокоюсь, видя, как быстро проходят эти дни. Однако весь личный состав должен быть хорошо подготовлен, а водители торпед просили меня организовать выход к Мальте. В конце концов это правильно. Даже командир "Дианы" доволен тем, что будет сделан предварительный выход и он сможет выйти для сопровождения катеров.

23 июля. Сегодня вечером выхожу на двух катерах, чтобы ознакомиться с обстановкой у Мальты. Туда направляется, как стало известно, крупное английское соединение (линкор, авианосец, 14 эсминцев и 14 транспортов), которое должно проходить сегодня Мальтийским проливом. В том, что мы столкнемся с крупными кораблями, нет никакой уверенности, но возможно, что несколько транспортов зайдут на Мальту, а это уже представляет для нас интерес.

24 июля. Возвратился сегодня в 7 час. 30 мин. утра. Поход моторных катеров сам по себе был удачным; я подошел к Мальте на расстояние около 2000 м и видел буи, ограждающие входные фарватеры... Но что касается предстоящей операции с взрывающимися катерами, то я несколько обескуражен. Берег Мальты очень трудно распознаваем в темноте, имеется постоянное, довольно сильное течение восточного направления, и поэтому счислимая точка спуска катеров на воду всегда будет являться источником ошибки. К этому следует добавить, что англичане, должно быть, услышали шум наших моторных катеров, приблизившихся к берегу, и включили 4 мощных прожектора... Что в подобном случае смогут делать МТМ? Ожидать рассвета! Может быть, мои сомнения вызваны чрезмерной усталостью? Сегодня ночью я отдохну, а завтра, если будет хорошая погода, попытаюсь провести операцию.

25 июля. Вчера целый день Джоббе высказывал мне свои сомнения. В конце концов желание предусмотреть все трудности похвально. Поэтому я внимательно выслушал его и был готов кое-что исправить. Сегодня утром, едва встретив меня, Джоббе снова начал

говорить о том, что он очень сомневается в исходе операции. Я ответил ему, что нисколько в этом не сомневаюсь и буду точно придерживаться оперативного плана, составленного два дня назад и уже отправленного в Рим, и сказал, чтобы он, Джоббе, поторопился с подготовкой подробных инструкций"*.

Это последние слова дневника. Моккагатта как командир повел своих людей на выполнение славной операции, из которой они не вернулись назад.

25 июля на заходе солнца возглавляемый Моккагатта отряд вышел из базы Аугуста. В его состав входили: посыльное судно "Диана", которое имело на борту 9 взрывающихся катеров типа МТМ и на буксире специальный моторный катер MTL для перевозки управляемых торпед; моторные катера №№ 451 и 452, на которых находился Моккагатта и которые в свою очередь буксировали торпедный катер. Последний под командованием Джоббе предназначался для того, чтобы лидировать во время атаки взрывающиеся катера до входа в порт и затем подобрать оставшихся в живых водителей.

В экипажи управляемых торпед входили: водитель Тезео Тезеи с помощником Педретти, получившие задание взорвать сетевое заграждение под мостом, и лейтенант Коста с водолазом Барла, которые должны были подорвать подводные лодки в бухте Марса-Мушет. Таким образом, в операции участвовали командование 10-й флотилии и весь надводный отряд. Врач Фалькомата находился на борту одного из моторных катеров.

Состояние моря и погода были благоприятными; ночь безлунная, море спокойное. Шедшие из Гибралтара корабли английского конвоя, обнаруженного накануне в Мальтийском проливе, зашли в Ла-Валлетту. Наконец-то появилась прекрасная возможность для успешного исхода намеченной операции.

Приближение к объекту проходило нормально. Примерно в 20 милях от Мальты "Диана" спустила на воду 9 катеров МТМ. Один из них, на котором не удалось завести мотор, затонул. Его водитель Монтанари перешел на один из моторных катеров сопровождения. Остальные 8 катеров МТМ в кильватерном строю, лидируемые Джоббе и сопровождаемые двумя моторными катерами, направлялись на малой скорости к мосту Сант-Эльмо. Одновременно с этим буксировался катер с управляемыми торпедами на борту. Когда "Диана", выполнив свою задачу, легла на обратный курс, моторные катера, взрывающиеся катера и носитель управляемых торпед приблизились к гавани на расстояние до двух миль. Моторные катера остановились, а MTL, используя бесшумный электрический мотор, продолжал движение до тех пор, пока расстояние до моста Сант-Эльмо не сократилось еще на тысячу метров. Ориентировка по берегу не вызывала затруднений, хотя содействие авиации было выполнено лишь частично и не точно. Для облегчения ориентировки и отвлечения внимания обороняющихся по согласованию с министерством авиации было намечено провести три бомбардировки: одну, слабую, по Ла-Валлетта - в 1 час 45 мин.; вторую, посильнее, по тому же объекту - в 2 часа 30 мин., и третью, более интенсивную, в 4 часа 30 мин. (время, предусмотренное для нашей атаки), но не по берегу, а по аэродрому Микабба внутри острова. Первая бомбардировка не проводилась совсем, вторая была проведена только одним самолетом в 2 часа 45 мин., т.е. с опозданием на 15 мин., и третья - двумя самолетами в 4 часа 20 мин., т.е. на 10 мин. раньше запланированного времени.

В 3 часа, приблизившись к мосту на короткое расстояние, Тезеи и Коста спустили на воду торпеды. Сразу же обнаружилось, что двигатель торпеды Коста работает ненормально. Он и Тезеи пытались устранить неисправность. В 3 часа 45 мин. Тезеи расстался с Коста. Последний сказал, что он опаздывает на час по сравнению с предварительными расчетами и что у Тезеи не остается в запасе времени для того, чтобы удалиться из зоны, подверженной действию взрыва. Если увеличить отсчет времени на взрывателе, чтобы успеть вернуться на моторные катера, которые ожидали приблизительно в двух тысячах метров от моста, то взрыв произойдет слишком поздно и катера МТМ не смогут использовать темное время для форсирования прохода. На эти разумные замечания Тезеи дословно ответил: "Полагаю, что мне остается только подвести к сети мою торпеду. В 4 часа 30 мин. сеть должна взлететь на

воздух, и она взлетит. Если будет поздно, поставлю взрыватель на мгновенное действие"*. Вряд ли можно было выразить более простыми словами это героическое решение.

Тезеи с Педретти на управляемой торпеде направились к заграждению, которое они должны были взорвать. В то же время Коста на неисправной торпеде следовал к входу в бухту Марса-Мушет.

Между тем Джоббе на торпедном катере, идя малым ходом, вел за собой отряд катеров МТМ до тех пор, пока не оказался в пределах видимости моста. Остановившись, Джоббе указал водителям на силуэты кораблей, неясно вырисовывавшиеся в ночной темноте. Началось ожидание; отважные водители были готовы броситься в атаку; глаза устремлены на мост, под которым они должны пройти; слух напряжен в ожидании взрыва, который будет для них сигналом к движению.

Черные тени на катерах - это живые люди; вот их имена: Фрассетто, Карабелли, Бозио, Дзанибони, Педрини, Фоллиери, Маркизио и Каприотти.

Итальянские моряки на своих хрупких суденышках находились в нескольких сотнях метров от Ла-Валлетта перед страшным, ощетинившимся орудиями островом. В абсолютной тишине они ожидали сигнала, означавшего начало пути, который приведет их к победе, а может быть, из-за какой-то случайности (заметит сторожевой катер, осветит прожектор) - к гибели.

Время шло, ожидание продолжалось. На востоке ночной мрак уже рассеивался. Вскоре их могли заметить, но люди прекрасно владели собой сказывались долгие месяцы подготовки; у этих юношей воля торжествовала над чувством самосохранения. Они собрались вокруг Джоббе, своего командира. Они видели его знакомый профиль и ожидали решающего приказа.

Но Джоббе уже несколько минут молчал: он переживал внутреннюю борьбу. Он должен решать: каждая уходящая минута может стать роковой для успеха операции и для жизни этих парней. Если бросить взрывающиеся катера на неповрежденную сеть, взрыв убьет Тезеи и Педретти, которые, вероятно, находятся вблизи от нее под водой. Если ожидать еще, можно провалить операцию, так как скоро наступит рассвет. Но наконец в 4 часа 30 мин. катера ощутили толчок - результат подводного взрыва. Тезеи и Педретти выполнили свою задачу.

Для Джоббе наступил момент дать команду "Вперед!", но он еще колебался. Открыт ли проход? Чтобы не сомневаться, следует взорвать под мостом один катер. А если Тезеи и Педретти еще находятся по какой-либо причине под водой, вблизи, - что произойдет с ними? Нет сомнения, что взрыв катера уничтожит их. Но решать это должен Джордже Джоббе - не как человек с сердцем и чувствами, а как командир надводных средств 10-й флотилии МАС; он стоял во главе горсточки смельчаков, которые доверены ему с одной только целью - добиться успеха. И если медлить еще... до рассвета, противник может их обнаружить, а это - неудача операции и гибель людей.

"Внимание! - раздался твердый и энергичный голос Джоббе, разорвавший тишину ожидания. - Фрассетто идет головным, за ним - Карабелли. Если проход еще закрыт сетевым заграждением, вы его взорвете катером; остальные 6 в кильватере во главе с Бозио, выдерживая интервал в несколько секунд, старайтесь проскочить под мостом. И помните приказ: чтобы хоть один мог проникнуть в гавань, все, если нужно, должны пожертвовать собой для открытия прохода. Ни пуха ни пера! Вперед!"

Решение принято. Напряжение, некоторое беспокойство, нетерпение, желание, подавляемое долгое время, нашли наконец выход. Восемь катеров два немного впереди, остальные на некотором расстоянии от них - бросаются вперед на самой полной скорости, нарушая своим шумом тишину и разрывая гладь моря. Фрассетто и Карабелли нацеливаются на заграждение; первый выбрасывается в море в 80 метрах от моста, но взрыва нет; Карабелли сознательно мчится на полной скорости к своей гибели. Мгновение - и страшный грохот сотрясает воздух: катер взрывается от удара; рулевой при этом гибнет. Однако взрыв катера Карабелли разрушает опору высокого моста, и рухнувшая металлическая ферма

полностью закупоривает проход под ним. Сразу же после взрыва со всех сторон открывается пулеметный огонь и лучи многочисленных прожекторов прорезают море в поисках атакующих. Сцена из апокалипсиса. Противник обнаруживает маленькие катера, ведомые Бозио, которые на полном ходу, среди белой пены, несутся к мосту. Водители не знают, что проход уже закрыт упавшей металлической фермой.

Один за другим все 6 катеров, освещенные как днем, поражаемые шквальным перекрестным огнем, останавливаются. "Достаточно было нескольких секунд, - писали англичане, - чтобы на поверхности моря прекратилось всякое движение". И сразу же после этого поднявшиеся с аэродрома истребители начали, проносясь над поверхностью моря, обстреливать катера и беззащитных людей, находившихся в нескольких метрах от мола Сант-Эльмо. Бозио, Каприотти, Педрини и Маркизио были убиты; Фрассетто, находившийся в воде во время взрыва катера Карабелли, тяжело ранен. Все оставшиеся в живых, включая Фоллиери и Дзанибони, позднее были подобраны англичанами в море и взяты в плен.

Но трагические события только начинали развиваться; нам предстояло встретиться еще с другими неудачами.

Коста, которому не удалось из-за неполадок двигателя торпеды и из-за тревоги, поднятой в крепости, проникнуть в бухту Марса-Мушет и осуществить взрыв подводных лодок, был вместе с Барла захвачен англичанами в плен.

Те, кто оставался на моторных катерах, после долгого ожидания (видя, что никто не возвращается) решили уходить. Джоббе приблизился к ним примерно через четверть часа. Его торпедный катер был взят на буксир моторным катером № 452. Джоббе, видевший гибель катеров МТМ, доложил о случившемся Моккагатта. Оба моторных катера развили максимальную скорость, какую только допускала буксировка. Приблизительно через час, когда уже стало совсем светло, они были замечены английскими истребителями, вылетевшими с Мальты, и подверглись обстрелу из пулеметов. При этом были убиты находившиеся на катере № 452 Моккагатта, Джоббе, Фалькомата, Монтанари, экипаж катера MTL - Костантини и Дзокки; командир катера Пароди и один матрос. Оставшиеся в живых 11 человек перебрались на торпедный катер (Джоббе) и вскоре догнали "Диану", ушедшую на обратном пути уже далеко вперед.

На катере № 451, сразу же накрытом огнем противника, загорелись бензиновые баки. Команда катера (успевшая сбить из крупнокалиберного пулемета один из атаковавших его самолетов) выбросилась в море. Последовал взрыв, и катер, объятый пламенем, исчез под водой, при этом погибли 4 матроса. Оставшиеся в живых (9 из 13), большей частью раненные, в том числе и командир Шолетте, через 6 часов были подобраны английским катером и взяты в плен. На пути в Мальту они видели катер № 452, изрешеченный, но еще державшийся на воде; видели на его палубе убитых офицеров и матросов своих товарищей, среди которых английский врач напрасно искал нуждающихся в его помощи.

О Тезеи и Педретти ничего больше не было известно. Англичане, кажется, выловили недалеко от моста Сант-Эльмо окровавленную маску кислородного прибора с прилипшими к ней кусками мяса и клочками волос...

Но мы-то знаем теперь, как они погибли, знаем, что Тезеи сказал Коста при расставании. Подойдя к мосту, Тезеи присоединил заряд к сети, посмотрел на часы - 4 часа 30 мин., - время, установленное для прохода катеров. Он не колебался. Попрощавшись последний раз с верным Педретти, пожав ему руку, а может быть, обняв его, он поставил взрыватель на ноль - и через мгновение они оба были убиты...

Итак, из этой операции возвратились только оставшиеся в живых 11 человек, которые смогли догнать "Диану" на торпедном катере.

Погибли: Моккагатта - командир флотилии, Джоббе - отважный командир надводного отряда, Фалькомата - наш славный медик, Пароди - командир катера № 452, незабвенный Тезеи и Педретти, Карабелли, Бозио и Монтанари - рулевые взрывающихся катеров. Коста и Барла захвачены в плен. Оставшиеся 6 водителей катеров почти все были тяжело ранены. Параторе, рулевой специального катера - носителя управляемых торпед и большая часть

команд катеров № 451 и № 452, включая командира Шолетте, были взяты в плен. Общие потери в людях - 15 убитых и 18 пленных; потери материальной части - 2 моторных катера, 8 взрывающихся катеров, 1 катер MTL и 2 управляемые торпеды. Были сбиты 2 наших истребителя, вылетевших навстречу английским самолетам. Мы уничтожили 1 самолет противника и нанесли англичанам ущерб, правда второстепенного значения, т.е. разрушили мост.

"Так заканчивается неудачная попытка атаковать Мальту, самая тяжелая и кровавая операция из проведенных силами 10-й флотилии, полная таких событий, которые делают неудачу славной, столь славной, что любой флот мира мог бы ею гордиться"*.

Золотой медалью были посмертно награждены: Моккагатта, Джоббе, Тезеи и его водолаз Педретти, врач Фалькомата, Карабелли, который принес себя в жертву, чтобы сделать проход в сетях под мостом, Бозио, погибший при попытке форсировать проход, и торпедист Винкон. Такую же награду получил Фрассетто.

Подводному отряду 10-й флотилии МАС было присвоено имя Тезео Тезеи, надводному отряду - имя Витторио Моккагатта, чтобы их самопожертвование служило примером, чтобы героический их подвиг вдохновлял живых на новые славные дела.

В настоящее время мы знаем, что в полночь нападающие были обнаружены при помощи радиолокаторов, установленных на Мальте, и с этого момента наблюдение за ними не прекращалось вплоть до начала прорыва. Об этом говорится в одном английском официальном документе, опубликованном в 1944 году, - "Воздушный бой у Мальты". Мы приводим из него отрывок, который дает нам версию противника о имевших место событиях и позволяет дополнить трагическую картину.

"Радиолокаторы на Мальте были установлены в самом начале войны. В ночь на 25 июля 1941 года посредством радиолокаторов был обнаружен отряд надводных кораблей, приближавшихся к острову. Была объявлена тревога; самолеты "Свордфиш" подготовились к немедленному вылету, а "Харрикейны" - к вылету на рассвете.

Тревогу объявили незадолго до полуночи в связи с воздушным нападением противника, которое не совпало по времени с ударом приближавшихся кораблей. Вскоре поступило сообщение о том, что слышен шум моторов катеров, идущих вдоль северо-восточного побережья. Береговая оборона (батареи и прожектора) была наготове. И хотя в Главную гавань только что прибыли корабли конвоя, а в бухте Марса-Мушет на обычных местах стояли подводные лодки, зубы Ла-Валлетты готовы были кусать корабли приближающегося неизвестного отряда. Незадолго до рассвета на форту Сант-Эльмо, закрывающем с одной стороны вход в Главную гавань, был замечен бурун, приближавшийся к молу. Бурун заметили также с батареи, расположенной на противоположном берегу и прикрывавшей вход в гавань. Затем раздался взрыв у крайнего пролета моста - первого препятствия на пути в гавань. Тотчас же были включены прожектора, осветившие группу взрывающихся катеров (E - Boats), которые на полном ходу неслись к месту взрыва. Освещенная поверхность была мгновенно накрыта с короткой дистанции перекрестным огнем всех ближайших установок: скорострельные автоматы, стрелявшие с дистанции от 500 до 2500 м, орудия Бофорса и пулеметы. Огонь длился две минуты. Затем наступила тишина: объектов для дальнейшей стрельбы не осталось. Когда рассвело, были обнаружены еще две цели, орудия уничтожили их. В это же время "Харрикейны" обнаружили и атаковали оставшиеся уходящие катера, все атакующие катера противника были уничтожены. Мы подобрали 20 убитых и 18 человек взяли в плен. В целях прикрытия отхода отряда, действовавшего смело, но безрассудно, итальянцы послали против наших "Харрикейнов", уничтоживших на рассвете моторные катера, свои самолеты типа "Макки", три из которых были сбиты. Пленных подвергли допросу. При исследовании комплекта оперативных приказов, найденных на захваченном итальянском катере, наибольшего внимания заслуживает то обстоятельство, что в них почти полностью отсутствует указание на какое-нибудь противодействие с нашей стороны. Однако следует отметить, что до момента открытия нами огня план атаки проводился в целом с величайшей решительностью и расчет

времени выдерживался с изумительной точностью.

Через две минуты после открытия огня атака была полностью отражена; нашей базе ничего больше не угрожало. Данные фоторазведки, которыми располагали итальянцы перед атакой, имели давность по крайней мере четверо суток. В отчаянной попытке произвести новую фотосъемку Мальты они послали два бомбардировщика под прикрытием 30 истребителей. Но наши истребители сбили оба эти самолета и три истребителя. Энергичные поиски и уничтожение нашими "Харрикейнами" всех отходящих катеров превратили неудачу в несчастье". (Эти заметки являются выдержкой из официального доклада вице-адмирала сэра Уилбрэхэма Форда, представителя военно-морского командования на Мальте.)

Бывший тогда губернатором Мальты сэр Эдуард Джексон заявил: "...Мальта была атакована с моря один раз. В июле итальянцы с целью проникновения в гавань предприняли атаку, проведенную с величайшей решительностью, использовав катера и управляемые торпеды, входящие в состав отряда самоубийц... Это предприятие требовало самого высокого личного мужества со стороны водителей этих средств"*.

Глава X

ПЕРВЫЙ УСПЕХ ЧЕЛОВЕКОУПРАВЛЯЕМЫХ ТОРПЕД. ГИБРАЛТАР, 20-21 СЕНТЯБРЯ 1941 ГОДА

Мероприятия по воссозданию флотилии после потерь на Мальте. Командир Тодаро. Новость: "боевой пловец". "Чимиче" и "Баулетта". "Шире" снова идет в Гибралтар. Веско и Каталано топят два транспорта. Блестящий успех Визинтини: он входит в порт и топит танкер. Противник усиливает средства обороны. Королевская аудиенция.

После гибели Моккагатта я был временно назначен командиром 10-й флотилии МАС. Весьма почетная для меня должность, имея в виду, что я только что был произведен в чин капитана 3-го ранга, но и очень тяжелая в связи с особой обстановкой и большими потерями, понесенными в людях и материальной части в ходе последних операций в бухте Суда и на Мальте. На основе созданной Моккагатта организации я со всей энергией взялся за воссоздание флотилии. На должность командира надводного отряда я пригласил моего друга и однокурсника капитана 3-го ранга Сальваторе Тодаро, офицера с высокими личными и профессиональными качествами, участника боев в Атлантике, когда он командовал подводной лодкой "Каппеллини". Тодаро был среднего роста, но казался ниже, так как обычно опускал немного покатые плечи. На его худом лице, обрамленном маленькой черной бородкой, блестели живые темные глаза. Он был тонкий психолог и сведущ в вопросах теософии; отличался хладнокровием, мужеством, сильной волей и исключительной трудоспособностью. Энергично принявшись за дело, передавая подчиненным свой опыт и знания, он всегда находился там, где работали его люди, и вскоре создал из вверенного ему отряда боеспособное подразделение, проникнутое самым высоким боевым духом. Большую инициативу проявил Тодаро и в заботах о материальной части. С его деятельностью связаны многие усовершенствования на взрывающихся катерах - результат его опыта и изобретательности. Был создан новый торпедный катер SMA, который представлял собой значительный прогресс по сравнению с первоначальной моделью. Тодаро предусмотрел также замену потерянной материальной части; благодаря его организаторским способностям и ускоренным темпам производства снабжающих фирм это удалось сделать в кратчайший срок. Таким образом, командование флотилии получило возможность проводить надлежащую боевую подготовку.

Кроме того, предполагалось придать надводному отряду несколько "носителей" для транспортировки взрывающихся катеров из Специи, где находились командование и школа водителей, в базы, откуда они должны будут действовать. Для этой цели были оборудованы паровые рыболовные суда "Чефало", "Сольола" и "Костанца". Эти суда по своим мореходным качествам и экономичности были очень удобны для выполнения новых задач флотилии.

Передав в надежные руки Тодаро все, что касалось надводного отряда, я полностью

посвятил себя подводному отряду, руководство которым оставил за собой. Летний период из-за коротких ночей мало удобен для боевого применения управляемых торпед, но в то же время благодаря умеренной температуре воды он благоприятствовал интенсивным и длительным тренировкам, которые я организовал в Серкио как со старыми водителями, стремившимися возобновить опыты и добиться наибольшего успеха, так и с новичками. Надо было научить людей преодолевать трудности, которые в предыдущих операциях, и в частности в последней в Гибралтаре, мешали успеху боевых действий.

Одновременно я не упускал из виду упорную и требующую знаний работу очень способного военно-морского инженера Марио Машулли и его помощника капитана Травальини (оба из секретной мастерской), направленных управлением подводного оружия арсенала в Специи в распоряжение 10-й флотилии. С их помощью я привел в порядок имевшиеся управляемые торпеды (все те же, возникшие по примитивному проекту Тезеи - Тоски), устраняя отмеченные ранее причины многих помех, затем распорядился начать исследования, чтобы создать новый аналогичный тип торпеды, но со значительно улучшенными тактико-техническими данными, в котором были бы учтены результаты накопленного опыта, последние достижения науки и техники. Кроме того, в соответствии с особенностями наступательных планов было изобретено и создано новое оружие: акустические мины и небольшие зажигательные бомбы, которые водители могли бы разбрасывать внутри гавани.

Между тем адмирала де Куртена перевели из аппарата министерства в действующий флот и руководить нашей деятельностью назначили адмирала Джартозио. 10-й флотилии была придана новая подводная лодка "Амбра" для переоборудования ее в носителя управляемых торпед, чтобы действовать или совместно с "Шире", или самостоятельно. Этой лодкой командовал старший лейтенант Марио Арилло. На ней мы сразу же начали работы, взяв за образец то, что уже было сделано и успешно испытано на "Шире".

Высшее военно-морское командование требовало от флотилии все большей активности, направленной на то, чтобы стянуть кольцо блокады вокруг баз противника, по возможности вывести из строя несколько его линейных кораблей и беспокоить на путях сообщений. Предполагалось, что эти требования будут выполнены без увеличения штата командования за счет интенсификации работы и увеличения численности водителей. Преодолев огромные трудности, я обеспечил через частную промышленность снабжение флотилии различными материалами. При этом мы нередко действовали заодно с промышленниками, борясь против ограничений, установленных министерством. Снабжение вооружением и техническим оборудованием было активизировано, что позволило даже создать некоторые запасы.

Для возмещения потерь и удовлетворения будущих потребностей в личном составе был значительно увеличен набор добровольцев; открылись новые школы с большим числом обучающихся, улучшены методы отбора и подготовки.

В подводном отряде появилась новая специальность наряду с ранее существовавшими - "боевые пловцы" под маскирующим названием "группа Гамма".

В предыдущих операциях в Гибралтаре водители, направляя свои торпеды в гавань в поисках больших военных кораблей, проходили мимо многочисленных судов, стоящих на открытом рейде, куда прибывали конвои, где они формировались и откуда отправлялись.

Считая, что во время войны торговые суда являются важными объектами, мы организовали изучение способов их атаки. Первая мысль заключалась в том, чтобы выпустить с "Шире" определенное количество боевых пловцов одновременно с управляемыми торпедами, имеющими по 300 кг взрывчатого вещества и предназначенными для ударов по большим военным кораблям. Боевые пловцы при помощи небольших подрывных зарядов должны были взрывать или наносить повреждения менее защищенным торговым судам. После преодоления различных трудностей (выбор одежды, обуви, способа ориентировки под водой в ночное время и т.д.) начались первые опыты. "Подводные пехотинцы" в полном снаряжении маршировали друг за другом по морскому дну, делая

переходы до 2000 м. В дальнейшем вернулись к первоначальной идее Паолуччи, награжденного золотой медалью, решив, что значительно больший эффект будет при сближении с целью вплавь. Однако для обеспечения скрытности нужно было принять особые меры предосторожности. Кроме того, пришли к выводу, что один заряд, громоздкий и неудобный при переноске, может быть выгодно заменен (сохраняя суммарное поражающее действие) тремя или четырьмя меньшими зарядами, каждый из которых в состоянии сделать пробоину в подводной части судна.

Так родилось новое оружие с новым способом применения - "Миньяте", или "Чимичи". Это маленький круглый металлический корпус чечевицеобразной формы, содержащий около 3 кг взрывчатого вещества, снабженный резиновым кольцом, которое надувалось из баллончика со сжатым воздухом и обеспечивало присоединение (присос) его к корпусу. Такой подрывной заряд имел взрыватель с часовым механизмом, устанавливаемым снаружи, для производства взрыва в желаемый момент. Три или четыре таких заряда, подвешенных на специальном кожаном поясе, доставлялись пловцом к объекту атаки, прикреплялись к корпусу торгового судна и были достаточны для его потопления.

Одетый в облегающий тело резиновый костюм, защищающий от непосредственного контакта с водой, но не стесняющий движений, имея на ногах резиновые ласты, которые позволяют довольно быстро передвигаться как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении без помощи рук, пловец, соблюдая меры предосторожности, приближается к цели. Подплыв к ней и пользуясь маленьким автореспиратором получасового действия, он опускается под воду и присоединяет заряды к подводной части судна, затем заводит часовой механизм взрывателя и поднимается на поверхность.

Пловец должен найти убежище на нейтральной территории, если это возможно, или выйти на берег противника и попытаться скрыться, а в случае невозможности спастись - сдаться в плен.

Большая выносливость, уменье плавать под водой и ориентироваться на поверхности и под водой (пловцы имели маленький компас, носимый на руке как часы) - вот качества, определявшие степень годности добровольца к выполнению задач подводного диверсанта. К этому нужно добавить способность маскироваться, что помогает незаметно приближаться к тщательно охраняемым судам противника.

С этой целью пловец красил лицо в черный цвет и накрывал голову сеткой, на которой укреплялись водоросли или пакля, или соломка, снятая с бутылки из-под вина. Таким образом, чуть-чуть высовывая голову из воды, он медленно плыл, отталкиваясь только ногами, и поэтому даже самый внимательный часовой мог принять его за безобидный кусок дерева или мусор, которыми полны воды гаваней и рейдов.

Подходить к судну, стоящему на якоре, следовало со стороны носа. Тогда само течение влекло почти неподвижного пловца к середине судна, где он, чтобы выполнить задачу, бесшумно погружался в воду. Отход всегда производился в сторону кормы с использованием попутного течения.

Естественно, чтобы владеть таким искусством, нужен был длительный курс обучения.

Командовать группой боевых пловцов было поручено Еудженио Волк, большому специалисту в этой области и прекрасному пловцу. Школа находилась в Ливорно, вблизи военно-морского училища. Это давало возможность использовать для обучения имевшееся уже снаряжение и закрытый плавательный бассейн, необходимые для усовершенствования методов плавания под водой.

Описанный способ нападения был применен с большим успехом, как мы увидим впоследствии, в Алжире и Гибралтаре. Учитывая очень маленькие размеры подрывного заряда типа "Чимичи", предполагалось также использовать его в диверсионных целях в нейтральных портах против судов противника, зашедших в порт для погрузки или выгрузки. Но для этого оружие нуждалось в некоторых изменениях и усовершенствовании.

Взрыв подрывного заряда вызывал потопление судна в порту, где глубина обычно небольшая, и поэтому полностью судно не уничтожалось, а лишь временно выводилось из

строя. На самом деле пораженное судно хотя и ложилось на дно, но значительная часть его обычно выступала над поверхностью воды, что позволяло спасти груз и значительно облегчало работу по подъему самого судна. Кроме того, военный акт, осуществленный в нейтральных водах, мог вызвать неприятные инциденты и дипломатические осложнения.

Эти неудобства устранялись в случае применения подрывного заряда "Баулетти", аналогичного "Чимичи", но с иной характеристикой. Вес взрывчатого вещества был немного увеличен, но разрушительная сила значительно возросла в связи с применением более сильного взрывчатого вещества. Заряд имел два взрывателя: один обеспечивал взрыв по истечении определенного времени, а другой срабатывал после того, как судно проходило определенное расстояние. Этот последний состоял из маленькой вертушки, которая начинала вращаться только тогда, когда судно двигалось и развивало скорость хода больше пяти миль в час (в противном случае вертушка взрывателя могла бы начать вращаться под воздействием течения еще в гавани). После того как вертушка делала определенное число оборотов, соответствующее, например, пройденным ста милям, связанная с ней предохранительная чека включала обычный взрыватель с часовым механизмом. Через установленный заранее промежуток времени, когда судно уже находилось в открытом море, происходил взрыв, и оно, несомненно, полностью тонуло (имея в виду большие глубины). Так исключалась возможность каких-либо осложнений с нейтральными странами, а противник оставался в неведении: произошел ли взрыв от торпеды или мины, или от другой причины, более правдоподобной, нежели акт диверсии, подготовленный еще в порту перед выходом в море. Это оружие было также успешно использовано. В одной из глав книги мы расскажем о диверсии, выполненной Луиджи Ферраро в Александретте, - блестящем эпизоде, который стоил англичанам гибели двух пароходов и повреждения третьего в результате действий только одного человека.

Для набора нужного количества добровольцев в нашу специальную группу требовались прекрасные пловцы, способные длительное время находиться под водой. Список членов итальянской федерации пловцов, казалось, позволял нам отбирать людей, желающих приобщиться к новой специальности и чувствующих, что они обладают для этого необходимыми данными. Однако мы с удивлением узнали, что большая часть итальянской федерации пловцов была призвана в сухопутные войска, а не во флот, что было бы более логичным. Военное министерство получило запрос из морского министерства, но нам пришлось преодолевать бюрократические преграды и волокиту, прежде чем мы получили нужных нам людей. В конце концов в 10-ю флотилию стали стекаться добровольцы (и не только для "группы Гамма") из всех родов войск и со всех театров войны от Африки до Альп (некоторые пловцы служили в частях альпийских стрелков) и даже с далекого русского фронта. Хотя большинство добровольцев прибыло, естественно, из флота (для некоторых специальностей, как например для водителей управляемых торпед, обязательным условием для зачисления являлась предварительная служба во флоте), значительное пополнение позволяло сделать более строгий отбор, 10-я флотилия осуществила самое тесное сотрудничество людей, пришедших из различных родов войск, укрепляя узы дружбы и товарищества среди солдат одной страны сотрудничество, которое в других частях, к сожалению, не всегда осуществляется, что наносит большой ущерб общему делу наших вооруженных сил.

Через год после начала военных действий, после тяжелых испытаний, вызванных недостаточной организованностью, 10-я флотилия подготовила людей и средства к борьбе, которая уже тогда предвещала быть длительной и тяжелой.

Основываясь на приобретенном в прошлом опыте, я между тем подготовлял новую операцию в Гибралтаре. Она была проведена в сентябре, как только позволили удлинившиеся ночи.

Подводной лодке "Шире", находившейся все еще под моим командованием и с тем же экипажем, был отдан приказ выполнить задание, подобное предыдущему и, как подтвердилось действительностью, вполне осуществимое.

Управляемые торпеды нового типа были еще в постройке, поэтому мы взяли обычные SLC, проверенные и частично улучшенные во избежание неполадок, имевших место во время выполнения предыдущих заданий.

10 сентября я вышел из Специи, 16-го прошел в подводном положении без происшествий Гибралтарским проливом. Днем 17-го команда отдыхала; лодка лежала на грунте перед Кадисом. Вечером всплыл, вошел в порт и опять ошвартовался у танкера "Фульгор". К нашим услугам был горячий душ, свежие продукты, бананы и коньяк.

Принял на борт экипажи управляемых торпед. Они почти все те же, что и в предыдущей операции: водитель Дечио Каталано и водолаз Джузеппе Джаннони; водитель Амедео Веско и водолаз Антонио Дзоццоли; водитель Дичо Визинтини и водолаз Джованни Магро. Резервный экипаж - водитель Антонио Марчелья и водолаз Спартаке Скергат. Врач Джорджо Спаккарелли.

Собрав самые последние сведения о расположении кораблей в Гибралтаре, я перед рассветом незаметно вышел из порта.

В ночь на 19 сентября встретил большой английский конвой, вышедший из Гибралтара и направлявшийся в Атлантику. Вблизи от меня прошло много прекрасных целей в сопровождении только двух эскадренных миноносцев - для подводника это отличный, так редко представляющийся случай! К сожалению, порученное мне специальное задание исключало торпедную атаку из-за опасности обнаружить присутствие лодки.

Вечером 19-го вхожу в бухту Альхесирас и прохожу ее всю, как обычно, до устья реки Гуадарранке. На этом участке пути отчетливо слышим взрывы глубинных бомб через каждые полчаса. Как нам стало известно из сообщений, эта новинка была введена англичанами некоторое время назад с целью защиты от опасности, которую представляем мы. Это новое, очень серьезное препятствие, которое водители должны суметь преодолеть.

В час ночи 20 сентября, после того как водители, покинув лодку, направились на торпедах к своим целям, указанным им на основании последних полученных из Рима сведений, ложусь на обратный курс. 25-го вечером мы прибыли в Специю, опоздав на один день из-за большой волны. Адмирал Гойран, командующий Верхне-Тиренским военно-морским округом, поздравил нас от имени заместителя морского министра адмирала Риккарди с благополучным возвращением.

В полученной от высшего военно-морского командования в 23 часа 30 мин. 19 сентября телеграмме, т.е. за час до выхода водителей из подводной лодки, говорилось:

"Расположение кораблей в гавани на 12 час. 19 сентября: у мола 1 линкор; якорная стоянка № 27 - 1 авианосец; стоянка № 5 - 1 крейсер; стоянка № 11 - 1 крейсер; кроме того, в гавани находятся 7 танкеров и 3 эсминца. Один эсминец в доке. На рейде - конвой из 17 транспортов".

На основании этого сообщения я распределил цели следующим образом:

Каталано и Веско атакуют линейный корабль типа "Нельсон" (35 000 т), стоящий у южного мола; Визинтини атакует авианосец. В случае если осуществить атаки указанных мною кораблей окажется невозможным, все три экипажа должны атаковать любые другие корабли, учитывая степень их важности.

Чтобы противник не разгадал действительных причин взрывов, атакующие не должны оставлять никаких следов.

Вот описание операции трех экипажей, сделанное на основании их рапортов.

Веско - Дзоццоли. "В 0 час. 30 мин. 20 сентября 1941 года в соответствии с отданными командиром Боргезе распоряжениями выхожу из рубки подводной лодки, сопровождаемый моим помощником водолазом Антонио Дзоццоли. Наша задача - атаковать линкор типа "Нельсон", стоящий в порту у середины южного мола. Плавание на поверхности проходит нормальное, хотя мешают ветер и большая волна. Время от времени я снимаю маску, чтобы осмотреться, но только на очень короткое время, так как, даже если я и не двигаюсь, волна сильно бьет в лицо, отчего особенно страдают глаза. После кратковременного погружения, произведенного для того, чтобы не быть обнаруженным сторожевым кораблем, замечаю

вход в гавань.

Нахожусь примерно в 300 м от заграждений и уменьшаю скорость, чтобы гидрофоны не могли обнаружить меня и чтобы иметь время для изучения движений судна, которое с включенными огнями курсирует у входа в гавань... Ложусь точно на курс, погружаюсь на максимально допустимую глубину и следую малым ходом, чтобы с поверхности не заметили по свечению воды следы нашей торпеды.

Приблизительно в 3 часа 15 мин. достигаю без всяких затруднений глубины 26 м, где касаюсь твердого и ровного грунта, затем продолжаю движение. Около 3 час. 30 мин. на глубине 15 м слышу и ощущаю всем телом три последовательных подводных взрыва. Так как все оказалось в порядке, решаю следовать дальше. В 3 часа 40 мин., находясь на глубине 13 м, слышу еще два взрыва, более глухих, чем предыдущие, но большей силы".

Присутствие сторожевого корабля и другие соображения побудили Веско, к большому его огорчению, отказаться от попытки форсировать вход в гавань, вследствие чего он решил атаковать не указанный ему корабль, а один из пароходов, стоящих на рейде. Веско всплыл на поверхность и приблизился к месту стоянки пароходов.

"В 4 часа начинаю поиски наиболее значительной цели. Какой-то катер с затемненными огнями двигается между судами. Наконец замечаю силуэт низко сидящего и, следовательно, полностью загруженного судна. Предполагаю, что оно грузоподъемностью 3000-4000 т. Подхожу к нему и погружаюсь у самого борта, для того чтобы затем остановиться и, продув цистерну торпеды, подвсплыть до соприкосновения с подводной частью. Маневр отлично удается, все идет тихо и гладко до того момента, когда я из-за повреждения кислородного прибора делаю несколько глотков воды, смешанной с содовым раствором, что вызывает сильную боль от ожога во рту и в горле".

Веско срочно поднимается на поверхность, освобождается от испорченного прибора и, надев запасной, вновь опускается под днище судна. С помощью второго члена экипажа он прикрепляет заряд вблизи расположения дымовой трубы. Наконец пущен в ход часовой механизм взрывателя, после чего Веско всплывает и направляется к установленному пункту выхода на берег. Затем, включив механизм самоуничтожения торпеды, он топит ее и вплавь добирается до берега.

"Нас очень беспокоит наше состояние. Море неспокойно; время от времени вода покрывает нас с головой. Мой помощник страшно устал и плохо себя чувствует. Выходим на берег около 7 час., примерно в 100 м западнее установленного пункта, где нас останавливают два вооруженных испанских часовых. Один из них сразу же дает из карабина два выстрела в воздух. Так как я по понятным причинам не хотел, чтобы кто-либо увидел наши кислородные приборы, то мы их незаметно спрятали в укромном месте на берегу еще до того, как нас задержали. Часовым я заявил, что мы потерпевшие кораблекрушение итальянцы... Нас отвели в караульное помещение, где с нами встретился агент П. Он позаботился о том, чтобы забрать спрятанные нами кислородные приборы".

Из окна караульного помещения Веско и Дзоццоли видели взрыв заряда, который произошел своевременно.

"Судно разломилось почти у дымовой трубы. Корма сразу исчезла под водой, а нос высоко приподняло вверх"*.

Так затонул английский танкер "Фиона Шелл" грузоподъемностью 2444 т.

Каталано - Джаннони. Выход из подводной лодки нормальный. "Ночь очень темная. В 1 час 25 мин. начинаю сближение. Волна и восточный ветер значительно мешают нашему движению, трудно дышать. Огни Ла-Линеа, Гибралтара и Альхесираса обеспечивают нам прекрасную ориентировку. В 2 часа 35 мин. видим в 70 м справа моторный катер, который следует малым ходом. Останавливаюсь и внимательно наблюдаю за его курсом и скоростью, затем поворачиваю влево, чтобы удалиться от него. Ожидаю еще несколько минут, потом медленно направляюсь к северному входу. Несмотря на резкие изменения курса, мне не удается оторваться от сторожевого катера, двигающегося тоже медленно и почти бесшумно, так что его нельзя услышать даже на расстоянии 50 м. Предполагаю, что он имеет

совершенно бесшумные электромоторы и гидрофоны для подслушивания.

Держу курс между двух пароходов, чтобы наконец скрыть свои следы, но сторожевой катер все время следует за мной на короткой дистанции. Решаю погрузиться и остаюсь под водой около 15 мин. Затем вновь всплываю на поверхность. Время 3 часа 30 мин. Останавливаюсь. Сторожевой катер потерял мои следы.

Близится рассвет, а от входа в гавань меня еще отделяет значительное расстояние. Оценив обстановку, решаю атаковать суда на рейде.

Вижу 3 больших парохода. Направляю к ним торпеду, включив максимальную скорость.

Подойдя ближе, внимательно изучаю месторасположение большого груженого танкера и решаю его атаковать. Медленно приближаюсь в надводном положении, но в нескольких метрах от кормы танкера замечаю у его борта шлюпку. Останавливаюсь. Несмотря на близкое расстояние и внимательное наблюдение, мне не удается установить, есть ли на шлюпке вахтенные. Чтобы избежать опасности обнаружения и последующей тревоги в крепости, решаю атаковать другой пароход".

Второй член экипажа, Джаннони, уже успел присоединить заряд к винтам другого судна, когда Каталано удалось прочитать на корме его название "Полленцо", Генуя. И хотя это захваченное итальянское судно обслуживало противника, Каталано не захотел уничтожать его. Поэтому он с помощью неутомимого Джаннони отсоединил заряд и, найдя большой вооруженный теплоход, возобновляет атаку.

"Все идет отлично благодаря прекрасному знанию дела моего помощника. В 5 час. 16 мин. я завожу механизм взрывателя. Мы быстро удаляемся. На глубине 5,5 м топлю торпеду, включив предварительно механизм самоуничтожения. 5 час. 55 мин. Всплываю на поверхность вместе с Джаннони. Сняв кислородные приборы и утопив их, плывем к берегу и выходим на него в 7 час. 15 мин.

В 8 час. 55 мин. в районе потопления управляемой торпеды замечаю характерное белое пятно и много летающих над ним чаек: это взорвалась торпеда.

В 9 час. 16 мин. под кормой атакованного мною теплохода происходит сильный взрыв. Столб воды поднимается на высоту около 30 м. Теплоход медленно погружается кормой; носовая часть выступает из воды. Четыре мощных буксира, прибывшие на помощь, с большим трудом пытаются отбуксировать теплоход на мелкое место в непосредственной близости от нейтральной зоны.

Позднее узнаю название судна - это английский вооруженный теплоход "Дюрхэм" водоизмещением 10 000 т"*.

Визинтини - Магро. Покинув подводную лодку, они начинали сближение с объектом атаки.

"Чтобы гарантировать себе хорошую видимость, Магро и я снимаем маски. Однако сильные удары волн с восточного направления мешают нам, вынуждая снизить скорость движения торпеды. Как бы то ни было, плавание проходит хорошо. Дважды ощущаю подводные взрывы.

...Около 2 час. 30 мин. справа, на расстоянии не более 100 м, показывается темный силуэт сторожевого катера. Маневрирую, чтобы не быть обнаруженным, и вскоре после этого различаю вход в гавань. На этом участке слышу еще два подводных взрыва. Вижу сторожевой катер, который, следуя с юга, уже подошел к входу в гавань, имея самый малый ход - не более двух миль в час. Продолжаю следовать тем же курсом. Через некоторое время сторожевой катер оказывается очень близко от меня; он идет между мной и заграждениями и вдруг поворачивает в мою сторону. Тогда я погружаюсь... и слышу вблизи взрыв, но он не вызывает у меня тревоги.

Всплываю... быстро осмотревшись, вижу, что сторожевой катер теперь идет по направлению к южному входу. Кажется, мне предоставлена свобода действий. Но я не успеваю порадоваться этому, так как вижу, что на меня быстро движется другой сторожевой катер меньших размеров со включенными огнями. Боюсь, что он меня заметил, но все равно

погружаюсь, предпочитая лучше погибнуть от взрыва, чем дать противнику возможность захватить нас на поверхности и тем самым раскрыть секрет нашего оружия. Но катер нас не обнаружил.

Отчетливо слышу шум винта над моей головой. С этого момента в течение 10 мин. маневрирую в надводном и подводном положениях, стараясь как можно меньше оставаться под водой во избежание последствий взрыва, играя со сторожевым катером в прятки, чтобы отойти туда, где обнаружение менее вероятно.

Наконец катер удаляется на юг, и я направляюсь к входу в порт. Время 3 часа 45 мин. Определяю точно курс и погружаюсь на глубину 11 м. Точно выдержав курс, скорость и глубину, я через некоторое время наталкиваюсь на три стальных троса, безусловно, составляющих часть сетей, и проскальзываю между ними. Итак, я в порту. Всплываю и, чтобы лучше видеть, снимаю маску. Прямо перед собой вижу крейсер водоизмещением около 7000 т и напротив мола четыре больших танкера.

4 часа 05 мин. Считаю, что у нас не остается времени для действий в южной части порта, где стоят указанные нашим командиром цели.

Отказываюсь также и от атаки крейсера по следующим мотивам:

1) он находится слишком близко от места повторяющихся систематически взрывов у входа в порт;

2) можно причинить больший ущерб, атаковав танкер (при взрыве загорится нефть и вызовет пожар в порту).

Решив атаковать один из четырех танкеров, выбираю второй от северного входа, так как он полностью нагружен. Полагаю, что в его трюмах находится около 8000 т горючего. В то время как мы, находясь на глубине 7 м, присоединяли зарядное отделение торпеды к корпусу танкера, раздался сильный взрыв, который, однако, не причинил нам вреда.

В 4 часа 40 мин. зарядное отделение прикреплено, завожу механизм взрывателя".

Применив ту же тактику, что и при входе, Визинтини вышел из порта, уклоняясь от двух встретившихся сторожевых катеров, и направился к испанскому берегу. Затопив торпеду, он затем вместе с Магро удачно вышел на берег в 6 час. 30 мин., где встретился с ожидавшим их агентом П.

С места, где они укрылись, они слышали взрыв и через несколько минут еще четыре или пять взрывов.

В 8 час. 43 мин. танкер "Денби Дэйл" грузоподъемностью 15893 т в результате взрыва затонул в порту Гибралтара. Находившийся рядом с ним маленький танкер также затонул. Хотя взрыв и не вызвал пожара, на что рассчитывал Визинтини, но действие экипажа заслуживает весьма высокой оценки.

Наконец после стольких разочарований мы добились положительных результатов, хотя и не столь важных, как нам хотелось. Это был первый успех водителей управляемых торпед: потоплено три судна общим тоннажем в 30 000 т.

Операция имела много поучительного.

Мы узнали, какие новые меры предосторожности и способы защиты приняты противником против смелых действий 10-й флотилии: бесшумные сторожевые суда, осуществляющие непрерывный дозор перед входом в порт, систематически сбрасывая глубинные бомбы; интенсивное гидроакустическое наблюдение.

Но мы также сделали вывод благодаря главным образом смелым действиям Визинтини, что такие препятствия преодолимы, лишь бы в настойчивом желании достигнуть успеха сочетались презрение к опасности, прекрасное управление средством атаки и ориентировка в обстановке, в которой действует водитель.

В ряду отважных появилась новая фамилия - Визинтини.

Молодой офицер родом из Паренцо, обладающий твердым характером и хорошо подготовленный специалист, он был воспитан в патриотическом духе, типичном для живущих на границе итальянцев, в течение столетий боровшихся за сохранение своей независимости. Молчаливый, всегда спокойный, честный, храбрый, хладнокровный -

отличный опытный моряк. Свои исключительные способности он показал при выполнении опасного задания.

Наконец-то управляемые торпеды начали полностью повиноваться водителям. Техник Бертоцци, который производил проверку торпед перед указанной операцией и собирал от водителей сведения по их возвращении, в своем итоговом рапорте писал:

"В заключение можно заявить со всей ответственностью, что человекоуправляемые торпеды, построенные и усовершенствованные управлением подводного оружия в Специи с учетом опыта предыдущих операций, представляют теперь, безусловно, самое эффективное и надежное оружие, при помощи которого можно добиться блестящих успехов в войне".

В связи с успешным выполнением задания 6 водителей управляемых торпед были награждены серебряной медалью "За воинскую доблесть".

Весь экипаж "Шире" был также награжден, как и после выполнения предыдущих заданий. Я же за боевые заслуги получил чин капитана 2-го ранга. В приказе говорилось: "Командуя подводной лодкой, предназначенной для выполнения специальных заданий, после выполнения первого смелого и очень трудного задания по перевозке штурмовых средств к сильно укрепленной базе противника повторил ту же операцию второй и третий раз с отвагой и несомненным презрением к опасности.

Приняв командование отрядом штурмовых средств, он очень умело и тщательно подготовил людей и материальную часть, что способствовало удачному завершению атаки судов противника, одно из которых было сильно повреждено, а два других потоплены.

Благодаря умелым действиям командира подводная лодка возвращалась обратно в свою базу невредимой из каждого боевого похода несмотря на трудности плавания, требовавшего предельного физического напряжения людей. Он представляет собой великолепный образец организатора и командира".

Король, пожелавший принять меня, долго беседовал со мной. Он был в прекрасном настроении. Когда я намекнул ему на связанные с течениями трудности плавания в Гибралтарском проливе, он заметил: "Я знаю это место хорошо. Однажды, много лет назад, мы находились на рыбной ловле в Гибралтаре, и течение так мешало нам, что ни мне, ни моей жене не удалось поймать ни одной рыбешки".

Затем он проявил интерес к управляемым торпедам, пожелав узнать их тактико-технические данные. Он спросил меня, где происходило обучение. Я ответил: "В водах Серкио, граничащих с поместьем Сан-Россоре, Ваше Величество". Он был крайне удивлен: "А я об этом ничего не знал! Вам действительно прекрасно удалось сохранить тайну!" Потом он спросил меня, может ли он в виде исключения нарушить барьер, изолирующий нашу группу в Серкио, чтобы познакомиться с такими "чудесными молодцами" и присутствовать на учении. "Конечно, - ответил я ему, - но просил бы Ваше Величество ограничить вашу свиту".

Через несколько дней король в штатском костюме, сопровождаемый только одним человеком, пересек на гребном катере реку Серкио и появился среди наших парней, с каждым из которых он хотел познакомиться лично. Потом с маленького плотика он следил за погружением торпед на глубину, которые, казалось, произвели на него большое впечатление.

Попрощавшись с каждым из нас и обменявшись крепким рукопожатием, король на гребном катере возвратился на тот берег реки.

Тогда я видел его в последний раз.

Глава XI

ПОТОПЛЕНИЕ ЛИНЕЙНЫХ КОРАБЛЕЙ "ВЭЛИЕНТ" И "КУИН ЭЛИЗАБЕТ". АЛЕКСАНДРИЯ,

19 ДЕКАБРЯ 1941 года

"Арк Ройял" и "Бархэм" потоплены - остаются только "Вэлиент" и "Куин Элизабет". Командир Форца. Организация атаки. Интенсивная подготовка. Выбор экипажей. "Шире" выходит в море. В 2000 м от Александрии. Марчелья топит "Куин Элизабет", а де ла Пенне -

"Вэлиент". Мартеллотта за полное уничтожение. Упущенные благоприятные возможности добиться стратегической победы. Секретная речь Черчилля.

13 ноября 1941 года вышедший из Гибралтара английский авианосец "Арк Ройял" водоизмещением в 22 000 т был атакован в Средиземном море немецкой подводной лодкой и пошел ко дну в результате попадания одной торпеды (командир подводной лодки - капитан-лейтенант немецкого военно-морского флота Гогенбергер).

25 ноября в районе Тобрука английская Восточно-Средиземноморская эскадра в составе трех линейных кораблей - "Бархэм" (флагман), "Куин Элизабет" и "Вэлиент" - и кораблей обычного охранения подверглась нападению другой немецкой подводной лодки (командир - капитан-лейтенант фон Тизенхаузен).

Этот случай заслуживает того, чтобы коротко рассказать о нем, учитывая мужество, проявленное экипажем подводной лодки, результаты атаки и обстоятельства (благоприятные и неблагоприятные), ее сопровождающие.

В этот день Тизенхаузен обнаружил в перископ три военных корабля, шедших кильватерным строем на дистанции 500 м друг от друга. Командир лодки начал сближение с головным кораблем. Ему удалось прорвать цепь миноносцев и с дистанции 400 м выпустить четыре торпеды из носовых аппаратов. Торпедный удар пришелся по погребам боеприпасов, и корабль взлетел на воздух. К небу взметнулись обломки, и меньше чем за пять минут "Бархэм" исчез под водой, унося с собой свыше 800 человек экипажа.

Однако на подводной лодке обстановка мало подходила для того, чтобы праздновать победу. В силу каких-то причин, возможно, потому, что она внезапно освободилась от тяжести четырех торпед, лодка всплыла и, двигаясь по инерции, очутилась недалеко от носа "Вэлиента", шедшего вторым в строе кильватера. С линкора открыли бешеный огонь, однако дистанция была настолько мала, что подводная лодка оказалась вне зоны поражения.

Тизенхаузену чудом удалось избежать таранного удара. Лодка погрузилась у самого носа "Вэлиента", скрылась под водой и смогла невредимой вернуться в базу*.

В результате действий немецких подводных лодок в составе английского Средиземноморского флота в ноябре 1941 года осталось только 2 линейных корабля - "Куин Элизабет" и "Вэлиент". И это как раз в тот момент, когда военно-морской флот Италии имел 5 линкоров, в том числе "Дориа", "Витторио Венето" и "Литторио", т.е. 3 модернизированных и 2 мощных, новой постройки. Никогда - ни раньше, ни позже Италия не располагала таким количеством линейных кораблей.

Англичане, чтобы избавить от опасности уничтожения свои 2 оставшихся линкора, в то время особенно ценных, ибо они представляли собой основную военно-морскую силу в восточной части Средиземного моря (обстановка на Дальнем Востоке не позволяла прислать подкрепления), приняли в Александрии все меры предосторожности.

Учитывая предыдущие действия 10-й итальянской флотилии в бухте Суда, Мальте и в Гибралтаре, англичане применили в Александрии новейшие оборонительные средства для охраны своих боевых кораблей, ожидавших благоприятного случая, чтобы выйти в море. Этот момент и был избран 10-й флотилией, чтобы нанести удар по кораблям противника, укрытых в базе.

Между тем на пост командира 10-й флотилии МАС был назначен капитан 2-го ранга Эрнесто Форца, храбрый и способный офицер.

За блестяще проведенную в Тунисском проливе операцию против английского конвоя он был награжден золотой медалью "За храбрость". Его мужество дополнялось богатым опытом ведения боевых действий торпедных катеров, очень полезным при использовании специальных средств. Форца получил прекрасную теоретическую и практическую подготовку в области применения морской авиации, будучи несколько лет летчиком-наблюдателем и преподавателем на курсах авиационных наблюдателей. Человек действия, враг бюрократизма на службе, разумный исполнитель, всегда готовый решить задачу с учетом изменяющейся обстановки, общительный, хороший товарищ, он командовал 10-й флотилией МАС до 1 мая 1943 года. Мое постоянное и тесное сотрудничество с ним

оказалось весьма полезным для нашей работы.

Александрийская операция была тщательно подготовлена. Особое внимание при этом уделялось сохранению приготовлений в глубокой тайне, которая является непременной спутницей успеха любых действий и особенно таких, когда нескольким, по сути дела, беззащитным людям в темной глубине вод вражеского порта противостоят заграждения, многочисленные средства наблюдения, тысячи людей, находящихся под надежной защитой брони на суше и на кораблях с задачей обнаружить и уничтожить нападающих.

Чтобы получить необходимые данные и аэрофотоснимки, позволяющие установить дислокацию кораблей в порту и расположение оборонительных средств (сетевых заграждений и т.п.), широко использовалась воздушная разведка.

С особой тщательностью подготавливалась материальная часть управляемые торпеды, доведенные до необходимой степени совершенства, после последних действий в Гибралтаре были приведены в полную готовность.

Роль "носителя" торпед снова поручили подводной лодке "Шире". Отважный экипаж лодки, имевший уже достаточный опыт в подобного рода действиях, был тот же, что и прежде, ни один человек не был заменен. После обычного отдыха в Альто Адидже весь личный состав чувствовал себя превосходно.

Под моим руководством группа самых опытных водителей торпед тренировалась в совершении переходов, подобных тем, с которыми им придется встретиться в Александрии (цель подготовки была им неизвестна). Во время ночных тренировок воспроизводились реальные условия действий во вражеском порту с максимальным усложнением обстановки. В то время как водители на тренировочных занятиях привыкали правильно распределять свои силы с учетом протяженности маршрута и препятствий, встречающихся по пути следования, мы получали данные, необходимые для окончательной разработки плана операции. Таким образом, мы, как бы побывав на месте, имели возможность проверить все детали хода операции, расчет времени по этапам, способы преодоления препятствий, принятые меры предосторожности с целью обмануть вражеских наблюдателей и, наконец, степень подготовки отдельных исполнителей.

В один прекрасный день всех водителей торпед собрали, и Форца обратился к ним с такой краткой речью:

"Друзья, для выполнения очередного задания нужны три экипажа. Сейчас могу сказать только одно: в отличие от предыдущих действий в Гибралтаре возвращение очень маловероятно. Кто хочет пойти?"

Не колеблясь ни минуты, все выразили желание принять участие в этой операции. Вопрос о составе участников пришлось решать командованию. В группу вошли: старший лейтенант Луиджи Дуранд де ла Пенне со старшиной водолазов Эмилио Бьянки; капитан морской инженерной службы Антонио Марчелья с водолазом Спартаке Скергат; капитан службы морского вооружения ВМФ Винченцо Мартеллотта с водолазом Марио Марино. Выбор пал на этих отважных решительных людей, крепких телом и духом, потому что они были лучше подготовлены. Командиром группы был назначен де ла Пенне, уже участвовавший в аналогичных операциях в Гибралтаре. Совершенно случайно три офицера в группе оказались представителями трех различных служб военно-морского флота: строевой, инженерной и вооружения. В резерв были назначены старший лейтенант медицинской службы Спаккарелли и старший лейтенант морской инженерной службы Фельтринелли, оба более позднего набора, чем остальные.

Личный состав получил обычные инструкции о строжайшем сохранении тайны в разговорах и переписке с кем бы то ни было, с товарищами, старшими по чину и начальниками и, уж конечно, с родственниками. Проводились усиленные тренировочные занятия, теперь уже настолько специфические, что становилось ясно, о каких действиях идет речь. Приводились в порядок личные вещи на случай скорого и внезапного выезда на непредвиденный срок - навсегда в случае неудачи и на несколько лет в лагерь для военнопленных в самом счастливом случае. Подготовка шла полным ходом. Чтобы

обеспечить успех подобных операций, их подготовку следует организовывать с особой тщательностью. Необходимо принять во внимание множество самых разнообразных фактов - от гидрографических и метеорологических данных до сведений об организации охранения противника.

Надо позаботиться о тысяче различных вещей: начиная от аэрофотосъемки объекта и кончая обеспечением надежной радиосвязи с подводной лодкой, чтобы информировать ее о количестве и расположении кораблей в порту и дать сигнал о выпуске торпед; от шифров до приведения в готовность материальной части; от приказов и распоряжений до подготовки экипажей торпед, чтобы в назначенный день они были в наилучшей "форме"; от изучения навигации и предварительной прокладки курса подводной лодки и разработки путей прорыва в порт управляемых торпед до работы над новыми средствами нападения, чтобы нанести противнику как можно больший ущерб.

Нельзя надеяться на счастливый случай, необходимы точный хладнокровный расчет и полное спокойствие. Возможности материальной части необходимо использовать до конца, люди должны приложить максимум усилий.

В этот подготовительный период мы потеряли ценного, подающего большие надежды офицера: погиб старший лейтенант Сотое из штаба 10-й флотилии. По пути в Афины, куда он отправился, чтобы установить контакт с местными военными властями, обычная автомобильная катастрофа оборвала его молодую жизнь. И вот, наконец, наступило время выхода в море на выполнение задания. Третьего декабря "Шире" покинула Специю. Мы сделали вид, что выходим на обычные учения, чтобы не возбуждать любопытства экипажей других подводных лодок, находящихся в базе.

Мой мужественный, сплоченный экипаж не знал о цели нашего похода, да и не стремился узнать, иначе пришлось бы держать ее в тайне, а тайны, как известно, хранить нелегко. Люди знали только, что предстоит новая операция, может быть, такая же, как и прошлая, а может быть, еще более опасная. Они верили в своего командира и в свой корабль, которому во время подготовительных работ они отдавали все свое умение и старание, хорошо зная, что от работы его механизмов зависят успех и сама жизнь каждого из них.

Когда мы вышли из порта, к нам под покровом темноты, чтобы избежать посторонних взоров, подошла баржа. Она доставила из мастерских св. Бартоломея управляемые торпеды №№ 221, 222 и 223, отрегулированные самым тщательным образом, легководолазные костюмы, кислородно-дыхательные приборы - то немногое, что требуется для превращения шестерых смельчаков в орудия разрушения.

Водители заботливо, почти с нежностью относились к своим торпедам. За каждым закреплена та, на которой он проходил подготовку, достоинства, недостатки и капризы которой ему отлично известны. Они сами поместили торпеды в цилиндры (де ла Пенне - в носовой, Марчелья и Мартеллотта - в кормовые) и прочно закрепили их, чтобы предохранить от толчков и избежать аварий.

Наконец, глубокой ночью погрузка торпед закончена. Мы попрощались с водителями торпед, которые временно покидали нас, чтобы снова прибыть на самолете в самый последний момент. Мимо острова Тино через проход в минных заграждениях лодка выходит в море. 23 часа 3 декабря 1941 года. Началась операция "ЕА-3", третья по счету попытка 10-й флотилии атаковать английскую Восточно-Средиземноморскую эскадру в Александрии.

До берегов Сицилии шли спокойно. А там произошел любопытный случай, о котором стоит упомянуть.

С мыса Пелоро вдруг принялись в открытую сигналить прожектором: "Подводная лодка "Шире". Это уже сумасшествие! Что им нужно? Или они хотят, чтобы весь свет узнал, что "Шире" - единственная подводная лодка итальянских военно-морских сил, оборудованная для переброски специальных средств, вышла в море? Так можно раскрыть тайну, на сохранение которой было затрачено столько усилий. Вблизи маяка св. Раньери (Мессина) к нам подошел катер командования ВМС, мне вручили пакет. Из главного штаба ВМС сообщалось об обстановке в море, о расположении неприятельских кораблей и

возможности встречи с ними. Одновременно из Мессины поступило сообщение, что несколько часов тому назад у мыса делл'Арми была обнаружена подводная лодка противника, атаковавшая наш конвой.

Мы должны были идти как раз мимо мыса делл'Арми. Я решил держаться мористее. До Таормина шли вдоль берегов Сицилии. Здесь я обнаружил подводную лодку, которая казалась неподвижной. Развернулся к ней носом (предосторожность никогда не мешает) и запросил опознавательный сигнал. В ответ просигналили что-то непонятное. Ясно, что это противник. Учитывая, что подводные лодки заметили друг друга (стояла светлая лунная ночь), и имея в виду полученные мною инструкции и цель операции, а также принимая во внимание то обстоятельство, что враг располагал двумя орудиями, а у меня не было ни одного, я сообщил об обнаруженном противнике в Мессину и лег на курс к восточной части Средиземного моря. Что же сделал противник? Он лег на параллельный курс! Так мы шли около часа бок о бок, как добрые друзья, на расстоянии приблизительно 3000 м. Затем так же неожиданно противник оставил нас и повернул назад к Таормина. Странные вещи случаются на море во время войны! На следующий день мы явились свидетелями печального зрелища. Поверхность моря была усеяна обломками и различными предметами, в том числе множеством спасательных поясов: несколько дней тому назад в этих местах подвергся нападению наш конвой.

9 декабря мы подошли к острову Лерос и вошли в бухту Порто Лаго, которую я хорошо знал, так как долгое время был здесь с подводной лодкой "Ириде". Эта чудесная природная бухта, с трех сторон защищенная скалистыми горами. На берегу раскинулся поселок, выросший за последние несколько лет, с гостиницей, церковью, муниципалитетом - типичный уголок Италии, перенесенный на этот островок в Эгейском море.

Ошвартовались у пирса базы подводных лодок. Ко мне сразу же пришел Спингаи, мой однокурсник, командир 5-й флотилии подводных лодок, и любезно, по-товарищески предложил свои услуги. Прежде всего я решил накрыть брезентом цилиндры на палубе. Мы делаем вид, что "Шире" - подводная лодка с другой базы, получившая в бою тяжелые повреждения и укрывшаяся в Порто Лаго, так как она нуждается в длительном ремонте. Лерос кишел греками, и лишняя предосторожность не мешала. Шесть техников, прибывших самолетом из Италии, приступили к окончательной подготовке управляемых торпед. 12 декабря, также самолетом, прибыли десять водителей торпед. Чтобы укрыться от посторонних глаз, они разместились на транспорте "Асмара", стоявшем на якоре в уединенной бухте Партени на противоположной стороне острова, в той самой, где раньше стояли катера дивизиона Фаджони. 13 декабря я навестил наших водителей торпед, наслаждавшихся последними часами отдыха перед предстоящим испытанием. Мы детально обсудили план операции, ознакомились с последними аэрофотоснимками порта и полученными мною сведениями (в тот момент немногочисленными). Потом мы поболтали о пустяках, чтобы немного отвлечься от мыслей, которые целиком владели нами в течение последнего месяца.

Из Родоса к нам на Лерос прибыл адмирал Бьянкери, командующий флотом Эгейского моря. Он предложил нам провести здесь, в Порто Лаго, под его руководством ряд испытаний наших специальных средств. Воспользовавшись правом командира корабля, я отклонил это предложение. Адмирал выразил свое неудовольствие и уверенность, что нам "ничего путного сделать не удастся, так как срок подготовки слишком мал".

Времени терять было нельзя. Обстоятельства нам благоприятствовали: стояли темные, безлунные ночи, метеосводки также благоприятны. Я решил выйти в море 14 декабря. Поддерживал непрерывную связь с Форца, который с 9-го находился в Афинах для руководства и координирования действий воздушной разведки, службы осведомления, метеослужбы и организации связи с подводной лодкой "Шире".

В приказе на операцию предусматривалось, что подводная лодка "Шире" подойдет вечером к порту Александрия на расстояние нескольких километров. Предполагалось, что город будет погружен в темноту (из-за затемнения). Поэтому, чтобы помочь лодке

сориентироваться и отыскать порт (от правильного выбора места выпуска торпед в значительной степени зависит успех действия их водителей), наша авиация в этот вечер и накануне должна была произвести бомбардировку порта. Оставив лодку, водители торпед, двигаясь в соответствии с выработанным маршрутом, должны были приблизиться к порту, преодолеть заграждения и направиться к целям, которые предварительно им укажет командир лодки "Шире" на основании полученных по радио самых последних данных. Прикрепив заряды к подводной части кораблей, водители должны разбросать имеющиеся у них плавучие зажигательные бомбы. Через час после взрыва зарядных отделений торпед бомбы, воспламенившись, должны будут поджечь нефть, разлившуюся по поверхности воды в результате повреждения кораблей. Затем должен вспыхнуть пожар на находящихся в порту кораблях, плавучих доках и, наконец, на складах. Таким образом главная морская база противника в восточной части Средиземного моря будет окончательно выведена из строя.

После выпуска торпед подводная лодка "Шире" должна лечь на обратный курс. Водителям торпед были указаны в порту зоны, предположительно слабо охраняемые, где можно выбраться на берег, и дороги, по которым следовало как можно скорее выйти за пределы порта.

Предусматривалось также возвращение водителей торпед. Подводная лодка "Дзаффиро" в течение двух ночей после операции должна была находиться в море в 10 милях от Розетского устья Нила. Водители торпед, которым удастся ускользнуть от охраны противника, смогут добраться до подводной лодки, воспользовавшись какой-нибудь лодкой, добытой на берегу.

Приняв на борт водителей торпед, утром 14 декабря "Шире" покинула Лерос. Плавание проходило нормально. Днем мы шли под водой, а ночью в надводном положении, чтобы зарядить аккумуляторы и освежить воздух во всех отсеках лодки.

Задача "Шире", как обычно, состояла в том, чтобы подойти возможно ближе к вражескому порту, не вызвав подозрений и не дав себя обнаружить раньше времени. Быть обнаруженным означает вызвать действия противолодочной обороны - беспощадную охоту за подводной лодкой, что может помешать выполнению задания. Действовать нужно очень осторожно. А так как подводную лодку можно обнаружить при помощи гидрофонов, то плавание должно быть бесшумным.

По имеющимся сведениям, Александрия, как, впрочем, и все остальные порты в военное время, была окружена минными заграждениями.

По разведданным, стационарные и маневренные оборонительные средства включали в себя:

а) минные поля в 20 милях к северо-западу от порта;

б) донные мины, расположенные на глубине 55 м по окружности с радиусом около 6 миль;

в) полосу сигнальных тросов (ближе к порту);

г) группу донных мин, расположение которых известно;

д) сетевые заграждения, преодоление которых не представляет особых трудностей;

е) службу наблюдения и обнаружения на подходах к минным полям.

Как преодолеть все эти препятствия? Как пройти через минные поля, не зная проходов? А донные мины? А сигнальные тросы?

Чтобы достигнуть цели, приходится иногда просто довериться судьбе: ничего другого не остается. Но надеяться только на судьбу нельзя. Поэтому я решил, достигнув мест с глубинами в 400 м (вероятная граница минных полей), идти на глубине не менее 60 м, предполагая, что мины, даже противолодочные, установлены с меньшим углублением. Если же подводная лодка наткнется на минреп, я надеялся, что он, не зацепившись, соскользнет по обшивке вдоль ее корпуса. Впрочем, чтобы избежать опасности наткнуться на мину, оставалось только одно - рассчитывать на удачу.

Следующая трудность заключалась в том, чтобы привести подводную лодку точно в назначенное место, то есть идти, строго придерживаясь предварительно проложенного курса,

избегая отклонений, вызываемых подводными течениями, которые всегда с большим трудом поддаются учету. Трудность станет особенно понятной, если учесть почти полную невозможность уточнить свое местонахождение с тех пор, как на рассвете дня, предшествующего операции, подводная лодка должна погрузиться (чтобы не быть обнаруженной противником) и идти на большой глубине (чтобы избежать мин) до момента выпуска торпед.

Таким образом, при подводном плавании необходимо учитывать скорость хода, точно прокладывать курс и строго его придерживаться и, наконец, определять свое местонахождение по изменению морских глубин (единственный гидрографический элемент, доступный при определении местонахождения погруженной подводной лодки). Все это больше напоминает искусство, чем науку о плавании.

Мне помогал весь экипаж: офицеры, унтер-офицеры, матросы. Каждый на своем посту нес службу и обеспечивал работу механизмов так, чтобы не допустить непредвиденных задержек, которые могут мешать успешному выполнению задания.

Урсано, старший помощник, следил за порядком на лодке. Венини и Ольчезе - опытные штурманы - помогали мне в кораблевождении, а также в весьма деликатном шифровальном деле и обеспечении связи. Тайер - механик, командир электромеханической части - следил за работой механизмов (дизелей, электромоторов, аккумуляторных батарей, компрессоров и пр.), обеспечивая безотказную их работу. Унтер-офицеры достойны самых высоких похвал - знают свое дело. Радисты поддерживали непрерывную связь с Римом и Афинами. Все добросовестно выполняли свои обязанности. Кок - не последний человек на борту (назначенный на эту должность матрос раньше был каменщиком) - был самым настоящим мучеником: круглые сутки на ногах у крошечной раскаленной электроплиты. При любой погоде на море он готовил из консервированных продуктов пищу для 60 человек, горячие напитки для тех, кто нес ночную вахту, и обильную еду для поддержания высокого... морального состояния водителей торпед. А они спокойно отдыхали и накапливали силы. Де ла Пенне, блондин с растрепанными волосами, все время лежал на койке и спал. Не открывая глаз, он время от времени протягивал руку, доставал из ящика бутерброд и быстро поглощал его. Затем он перевертывался на другой бок и снова засыпал.

На другой койке лежал Мартеллотта. Он всегда был весел: "Спокойствие, и все будет хорошо". Он повторял это при каждом удобном случае.

Марчелья высокого роста, спокойный, все время читал; его густой бас слышался редко. Если же он и обращался к кому-нибудь, то это был вопрос из области техники или замечание по поводу предстоящих действий.

Фельтринелли, Бьянки, Марино, Скергат, Февале, Мамоли - каждый выбрал себе уголок среди многочисленного оборудования лодки и там проводил время за отдыхом, прерывая его только для того, чтобы плотно поесть.

Наблюдение за состоянием здоровья экипажей управляемых торпед было возложено на врача Спаккарелли, подводного пловца и командира резервного экипажа; он каждый день осматривал людей: необходимо, чтобы они были в самой наилучшей "форме" в недалекий теперь уже день операций.

Настроение у всех хорошее; трудности и опасности не страшили, а лишь увеличивали стремление преодолеть их; водители ничем не выдавали своего напряжения и нетерпения; беседы велись в принятом на борту веселом тоне, остроумие их не покидало; они не упускали случая подшутить друг над другом.

Эти парни были поистине необыкновенные люди. Они шли на операцию, которая потребует от них величайшего напряжения всех духовных и физических сил, подвергая на протяжении нескольких часов свою жизнь смертельной опасности. Предстояла операция, из которой в самом лучшем случае можно выйти военнопленными, а они вели себя как спортивная команда, отправляющаяся на обычный воскресный матч.

16 декабря подводная лодка "Шире" попала в шторм. "Чтобы не повредить во время качки материальную часть, а главным образом не утомить экипажи торпед, я погружаюсь.

Ночью на время всплываем, а затем, как только закончена зарядка аккумуляторов и провентилированы отсеки, снова погружаемся. Из-за штормовой погоды и отсутствия точных сведений о составе кораблей в порту решаю отложить проведение операции на одни сутки, т.е. провести ее в ночь с 18 на 19.

17 декабря. Принимая во внимание местонахождение лодки и изменившиеся теперь уже благоприятные метеорологические условия, решаю назначить операцию на вечер 18 в надежде получить до этого точные сведения о наличии кораблей в порту"*.

Эта надежда быстро осуществилась: в тот же вечер мы, наконец, к величайшей нашей радости, получили из Афин сообщение, что наряду с другими кораблями в Александрии находятся два линейных корабля.

Теперь вперед! Весь день 18 декабря "Шире" продвигалась в зоне, считающейся заминированной, на глубине 60 м; глубина моря по мере приближения к берегу все время уменьшалась. Лодка ползла как танк, но бесшумный и невидимый. Непрерывно вели прокладку курса, следя за изменением морских глубин. В 18 час. 40 мин. подводная лодка, находясь на глубине 15 м, достигла намеченной точки, в 1,3 мили (пеленг в 356°) от маяка на западном молу торгового порта Александрии.

Все было подготовлено к предстоящему выходу водителей. Как только на поверхности моря сгустилась темнота, я приказал всплывать до позиционного положения. Затем поднялся в рубку и открыл люк. Погода идеальная: ночь темная, море спокойно, небо чистое. Передо мною совсем близко Александрия. Я различал очертания некоторых характерных зданий. С большим удовольствием отметил, что мы находимся в указанной точке. Исключительный результат после шестнадцатичасового плавания вслепую! Сейчас же после этого состоялась напутственная церемония с водителями торпед, облаченными в легководолазное снаряжение с кислородными приборами. Прощались без слов, без объятий: "Командир, - просят они, - стукните-ка нас на счастье". Этим странным ритуалом, в который я вкладывал все мои добрые пожелания, расставание завершилось.

Первыми вышли командиры резервных экипажей Фельтринелли и Спаккарелли. Им было поручено открыть крышки цилиндров, чтобы водителям торпед не пришлось тратить на это силы.

Один за другим де ла Пенне и Бьянки, Марчелья и Скергат, Мартеллотта и Мартино в черных непромокаемых комбинезонах с надетыми кислородными приборами, стесняющими их движения, поднялись по трапу и исчезли в ночной темноте. Лодка снова легла на дно.

После этого мы стали ждать ударов по корпусу - условного сигнала о том, что члены резервных экипажей, закрыв теперь уже пустые цилиндры, готовы вернуться обратно. Услышав условный сигнал, мы всплыли. Срывающимся от волнения голосом Фельтринелли доложил мне, что, не видя Спаккарелли, он пошел к нему на корму и случайно наткнулся на палубе на что-то мягкое, на ощупь (не забывайте, что дело происходило ночью и под водой) он убедился, что перед ним пропавший Спаккарелли, не подававший признаков жизни. Я сейчас же приказал выйти двум другим водолазам, которые всегда были наготове при всплытии. Спаккарелли подняли и по трапу спустили внутрь лодки. Мы снова погрузились и, строго придерживаясь пройденного нами маршрута, легли на обратный курс.

С бедного Спаккарелли сняли маску прибора, комбинезон и положили на койку. Его лицо посинело, пульс не прощупывался, дыхание отсутствовало классические симптомы смерти.

Что делать? Наш врач, к сожалению, ничем не мог нам помочь, потому что как раз с ним и случилось это несчастье. Я распорядился, чтобы два человека непрерывно делали ему искусственное дыхание, а затем, осмотрев нашу аптечку, посоветовал сделать пострадавшему внутримышечное вливание содержимого всех трех ампул, в пояснении к которым было сказано, что они оказывают стимулирующее действие на работу сердца. Пострадавшему дали кислород: все наши скромные запасы медикаментов, а также еще более скромные медицинские познания пущены в ход, чтобы попытаться сделать то, что казалось совершенно невозможным, - оживить мертвого.

Пока мы занимались этим внутри лодки, она, скользя почти у самого дна, удалялась от Александрии. Мы старались ничем не выдавать своего присутствия, тревога была бы гибельной для 6 смельчаков, которые в этот момент выполняли самую сложную часть операции. Управление подводной лодкой усложнилось: крышки кормовых цилиндров так и остались открытыми, трудно было удерживать ее на нужной глубине и следить за дифферентовкой. Отойдя на несколько миль от берега, всплыли. Маяк в Рас Эль Тин был зажжен; огни, которых я раньше не замечал, показались у входа в гавань, очевидно, это корабли входили в порт или выходили из него; хорошо, если бы водители торпед сумели воспользоваться этим случаем. Что касается цилиндров, то закрыть их из-за повреждений крышек так и не удалось.

Лодка продолжала путь в погруженном состоянии, так как зона, по которой мы шли, считалась минированной. После трех с половиной часов непрерывного искусственного дыхания, различных инъекций и кислорода из груди нашего врача, который до этого момента не подавал никаких признаков жизни, вырвалось что-то похожее на хрип. Он жив! Мы спасем его! И действительно, через несколько часов, несмотря на то, что положение его было тяжелым, он обрел дар речи и смог рассказать, что с ним произошло. Приложив все усилия, чтобы закрыть крышку первого цилиндра, которая никак не поддавалась, он в результате длительного дыхания кислородом и повышенного давления, испытываемого на глубине, потерял сознание. Благодаря счастливой случайности он остался на палубе, а не соскользнул за борт. Это легко могло случиться, так как все ограждения и леерные стойки предварительно сняли, чтобы минрепы не могли за них зацепиться.

Наконец, вечером 19 декабря, когда по нашим предположениям мы уже находились вне минных полей, т.е. после 39 час. подводного плавания, решили всплыть и пошли курсом на Лерос. Вечером 20 декабря приняли радиограмму из морского генерального штаба: "По данным аэрофоторазведки, повреждены два линейных корабля". Ликование на борту; никто не сомневался в успехе, но получить об этом подтверждение, да еще так скоро - что же может быть приятнее!

Вечером 21 декабря, сразу же после того как лодка вошла в Порто Лаго, мы отправили Спаккарелли в госпиталь. Он был уже вне опасности, но еще нуждался в лечении из-за перенесенного тяжелого шока.

Путь из Лероса в Специю проходил без всяких приключений, если не считать случая в день рождества. В то время как экипаж слушал по радио речь папы римского, самолет неизвестной национальности, приблизившийся к лодке, был обстрелян из зенитных пулеметов калибром 13,2 мм. В ответ самолет сбросил 5 бомб малого калибра, которые упали метрах в 80 за кормой, не причинив никакого вреда. Рождественские пироги!

29 декабря "Шире" пришла в Специю. На пристани нас встретил командующий Верхне-Тирренским морским округом адмирал Ваччи, он нас поздравил от имени заместителя морского министра адмирала Рикарди.

Я счастлив за наш экипаж, которому в результате упорного и самоотверженного труда удалось привести подводную лодку в порт после 27 дней похода, из которых 22 дня мы провели в море, пройдя 3500 миль без аварий и внеся свой вклад в дело борьбы Италии с противником.

Что же случилось с нашими водителями, которые остались в открытом море вблизи Александрии, верхом на своих торпедах, среди врагов, подстерегавших их на каждом шагу?

Все три экипажа покинули подводную лодку и отправились по указанному маршруту.

Море было спокойно, стояла темная ночь. Огоньки в порту позволяли сравнительно легко ориентироваться. Экипажи вели свои торпеды с редким хладнокровием. Как докладывал де ла Пенне в своем рапорте: "Увидев, что идем с опережением графика, мы открыли коробку с едой и позавтракали. Мы находимся в 500 м от маяка в Рас Эль Тин".

Наконец они достигли линии заграждений: "Видим несколько человек, стоящих на молу, и слышим, как они разговаривают, один из них расхаживает с зажженным фонарем. Видим также большой катер, который бесшумно курсирует около мола, сбрасывая бомбы.

Эти бомбы доставляют нам много неприятностей".

В то время как 6 голов, едва выступающих из воды, напряженно всматривались в темноту, чтобы отыскать проход в сетевых заграждениях, появились 3 английских эскадренных миноносца, которые собирались войти в порт; зажглись огни, и проход в заграждении открылся. Не теряя ни минуты, три управляемые торпеды вместе с кораблями противника проникли в порт. Они в порту! Совершая этот маневр, они потеряли друг друга из виду. Но зато они недалеко от объектов для атаки, которые были распределены следующим образом: де ла Пенне - линейный корабль "Вэлиент", Марчелья - линейный корабль "Куин Элизабет", Мартеллотта должен был разыскать авианосец. Если авианосца в порту не окажется, то атаковать груженый танкер в надежде, что разлившаяся нефть воспламенится от плавающих зажигательных бомб, которые водители должны разбросать в порту, прежде чем они покинут свои торпеды.

Проследим теперь, как обстояло дело у каждого экипажа, повествуя об этом со слов самих водителей.

Де ла Пенне - Бьянки. Обойдя в порту интернированные французские корабли, о присутствии которых нам было неизвестно, де ла Пенне заметил на указанном месте стоянки темную громадину - линейный корабль "Вэлиент" водоизмещением 32 000 т. Он направился к кораблю, встретил противоторпедную сеть и решил перебраться через нее, чтобы затратить как можно меньше времени, так как его состояние из-за холода было таково, что он чувствовал, что долго не продержится. (Его комбинезон пропускал воду с того момента, когда он покинул подводную лодку.) Маневр ему легко удался: теперь он был в 30 м от "Вэлиента". 2 часа 19 мин. ночи. Легкий толчок. Он у борта. При попытке подвести торпеду под корпус корабля она вдруг неожиданно пошла на дно. Де ла Пенне нырнул за ней и отыскал ее на глубине 17 м. Тут он с удивлением заметил, что водолаз куда-то исчез. Всплыл на поверхность, чтобы разыскать его, и не нашел. На борту линкора все спокойно. Оставив Бьянки на произвол судьбы, де ла Пенне снова нырнул и попытался пустить в ход мотор торпеды, чтобы подвести ее под корпус корабля, от которого она теперь оказалась в стороне. Мотор не работал, быстрый осмотр позволил установить причину аварии: на винт намотался кусок троса.

Что делать? Один с неподвижной торпедой на дне, так близко от цели. Де ла Пенне решил сделать единственное, что ему оставалось, - подтащить торпеду под корпус корабля, ориентируясь по компасу. Он торопился, так как боялся, что вот-вот англичане могут обнаружить Бьянки, возможно, потерявшего сознание и плавающего на поверхности где-нибудь поблизости. Последуют тревога, глубинные бомбы, и ни он, ни его товарищи, которые находятся сейчас в нескольких сотнях метров от него, не выполнят задания. Обливаясь потом, изо всех сил тащил он торпеду. Стекла очков запотели; взбаламученный ил затруднял ориентировку по компасу; дыхание стало тяжелым, но он упрямо шаг за шагом продвигался вперед. Он слышал теперь уже совсем близко шумы на борту корабля, особенно ясно слышал шум поршневого насоса, по которому он и ориентировался. Через 40 мин. нечеловеческих усилий де ла Пенне, наконец, стукнулся головой о корпус корабля. Следует быстрая оценка обстановки: он, по всей вероятности, оказался близко от середины корабля, в самом выгодном месте, чтобы нанести ему наибольший вред. Силы Пенне на исходе. Остаток их он употребил на то, чтобы завести часовой механизм взрывателя, установив его в соответствии с полученными указаниями ровно на 5 час. (по итальянскому времени, что соответствует 6 час. по местному времени). Всплывшие зажигательные бомбы могли выдать место, где находится заряд, поэтому де ла Пенне решил оставить их на торпеде. Он оставил торпеду с пущенным в ход часовым механизмом взрывателя на дне под корпусом линкора и всплыл на поверхность. Прежде всего он снял маску и затопил ее. Чистый свежий воздух возвратил ему силы, и он вплавь стал удаляться от корабля. Вдруг с борта его окликнули и осветили прожектором, раздалась пулеметная очередь. Он подплыл к кораблю и вылез на бочку у носа линкора "Вэлиент". Здесь он нашел Бьянки, который потерял сознание и всплыл на поверхность, а придя в себя, спрятался на бочке, чтобы не вызвать тревоги и не мешать

работе своего водителя. "С борта раздаются насмешки, там считают, что наша попытка провалилась; говорят об итальянцах с презрением. Я обращаю на это внимание Бьянки; вероятно, через пару часов они изменят свое мнение об итальянцах".

Время около половины четвертого. Наконец подошел катер, туда посадили обоих "потерпевших кораблекрушение" и доставили на борт линейного корабля. Английский офицер спросил у них, кто они такие, откуда прибыли, и с иронией выразил свое соболезнование по поводу неудачи. Водители, с этого момента военнопленные, предъявили имеющиеся у них воинские удостоверения личности. На вопросы они отвечать отказались. Их снова посадили на катер и доставили на берег в барак, расположенный недалеко от маяка в Рас Эль Тин. Первым допрашивали Бьянки: выходя из барака, он сделал де ла Пенне знак, что ничего не сказал. Затем настал черед де ла Пенне: он также отказался отвечать. Англичанин угрожал пистолетом: "Я заставлю вас заговорить", произносил он на хорошем итальянском языке. Было уже четыре часа.

Их снова отвезли на "Вэлиент". Командир корабля капитан 1-го ранга Морган спросил, где находится заряд. Они отказались отвечать, и их в сопровождении вахтенного офицера под конвоем отвели в карцер, одно из помещений, расположенных на носу между двумя башнями, - не так уже далеко от места, где будет взрыв. Предоставим слово самому де ла Пенне:

"Конвойные были немного бледны и очень любезны. Дали мне выпить рому и угостили сигаретами. Они тоже хотели кое-что узнать. Тем временем Бьянки сел и задремал. По ленточкам матросских бескозырок я понял, что мы находимся на линкоре "Вэлиент". Когда до взрыва остается 10 мин., я заявляю, что хочу поговорить с командиром корабля. Меня отводят к нему на корму. Говорю ему, что через несколько минут его корабль будет взорван, что сделать уже ничего нельзя и что если он хочет, то может позаботиться о спасении экипажа. Командир еще раз спрашивает, где расположен заряд и, так как я не отвечаю, приказывает отвести меня обратно в карцер. Проходя по коридорам, слышу, что через громкоговорители передается приказ оставить корабль, подвергшийся нападению итальянцев, и вижу, что люди бегут на корму. Меня снова запирают в карцер. Я спускаюсь по трапу и, полагая, что Бьянки там, где я его оставил, говорю о том, что нам не повезло, что наша песенка спета, но что мы можем быть довольны, так как нам удалось, несмотря ни на что, выполнить задание. Бьянки мне не отвечает. Ищу его, но не нахожу. Догадываюсь, что англичане увели его, чтобы я не говорил с ним. Проходит несколько минут (адские минуты: взорвется или нет?) - и, наконец, взрыв. Весь корабль содрогается. Гаснет свет. Помещение наполняется дымом. Вокруг меня валяются блоки и звенья цепи, упавшие с потолка, где они были подвешены. Я невредим, если не считать боли в колене, ушибленном одним из упавших звеньев. Корабль кренится влево. Открываю иллюминатор, оказавшийся недалеко от уровня воды, надеясь выбраться через него и уплыть. Но это невозможно: иллюминатор слишком мал и мне приходится отказаться от этой попытки. Оставляю его открытым, все-таки для воды будет еще один вход. Свет проникает в помещение только через иллюминатор. Мне кажется, что оставаться здесь неблагоразумно. Чувствую, что корабль лег на дно и продолжает крениться влево. Поднимаюсь по трапу, нахожу люк открытым и отправляюсь на корму. Там собралась большая часть экипажа, матросы встают, когда я прохожу мимо. Подхожу к командиру. Он руководит спасением корабля. Я спрашиваю, куда он девал моего водолаза. Командир ничего не отвечает, а вахтенный офицер приказывает мне замолчать. Корабль накренился на 4-5 градусов и теперь неподвижен. Смотрю на часы: сейчас 6 час. 15 мин. Иду дальше, туда, где находится много офицеров, и смотрю на линкор "Куин Элизабет", который находится приблизительно в 500 м от нас.

Экипаж "Куин Элизабет" собрался на носу корабля. Прошло несколько секунд, и на нем тоже произошел взрыв, которым корабль подняло на несколько сантиметров из воды, взметнулся столб дыма, разлетелись обломки, брызги нефти долетели до нас, пачкая одежду. Ко мне подходит офицер и просит дать ему честное слово, что под кораблем больше нет зарядов. Я не отвечаю, и меня снова отводят в карцер, а минут через 15 ведут в кают-

компанию, где я, наконец, могу присесть. Там находится и Бьянки. Через некоторое время нас сажают на катер и снова отвозят в Рас Эль Тин.

Замечаю, что носовой якорь, который раньше был втянут в клюз, теперь отдан. Во время переезда какой-то офицер спрашивает меня, не проникли ли мы в порт через отверстия в молу. В Рас Эль Тин нас поместили в разные камеры, где продержали до вечера. Я прошу, чтобы меня отвели на солнце, так как мне стало холодно.

Приходит солдат, щупает мой пульс и говорит, что я вполне здоров.

Ближе к вечеру нас сажают на грузовичок и везут в лагерь военнопленных в Александрии. В лагере мы встречаем нескольких итальянцев, которые утром слышали взрывы. Голодные, мы растягиваемся на земле и, не обращая внимания на мокрую одежду, засыпаем. Из-за ушиба колена меня поместили в санчасть, где санитары, итальянцы, угостили меня прекрасными макаронами. На следующее утро меня привезли в Каир"*.

В 1944 году, когда де ла Пенне и Бьянки вернулись из плена, им были вручены золотые медали "За храбрость". И знаете, кто прикрепил эту медаль на грудь де ла Пенне? Адмирал Морган, бывший командир линкора "Вэлиент", а в 1944 году глава морской союзной миссии в Италии.

Марчелья - Скергат. Следуя вместе с де ла Пенне по указанному маршруту, они заметили, что около полуночи в порту зажглись входные огни. По всей вероятности, в этот момент корабли входили в порт или выходили из него. Ощущались сильные толчки по корпусу торпеды, как от столкновения с каким-либо металлическим препятствием, и судороги в ногах водителей результаты подводных взрывов глубинных бомб, которые противник сбрасывал у входа в порт, чтобы избежать "нежелательных визитов". Подойдя к воротам порта, они с удовольствием отметили, что заграждения раздвинуты. Немного спустя, около часа ночи, им пришлось поспешно посторониться, чтобы дать дорогу трем входившим в порт миноносцам. Марчелья снова лег на свой курс, и вскоре перед ним возникли очертания цели. Он подошел к противоторпедной сети, перебрался через нее и беспрепятственно погрузился у самого корпуса корабля, параллельно дымовой трубе. С помощью второго водителя, вернее водолаза, он проделал следующий маневр: протянул трос от одного бокового киля корабля к другому и закрепил концы, а затем подвесил в середине зарядное отделение торпеды, предварительно отсоединив его с таким расчетом, чтобы оно находилось в полутора метрах под корпусом, затем завел часовой механизм взрывателя. Время 3 часа 15 мин. (итальянское).

"Пытаюсь разобраться в своих ощущениях. Я не возбужден, только немного устал и начинаю мерзнуть. Снова усаживаемся на торпеду. Водолаз знаками настоятельно просит меня всплыть на поверхность, так как больше не может оставаться под водой. Продуваю цистерну. Сначала торпеда не трогается с места, затем начинает всплывать сперва медленно, потом все быстрее и быстрее. Чтобы не выскочить из воды, приходится стравливать воздух. Воздушные пузыри привлекают внимание вахтенного на корме корабля. Он включает прожектор, и мы попадаем в полосу света. Мы наклоняемся вперед, чтобы нас труднее было заметить и чтобы не блестели очки масок. Вскоре прожектор гаснет. Пускаемся в обратный путь. На корабле все спокойно. Я вижу огонек зажженной сигареты - кто-то расхаживает по палубе. Выбираемся за пределы сетевых заграждений и, наконец, снимаем маски. Очень холодно, у меня буквально зуб на зуб не попадает. Снова останавливаемся и разбрасываем зажигательные бомбы, предварительно заведя механизм воспламенителя"*.

Затем Марчелья и Скергат направились к месту, которое им было указано для выхода на берег. По имевшимся данным, оно считалось менее охраняемым и оттуда легче было пробраться в город.

Недалеко от берега они затопили свою торпеду, включив механизм уничтожения. Вплавь добрались до берега. Здесь они сняли кислородные дыхательные приборы и резиновые костюмы и спрятали их под камнями, предварительно изрезав на куски. Время половина пятого. После восьмичасового пребывания в воде они наконец на суше.

Марчелье и Скергату удалось незамеченными выбраться за пределы порта. Выдавая

себя за французских моряков, они проникли в город Александрию. Не без приключений они добрались до железнодорожного вокзала, чтобы сесть в поезд, идущий до Розетты, и попытаться затем попасть на подводную лодку, которая должна была находиться в море в 10 милях от берега в назначенное время, т.е. в течение нескольких часов после операции. Но здесь они столкнулись с первыми затруднениями. Английские фунты стерлингов, которыми их снабдили, не имели хождения в Египте. Потеряв много времени, чтобы обменять деньги, они могли выехать только вечерним поездом. В Розетте они провели ночь в какой-то убогой гостинице, ускользнув от полицейского контроля. Вечером следующего дня они направились к морю, но были задержаны египетской полицией. Их опознали и передали английским военно-морским властям.

Так была пресечена их попытка избежать плена.

Операция, проведенная Марчелья, может быть названа образцовой. Каждая ее фаза была им выполнена в соответствии с планом, без каких бы то ни было отклонений. Впоследствии, несколько лет спустя, он писал мне в одном из своих писем: "Как видите, командир, в наших действиях не было ничего героического, успех был обусловлен подготовкой, обстоятельствами, сложившимися чрезвычайно благоприятно в момент операции, и прежде всего стремлением любой ценой выполнить поставленную задачу".

Эта подготовка, стремление во что бы то ни стало выполнить свой долг и удача были вознаграждены золотой медалью "За храбрость", врученной Марчелье и Скергату по их возвращении из плена.

Мартеллотта - Марино. В своей докладной записке Мартеллотта пишет: "На борту подводной лодки "Шире" 18 декабря 1941 г. в 16 час. 30 мин. я получил от командира Боргезе приказ атаковать крупный танкер и расставить в непосредственной близости от него 6 плавающих зажигательных бомб.

Данные о присутствии в порту Александрии 12 танкеров с грузом нефти около 120 000 т говорили о чрезвычайной важности полученного мною приказа. Возникший пожар мог разрастись до таких размеров, что привел бы к полному уничтожению порта со всеми стоящими в нем кораблями и портовыми сооружениями.

Тем не менее я не мог удержаться, чтобы не сказать командиру о том, что выполню приказ, но что мне и моему водолазу очень хотелось бы атаковать военный корабль. Командир подводной лодки улыбнулся в ответ на мою просьбу и, зная о предстоящем возвращении в порт авианосца, так изменил свой приказ: "Попытаться найти авианосец на обычных местах его стоянки, если он там окажется, то атаковать его, если же авианосца не будет в порту, то не трогать других военных кораблей, а атаковать крупный танкер и установить около него 6 плавающих зажигательных бомб".

Мартеллотта встретил затруднения при открывании крышки цилиндра и позвал на помощь Спаккарелли (из-за этого-то и произошло несчастье со Спаккарелли, о котором мы рассказали выше). Наконец, присоединившись к остальным двум экипажам, он вместе с ними добрался до сетевых заграждений. "Слышу подводные взрывы, чувствую, как мне сильно сдавливает ноги, как будто они чем-то прижаты к корпусу торпеды. Надеваю маску и, чтобы избежать вредного воздействия часто повторяющихся взрывов на наиболее уязвимые части тела, усаживаюсь согнувшись так, чтобы не очень высовываться из воды, но с тем расчетом, чтобы грудь и голова были снаружи. Говорю моему водолазу Марино, чтобы он тоже надел маску и принял такую же позу, как и я, но сев лицом к корме, так как я не мог следить за тем, что делается позади, ибо должен был смотреть вперед, да и обзор в маске был ограничен.

Так мы добрались до входа в порт. Там мы вопреки ожиданиям не встретили заграждений: они были раздвинуты.

Медленно продвигаемся вперед. Вдруг водолаз Марино хлопает меня по плечу и говорит: "Право руля". Сразу же поворачиваю вправо и увеличиваю скорость, но торпеду волной от корабля, входящего в порт, прибило к заграждениям. Это миноносец, который идет без огней со скоростью около 10 узлов. Я отчетливо слышу громыхание цепи на носу и

различаю людей на палубе, занятых подготовкой к постановке на якорь. 0 час. 30 мин. 19 декабря. Трогаюсь с места и, воспользовавшись волной от второго миноносца, идущего вслед за первым, вхожу в порт, пройдя метрах в 20 от сторожевого катера".

В порту Мартеллотта пытался разыскать авианосец на местах его обычных якорных стоянок, но не нашел (и действительно, в ту ночь авианосца в порту не было).

Зато он обнаружил большой военный корабль и, приняв его за линкор, решил атаковать, но подойдя вплотную, убедился, что это крейсер. Помня о приказе, Мартеллотта скрепя сердце отказался от атаки. Когда он отходил от кормы крейсера, с борта корабля его вдруг осветили карманным фонарем. Несколько мгновений абсолютной неподвижности, когда, казалось, даже сердце остановилось. Потом фонарик погас, и Мартеллотта направился в тот район порта, где стояли танкеры. Начинала сказываться усталость, вызывая головную боль и тошноту. Водитель не может больше пользоваться кислородным дыхательным прибором, срывает маску и продолжает путь, держа голову над водой. Вот и танкеры, среди которых один большой грузоподъемностью не менее 16 000 т. Не имея возможности уйти под воду, Мартеллотта решает атаковать без погружения. В то время как он удерживает торпеду под кормой танкера, водолаз Марино прикрепляет зарядное отделение под корпусом корабля. В 2 часа 55 мин. часовой механизм взрывателя заведен. Пока проделывались все эти манипуляции, рядом с большим танкером стал другой, поменьше. Если он постоит здесь часа три, тогда заодно с первым пострадает при взрыве. Затем в 100 м от танкера были расставлены зажигательные бомбы на расстоянии 20 м одна от другой.

Выполнив таким образом полностью задание, Мартеллотта и Марино предприняли попытку спастись, чтобы не попасть в руки врага. Уничтожив кислородные приборы и резиновые костюмы и включив механизм самоуничтожения торпеды, они в указанном месте выбрались на сушу. "Вместе с Марино я попытался выйти из порта и проникнуть в город. У входа мы были остановлены и задержаны египетскими чиновниками и полицейскими, которые затем позвали лейтенанта с шестью солдатами английской морской пехоты. Нас отвели в помещение, где находились два старших лейтенанта египетской полиции, которые начали допрос. В то время как я самым уклончивым и неопределенным образом отвечал на вопросы, явился английский капитан 2-го ранга и потребовал у старшего египетского офицера, чтобы нас выдали ему. Египтянин отказался, ссылаясь на отсутствие распоряжений со стороны своего правительства. Из наших документов явствовало, что мы - итальянцы, и то обстоятельство, что Египет не находился в состоянии войны с Италией, не позволяло ему поступить так, не имея на то особого указания.

Английский офицер, получив санкцию адмиралтейства, лично обратился к египетскому правительству и добился того, что нас передали ему.

Мои подводные часы лежат на столе вместе с другими отобранными при обыске предметами, и я не спускаю с них глаз. Около 5 час. 54 мин. послышался сильный взрыв, от которого задрожал весь дом. Некоторое время спустя, когда мы в сопровождении английского офицера садились в машину, послышался второй взрыв, более далекий, а позже, когда машина уже тронулась, - третий. В морском штабе в Рас Эль Тин мы подверглись короткому допросу, который проходил в достаточно любезном тоне, а затем нас отправили в каирский лагерь военнопленных"*.

Мартеллотта и Марино по возвращении их из плена были также вручены золотые медали "За храбрость".

В сводке военных действий № 585 от 8 января 1942 года об успехе операции в целом сообщалось следующим образом: "Ночью 18 декабря штурмовые средства Королевского военно-морского флота, проникнув в порт Александрия, атаковали два английских линейных корабля, стоявших на якоре. Имеющиеся сведения подтверждают, что линкор типа "Вэлиент" сильно поврежден и поставлен в док на ремонт, где и находится в настоящее время".

Следующая сводка № 586 от 9 января так дополнила это сообщение: "Согласно уточненным данным, в ходе операции, осуществленной штурмовыми средствами

Королевского военно-морского флота, о чем указывалось во вчерашней сводке, кроме линкора "Вэлиент" поврежден также линкор типа "Бархэм".

Так весьма скромно сообщалось о морской победе, которую нельзя сравнить по ее стратегическим результатам ни с какой другой в ходе войны; ценой шести пленных был потоплен крупный танкер, а главное, надолго выведены из строя два линкора водоизмещением по 32 000 т, последние из тех, которыми располагали англичане в Средиземном море. Поврежденные при взрывах зарядных отделений торпед, которые храбрецы 10-й флотилии прикрепили своими руками, корабли впоследствии были подняты, кое-как залатаны и отправлены на тыловые верфи для окончательного ремонта. Однако они уже так и не вступили в строй во время войны, а когда она закончилась, их пустили на слом.

Потеря кораблей "Вэлиент" и "Куин Элизабет" вслед за гибелью "Арк Ройял" и "Бархэм" в Средиземном море почти одновременно с уничтожением "Рипалс" и новейшего "Принц Уэльский" в Индонезии в результате налета японской авиации поставила английский ВМФ надолго в очень тяжелое положение, из которого ему удалось выйти позже только благодаря американской помощи.

Стратегическое положение на Средиземноморском театре изменилось коренным образом: в первый (и последний) раз в ходе войны ВМФ Италии имел решительное превосходство в силах; он смог возобновить снабжение своих экспедиционных войск и наладить переброску в Ливию Африканского корпуса немцев, что дало возможность несколько месяцев спустя разбить английскую армию и отбросить ее за пределы Киренаики.

Открывались широкие возможности: наше превосходство на море в это время было таким, что позволяло нашим вооруженным силам нанести удар по ключевой позиции, от которой зависел исход борьбы в Средиземном море (да, пожалуй, и не только в Средиземном море), т.е. по Мальте.

Десантные войска, переброшенные под охраной итальянского флота, включая все наши линейные корабли (тогда как у англичан их не было ни одного), смогли бы ликвидировать расположенную в самом сердце Средиземного моря базу противника, которая и до этого времени и после причинила нам столько вреда. Таким образом, можно было устранить затруднение, которое столько месяцев мешало итальянскому флоту осуществлять регулярное снабжение нашей армии в Африке.

Принимая во внимание соотношение военно-морских сил, эта операция была бы, без сомнения, удачной, хотя, возможно, она сопровождалась бы значительными потерями. Таким образом, после устранения угрозы на фланге наших линий коммуникаций, проходивших через Средиземное море, захват Египта со всеми вытекающими благоприятными последствиями становился только делом времени.

Ответственность за то, что эта возможность так и осталась неиспользованной, падает, по моему мнению, на итальянский генеральный штаб, а в еще большей степени на немецкое верховное командование, которое, отказав нам в нефти и самолетах, столь необходимых, "еще раз продемонстрировало свою недооценку роли военно-морских сил в ведении военных действий, и в частности недооценку важности Средиземноморского театра военных действий в ходе всей войны"*.

Большая победа в Александрии была, таким образом, использована только частично: враг получил время, чтобы подбросить в Средиземное море морские и военно-воздушные подкрепления, и через несколько месяцев положение снова изменилось уже не в нашу пользу. Затем оно все более и более ухудшалось, пока не последовало окончательное поражение, ставшее очевидным после эвакуации из Северной Африки (май 1943 года).

Насколько серьезным было положение противника и сколь близко мы были к тому, чтобы после дерзкого нападения на Александрию одержать решительную победу, лучше всего сказал Уинстон Черчилль - человек, который направлял ход войны с противоположной стороны. В своей речи, произнесенной на секретном заседании в палате общин 23 апреля 1942 года, объявив о потере кораблей "Арк Ройял", "Бархэм", "Рипалс", "Принц Уэльский", он сказал: "Только что нам нанесен еще один коварный удар. На рассвете 18 декабря

шестеро итальянцев, одетых в необычные водолазные костюмы, были задержаны в порту Александрия. До этого были приняты все меры предосторожности против проникновения в порт различных типов "человекоторпед" и подводных лодок, управляемых одним человеком, которые ранее пытались проникнуть в наши порты. Там были не только сети и другие заграждения, но и сбрасывались систематически с различными интервалами по времени глубинные бомбы в непосредственной близости от входа в гавань.

Несмотря на это, итальянцам удалось проникнуть в в порт. Под килем линкоров "Вэлиент" и "Куин Элизабет" произошли взрывы, вызванные зарядами, прикрепленными с необычайной храбростью и умением. В результате этих взрывов в корпусе кораблей образовались громадные пробоины и было затоплено по нескольку отсеков. На несколько месяцев корабли были выведены из строя. Один из линкоров скоро будет отремонтирован, другой все еще находится в плавучем доке в Александрии, являясь соблазнительной целью для авиации противника.

Таким образом, в Средиземном море у нас нет ни одного линейного корабля: "Бархэм" потоплен, а "Вэлиент" и "Куин Элизабет" полностью приведены в негодность. Оба эти корабля, находясь на ровном киле, кажутся с воздуха исправными. Противник в течение некоторого времени не был твердо уверен в успешных результатах нападения. (Итальянские военные сводки, приведенные выше, опровергают это утверждение. - Прим. автора.) Только теперь я нахожу уместным сообщить об этом палате общин на секретном заседании.

Итальянский флот располагает еще четырьмя или пятью линкорами, несколько раз бывшими в ремонте. Среди них линкоры новой постройки типа Литторио и модернизованные других типов. Для защиты с моря долины Нила у нас остаются подводные лодки, эскадренные миноносцы, крейсера и, конечно, самолеты военно-воздушных сил. Поэтому необходимо перебросить часть наших авианосцев и самолетов с южного и восточного побережий Англии на Северо-Африканский берег, где в них ощущается самая острая потребность".

Награждение меня военным орденом "Савойский крест", который мне был пожалован лично королем за операцию в Александрии, было мотивировано так:

"Командир подводной лодки, приданной 10-й флотилии МАС для действий со специальными штурмовыми средствами, успешно проведя три трудные и смелые операции, умело и тщательно подготовил четвертую, направленную против одной из баз противника. Мужественно и хладнокровно преодолев все препятствия, он подошел на подводной лодке к сильно охраняемому порту и, обманув бдительность противника, сумел обеспечить штурмовым средствам наиболее благоприятные условия для атаки базы. В результате атаки штурмовых средств, увенчавшейся блестящим успехом, были сильно повреждены два линейных корабля противника".

Глава XII

ВЕСНА 1942 ГОДА. КАТЕРА ПРИ ОСАДЕ МАЛЬТЫ. "АМБРА" У АЛЕКСАНДРИИ

Я оставляю "Шире". Решение экипажа - остаться. Командир Дзелик. 2 апреля 1942 года граф д'Аоста вручает нам награды. Высокий дух морского товарищества, проявленный Унгарелли. Подготовка к высадке на Мальте. Особый корпус адмирала Тур. Разведка вплавь. Героическая смерть Борг Пизани. Снова Александрия: смелый план. Поход подводной лодки "Амбра" под командованием Арилло. "Нашим штурмовым средствам легче подойти к Александрии, чем нашим самолетам произвести ее аэрофотосъемку".

После операции в Александрии в декабре 1941 года мне снова было предписано министерством оставить командование подводной лодкой "Шире" и посвятить всю мою деятельность 10-й флотилии в должности командира ее подводного отряда. Флотилия продолжала развивать свою деятельность: велась исследовательская работа, конструировались и применялись новые виды вооружения, увеличивался персонал, продолжалось планирование боевых действий во все увеличивающемся масштабе, расширялась область боевых задач. Немногочисленные офицеры, имевшие опыт в этой области, едва успевали справляться со всем комплексом работ. Именно эти соображения мне

были изложены министерством в ответ на просьбу оставить меня на подводной лодке "Шире". Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что эти доводы имели под собой основание. "Вы, - сказали мне в министерстве, - командуя подводной лодкой "Шире", провели пять операций: четыре - в Гибралтаре и одну - в Александрии, все они были успешно завершены. Вы открыли новый метод применения подводной лодки, превратив ее с помощью технических усовершенствований в орудие войны гораздо более эффективное, чем она была ранее, сумели обеспечить высокую степень подготовки экипажа и, наконец, показали образец умелого вождения подводной лодки. Это позволило вам неоднократно приводить свой корабль близко к наиболее охраняемым вражеским портам, несмотря на все возрастающую активность обороны противника. Настало время, чтобы другие офицеры заменили вас в этой должности и чтобы вы целиком посвятили вашу деятельность и накопленный вами опыт 10-й флотилии".

Повинуясь этому приказу, я обратился в министерство с просьбой, чтобы каждому члену экипажа "Шире" была предоставлена возможность оставить службу на подводной лодке и получить другое назначение. Я испытывал глубокое сожаление при мысли, что мне придется покинуть людей, которые делили со мной все опасности боевых походов и с которыми меня связала тесная дружба, и что, в то время как я буду пребывать в полной безопасности на суше, они снова будут подвергаться риску, участвуя в новых, не менее опасных операциях. Моя просьба была удовлетворена. И вот однажды в день, ставший для меня незабываемым, я сообщил экипажу "Шире" эту новость. Я сказал, что согласно приказу свыше, я должен оставить корабль, что я покидаю их с чувством глубочайшего сожаления. Те, кто хотел получить другое назначение, связанное с меньшим риском, могут ходатайствовать об этом. Все они уже выполнили свой долг. Признавая это, морской флот предоставлял им эту возможность. И еще раз экипаж "Шире" доказал свою самоотверженность и готовность выполнить свой долг. Почти все выразили желание остаться на лодке. "Нам очень жаль с вами расставаться и мы благодарим за ваши заботы о нас. Но в выборе между безопасностью, которую может обеспечить нам любое другое назначение, и приверженностью к нашему верному кораблю для нас не может быть колебаний: мы просим оставить нас на "Шире". Так поступили Тайер, инженер-механик, превосходно знающий свое дело офицер, штурманы Бенини и Ольчезе, которые так много помогали мне во время плавания, опытные специалисты, скромные, при любых обстоятельствах сохраняющие хладнокровие; главстаршины Равера, Репетти и Фарина, сержант-радист Лодати, боцман Баобьеры, торпедист Канали - прекрасные специалисты своего дела, в которых я всегда так верил, доказавшие, что они были достойны этого доверия. И так поступили почти все матросы. Это обдуманное, сознательное решение экипажа, не желающего покинуть свой корабль, который подвергается во время каждого похода все большим и большим опасностям, экипажа, ясно отдающего себе отчет в том, каким может быть эпилог этой борьбы, в которой они столько раз бросали вызов судьбе и выходили победителями, является замечательным примером коллективного мужества, того самого, по которому судят о духовных силах народов и наций.

Как сейчас вижу моих людей, построенных для вручения наград 2 апреля 1942 года на пристани Велерия в Арсенале Специи. Здесь выстроились три экипажа: экипаж "Шире" в центре, а слева и справа от него два немецких экипажа Гугенбергера и фон Тизенхаузена, потопившие: первый - авианосец "Арк Ройял", второй - линкор "Бархэм". От имени короля награда нам была вручена адмиралом Аймоне Савойским, графом д'Аоста. Ошвартованные бок о бок три подводные лодки ("Шире" с развевающимся флагом посредине), казалось, тоже участвовали в этом торжестве, ибо существует какая-то незримая, но ясно ощутимая связь между кораблем и его экипажем.

Состоялась обычная воинская церемония, публику не допустили. Зачитали приказ о награждении, и каждый моряк получил свою награду. По четыре награды получил каждый член экипажа "Шире" за четыре успешно проведенные операции.

Это было сделано в соответствии с моим желанием, изложенным в министерстве и им

поддержанным. Я считал необходимым, чтобы был награжден каждый член команды.

Во время церемонии вручения наград люди держались спокойно и просто, так же, как и во время выполнения самых ответственных и сложных задач в боевых походах, в моменты наивысшего напряжения сил.

Командиром "Шире" был назначен капитан 3-го ранга Бруно Дзелик, мой однокурсник, храбрый офицер и способный подводник с очень богатым опытом, избранный за свои деловые качества из тех немногих командиров лодок, которые выразили желание занять эту должность.

Представив нового командира, лицо которого (грустное и симпатичное) многие запомнят, так как он снимался в главной роли в фильме "Альфа Тау", я простился с моряками, пожелав им всего хорошего. На прощанье они преподнесли мне фотографию "Шире" в рамке, на которой было вырезано название нашего корабля. Потом я в последний раз обошел подводную лодку, которая столько раз безотказно служила нам во всех тяжелых испытаниях, и, наконец, с болью в сердце покинул "Шире".

Мне уже никогда больше не довелось видеть ни лодки, ни ее экипажа.

Для участия в действиях наших вооруженных сил по организации осады острова Мальта в начале 1942 года в Аугусте был размещен дивизион торпедных катеров под командованием лейтенанта Онгарилло Унгарелли. Задача катеров состояла в том, чтобы путем внезапных ночных нападений на транспорты противника вблизи порта Ла-Валлетта создать на подступах к острову еще одно препятствие в дополнение ко многим другим, которые приходилось преодолевать кораблям противника, осуществляющим снабжение гарнизона Мальты. Катера проводили в засаде в нескольких сотнях метров от вражеских берегов каждую ночь, когда море было не слишком бурным. Отвага водителей катеров была столь велика, что они частенько швартовались к буям, обозначающим проходы в порт. Не раз сталкивались они со сторожевыми катерами противника и давали им отпор, но пока что им ни разу не удавалось приблизиться к кораблям на дистанцию торпедного выстрела. В одной из таких операций Унгарелли проявил высокий дух морского товарищества. Огнем вражеского самолета был подожжен один торпедный катер, а рулевой - ранен. Унгарелли, не колеблясь ни минуты, подошел к нему вплотную, нисколько не думая об опасности, которой он подвергался, так как вот-вот могли взорваться бензобаки и зарядные отделения торпед. Ему удалось спасти раненого и благополучно отойти. Сразу же после этого грянул взрыв, и поврежденный катер исчез в огне и дыму. За этот поступок Унгарелли был награжден серебряной медалью "За храбрость".

Весной 1942 года активность находящегося в Аугусте дивизиона торпедных катеров 10-й флотилии увеличилась и приняла новое направление. В это время шла подготовка к захвату острова Мальта, оборонительные сооружения которого были уже в значительной степени ослаблены постоянными воздушными бомбардировками, а гарнизон истощен осадой. С этой целью было сформировано специальное оперативное соединение под командованием адмирала Тур. В него входили десантные суда и отряды моряков, которые должны были высадиться с моря, отряды парашютистов, части сухопутных сил и милиции, имевшие задачу завершить захват острова, начатый моряками-десантниками.

Между оперативным соединением адмирала Тур и 10-й флотилией сразу же установились отношения товарищеского сотрудничества. При этом роль связующего звена выполняли парашютисты капитана Буттаццони из названного соединения и пловцы из нашей "группы Гамма". Так мы стали собратьями по оружию. Это чувство братского содружества принесло впоследствии в совместных боевых действиях замечательные плоды.

Именно по инициативе командования соединения 10-й флотилии была поручена новая задача: разведка системы обороны острова Мальта. Надо было подойти к Мальте с помощью различных имеющихся в нашем распоряжении средств и установить расположение действующих оборонительных сооружений, а также испытать бдительность противника и проверить, как он будет реагировать на наши попытки приблизиться к острову.

Это задание было с честью выполнено нашими лучшими водителями надводных

штурмовых средств, т.е. Унгарелли, лейтенантом Джузеппе Козулич, гардемарином Фракасенни и многими другими. На своих крошечных катерах они не раз обходили вокруг острова, иногда приближаясь к нему на несколько десятков метров и добывая ценные сведения для подготовки к высадке десанта.

Две из таких операций заслуживают того, чтобы о них упомянуть. 18 мая вышли в море миноносец "Абба" и отряд катеров под командованием капитан-лейтенанта Фрески, в целях оказания поддержки торпедным катерам № 218 (командир - ст. лейтенант Козулич, моторист Альдо Пиа) и № 214 (командир - ст. лейтенант Унгарелли, моторист Арнольдо де Анджели).

Козулич должен был доставить пловца 10-й флотилии в залив Марса-Скала на северо-восточном берегу Мальты. Этот доброволец должен был подплыть как можно ближе к берегу, выяснить, есть ли там проволочные заграждения, пулеметные гнезда, артиллерийские установки, и вернуться на катер, чтобы сообщить о том, что он увидел. Выполнение этого задания было поручено водолазу Джузеппе Гульельмо из нашей "группы Гамма".

Козулич на своем катере проник в залив Марса-Скала; Гульельмо спустился в воду и начал разведку, исследуя метр за метром берег бухты. Он плыл лежа на надувном плотике и гребя руками. Это был один из способов, применяемых нашими пловцами. Через некоторое время он даже вышел на берег и, захватив с собою плотик, из которого он предварительно выпустил воздух, провел небольшую наземную разведку, выяснив то, что его интересовало. Закончив разведку, он вернулся на заранее обусловленное место, но не нашел там катера, хотя Козулич ждал его до 4 час. 10 мин., т.е. до тех пор, пока начинало рассветать. Таким образом, Гульельмо должен был уже при дневном свете искать себе убежище на суше, где он и попал в руки англичан. Козулич же благополучно вернулся на базу, но, к сожалению, без Гульельмо, и смог сообщить кое-какие полезные сведения из того, что он заметил сам.

В ту же ночь Унгарелли вышел из Специи, имея на борту Кармело Борг Пизани, мальтийского студента, питавшего к нам дружеские чувства и добровольно вызвавшегося пойти в разведку. Высадившись на Мальте, он должен был по радио передавать сведения, необходимые для проведения десантной операции. Унгарелли удалось блестяще выполнить поставленную задачу. Обогнув Мальту с востока, он подошел к юго-западному побережью острова, полагая, что эти отвесные берега охраняются менее тщательно. В 150 м от берега в назначенном для высадки районе Борг Пизани, взяв с собой радиопередатчик и необходимое снаряжение, покинул катер и на надувной лодке благополучно добрался до берега. Унгарелли вернулся на базу. Потом мы узнали, что Борг Пизани был вскоре схвачен англичанами. После 5 месяцев жестоких допросов его судили и приговорили к смерти. 28 ноября он был повешен. На двери своей камеры он написал углем по-итальянски: "Бог не любит прислужников и трусов". Его посмертно наградили золотой медалью "За храбрость".

В то время как дивизион, базировавшийся в Аугусте, принимал активное участие в осаде Мальты, выполняя многочисленные задания, которые хотя и не имели шумного успеха, но тем не менее являлись для наших катерников постоянным испытанием мужества и морской доблести, 10-я флотилия развертывала свою деятельность в других направлениях.

К тому времени была учреждена "Генеральная инспекция МАС" с задачей координировать действия всех флотилий: катеров-охотников, торпедных катеров, сторожевых катеров. Ей же была подчинена и 10-я флотилия.

Генеральный инспектор адмирал Аймоне Савойский д'Аоста, со вниманием и участием следивший за развитием новых штурмовых средств с самого их зарождения и оказывавший нам личное содействие, стал нашим "высоким покровителем".

Состояние двух линкоров, подорванных в Александрии, внимательно изучалось по данным авиаразведки. Фотоснимок, сделанный несколько часов спустя после взрыва, который я видел по возвращении из похода, давал ясное представление о достигнутых результатах: один из кораблей, накренившись, лежал на грунте, его корма находилась на уровне воды; другой, тоже выглядевший лежащим на грунте, был со всех сторон окружен паромами, баржами, наливными судами, здесь находилась даже одна подводная лодка. По всей вероятности, его разгружали, чтобы уменьшить вес. Последующие аэрофотоснимки

показывали "Куин Элизабет" во время подъема, а затем во время установки корабля в большой плавучий док, имевшийся в порту.

В апреле нам стало известно, что после сделанного на скорую руку ремонта "Куин Элизабет" выйдет из дока и будет направлен для капитального ремонта на тыловые верфи. Мы решили, что настало время действовать, чтобы помешать этому.

План был таков: подводная лодка-носитель, следуя по маршруту "Шире", доставит три управляемые торпеды к Александрии. Проникнув в порт (предполагалось, что после сентябрьских событий осуществить это будет гораздо труднее из-за новых оборонительных средств, несомненно, введенных в действие англичанами), два экипажа должны будут атаковать большой плавучий док грузоподъемностью 40 000 т, в котором находится "Куин Элизабет", и, прикрепив к нему заряды, взорвать его. В результате взрыва корабль и док образовали бы такое хаотическое нагромождение металла, орудий, стальных листов, балок, что был бы навсегда выведен из строя не только линкор, уже обреченный из-за полученных ранее повреждений, но и представляющий большую ценность плавучий док.

Плавучие доки для кораблей - все равно что постель для человека. После периода напряженной деятельности человеку требуется место, на котором он мог бы растянуться и отдохнуть. Во время отдыха происходит удаление продуктов распада, образовавшихся в тканях тела. В случае расстройства функций человеческого организма обычно прежде всего ложатся в постель, чтобы лечение проходило в наиболее благоприятных условиях. Точно так же после нескольких месяцев плавания каждый корабль нуждается в том, чтобы его поставили в док, где имеется свободный доступ к его подводной части. Корпус корабля очищается от водорослей и ракушек и покрывается специальной краской. Кроме этого, осматриваются и ремонтируются гребные валы, винты, обшивка, - словом, проводятся работы, необходимые для обеспечения хорошей сохранности корабля и безотказного действия его механизмов.

Если же корабль получит пробоину в подводной части из-за взрыва торпеды или мины, или в результате столкновения, или по какой-либо другой причине, что довольно часто случается на войне, его нужно сразу же ставить в док. В некоторых случаях имеющийся в распоряжении док, готовый принять поврежденный корабль, является его единственным спасением. В противном случае вода, поступающая через пробоины, может привести к гибели корабля.

В восточной части Средиземного моря англичане располагали только одним доком, способным вместить линкор, им был плавучий док в Александрии. Другой такой док имелся в Дурбане, в Южной Африке, а третий, находившийся в захваченном японцами Сингапуре, естественно, не мог быть использован. Таким образом, уничтожение плавучего дока в Александрии явилось бы для англичан чрезвычайно тяжелой и непоправимой потерей.

Водитель третьей торпеды получил указание уничтожить один из стоявших в порту кораблей, представлявших более или менее значительную ценность, т.е. "Мидуэй" - плавучую базу подводных лодок. Мы хотели нанести удар по вражескому подводному флоту, который после уничтожения линкоров причинял нам больше всего неприятностей.

Операцию решено было провести в одну из безлунных майских ночей. Вполне логичным являлось предположение, что охрана английской базы, столь грубо и бесцеремонно разбуженная на рассвете 19 декабря, имела достаточно времени (четыре месяца), чтобы успокоиться и снова задремать.

Как обычно, проводилась тщательная методическая подготовка личного состава и материальной части. При содействии дирекции судостроительных верфей Специи был проведен ряд опытов, чтобы выяснить наиболее уязвимые места плавучего дока и определить количество необходимого для его потопления взрывчатого вещества.

Порядок проведения этой операции в целом и ее отдельных деталей почти полностью соответствовал предшествующей, столь успешно осуществленной подводной лодкой "Шире".

Командир 10-й флотилии Форца обратился к начальству с просьбой разрешить ему

самому выйти на подводной лодке в этом походе, чтобы непосредственно руководить выполнением задания. Но верховное командование ВМС решило, что более целесообразно направить его в Афины для координации действий войсковой и авиаразведок, метеослужбы и организации радиосвязи.

Работы по переоборудованию подводной лодки "Амбра" были завершены, экипаж был достаточно подготовлен. 29 апреля 1942 года "Амбра" под командованием капитана 3-го ранга Арилло вышла из Специи, имея три управляемые торпеды, размещенные в цилиндрах. В Лероссе подводная лодка приняла на борт их экипажи, доставленные самолетом. Это были: лейтенант медицинской службы Джордже Спаккарелли с водолазом Армандо Мемола, гардемарин Джованни Маджелло с водолазом Джузеппе Морбелли и старший техник-лейтенант Луиджи Фельтринелли с водолазом Моргано Фавале. Резервный экипаж - капитан интендантской службы Эджили Керези и водолазы Рудольф Беук и Арно Лаццари. Кроме того, с ними прибыл врач - лейтенант медицинской службы Эльвио Москателли.

12 мая "Амбра" покинула Лерос и взяла курс на Александрию. Вечером 14 мая она подошла к порту. Течением ее немного снесло к западу от места, назначенного для выхода экипажей управляемых торпед. Подводная лодка "Амбра" должна была прибыть в ту же точку, что и "Шире".

Полагая, что лодка находится недалеко от входа в порт, Арилло, прежде чем выпустить экипажи торпед, счел нужным провести разведку.

"19 час. 25 мин. Ложимся на грунт на глубине 10,5 м. Небольшая глубина не позволяет особенно доверяться гидрофонам. Учитывая, что прошлой ночью противник широко использовал для наблюдения прожекторы и осветительные ракеты, решаю оставаться на грунте и через носовой люк выслать на поверхность наблюдателя Керези. Даю ему задание выбрать наиболее удобный момент для всплытия лодки, имея в виду, что выход экипажей торпед должен быть осуществлен во что бы то ни стало.

20 час. 05 мин. Керези вместе с водолазами Лаццари и Беук выходят через носовую шахту.

20 час. 25 мин. От них поступил сигнал - можно всплывать.

20 час. 32 мин. Всплываю. Несколько прожекторов систематически освещают море. В момент всплытия лучи прожекторов обращены на восток, а затем медленно начинают перемещаться к западу. Маяк в Рас Эль Тин зажжен. Огни на берегу ясно различимы. Быстро определяю местоположение подводной лодки. Мы находимся в назначенном месте внутри пояса донных мин.

Несколько мгновений спустя над входом в порт разрывается осветительный снаряд и ярко освещает подводную лодку.

20 час. 37 мин. Торпеды вынуты из цилиндров, все приготовления закончены. Несмотря на почти полную уверенность в том, что нас обнаружили, я приказываю водителям торпед отправляться на выполнение задания. Они спокойны, хладнокровны, веселы. 20 час. 38 мин. Погружаюсь.

20 час. 55 мин. В гидрофоны слышно, как три управляемые торпеды удаляются.

21 час 05 мин. Не без труда снявшись с мели, на которую села подводная лодка, ложимся на обратный курс"*.

В своем рапорте Марио Арилло отметил наиболее характерные черты этой операции:

"1. Подводную лодку снесло течением к западу больше, чем предполагалось.

2. Впервые был удачно осуществлен выход водителей через люк. Этот способ дает огромное преимущество, допуская выход экипажей торпед без всплытия подводной лодки.

3. Также впервые наблюдатель был послан на поверхность из подводной лодки, лежащей на грунте.

4. Создается впечатление, что охрана порта значительно усилена: прожектора, осветительные ракеты, самолеты и непрерывно курсирующие сторожевые катера должны, по всей вероятности, внушить противнику чувство известной безопасности и спокойствия".

Цели были распределены так: Марджелло и Спаккарелли - док; Фельтринелли -

плавучая база подводных лодок "Мидуэй". Кроме того, каждый из них должен был поставить по две плавучих зажигательных бомбы в надежде вызвать пожар в порту. Все три экипажа начали движение по заданному маршруту, но очень скоро они потеряли возможность ориентироваться. Их ослепляли лучи света многочисленных прожекторов (около 25), непрерывно шаривших в море как раз в тех местах, по которым им надо было плыть. Это вынуждало водителей часто погружаться и подолгу идти под водой, чтобы избежать опасности быть обнаруженными. Неизбежная вследствие этого потеря скорости, трудность ориентировки по береговым предметам из-за ослепляющего действия прожекторов (хотя люди и были уверены, что, двигаясь по заданному курсу, они в конце концов подойдут к воротам порта), а главным образом уверенность в том, что отставание от графика движения уже невозможно выправить, если учесть расстояние до объектов атаки и время, оставшееся до рассвета, привели водителей торпед к мысли, что времени для успешного выполнения задания не хватит. Поэтому после долгих скитаний в незнакомых им районах моря, где фактические глубины не соответствовали предполагаемым, все три командира экипажей независимо друга от друга приняли решение выйти из игры и попытаться спрятаться, чтобы не быть обнаруженными противником и тем самым не повредить остальным, так как каждый думал, что его товарищам все же удалось проникнуть в порт.

Так, Маджелло и Морбелли, проведя всю ночь в поисках входа в порт и не сумев найти даже район порта, на рассвете потопили свою торпеду и сделали попытку спрятаться в каком-то полузатопленном пароходе. Там их заметили египетские рыбаки. Вскоре после этого они были задержаны английской полицией. Спаккарелли и Мемоли, оказавшись перед самым рассветом у незнакомого песчаного берега, потопили торпеду и выбрались на берег. На берегу они попали в руки египетской полиции и были сразу же переданы англичанам. Наконец, Фельтринелли и Фавале, увидев, что они выбились из графика из-за ненормального медленного хода их торпеды, уничтожили ее и в 3 часа 00 мин. вышли на берег. Они благополучно прошли мимо часовых и контрольных постов и проникли в город.

С помощью живущих в Египте отважных итальянских патриотов им удалось почти целый месяц пробыть в Александрии. Но 29 июня они попали в сети английской полиции, которая прямо-таки сбилась с ног, разыскивая их, и для них тоже начался тяжелый период плена.

Причины полного провала операции можно коротко сформулировать следующим образом:

1. Операция планировалась с учетом лишь благоприятных обстоятельств. В действительности же такого удачного стечения обстоятельств не было.

2. Выход водителей управляемых торпед был произведен в одной или двух милях к западу от намеченной точки. Водители, не зная этого, шли намеченным ранее курсом. В результате соответствующим образом сместились и пункты прибытия.

3. Снос подводной лодки произошел из-за течения (противоположного по направлению обычному), которое оказывало влияние также и на движение управляемых торпед, еще больше увеличивая их отклонение от цели в западном направлении. Две последние причины не позволили водителям подойти ни к входу в порт, ни к молам, расположенным по сторонам от входа.

4. Взрывы глубинных бомб, хотя и ослабленные расстоянием, причиняли немало неприятностей водителям; наличие большого количества сторожевых катеров и особенно мощных прожекторов, непрерывно освещавших поверхность моря в местах, по которым надо было плыть, вынуждало водителей торпед часто маневрировать и идти под водой - отсюда неизбежное нарушение графика.

5. Ослепляющее действие прожекторов, помимо всего прочего, лишило водителей возможности ориентироваться по береговым предметам, а следовательно, и возможности исправлять ошибки, допущенные из-за смещения пункта выпуска управляемых торпед.

В отношении помощи, оказываемой нам нашей и немецкой авиацией, и трудностей, которые приходилось преодолевать, чтобы раздобыть аэрофотоснимки порта, командир 10-й

флотилии Форца писал: "На недостатки воздушной разведки, хотя они и не имели особых последствий из-за специфических особенностей объектов (как док, так и плавучая база подводных лодок всегда находились в порту), следует обратить самое серьезное внимание. На будущее необходимо предусмотреть, чтобы немецкая или лучше итальянская авиация имела в своем распоряжении самолеты, пригодные для проведения аэрофоторазведки, изменив существующее положение вещей, при котором нашим штурмовым средствам легче подойти к Александрии, чем нашим самолетам произвести ее аэрофотосъемку".

В беспощадной и неумолимой борьбе между нами и англичанами, развернувшейся вокруг их военных баз и в водах их портов, они после жестокого поражения в декабре 1941 года на сей раз одержали верх. Однако 10-я флотилия не потерпела поражение. Отвага и умение Арилло и мужество водителей штурмовых средств, хотя и не увенчавшиеся успехом, напоминали противнику о нависшей угрозе и о том, что все новые и новые добровольцы становились в ряды наших храбрецов и в благородном соревновании со старыми, опытными бойцами сменяли их в атаках с непреклонностью и постоянством подобно морским волнам.

Глава XIII

10-я ФЛОТИЛИЯ В ЧЕРНОМ МОРЕ. УЧАСТИЕ В ОСАДЕ СЕВАСТОПОЛЯ

Осада Севастополя. Подводные лодки и катера в Черном море. Колонна Моккагатта. Командир Ленци. Из Специи в Крым. Тодаро на своем посту. Действия катеров. Массарини торпедирует корабль водоизмещением в 13 000 т. Романо, преследуемый русскими, оказывается у турецких берегов. Четыре катерника против 40 русских. Демонстрационный десант. Захват Балаклавы. Куджа берет 13 пленных. Бой за форт Горки; еще 80 пленных. Массарини и Куджа торпедированы на пляже. К Каспийскому морю. Автоколонна совершает обратный путь: Мариуполь - Специя.

В ходе боев в Крыму немецкие войска натолкнулись на стойкую оборону Севастополя. И хотя город был с суши полностью окружен и подвергался непрерывным бомбардировкам, отважные защитники осажденного Севастополя благодаря снабжению, осуществлявшемуся по морю, могли оказывать сопротивление сильнейшему натиску немцев.

В марте 1942 года союзники попросили содействия ВМФ Италии для организации блокады Севастополя с моря. Целью блокады было сорвать снабжение осажденных и дать возможность ликвидировать оставшиеся очаги сопротивления с тем, чтобы обеспечить продвижение немецких войск к Каспийскому морю и достигнуть конечной цели кампании - Кавказа.

ВМФ Италии, идя навстречу желанию союзников, отправил в Черное море флотилию катеров МАС под командованием капитана 1-го ранга Мимбелли и несколько карманных подводных лодок типа СВ. Эти корабли с честью выполнили поставленные задачи (один катер потопил русский крейсер, а малютки СВ - две русских подводных лодки), 10-й флотилии было приказано оказать посильное содействие в организации блокады.

Мы решили перебазировать в Черное море группу торпедных и взрывающихся катеров с задачей организовать постоянное патрулирование на подступах к Севастополю и на путях морских перевозок.

Специфические особенности наших штурмовых средств, применение и обслуживание которых требовали специально подготовленного персонала и специального оборудования, а также имеющийся опыт по отбору из состава флотилии групп для ведения боевых действий в отдаленных районах подсказали нам мысль механизировать эту экспедиционную группу. Речь шла о создании автоколонны, которая, кроме материальной части, могла бы перевозить также личный состав и оборудование, необходимое при использовании штурмовых средств, обеспечив группе полную самостоятельность, и которая благодаря своей подвижности смогла бы действовать в соответствии со всеми изменениями линии фронта на суше. Такая автоколонна, выдвинувшись вперед к линии наступающих войск и спустив на воду свои штурмовые средства, могла бы помочь в деле уничтожения узлов сопротивления противника, оставшихся на берегу. Это было воплощением в миниатюре идеи создания боевых групп, используемых в совместных десантных операциях сухопутных и морских сил,

которая впоследствии нашла широкое применение в войне, особенно в американских вооруженных силах на Тихоокеанском театре военных действий.

Начальник отряда надводных средств Тодаро, получив приказ организовать эту группу, принялся за дело со своим обычным рвением и энергией. Он пригласил себе в помощь бывшего сослуживца капитана 3-го ранга Альдо Ленци, назначив его командиром формирующейся колонны. Храбрый офицер, всегда спокойный и веселый, неутомимый на службе, любитель красивых вещей и комфорта в часы отдыха, оптимист по натуре, Ленци взялся за это новое для него, да и вообще для любого моряка дело с энтузиазмом.

В апреле месяце был отдан приказ об организации группы, а 6 мая адмирал-инспектор граф д'Аоста уже имел возможность присутствовать при внушительном зрелище - прохождении "колонны Моккагатта 10-й флотилии МАС". Колонна была оснащена всем необходимым и готова к походу. Состав ее был такой:

5 торпедных катеров (MTSM) и 5 взрывающихся катеров (MTM) - на автотяге;

1 штабной автобус, оборудованный койками для всех водителей торпед;

1 автомашина со смонтированной на ней радиостанцией, служившая одновременно канцелярией колонны и складом мелких запасных частей;

1 легковая автомашина повышенной проходимости для командира;

1 связной мотоцикл;

3 трактора;

5 автотягачей "666" и 5 специальных прицепов для перевозки катеров (MTSM);

2 прицепа для перевозки торпед;

1 автомастерская, оснащенная всем необходимым для ремонта автомашин, катеров и торпед;

1 автоцистерна емкостью в 12000 л;

3 автоприцепа-цистерны для перевозки жидкостей;

1 автоприцеп для перевозки боеприпасов;

1 автокран для подъема катеров.

На вооружении колонны, кроме личного оружия, состояли две автоматические 20-мм зенитные пушки на автоприцепах. Автоколонна была обеспечена бензином, боеприпасами, необходимым оборудованием, запасными частями и продовольствием для автономных действий в течение нескольких месяцев.

В штаты колонны вошли: капитан 3-го ранга Ленци, командир колонны и водитель штурмовых средств; капитан-лейтенанты Романо и Массарини и старшие лейтенанты Куджа и Пелити - водители штурмовых средств;

14 унтер-офицеров, из которых 8 водителей штурмовых средств (Паскело, Дзане, Грилло, Монтанари, Феррарини, Лаваратори, Барбьери и Берти) и 29 младших специалистов и рядовых - всего 48 человек.

Удивительная быстрота, с какой формировалась колонна, несмотря на огромные трудности в получении необходимых материалов, связанные с военными ограничениями, объяснялась не только организаторскими и техническими способностями, настойчивостью и энергией Тодаро и его помощников, но также решительным вмешательством Генерального инспектора МАС. Одного телефонного звонка адмирала графа д'Аоста во многих случаях бывало достаточно, чтобы сразу разрешить тот или иной вопрос и в один момент преодолеть бюрократическую волокиту, на которую пришлось бы в обычных условиях затратить несколько месяцев.

Переброска нашей колонны в Крым осуществлялась по железной дороге. 6 мая мы выехали из Специи и через Верону - Бреннер - Вену - Краков Тарнополь 15 числа прибыли к старой русской границе. Затем, проследовав через Днепропетровск, 19 мая мы прибыли в Симферополь. Здесь закончился наш железнодорожный маршрут. Выгрузившись из вагонов, колонна двинулась дальше своим ходом. 21 мая мы прибыли в Ялту.

Наконец 22 мая колонна прибыла к месту назначения в Форос очаровательный городок, расположенный на прекрасном южном побережье Крыма, недалеко от Балаклавы и к югу от

Севастополя. Здесь наша группа раскинула палатки под сенью ореховых деревьев. Прежде всего мы проложили рельсовый путь и соорудили деревянный слип, чтобы доставить наши штурмовые средства к берегу моря и спустить на воду. Благодаря помощи немецкой саперной роты эта работа была быстро закончена.

Русские самолеты ежедневно бомбили и подвергали пулеметному обстрелу нашу колонну. Мы отвечали огнем двух зенитных пушек, составлявших всю противовоздушную оборону нашего района. Возникли небольшие трения с местным немецким командованием, которые Ленци удалось быстро уладить. За проявленные при этом качества: здравый смысл, чувство войскового товарищества, умение поддержать свое достоинство и твердость характера - он сумел заслужить уважение союзников.

29 мая в Форос прибыл Тодаро. 31 мая наша группа, которую уже посетило местное немецкое и итальянское начальство (Мимбелли, прибывший из Ялты, и адмирал, командовавший немецкими военно-морскими силами в Черном море), была проинспектирована генералом фон Манштейном, командовавшим всеми вооруженными силами союзников в Крыму.

Обстановка была такова: немцы оккупировали Крым, за исключением Севастополя и Балаклавы. Их защитники, оказывавшие упорное сопротивление, снабжались морским путем. Наши катера должны были подстерегать корабли противника на подступах к портам и на путях, по которым осуществлялось снабжение осажденных, чтобы, нарушив его, ослабить обороняющихся и облегчить немецким войскам штурм. Вскоре начались наши боевые действия, которые проводились каждую ночь, если позволяли условия погоды и состояние моря.

Рассказать о всех этих действиях невозможно, да и не к чему. Это могло бы показаться однообразным, кроме того, многие из них не представляют особого интереса.

Почти каждую ночь в море для патрулирования на подступах к вражеским портам выходили 2-3 катера, а целыми днями приходилось заниматься ремонтом материальной части, исправляя повреждения, полученные в плавании и в частых столкновениях с противником. Люди занимались скромной и неприметной, но плодотворной деятельностью, достойной восхищения за ту самоотверженность, которая составляла отличительную черту всех членов этого боевого коллектива. Я ограничусь тем, что припомню наиболее примечательные эпизоды, в которых проявились твердая воля и боевой дух наших водителей штурмовых средств.

6 июня 5 наших торпедных катеров вышли в море на поддержку немецких штурмовых катеров, действующих против русского конвоя.

10 июня Массарини выпустил торпеду по русскому легкому крейсеру "Ташкент" в 3 милях к югу от Херсонесского мыса; 11 июня Тодаро атаковал русский миноносец; 13 июня торпедный катер, управляемый Массарини и Грилло, дерзко атаковал с короткой дистанции большой теплоход водоизмещением 13 000 т, шедший под охраной миноносца и двух сторожевых катеров; выпущенная торпеда попала в цель, и поврежденный корабль выбросился на берег, где с ним покончили самолеты. Теплоход был гружен боеприпасами, предназначавшимися для Севастополя. Это была последняя попытка противника доставить осажденным то, в чем они так нуждались.

18 июня катер под командованием Романо во время патрулирования у Балаклавы подвергся нападению двух русских сторожевых катеров, погнавшихся за ним. Чтобы уйти от противника, он был вынужден все дальше и дальше уходить от берега. Так продолжалось до тех пор, пока не показались турецкие берега. Только когда русские по непонятным причинам отказались от преследования, катер смог вернуться в базу. В ту же ночь "были замечены две русские военно-морские шлюпки к югу от мыса Кикинеиз, с которыми экипажи двух катеров, т.е. Ленци - Монтанари и Тодаро - Пасколо, завязали бой, обстреляв их из ручных пулеметов. Русские на шлюпках были вооружены пулеметами и автоматами. Бой на дистанции 200 м длился около 20 мин. Наши катера получили небольшие повреждения, а сержант Пасколо потерял при этом левую руку. В 5 час. 45 мин. торпедные катера вернулись

в базу".

29 июня 5 торпедных катеров снова вышли в море, чтобы во взаимодействии с 6 немецкими десантными судами произвести демонстрацию высадки десанта на берегу между мысом Феолент и Балаклавой с целью отвлечь внимание русских от настоящего десанта, который должен был высадиться в другом месте...

Чтобы привлечь к себе внимание противника, наши моряки кричали и стреляли, стараясь наделать как можно больше шума, катера маневрировали, наконец, один взрывающийся катер, управляемый старшиной Барбьери, был направлен прямо на берег и своим ужасающим взрывом еще больше усилил желаемую суматоху.

1 июля во время штурма Балаклавы румынами, в результате которого город пал, 5 наших торпедных катеров вошли в порт, предотвратив отход противника морем.

"В Балаклаве мы были встречены румынским полковником Димитреску и двумя ротами в полном вооружении. Нас угостили шампанским и луком"*.

4 июля Тодаро оставил Форос и выехал в Италию, где служебные дела флотилии требовали его присутствия. Действия колонны не прекращались.

"6 июля в 17 час. 20 мин. немецкая комендатура сообщила о том, что вблизи Фороса обнаружена лодка с русскими. В море вышел катер Куджа и Феррарини. Сначала казалось, что русские окажут сопротивление, но несколько пулеметных очередей, вспоровших воду у носа лодки, заставили их отказаться от этой мысли и они сдались в плен. Их было 13 человек. Они утверждали, что находятся в море уже 11 дней, однако это мало походило на правду. Все они не брились дня два - не больше. У них был только сахар и ни капли пресной воды. Состояние лодки, починенной на скорую руку, не допускало предположений о том, что она долгое время находилась в море. В лодке мы нашли окровавленную одежду, но среди русских никто не был ранен. Позже я допросил одного из них, оказавшегося инженером-электриком. Он заявил, что не может ничего добавить к тому, что уже сообщил, и обещал рассказать все, если нам придется встретиться после войны. Мы дали им воды и накормили, после чего некоторые из них не хотели верить, что попали в плен к итальянским фашистам, так как думали, что фашисты сразу же расстреляли бы их.

Тем временем Севастополь, лишенный снабжения морем, был наконец взят немцами.

7 июля. Мы с Куджа и Массарини поехали на машине в Севастополь. Город полностью разрушен. В порту были видны затопленный крейсер и миноносец; мастерские, верфи - все разрушено. Трупы плавали в воде, трупы, усеянные тучами мух, валялись на дороге. Во дворах домов оставленные всеми раненые горожане лежали на земле и молча ожидали смерти. Ни одного крика, ни одного стона: живые так и лежали среди мертвых, которых никто не убирал. Повсюду только пыль, жара, мухи, трупы, трупы и еще трупы. На улицах прохожие перешагивали через убитых.

9 июля. Бой за форт Горки. Мы его не скоро забудем. Полковник Бебер после боя сказал мне, что даже во время Первой мировой войны он не видел таких разрушений в Вердене".

Форт Горки у мыса Феолент после падения Севастополя оставался последним очагом сопротивления русских. Построенный на высоком отвесном берегу он состоял из системы траншей и галерей, пробитых в скалах, некоторые из них имели выход к морю. Наши сторожевые и торпедные катера получили приказ принять участие в штурме, т.е. заблокировать выходы из форта. В море вышли 4 наших катера, экипажи которых были вооружены автоматами и ручными гранатами. Маленькая группа из 8 отважных моряков проникла с моря в галереи. Поднятый ими шум, стрельба из автоматов и взрывы гранат ввели застигнутых врасплох обороняющихся в заблуждение относительно количества атакующих, что помогло немцам сломить упорную оборону противника.

В результате участия наших моряков в штурме были захвачены в галереях форта 80 военнопленных.

"Все наши держались великолепно, они вели себя так, как будто это было для них знакомым делом, а сама операция развертывалась, как давно и тщательно подготавливаемая

и уже не раз осуществлявшаяся. Катера из операции вернулись последними, они пробыли в море 14 час. 10 мин.".

С падением последних узлов сопротивления противника терялся смысл пребывания нашей группы в Крыму, но немецкое командование, высоко оценившее качества наших людей, решило задержать нас на случай возможного использования штурмовых средств в дальнейшем с целью поддержки своих действующих подразделений.

"15 июля. Утром лейтенант немецкой комендатуры прислал нам напоминание о том, что стрельбу из огнестрельного оружия можно проводить только с 10 час. утра, и то имея на это специальное разрешение. Кстати, этот приказ существовал уже давно, но никто его не выполнял, и в первую очередь сами немцы. Нам сообщили также, что отныне запрещается глушить рыбу гранатами. Этим способом часто пользовались и сами немцы, но, не зная водолазного дела, они оставляли на дне много рыбы. Мы же, прибыв на место, подбирали эту рыбу буквально под носом у союзников. Я ответил комендатуре, что отдал итальянским морякам приказ строго соблюдать установленный порядок, так как это делается в немецких частях и что им на этот счет нечего беспокоиться. После полудня, как обычно, послышалась стрельба в лесу. Послал переводчика в комендатуру спросить (имея в виду, что 10 час. утра давно прошло), куда я должен направить моих людей, чтобы помочь отразить русский десант. В комендатуре извинились, постарались найти какие-то объяснения и... проглотили эту пилюлю. Так по крайней мере на неделю они оставили меня в покое и не надоедали своим verboten!*"

"30 июля. Простая воинская церемония вручения наград. Ленци, Романо, Куджа, Барбьери и Монтанари награждаются орденами (Железный крест 2-й степени) за проведенные боевые действия в море".

13 августа часть "колонны Моккагатта" покидает Форос после двух с половиной месяцев пребывания в этом городке и вместе с материальной частью перебрасывается восточнее, в Феодосию, для борьбы с подводными лодками, которые часто появляются у здешних берегов и вблизи порта. 24 часа спустя, ночью, 14 августа, 3 катера уже выходят в море; начинается серия ночных походов.

"1 сентября, 9 час. 45 мин. Люди построены. Спуск флага. Оставшаяся часть нашей автоколонны покидает Форос.

Вся группа собрана в Ялте в ожидании нового назначения.

21 сентября. Русская подводная лодка выпустила две торпеды по входящему в порт конвою. Торпеды прошли мимо цели и взорвались у самого берега.

Массарини и Куджа, которые в это время загорали на пляже в нескольких десятках метров от места взрыва, были засыпаны землей, к счастью, они отделались легкими ссадинами, в то время как рядом с ними было убито 5 немцев. Не легко было их убедить в том, что они были торпедированы, а не подверглись воздушной бомбардировке.

23 сентября. Подготовка и отправка колонны в Мариуполь на Азовском море - первый этап предусмотренной ранее переброски к Каспийскому морю.

Последние три дня, кроме всего прочего, были ознаменованы спорами с представителями военно-морского командования немцев. Они не разрешали нам взять с собой 10 немецких моряков, переданных в свое время в наше подчинение. После нашего заявления о том, что мы никуда не поедем, если их заберут, они были оставлены в нашем распоряжении.

Это было сделано отнюдь не из-за нашей заносчивости. Принимая во внимание недостаток личного состава, небольшая группа немцев в качестве обслуживающего персонала была нам необходима, как воздух.

С 24 по 27 сентября колонна двигалась по следующему маршруту: Ялта Симферополь - Мелитополь - Мариуполь. Часто во время марша наши машины по каким-то непонятным причинам переезжают гусей и кур, которых мои люди подбирают и затем варят вечером на отдыхе. Приглядевшись внимательно, я замечаю, к своему удивлению, что такая судьба уготована бедным птицам заранее, так как все они попадали под машины, уже будучи

предварительно застреленными".

В Мариуполе начались обычные трения с союзниками, которые не хотели отвести приличного помещения для наших людей. Безрезультатные переговоры с немецким контр-адмиралом Конт - "человеком в летах, не отличавшимся особыми качествами в интеллектуальном отношении, и, кроме того, тугим на ухо".

В конце концов последовал ультиматум Ленци, который угрожал немедленным возвращением всей колонны в Италию. Вскоре итальянским морякам было отведено одно из лучших зданий города, откуда выселили командование противотанковой артиллерии.

Группа, ослабленная наличием многих больных и гибелью рулевого Берти, умершего в госпитале от тифа, была пополнена прибывшими из Италии новыми водителями штурмовых средств - Волонтери и Чиравенья. Несколько месяцев она находилась в Мариуполе, ожидая того момента, когда немецкие войска займут Кавказ. Время передышки было использовано на приведение в порядок материальной части, на которой сказались результаты предшествовавших напряженных действий, и на другие дела.

"25 октября. Организовав несколько налетов на окрестные кукурузные поля к величайшему неудовольствию сторожей, нам удалось обеспечить полентой* нашу колонну на всю зиму. Немного странно видеть, как наши моряки-водители штурмовых средств сидят в комнате и лущат кукурузу, как молодые крестьянские парни. Но ничего не поделаешь. Раз надо - так надо. Ходили мы и на ночную охоту за зайцами. За один раз мы добывали их от 13 до 17 штук. Полента и зайчатина стали официальной пищей колонны. Эти "операции" позволяют нам пополнять запасы продовольствия и не дают притупить способности... хорошо ориентироваться ночью".

С наступлением зимы военное счастье перешло на сторону русских. Немцы начали отступление по всему фронту. Это было то самое отступление, во время которого была уничтожена итальянская армия в России.

"Колонна Моккагатта", теперь уже под командованием Романо (Ленци в декабре вернулся на родину в связи с новым назначением), оставила Мариуполь и морем отправилась в Констанцу. Исколесив всю Восточную Европу, преодолев трудности, которые легко себе представить, она в марте 1943 года снова вернулась в Специю, не потеряв ни одной машины и ни одного катера.

Успешные действия "колонны Моккагатта" не только достигли цели, с какой она была сформирована и переброшена на Черное море, оказав заметную помощь союзникам в нарушении снабжения Севастополя, они показали также организаторские способности командования 10-й флотилии и продемонстрировали возможности наших штурмовых средств как в организации ближней блокады военно-морских баз, так и во фланговой поддержке с моря действий сухопутных войск.

Поведение личного состава колонны подтвердило, что при любых обстоятельствах и где бы то ни было моряки 10-й флотилии всегда сумеют поддержать свою честь и проявить свои лучшие качества - верность долгу и отвагу.

Глава XIV

ЛЕТО 1942 ГОДА. ПОХОДЫ "ЧЕФАЛО", "СОЛЬОЛЫ", "КОСТАНЦЫ". ПОЕЗДКА ПО ЕВРОПЕ. ГИБЕЛЬ "ШИРЕ".

"Чефало" отправляется на рыбную ловлю. Мы приближаемся к Александрии. Автоколонна Джоббе в Эль-Даба. Отважные действия Карминати. Альба Фьорита. Берлин. Офицерский клуб. Немцы создают свою "10-ю флотилию МАС" и проходят у нас курс обучения. Париж. Адмирал Дениц. В Бордо. Сан-Себастьян, Мадрид, Лиссабон. Последняя операция "Шире". Награждение подводной лодки "Шире" золотой медалью.

В то время как дивизион катеров Унгарелли, базировавшийся в Аугусте, по-прежнему принимал участие в осаде Мальты, 10-я флотилия изобрела новый способ боевых действий, направленных к дальнейшей активизации блокады острова.

Как уже говорилось, надводному отряду были приданы несколько рыболовных судов, которые решили использовать для организации нападений на корабли противника, идущие

со снабжением из Гибралтара к центральной части Средиземного моря, т.е. в Мальту.

Воспользовавшись совершенно безобидным видом рыболовных судов, решили расположить их вблизи морских путей противника, которые нам были хорошо известны. Получая от верховного командования ВМС по радио известие о выходе эскадры противника из Гибралтара, эти суда должны были немедленно направляться к району возможного ночного движения противника и спускать в море имеющиеся у них на борту торпедные катера. Последние должны были атаковать корабли противника в указанных водах, где о их присутствии никто не мог подозревать, учитывая малую автономность катеров и значительную отдаленность от баз.

Таким образом, рыболовному судну отводилась новая роль - оно становилось носителем штурмовых средств, превращалось в подвижную базу катеров.

Идея была одобрена начальством, и мы быстро перешли к ее осуществлению. "Чефало", одно из трех находившихся в нашем распоряжении рыболовных судов, было предназначено для этой роли. На него погрузили два торпедных катера и снабдили его сетями и необходимыми рыболовными принадлежностями. Одновременно с морским генеральным штабом были согласованы условия связи и сигналы в случае обнаружения противника. "Чефало" снова приняло вид старого парового рыболовного судна, грязного, заржавленного, тихоходного и сильно дымящего, сплошь покрытого поднятыми сетями, да еще волочащего за собой их в море. Невозможно было представить себе, что под этим ворохом сетей, канатов и поплавков скрывается смертоносное оружие, готовое в любой момент обрушиться на врага. Это был новый вариант корабля-ловушки времен прошлой войны.

С 14 по 30 июля "Чефало" находилось в море, имея на борту катера и водителей: капитан-лейтенанта де Куал, старшего лейтенанта Гарутти и сержанта Торриани. Из 16 дней, проведенных в плавании преимущественно у берегов Испании и Болеарских островов, только в течение 4 дней состояние моря позволяло спустить на воду катера, если бы из морского генерального штаба поступило сообщение о приближении кораблей противника. Однако такого сообщения не последовало. На рыболовном судне, едва заметив приближающийся корабль, чтобы не вызывать подозрений, забрасывали сети, а затем, оставшись одни, поднимали их, чтобы быть готовыми быстро уйти в случае тревоги. Первый выход в море не имел успеха, так же как и последующий, продолжавшийся с 5 по 18 августа. Но плавание этого маленького беззащитного итальянского судна, его пребывание в водах, полностью контролируемых противником, достойно того, чтобы рассказать о нем не только как о примере военной хитрости с целью любыми средствами нанести противнику ущерб. О нем следует рассказать еще и потому, что этого заслуживают водители штурмовых средств, добровольно вызвавшиеся участвовать в этих рискованных операциях, а также экипаж судна, сформированный в основном из моряков торгового флота. Подвергаясь такому же риску, как и военные моряки, они были едины с ними в выполнении общего для всех долга - служения родине на море.

В это же время в восточной части Средиземного моря для выполнения аналогичных задач было подготовлено два других рыболовных судна, находившихся в распоряжении 10-й флотилии МАС.

В июне 1942 года, когда шла осада Тобрука, было решено, что 10-я флотилия, основываясь на опыте, накопленном в районе Севастополя, примет участие в боевых действиях, атакуя корабли противника, осуществлявшие снабжение Тобрука. Была предусмотрена организация базы надводных штурмовых средств в Северной Африке, вблизи от осажденного города. Одновременно с этим моторное рыболовное судно "Костанца" (водоизмещением 300 т) должно было в восточной части Средиземного моря выполнять задание, подобное тому, которое выполняло "Чефало" в западной его части, т.е. нарушать сообщение между Александрией и Мальтой.

В оба этих плана в ходе их осуществления были внесены изменения, продиктованные обстановкой.

В результате победоносного наступления итало-германских войск в Африке, которые благодаря нашему превосходству на море, создавшемуся после декабря 1941 года, отлично снабжались всем необходимым, Тобрук пал, и фронт переместился к Эль-Аламейну, находящемуся недалеко от Александрии. В то время небольшие военные корабли англичан часто угрожали нашим линиям коммуникаций, проходящим вдоль побережья.

Для успешной борьбы с ними следовало наши торпедные катера расположить на пути движения неприятеля. С другой стороны, опыт, полученный в Черном море, убедительно говорил в пользу участия штурмовых средств, причем задачей катеров явилось бы нанесение противнику ударов с обходом его фланга с моря.

Наконец, в овладении Александрией, которое теперь уже казалось близким, было бы весьма желательным, по соображениям военного и политического характера, опередить союзников с моря. Было бы справедливым, чтобы первым над александрийским портом, в котором уже побывала 10-я флотилия, победно развевался флаг военно-морских сил Италии.

В июле 1942 года моторное судно "Костанца", имея на борту 3 торпедных катера, вышло из Неаполя и, следуя по маршруту Неаполь - Салерно - Вибо Валентия - Мессина - Кротоне - Таранто - Отранто - Корфу - Превеза Патри - Пирей - Суда, прибыло в Тобрук. Из личного состава 10-й флотилии на нем находились водители катеров Джузеппе Козулич, Пьеро Карминати и Элио Скардамалья, а также техник-моторист Винченцо Портези.

Одновременно туда из Специи прибыло паровое рыболовное судно "Сольола", имея на борту 4 взрывающихся катера и водителей Эдуарде Лонго и Мамелли Раттацци.

По прибытии в Тобрук суда были отбуксированы в небольшую бухту. Однако эта мера предосторожности не уберегла их от воздушного налета. Упавшая вблизи, возможно случайная, бомба, к счастью, не причинила повреждений.

В следующую ночь они перешли к Дерну. Сюда, несколько дней спустя, на самолете из Италии прибыл Форца и принял командование отрядом. Изучив на месте обстановку и выяснив, что авиация противника проявляет большую активность, решили отказаться от первоначального плана доставки катеров к линии фронта на двух тихоходных рыболовных судах, а вместо этого перебросить их на автомашинах. Задача была нелегкой, если учесть недостаток в средствах передвижения. Однако уже через 15 дней первая часть автоколонны с тремя торпедными катерами и соответствующими службами была готова двинуться в путь. Это подразделение было названо "колонна Джоббе".

Итак, катера были готовы к немедленным боевым действиям. После предварительно проведенной разведки побережья, в третьей декаде августа, автоколонна прибыла в населенный пункт Эль-Даба. Он расположен километрах в 50 от Эль-Аламейна. Эль-Даба является единственным местом, где берег вблизи линии фронта образует небольшую бухту, хорошо различимую с моря. В первой колонне были: Форца, Козулич, Раттацци, Карминати и Портези. Оставшаяся с Лонгобарди часть группы через некоторое время присоединилась к основным силам, но, так как в этом районе не представлялось случая применить взрывающиеся катера, она была снова отправлена в Дерну.

В Эль-Даба личный состав колонны разместился в палатках, были построены слипы для спуска на воду и подъема катеров, установлена полевая радиостанция. Вскоре удалось добиться выделения в помощь колонне 50 человек из батальона Сан-Марко, используемых на тяжелых работах, после чего все расположились среди подразделений береговой обороны и связались при помощи полевого телефона с Мерса-Матрух, где размещалось командование группы Северо-Африканской флотилии.

На следующую же ночь по прибытии в Эль-Даба, когда катера находились еще на автомашинах, эскадренные миноносцы противника обстреляли берег. Объектом обстрела был склад горючего. В тот момент уже ничего нельзя было предпринять, чтобы помешать противнику, однако впоследствии были приняты меры к тому, чтобы успешно отразить подобные налеты, если они повторятся.

В ночь с 28 на 29 августа противник снова начал обстрел берега с 4 эсминцев типа "Джервис". Карминати и его помощник Сани, чтобы не терять ни минуты, вплавь добрались

до единственного готового к бою катера, стоявшего на якоре в открытом море, и полным ходом бросились к вражеским кораблям, ориентируясь по вспышкам выстрелов.

Подойдя к отряду миноносцев, Карминати храбро вышел в атаку и с дистанции в 150 м торпедировал головной корабль, сильно повредив его. Во время атаки катер подвергся ожесточенному обстрелу с кораблей, а затем был атакован одним из самолетов охранения, летевшим на небольшой высоте. На борту катера начался пожар; взрывом бомбы, упавшей в нескольких метрах от него, Карминати и Сани, пытавшиеся сбить пламя, были сброшены за борт. Вплавь им удалось добраться до берега.

Рассвет 29 августа застал 3 английских миноносца в 4000 м от берега. Они пытались взять на буксир четвертый, сильно накренившийся корабль, поврежденный торпедой. Немедленно с береговых баз была вызвана авиация, так как на всем побережье не было ни одного крупнокалиберного орудия. Немецкие пулеметы и зенитная батарея, расположенная близ аэродрома в Дука, открыли огонь, но он оказался безрезультатным, так как дистанция была слишком велика. Час спустя после вызова авиации группа самолетов, состоящая из 9 пикирующих бомбардировщиков и 2 истребителей "мессершмит", появилась над кораблями противника. Истребители, не разобравшись как следует в обстановке, бросились в атаку на наш катер, который продолжал движение без экипажа в нескольких сотнях метров от берега, и подвергли его пулеметному обстрелу, несмотря на сигналы, подаваемые нашими людьми с берега.

Унтер-офицеру и нескольким матросам, незадолго перед этим посланным на другом, обычном катере с заданием попытаться привести к берегу оставшийся без людей торпедный катер, едва удалось спастись от пулеметного огня истребителей. Торпедный же катер вскоре был уничтожен, самолеты доконали его.

Затем пикирующие бомбардировщики атаковали эскадренные миноносцы англичан, но безрезультатно. Корабли противника отвечали на атаки самолетов сильным зенитным огнем. В конце концов им удалось взять подбитый миноносец на буксир, и они удалились в направлении Александрии.

Позже, когда противник уже скрылся из виду, над нашей базой пролетела еще одна эскадрилья пикирующих бомбардировщиков, преследуя вражеские корабли. Однако и на этот раз действия авиации не достигли желаемой цели.

Во время пребывания группы в Эль-Даба Козулич и Раттацци выходили в море на перехват вражеских кораблей, курс которых лежал мимо побережья, находящегося в наших руках, а также с целью нарушить движение судов близ порта Александрии.

Заметив два корабля, идущих с большой скоростью, Козулич преследовал их больше часа, стараясь занять удобную для атаки позицию, но из-за волнения на море не смог развить максимальную скорость и был вынужден отказаться от своих намерений.

Раттацци удалось подойти к входу в александрийский порт. После бесплодного ожидания он вернулся обратно ни с чем, ни один корабль так и не появился вблизи порта.

Число выходов катеров в море было невелико, и они не имели успеха по различным причинам: расстояние от базы до порта Александрия в оба конца равнялось 140 милям, что было почти пределом автономности плавания торпедных катеров, а это, если учесть активность авиации противника и возможность действовать только ночью, сводило время пребывания у порта до 2 часов; отсутствие судов противника вблизи порта по ночам; значительные трудности, возникающие из-за того, что на оборудованной наскоро базе не было достаточно хороших приспособлений для спуска катеров на воду и их подъема, для их маскировки и ухода за ними.

За это время авиация противника почти каждую ночь совершала налеты на район, в котором находилась база катеров, сбрасывая при этом осветительные, а затем фугасные бомбы. Однажды ночью база была даже обстреляна с небольшой высоты из пулеметов, к счастью безо всяких последствий.

Примерно в середине сентября группировка итало-немецких войск у Эль-Аламейна в последний раз сделала попытку прорвать фронт противника, но почти сразу же была

вынуждена отойти на исходные позиции. Противник сконцентрировал к этому времени крупные силы, активность его авиации все возрастала. Надежда одержать в Африке решающую победу рассеялась, а это повлияло на исход всей войны. В результате этих событий было решено отвести группу 10-й флотилии подальше от линии фронта.

В конце сентября часть группы перебазировалась в Дерну. Там состоялась церемония вручения наград Карминати и Сани за отвагу, проявленную в боевых действиях 29 августа. Затем Форца возвратился в Италию, снова приступив к своим обязанностям командира 10-й флотилии. Автоколонна вместе с ранее выбывшей в Дерну частью группы была переведена в Альба-Фьорита, красивую деревушку, построенную нашими крестьянами близ Аполлонии. Этот населенный пункт был выбран потому, что здесь недалеко находилась прочная деревянная пристань, очень удобная для спуска на воду катеров.

"Сольола" и "Костанца", выполнив свое задание, вернулись в Италию.

Подводные пловцы, выпущенные нашей школой, находили все более широкое применение. Они имелись на всех небольших кораблях, которым по штату не полагалось водолазов, и использовались при осмотре подводной части корабля, небольших ремонтных работах, для того чтобы освободить винты от накрутившихся тросов и т.д. Подводные пловцы были также включены в состав экипажей крупных кораблей, где они проводили ночные осмотры подводной части, чтобы не допустить использования противником тех же средств нападения, которыми пользовались мы сами.

Наши подводники нашли себе применение и в другой, совершенно новой области, где они выполняли ответственные задания. В Тобруке после захвата города итало-немецкими войсками находилось много затопленных кораблей противника. Под руководством офицеров службы секретной информации они были тщательно осмотрены подводными пловцами, которые благодаря своему легкому снаряжению и автономности проникали в такие места, куда не мог попасть обычный водолаз. Так была добыта секретная документация, представлявшая большой интерес для нашей разведывательной службы. Особо следует упомянуть о поисках на затонувшем миноносце "Моухок", потопленном в бою нашим миноносцем близ мелей Керкена в Тунисе, ибо, несмотря на риск, всегда сопровождающий такого рода работу, и непрерывные налеты авиации противника, подводным пловцам удалось разыскать почти все секретные документы корабля.

Мне хотелось упомянуть о такой, пусть незаметной, деятельности, потому что этого заслуживают моряки, преданно и скромно выполнявшие свой долг.

После того как я оставил командование подводной лодкой "Шире", мне по делам, связанным с дальнейшим развитием деятельности подводного отряда 10-й флотилии, которому я полностью себя посвятил, пришлось совершить большую заграничную поездку: я побывал в Берлине для обмена опытом с союзниками в отношении средств морского саботажа; в Париже, где я должен был бы получить в штабе немецкого подводного флота сведения, полезные для задуманных нами действий против морских баз в Северной Америке и Южной Африке; затем в Бордо на базе итальянской Атлантической флотилии подводных лодок, где присутствовал на испытаниях и тренировочных занятиях, связанных с операциями в океане; и, наконец, в Сан-Себастьяне, Мадриде и Лиссабоне для организации групп морских диверсантов.

Такова была эта программа, интересная с точки зрения профессиональной, ибо речь шла о создании базы для расширения деятельности 10-й флотилии, обещающего в будущем большие успехи. Предстояло наладить более тесное военное сотрудничество с немцами с целью расширения области применения штурмовых средств за границы Средиземного моря вплоть до американских баз в Атлантическом океане и английских в Южной Африке, а также организации групп морских диверсантов (пловцов), которые предполагалось разместить, приняв необходимые меры предосторожности, в нейтральных портах, начиная с портов на Иберийском полуострове, наиболее посещаемых торговыми судами противника.

Но такая поездка была интересна и лично для меня самого. Совершить в самый разгар войны путешествие по столицам многих европейских государств удается не каждому и не

часто. Мне представлялся единственный в своем роде случай полюбоваться как бы с птичьего полета панорамой Европы в один из самых драматических моментов ее тысячелетней истории.

Я не в первый раз направлялся в Германию во время войны; мне уже пришлось побывать там по служебным делам в период между первой и второй операциями "Шире". Немцы не имели никакого опыта и никакой подготовки в области использования штурмовых средств на море (кроме нас, одни только японцы, насколько мне известно, занимались до войны изучением этого нового вида оружия, применив его с успехом при нападении на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 года). В первые месяцы войны немцы не интересовались нашими достижениями в этой области. Теперь, когда постепенно развеялась надежда на молниеносную победу и обозначился морской характер войны, охватившей весь мир, они вдруг с роковым опозданием вспомнили о старом принципе, гласящем, что в войнах господство на море является решающим. Вот тогда-то они и обратили внимание на успехи итальянцев в деле применения штурмовых средств (особенно подходящих для флота, уступающего по своим силам флоту противника) и решили ввести у себя в военно-морском флоте этот вид оружия, а для этого постарались наладить тесные связи с нашей 10-й флотилией. Полученные нами ранее указания свыше гласили: показать союзникам кое-что, но не все; открыть только те секреты, которые, по нашим предположениям, могли попасть в руки противника; молчать о новых открытиях, находящихся в стадии изучения и испытания. Мы повиновались этим распоряжениям, хотя нам и не был полностью ясен принцип, на котором они основывались.

Нам казалось, что расхождение в мнениях, сомнения и недомолвки, возникшие между союзниками в ходе войны, должны высказываться и разрешаться в области политической. В области же военной, когда приходится бок о бок сражаться не на жизнь, а на смерть против общего врага, самое тесное и честное сотрудничество не только полезно, но и необходимо. Преимущество военных союзов и заключается как раз в том, чтобы нанести противнику массированный удар всеми соединенными силами в его самое слабое место, а не действовать разобщенно, как это, к сожалению, по причинам, на которых я не буду здесь останавливаться, имело место у немцев и итальянцев в ходе всей войны.

Командование 10-й флотилии приложило все усилия к тому, чтобы в рамках наших возможностей сделать наше военное сотрудничество с союзниками эффективным и плодотворным. Мы были глубоко убеждены в том, что долг солдата - использовать в войне любое средство, которое может привести к победе.

В Берлине летом 1942 года, год спустя после начала войны с Россией, несмотря на безотказную работу всех деталей огромной военной машины, уже ощущалось если не предчувствие поражения, то некоторое разочарование по поводу неудавшейся быстрой победы. В это время я имел ряд бесед с офицерами, занимающими высокие посты, которым было поручено заложить основы немецкой флотилии по типу итальянской 10-й флотилии МАС.

Типичным был подход немцев к делу выполнения этой задачи. Они мобилизовали группу ученых для исследований, связанных с новым видом оружия, а в отношении личного состава говорили о морских штурмовых ротах, батальонах и даже о дивизиях! В Бранденбурге я познакомился с созданной ими школой диверсантов. Она занимала обширный участок, на котором имелось озеро для практических занятий в воде; вокруг на прекрасной сельской местности были разбросаны домики и фермы, в которых размещались группы технического состава и курсантов, проходивших обучение.

Из того, что мне было показано, я заключил, что немцы находились на самой начальной стадии овладения новым оружием, подобным нашему. Они еще не создали ничего, что могло бы идти в сравнение с нашей управляемой торпедой или нашими "Баулетти", и ломали себе голову над тем, что для нас давно уже было пройденным этапом.

Но зато они довольно далеко ушли в области диверсий на суше. Я припоминаю посещение одного обширнейшего склада, в который можно было войти немцем, а после

примерно двухчасового скитания по различным его отделам полностью превратиться в англичанина, швейцарца, египтянина или в представителя любой другой национальности, снабженного не только превосходными документами, удостоверяющими личность, но и одеждой, бельем, сигаретами с соответствующей каждой стране фабричной маркой.

Мне показали множество предметов, имеющих самый безобидный вид, но в нужный момент превращающихся в орудие разрушения. Кроме известного термоса ("забытый" рассеянным пассажиром в поезде или в каюте парохода, он неожиданно взрывается, разбрызгивая зажигательную смесь), из числа самых простых средств диверсий меня поразили наиболее удачные, например куски угля, по своему виду ничем не отличающиеся от настоящих, которые, будучи брошенными в угольные ямы корабля, вызывают там пожар, или фибровый чемодан, не вызывающий подозрений даже при самом тщательном осмотре, ибо взрывчатым веществом является сам материал, из которого он сделан; в самый обычный замочек такого чемодана вмонтирован миниатюрный взрыватель с часовым механизмом.

Я заключил с немецкими властями несколько соглашений, на которые был уполномочен министерством. Наиболее важное из них предусматривало направление несколько немецких офицеров и матросов на учебные курсы 10-й флотилии для ознакомления с нашими методами подготовки личного состава. Пройдя у нас обучение, они впоследствии должны были сами стать инструкторами в школах, создаваемых в то время в Германии. Во исполнение этих соглашений в нашу "группу Гамма" (командир Волк) было направлено несколько немецких курсантов-пловцов под командованием капитан-лейтенанта фон Мартини. Среди них были такие, которые по роду своих занятий до войны (ловля жемчуга и губок) уже имели опыт в обращении с кислородным прибором. Было также решено наладить обмен оборудованием и материалами: мы давали кислородные приборы и легкие водолазные костюмы для подводных пловцов (изделия высокого качества, выпускаемые нашей промышленностью), а получали взамен очень сильное взрывчатое вещество и другие необходимые нам материалы.

Во время моего пребывания в Берлине я был приглашен на обед в старый аристократический офицерский клуб. Меня поразило то обстоятельство, что залы были украшены большими портретами короля и королевы Пруссии и последних германских императоров. Казалось, здесь ничего не изменилось с 1918 года.

За обедом полковник, начальник отдела контрразведки, бывший офицер австрийской армии, состоящий на службе в рядах немецкой армии, произнес, обращаясь ко мне (достаточно громко, чтобы все могли услышать), пророческие слова об исходе войны: "Мы будем сражаться до последнего, ибо это наш долг и единственное, что нам остается, но наша игра проиграна уже с самого начала. Несмотря на горький опыт Первой мировой войны, немцы опять повторили ту же ошибку: основой своей стратегии они считают войну на суше, забывая, что Англию можно разбить, только победив ее на море.

На смену людям с узким кругозором, кто в основе ведения современной войны видит лишь действия сухопутных армий, сражающихся за овладение пограничными территориями, должны прийти те, кто способен обнять мыслью грандиозные проблемы морской и воздушной стратегии на всем земном шаре.

Может быть, дорого заплатив за ошибку, которая оставит свои ужасные следы на Германии, мы в третьей мировой войне сумеем показать, что уроки истории не прошли для нас даром".

Эти слова произвели на меня глубокое впечатление, потому что они соответствовали моим мыслям. Стратегические принципы ведения войны, которым следовал немецкий генеральный штаб, какими бы ошибочными и роковыми они ни были, все же находили свое оправдание в географическом положении Германии. Но зато у итальянского генерального штаба не было никаких оправданий разделять ту же точку зрения на вопросы ведения войны.

Несмотря на отдельные предупреждения, начиная с далекого 1932 года, о том, что "если для Англии Средиземное море - лишь дорога, то для нас оно жизнь", стратегические принципы нашего генерального штаба остались теми же, что и в 1914 году. Организация

армии не соответствовала современным требованиям: у нас имелась непомерно большая, малоспециализированная армия. Для чего? Рыть окопы? Где? Италия имела большой, но все еще не достаточный по своим размерам флот и никуда не годную авиацию. В то же время одного взгляда, брошенного на карту, достаточно, чтобы убедиться в том, что Италии необходима мощная авиация, которая обеспечила бы ей господство в районе Средиземного моря и Северной Африки. В такой же степени ей необходим и сильный флот, который во взаимодействии с авиацией обеспечил бы охрану морских путей, столь важных для нашей страны. Кроме того, Италии нужна небольшая, гибкая, хорошо вооруженная армия, состоящая из специализированных отрядов, которую можно легко перебросить через море, обстоятельство, которое является решающим для исхода любой войны в районе Средиземного моря.

В то же время барьер Альп позволяет обеспечить неприступность сухопутных границ Италии небольшими силами: задача эта должна быть, по всей вероятности, возложена на наши отряды альпийских стрелков.

"Италия - полуостров", но наш генеральный штаб, испытавший сильное влияние войн за независимость под лозунгом "враг - немец", не обращая внимания на слабость военно-морского флота и никудышную авиацию, продолжал формировать десятки пехотных дивизий. Солдаты были вооружены винтовками образца 1891 года, снабжены лопатами для рытья окопов, одеты в серо-зеленую форму, на ногах обмотки и горные ботинки. Напрасно Криспи подарил нам Эритрею, напрасно Джиолитти обеспечил Италии владение африканским побережьем, напрасно Муссолини созданием Африканской империи открыл для Италии морские пути. Все это прошло мимо нашего генерального штаба, который в подготовке вооруженных сил и в ведении войны проявил полную некомпетентность, приведя страну к поражению.

Париж так прекрасен, что ни война, ни оккупация не могут лишить его присущей ему прелести.

Вместе с капитаном 3-го ранга Фаусто Сестини, офицером связи итальянских военно-морских сил, я явился в штаб немецкого подводного флота, который помещался во дворце, расположенном в Булонском лесу.

Адмирал Дениц, занимавший с начала войны пост командующего немецким подводным флотом, принял меня очень любезно. Он с большой симпатией и уважением отозвался о деятельности 10-й флотилии. Узнав о цели моего приезда, он немедленно распорядился о том, чтобы я был допущен к секретным архивам; он хотел, чтобы во время моего пребывания в Париже я считал себя офицером его штаба.

Борьба подводных лодок с караванами судов, которые снабжали из Америки войска противника в Африке, в Европе и в России, была в то время в полном разгаре. Знакомство с организацией управления сотнями подводных лодок, находящихся за тысячи километров от Парижа во всех океанах мира, было для меня чрезвычайно интересным. Насколько я могу судить, аппарат штаба работал превосходно, работа подчиненных ему учреждений была весьма эффективной. Строго придерживаясь уставных норм во взаимоотношениях с офицерами, Дениц сумел создать вокруг себя спокойную деловую обстановку, что благоприятно отражалось на работе штаба, как это всегда бывает, когда у подчиненных нет "страха перед начальником". Умелый организатор, он много работал сам и поэтому мог много требовать от своих сотрудников и подчиненных. Питание было весьма умеренным: как известно, в немецких вооруженных силах всем, независимо от чинов, полагалась одна и та же пища. В результате ограничений военного времени она была сведена к самому необходимому. В то время как в Париже существовал широко развитый черный рынок, а в каждом ресторане можно было, кроме положенного по карточкам, заказать все, что угодно, в офицерской столовой штаба подводного флота, где Дениц ежедневно завтракал и обедал вместе с офицерами, все блюда готовились в соответствии с предписанными нормами. Вот, например, как выглядел завтрак в этой столовой, на котором я присутствовал: овощной суп, кусочек сыра, немного черного хлеба и все. Так как я был единственным гостем, то мне

подали стакан вина.

Благодаря содействию, оказанному мне немецкими офицерами и помощи моего друга Сестини, я в течение нескольких дней сумел собрать интересующие меня данные. Мы старались разыскать в сотнях рапортов о выполнении подводными лодками заданий сведения о портах Северной Америки, Бразилии и Южной Африки с тем, чтобы, учитывая интенсивность движения судов и места обычных стоянок военных кораблей, определить, какие атлантические базы более подходят для их атаки специальными средствами. Нас интересовали также гидрографические характеристики этих портов и их система обороны.

Однажды, когда я перелистывал эти рапорты, мне в руки попалось несколько из них с очень интересными данными. Я припоминаю рапорт капитан-лейтенанта Приена о нападении на базу Скапа-Флоу, в результате которого был потоплен линейный корабль "Ройял Оук".

Это была дерзкая операция, в которой отваге Приена сопутствовала удача. Впоследствии после ряда других блестящих операций он пропал без вести со своей подводной лодкой.

Я сохраню самые лучшие воспоминания о гостеприимстве, оказанном мне в штабе немецкого подводного флота и лично адмиралом Деницем. Часто мои мысли будут обращаться к этому честному и достойному моряку, находящемуся в тюрьме Шпандау, приговоренному трибуналом в Нюрнберге к 10 годам лишения свободы.

В Бордо я нашел кусочек родины, базу действовавших в Атлантике итальянских подводных лодок, которой командовал адмирал Поляккини. Здесь были командиры подводных лодок, ставшие известными по военным сводкам, такие, как Гросси, Феча ди Коссато, Сальваторе Тодаро - все мои однокурсники, а также Гадзана, Прини, де Джакомо, Пьомарта и многие другие.

Военно-морская база, созданная и руководимая с большим знанием дела майором инженерной службы Фену, находилась в Жиронде в нескольких десятках километров от моря. Личный состав был размещен в виллах и замках, расположенных в красивой местности среди чудесных лесов. Из Бордо наши подводные лодки наносили удары по атлантическому побережью Северной и Южной Америки и Южной Африки. Некоторые из них, превращенные в транспорты, совершили памятные походы в далекую Японию, доставив туда приборы, изготовленные в Германии, и вернулись с грузом натурального каучука.

В Бордо я решил заняться сверхмалой подводной лодкой типа СА водоизмещением 12 т. Это штурмовое средство в течение некоторого времени уже проходило испытания в 10-й флотилии. Экипаж лодки состоял из двух человек; она была вооружена двумя торпедами. Мне хотелось проверить, соответствует ли эта подводная лодка по своим боевым качествам той роли, которую мы отводили ей при планировании нападения на североамериканские морские базы.

Подводная лодка СА, так же, как и все наши штурмовые средства, имела ограниченный радиус действия и нуждалась в корабле-носителе, который бы доставил ее и выпустил недалеко от базы, предназначенной для атаки. Эта задача была нелегкой, если принять во внимание размеры и вес подводной лодки. Найденное мною решение этой проблемы заключалось в том, чтобы доставлять сверхмалую подводную лодку к месту назначения, расположив ее на палубе океанской подводной лодки. Это похоже на то, как детеныш кенгуру располагается в сумке своей матери. Теперь предстояло испытать этот способ. В мое распоряжение была предоставлена подводная лодка "Леонардо да Винчи", на палубе которой были произведены необходимые работы, заключавшиеся в устройстве своеобразного гнезда для помещения лодки-малютки.

Как только эти работы были закончены, я временно принял командование подводной лодкой "Леонардо да Винчи" и начал испытания в районе между Бордо и Ла Палис. Очевидно, впервые людям удалось увидеть такое оригинальное зрелище - в море идет одна подводная лодка, а на спине у нее приютилась другая, поменьше.

Высказывались серьезные опасения по поводу возможности спуска "малютки" без

помех и так, чтобы она могла сразу же начать движение к цели, а по выполнении задания вернуться обратно на лодку-носитель, которая должна ожидать ее день или два в открытом море в условном месте. Трудный маневр удался великолепно. После нескольких часов плавания на поверхности и под водой лодка оказалась на нужной глубине. По приказу "Отдать!" "малютка", освобожденная от захватов, соединяющих ее с "Леонардо да Винчи", оторвалась и выскочила на поверхность; своим дерзким и самонадеянным видом она напоминала гусенка на пруду. Экипаж, добравшийся до нее на шлюпке, занял свои места. "Малютка" тронулась с места и сделала несколько кругов вокруг нас.

Это удачно проведенное испытание было важным шагом в деле осуществления наших планов на будущее. Ободренный успехом, я решил попытаться принять "малютку" на борт в открытом море. Я погрузился на нужную глубину, а в это время "малютка" маневрировала на поверхности так, чтобы занять положение, соответствующее ее гнезду на палубе. Понемногу продувая цистерны, подводная лодка "Леонардо да Винчи" всплыла и по пути подхватила "малютку". И вот детеныш кенгуру снова очутился на своем месте, в материнском мешке.

Таким образом наш проект оказался осуществимым: как это подтвердили последующие испытания, вполне возможно было доставить на подводной лодке "малютку" к базе противника, а может быть, даже и принять ее на борт, после того как она, проникнув в порт и выпустив свои торпеды по целям или высадив пловцов-диверсантов, вернется в открытое море.

Что касается работ по окончательной подготовке подводной лодки "Леонардо да Винчи" и "малютки" для той ответственной роли, которая им была предназначена, я знал, что могу полностью рассчитывать на технические способности и старание майора Фену, его офицеров и итальянских рабочих на базе Бордо. Нью-йоркская операция таким образом перешла из стадии проекта в стадию подготовки.

Из Бордо до Сан-Себастьяна я доехал на машине. Это была чудесная поездка по прекрасным французским дорогам, не тронутым войной, сначала через Ланды, а потом от Байоны до Ируна и дальше вдоль живописного побережья Атлантического океана. При въезде в Испанию я не испытал никаких затруднений и особенного волнения, у меня был паспорт на мое имя, в котором вместо "офицер военно-морского флота", чтобы не возбуждать лишних подозрений, значилось "состоятельный человек".

В Сан-Себастьяне, летней столице Испании, купальный сезон был в самом разгаре. Я встретился там с некоторыми из итальянских агентов, которые, обслуживая военно-морской флот, тайно переправляли в Испанию наших людей, необходимые материалы и оборудование. С ними я договорился о предстоящей активизации нашей деятельности. Я был счастлив снова оказаться среди испанцев, этого замечательного народа, с которым я уже имел возможность познакомиться и оценить его, когда командовал легионерской подводной лодкой в составе франкистского военно-морского флота.

В Мадриде, знойном и безлюдном, я встретился с нашим военно-морским атташе, капитаном 1-го ранга Аристиде Бона, с которым я уже был знаком раньше, он был нашим командиром на учебном судне "Колумб" во время похода под парусами в Северную Америку в 1933 году. Я беседовал с ним о нашей работе и об оживлении наших действий по организации диверсий на транспортах противника в испанских портах.

И, наконец, на одном из самолетов, обслуживавших немецкую пассажирскую линию, я прибыл в Лиссабон, последний и в известном отношении самый интересный этап моего путешествия. Я знал этот красивый город, раскинувшийся на правом берегу реки Тахо, так как здесь в 1923-1925 годах мой отец был итальянским посланником при португальском правительстве. Расположение города, стиль его построек, живописные окрестности, веселый и шумный нрав обитателей - все это производит приятное впечатление. Эти присущие Лиссабону черты стали еще более заметны теперь благодаря военным контрастам: он стоял как бы на стыке охваченной войной Европы и всего остального мира.

В Лиссабон стекались люди, принадлежавшие к противоположным воюющим лагерям. Пользуясь тем, что Португалия была нейтральной страной, они могли свободно находиться

здесь, ведя борьбу в области торговли или стараясь всеми силами добыть сведения, составляющие военную тайну. Эта атмосфера космополитизма и впечатление, что ты находишься за пределами объятого пожаром войны континента, еще более усиливались тем, что в Лиссабоне совершенно не ощущались ее последствия, вот уже несколько лет тяготевшие над остальной частью Европы. Магазины ломились от всевозможных товаров. Английские и французские товары, которые невозможно было найти в этих странах, были выставлены на одной и той же витрине. Ни карточной системы, ни затемнения, ни запрещения танцевать... Спокойная и веселая жизнь, о которой мы уже успели забыть и которой, может быть, нам уж никогда больше не удастся увидеть.

Я был представлен нашему военно-морскому атташе, капитану 1-го ранга Куджа ди Сант-Ореола и посланнику Францони. Но это были чисто формальные встречи; порученное мне задание я выполнял сам. Речь шла о том, чтобы установить, насколько интенсивно движение транспортов противника, заходящих в порт; уточнить места их якорных стоянок; изучить возможность нападения на эти суда, а также отыскать способ доставить на место наших людей и надежно укрыть их. Синий комбинезон и парусиновые туфли на веревочной подошве позволили мне замешаться в толпе грузчиков и обмануть бдительность охраны у входа в порт. Во время этой разведки я заметил землечерпалку и баржу, принадлежавшие итальянской компании портовых работ. Это подсказало мне решение задачи.

Лиссабон - Мадрид, беседы с нашими агентами, действующими в районе Альхесираса в Гибралтаре; Бордо, удачная встреча с моим другом Карло Феча ди Коссато, только что вернувшимся из трехмесячного похода.

Наконец, после кратковременного пребывания в Париже я возвратился в Специю, в 10-ю флотилию для подготовки операций, основа которых была мною уже заложена.

Здесь я узнал новость, которая меня глубоко огорчила: подводная лодка "Шире", отправившаяся в очередной поход, пропала без вести со всем экипажем.

Из-за угрозы, создавшейся в результате быстрого продвижения итало-немецких войск к Эль-Аламейну, англичане позаботились о том, чтобы рассредоточить свои корабли, стоявшие в Александрии, предвидя ее неизбежную потерю. Некоторые корабли были переведены в Красное море, другие - в Хайфу. Чтобы уничтожить корабли, находившиеся в Хайфе, наше командование решило, что их атакуют доставленные подводной лодкой пловцы, вооруженные "Миньятте". Хайфа была портом второстепенного значения; предполагалось, что атакующие не встретят на своем пути особых трудностей.

Для руководства этой операцией 1 августа в Родос был направлен капитан 3-го ранга Макс Кандиани, начальник оперативного отдела 10-й флотилии. За необходимой помощью со стороны авиации обратились к немцам в 10-й авиационный корпус (генерал Кайзлер), базирующийся в Кании (Крит).

Планом операции предусматривалось, что вечером 10 августа подводная лодка "Шире" подойдет на расстояние полутора миль ко входу в порт Хайфа и выпустит 8 пловцов, которые направятся к находящимся в порту объектам. Затем лодка будет ожидать их возвращения до 3 час. утра, после чего ляжет курсом на Лерос. Командир подводной лодки на основании последних данных авиаразведки, переданных ему по радио, назначит пловцам цели в следующей очередности: а) подводные лодки; б) грузовые суда; в) миноносцы; г) крейсера; д) вспомогательные суда, транспорты для перевозки войск, танкеры, патрульные корабли.

Выйдя из Специи, "Шире" под командованием Дзелик прибыла в Лерос 2 августа, имея на борту необходимое для действий пловцов легкое водолазное снаряжение и подрывные заряды.

Утром 6 августа "Шире" покинула Лерос, приняв на борт подводных пловцов из "группы Гамма": капитана интендантской службы Эджила Керзи и старшин Родольфа Беука, Аурелио Моргана, Паоло Баронкелли, Эудженио Дель Бена, Лука Риччарди, Дельфо Каприоли, Сауро Менгони, Эрминио Фьораванти и Гуидо Фонтебуони. Врачом экспедиции был назначен лейтенант Пьетро Ньекко.

Самолетами 10-го авиакорпуса была произведена аэрофотосъемка порта Хайфа. Данные о количестве и расположении английских кораблей в порту были тотчас же переданы на подводную лодку "Шире". Даже командование военно-воздушных сил Эгейского моря выразило согласие помочь нам: "Генерал Лонго положительно отнесся к нашему запросу и заверил меня, что будет сделано все, что в их силах, хотя "потолок" итальянских самолетов не позволяет им производить аэрофотосъемку Байона, который, по имеющимся сведениям, располагает большим количеством весьма совершенных радиолокаторов и надежно защищен зенитной артиллерией и сильной истребительной авиацией. Немцы же для таких целей без особого риска используют специальные самолеты (Ю-86), обладающие "потолком" более 12 000 м"*.

Это означало, что итальянская авиация, несмотря на неоспоримую отвагу наших летчиков, была не в состоянии произвести аэрофотосъемку баз противника; вывод поистине трагический.

По данным немецкой авиаразведки, произведенной 9 августа, в порту находились следующие корабли: 2 легких крейсера, 3 эскадренных миноносца, 8 торговых судов, из которых 4 крупных грузовых и 4 больших танкера, 5 сторожевых катеров, 2 торпедных катера и ни одной подводной лодки.

Метеорологическая сводка предсказывала штиль на море и небольшой туман. Все позволяло надеяться на благополучный исход операции, если только подводной лодке посчастливится доставить пловцов в точку, предназначенную для их выхода.

Вот записи из дневника, который вел Кандиани:

"13 августа. Начиная с этой ночи от подводной лодки "Шире" должно было поступить сообщение о выполнении задания.

14 августа. От "Шире" никаких известий; думаю, что это запоздание можно объяснить тем, что в районе действий подводной лодки имеются вражеские корабли и лодка молчит из опасения, что ее радиосообщение может быть перехвачено.

17 часов. Все еще никаких сведений о "Шире". Отправляю подводной лодке радиограмму с просьбой сообщить о себе.

22 часа. С лодки никакого ответа.

15 августа. Снова никаких вестей. Обращаюсь к командованию военно-воздушных сил Эгейского моря с просьбой произвести разведку тремя самолетами в полосе Родос - Хайфа.

15 часов. Три самолета-разведчика, долетев до Хайфы, вернулись, ничего не обнаружив.

18 часов. Обращаюсь в 10-й авиационный корпус с просьбой произвести разведку Хайфы, надеясь узнать что-либо о судьбе лодки.

16 августа. Продолжаются бесплодные попытки со стороны 10-го авиакорпуса провести разведку Хайфы. Самолеты-разведчики, встреченные всеми средствами противовоздушной обороны, не смогли достигнуть объекта.

О "Шире" все еще ничего не известно.

17 августа. 5 часов утра. С Крита на разведку уходит самолет "Ю-86".

8 часов утра. Узнаю, что самолету-разведчику удалось сфотографировать порт с высоты 9000 м и что он доставит в Родос аэрофотоснимки.

22 часа. Получаю и изучаю аэрофотоснимок. Ни одного поврежденного корабля, никаких следов нападения на порт. Из этого я делаю вывод, что подводной лодке "Шире", от которой до сих пор нет никаких известий, так и не удалось выпустить пловцов".

Из сообщений британского адмиралтейства ныне стало известно, что подводная лодка "Шире" была потоплена 10 августа недалеко от Хайфы миноносцем "Айслей". 50 человек экипажа и 10 пловцов из "группы Гамма" погибли вместе с подводной лодкой. Тела двух пловцов, капитана Керзи и старшины Дель Бен, выброшенные морем на берег близ Хайфы, покоятся на городском кладбище.

В то время как действуя с обычной отвагой, командир подводной лодки "Шире" старался приблизиться к вражескому порту, а ее экипаж снова повторял при этом уже не раз

проявленные в таких операциях чудеса храбрости, лодка была обнаружена противником то ли с воздуха, то ли при помощи гидрофонов. Последовала атака глубинными бомбами, в результате которой пораженная насмерть "Шире" с ее героическим экипажем закончила в глубинах моря свое славное существование.

Знамя "Шире" было украшено золотой медалью "За храбрость". Приказ о награждении гласил:

"Эта подводная лодка, осуществившая в Средиземном море ряд успешных операций по перехвату судов противника и впоследствии предназначенная для действий со специальными средствами военно-морских сил во вражеских водах, неоднократно принимала участие в нападении на наиболее укрепленные средиземноморские порты. В ходе многократных попыток выполнить поставленные перед нею задачи она сталкивалась со все возрастающими трудностями: усиление охраны портов, штормовая погода, морские течения. Презирая опасность, она преодолевала все препятствия, воздвигнутые на ее пути природой и людьми, и с честью выполняла свой долг. В непосредственной близости от наиболее тщательно охраняемых военно-морских баз противника она поднималась на поверхность и осуществляла выпуск специальных средств, в результате действий которых в Гибралтаре было потоплено 3 больших грузовых судна, а в Александрии тяжело повреждено 2 линейных корабля "Куин Элизабет" и "Вэлиент", причем только малые глубины в местах их якорных стоянок спасли корабли от потопления. Во время выполнения очередного задания лодка подверглась жестокой атаке и погибла во вражеских водах, закончив свой славный боевой путь".

Глава XV

ОСАДА ГИБРАЛТАРА. ВИЛЛА КАРМЕЛА. ДВЕ АТАКИ ПЛОВЦОВ. "ОЛЬТЕРРА"

Снова Гибралтар. Синьоре Кончите нужен морской воздух. Вилла Кармела передовая база итальянских военно-морских сил во вражеских водах. 14 июля, 12 пловцов против конвоя судов. "Ольтерра" и сумасбродная идея Визинтини. База для выпуска управляемых торпед в Альхесирасе. Наши парни -"матросы" на "Ольтерре". 15 сентября, еще один корабль - жертва пловцов. "Дивизион Большой Медведицы". 5 декабря, английская эскадра входит в Гибралтар. 8 декабря, последняя операция Визинтини. Мать и ее два сына, погибших на войне; две золотые медали.

Гибралтар, как и Александрия, всегда был одним из наших основных объектов. Он представлял собой базу английского флота западной части Средиземного моря, опорный пункт для эскадры, действующей в Атлантическом океане, и важнейший узел торговых коммуникаций противника, так как в этом порту сходились пути конвоев, направляющихся из Америки и Южной Африки в Средиземное море и в Англию. На Гибралтарском рейде собирались гигантские конвои из 30-40 судов, груженных товарами и продовольствием, предназначавшимися для англичан, и всевозможными военными материалами главным образом американского происхождения. Отсюда одни конвои отправлялись на север, другие - на юг или в Средиземное море. Таким образом, было логично продолжать концентрировать боевую деятельность 10-й флотилии на Гибралтаре. Это происходило еще и потому, что большое расстояние до этой военно-морской базы от Италии не позволяло нашей авиации нарушить морские сообщения противника в этом районе. Практика показала, что только наши специальные средства благодаря их тактико-техническим свойствам и отваге их водителей и командиров были в состоянии осуществить нападение на Гибралтар.

Анализ трех предыдущих операций, проведенных подводной лодкой "Шире" на гибралтарском рейде, и изучение сложившейся к тому времени обстановки позволяли заключить следующее:

1. Подводная лодка оказалась вполне пригодной для транспортировки и доставки к объектам управляемых торпед; однако с каждой операцией возрастали трудности и увеличивался риск в связи с совершенствованием способов ее обнаружения и дальнейшим развитием применяемых противником оборонительных средств.

2. Подводная лодка в силу своих особенностей могла выполнить ограниченное число

таких задач и могла принять одновременно на борт только три управляемые торпеды. Кроме того, если учесть необходимость действовать под покровом темноты, то эти операции в период с конца весны и до осени невозможны из-за слишком коротких ночей.

3. Исключительное географическое положение Гибралтара, находящегося так близко к нейтральной стране, позволило вернуться 22 из 24 водителей управляемых торпед. Только один экипаж (Биринделли - Пакканьини) попал в плен, подойдя в октябре 1940 года на расстояние нескольких метров к линкору "Бархэм". Водителям удавалось сравнительно легко добираться от Гибралтара до испанских берегов, а вот смогут ли они также просто проделать обратный путь от берегов Испании до Гибралтара?

4. Наконец, следовало учитывать и новое обстоятельство: десятки судов, груженных военным снаряжением, бросали каждый вечер якоря на рейде в нескольких сотнях метров от испанских берегов. Находясь таким образом вне порта и его оборонительных сооружений, они представляли собой легкодоступную цель.

Наши боевые действия вступали в новую фазу. Помимо (или вместо) подводной лодки нужно было отыскать другой способ доставки наших людей к берегам Испании, к месту, расположенному в нескольких сотнях метров от судов конвоя и в нескольких километрах от входа в порт.

Отыскав такой способ, можно будет проводить одну атаку за другой, не давая противнику покоя. Это заставило бы англичан распылять свои средства и силы в борьбе с врагом, появление которого было для них загадкой. Само собой разумеется, что в соответствии с элементарными международными нормами все это надо было организовать в тайне от испанцев, чтобы они не оказались замешанными в наших делах.

Опытный техник Антонио Рамоньино представил нам свой проект плавсредства, призванного обеспечить приближение к объекту нападения. Несколько образцов уже находилось в стадии постройки, и можно было надеяться, что они окажутся удачными. Я не могу сообщить тактико-технических данных, так как они являются секретными, ввиду возможности использования этого средства в будущем. Весной 1942 года Рамоньино, добровольно вступивший во флот и направленный в 10-ю флотилию, был нами через Испанию послан на разведку в Альхесирас с целью изучить на месте возможности организации на побережье базы, откуда изобретенные им средства смогут выходить в море. По его предложению, воспользовавшись тем, что он был женат на испанке, грациозной синьоре Кончите, мы решили арендовать виллу, находящуюся на северном берегу бухты Альхесирас, недалеко от Ла-Линеа, примерно в 4 км от Гибралтара. Как раз против нее в море на расстоянии от 500 до 2000 м от берега стояли на якоре торговые суда из английских конвоев.

Чета Раманьино поселилась на этой вилле, распространив слух о том, что у синьоры Кончиты слабое здоровье и ей необходим воздух и морские купанья. Супруги Рамоньино, занятые, казалось, только своим домом и домашними делами, позаботились о том, чтобы приспособить виллу для нужных нам целей. Прежде всего они оборудовали наблюдательный пункт, откуда открывался вид на залив и Гибралтарский порт. Окошко, через которое велось наблюдение, было замаскировано клеткой с шумным семейством зеленых попугаев.

В ожидании, пока будут готовы плавсредства Рамоньино, мы решили использовать виллу Кармела (передовую базу итальянского военно-морского флота во вражеских водах) для организации нападения на суда противника. К этому времени мы уже достаточно хорошо изучили места и характер стоянок английских конвоев против виллы Кармела и систему их охраны. Организовать нападение на английские суда было делом более простым по сравнению с атакой кораблей в порту (не нужно было преодолевать заграждения). Небольшое расстояние от берега до кораблей позволяло использовать наших пловцов. Не нуждаясь в громоздком и сложном оборудовании, которое не так-то легко переправить в Испанию, они могли захватить с собой по нескольку "Чимиче" и прикрепить их к подводной части кораблей противника.

В июле 1942 года была подготовлена группа пловцов, обеспеченная всем необходимым

для операции: по три... "Чимиче" на каждого. Командиром этой группы был Агостино Страулино, знаменитый чемпион парусного спорта. В ее состав вошли: старший лейтенант Джордже Баугер, рулевой Карло да Балле, матрос Джованни Луккетти, водолаз Джузеппе Ферольди, рулевой Ваго Джара, водолаз Бруно Ди Лоренцо, старший торпедист Альфредо Скьявони, старшина Алесандро Бьянкини, матрос Эвидео Босколо и кочегар Карло Буковац - всего 12 человек.

Все они нелегально прибыли на нашу базу подводных лодок в Бордо, откуда небольшими группами были переправлены в Испанию агентами военно-морского флота, предоставленными в распоряжение 10-й флотилии. Одни из них попали в Испанию, скрытые в двойном дне кузова грузовика, другие, которым повезло меньше, добрались пешком, перевалив через Пиренеи. Шесть человек из них были зачислены матросами на итальянское торговое судно. Прибыв в Барселону, они сошли на берег и больше не вернулись. Капитан судна, ничего не зная, обвинил их в дезертирстве. В сопровождении наших агентов они быстро добрались до Мадрида, где был организован пересыльный пункт. Затем на автомашинах их привезли в Кадис и поместили на итальянский танкер "Фульгор" (как матросов, прибывших на смену старому экипажу). Отсюда различными способами, чтобы избежать трех испанских контрольных постов, расположенных по пути следования, они 11 и 12 июля добрались до Альхесираса и укрылись на судне "Ольтерра", ошвартованном в порту. И, наконец, уже с "Ольтерры" под руководством Визинтини, находившегося на борту, они ознакомились со стоящими в бухте судами, объектами атаки. На рассвете 13 августа небольшими группами они были переведены на виллу Кармела. С наблюдательного пункта пловцы смогли детально ознакомиться с обстановкой, проследить тот путь, который им предстоит совершить, прикинуть, где лучше спуститься к морю (избежав встречи с многочисленными на этом участке побережья и ревностно исполняющими свой долг испанскими патрулями и английскими шпионами), и, наконец, выбрать себе цель и изучить ее конструктивные особенности.

Операция была проведена в ночь с 13 на 14 июля. Одетые в специальные резиновые комбинезоны, снабженные необходимым количеством взрывчатки, которая была доставлена сюда заранее, пловцы под покровом темноты тихо вышли из виллы, пересекли сад и спустились к морю, скрытые от посторонних взоров забориком и используя русло высохшего ручья. Затем, надев на ноги ласты, они вошли в воду. Началась первая фаза операции. На рейде находились суда большого конвоя. Командир группы заранее распределил цели. Каждый из пловцов в течение долгого дня внимательно изучал свою жертву. Теперь они направились к ним. Плыли так, как плавают на войне: быстро, но не утомляясь, без брызг, без шума. На голове у пловцов были сетки со вплетенными в них водорослями - маскировка, чтобы не возбудить подозрений у тех, кто мог увидеть их сверху, с судов. Пловцы с подрывными зарядами подплыли к кораблям, не замеченные с английских сторожевых катеров, которые по ночам бороздили рейд во всех направлениях.

Когда к пловцам приближался луч прожектора, они прекращали движение и скрывались под водой, действуя с хитростью и отвагой, проявляя при этом юношеский энтузиазм, но осторожность и умение зрелых людей. Всплеск, сильный взмах рукой могли погубить все. Достигнув цели, они погружались и прикрепляли заряды в наиболее уязвимых местах кораблей, а затем возвращались, счастливые, что им удалось выполнить порученное задание.

В 3 часа 20 мин. первые два пловца вышли на берег неподалеку от ожидающего их нашего агента. "Интересно отметить, - писал он в своем рапорте, - несмотря на то что я находился в кустах на расстоянии не более 10 м от моря и очень внимательно вглядывался в воду, я заметил обоих пловцов только тогда, когда они уже были на суше и ползли по песку, направляясь к месту встречи. Мне кажется, что обнаружить их присутствие на расстоянии более 6-7 м нелегко". Это было результатом напряженной и тщательно продуманной подготовки под руководством их инструктора по фамилии Волк.

Семь пловцов были задержаны испанскими карабинерами при выходе на сушу.

Благодаря немедленному вмешательству итальянского консула в Альхесирасе Бордиджони они были выпущены на свободу с обязательством по первому требованию предстать перед испанскими властями. Двум другим удалось выйти на берег никем не замеченными, а еще один выбрался на пристани в Ла-Линеа, пешком отправился в Альхесирас и там явился в итальянское консульство, пройдя таким образом почти 16 км. За исключением двух, все остальные чувствовали себя хорошо: одному повредило ногу винтом английского сторожевого катера, другой был контужен взрывом глубинной бомбы и жаловался на боли в позвоночнике.

На вилле Кармела благодаря заботам храброй синьоры Кончиты они смогли утолить голод, выпить кофе и коньяку. Снова превратившись в моряков, они были на автомашине доставлены в Кадис, где на борту "Фульгор" нашли заслуженный отдых в ожидании возвращения на родину. В Италию они вернулись так же, как и прибыли оттуда, - нелегально и небольшими группами, не оставив никакого следа.

Результаты этой операции, к сожалению, не соответствовали тщательной ее подготовке и смелости, проявленной пловцами, из-за того, что взрыватели некоторых зарядов не сработали.

Все же 4 судна были более или менее серьезно повреждены, и их должны были отвести на мелкое место, чтобы не дать им затонуть. Это были "Мета" (1578 т), "Шама" (1494 т), "Эмпайр Снайп" (2497 т) и "Барон Дуглас" (3899 т).

Когда неожиданно на рейде начались взрывы и поврежденные корабли стали тонуть, все остальные суда были немедленно отведены в военный порт.

Долгое время англичане терялись в догадках по поводу этого нападения. Только тогда, когда однажды они выловили на рейде случайно всплывший резиновый костюм, они поняли, в чем дело. Драгоценная улика была тотчас же отправлена в адмиралтейство в Лондон, чтобы быть подвергнутой тщательному исследованию.

12 пловцов 10-й флотилии были награждены серебряной медалью "За храбрость".

Поведение всех тех, кто содействовал успеху этой трудной и блестяще проведенной операции, достойно самых высоких похвал. Офицеры военно-морского флота и сухопутных сил, штатские, составлявшие нашу тайную организацию в Испании, проявили в этой операции, так же как и в предшествующих, высокую сознательность и преданность своей родине. Мне очень жаль, что по некоторым соображениям я не могу назвать здесь имена всех тех, кто этого заслуживает. В ее подготовке и организации основная роль принадлежала Визинтини; очень большую помощь оказало нам участие Рамоньино, которому так замечательно помогала его жена.

10 июня 1940 года, в момент вступления Италии в войну, торговое судно "Ольтерра", принадлежавшее одному генуэзскому судовладельцу, находилось на гибралтарском рейде. В соответствии с распоряжением, полученным по радио, капитан, отведя судно на мелкое место в испанские территориальные воды, открыл кингстоны и притопил его, чтобы оно не попало в руки англичан. Полузатопленное, сильно накренившееся судно оставалось в таком виде полтора года, подвергаясь разрушительному действию времени и моря.

Несколько моряков из состава экипажа, которые еще оставались на борту судна, вели здесь полную неудобств и лишений жизнь и в соответствии с международными правилами охраняли эту собственность судовладельца.

О существовании "Ольтерра" командование 10-й флотилии узнало от Рамоньино по возвращении его из поездки в Испанию, совершенной с разведывательными целями. Сразу же родилась оригинальная идея, которая вскоре приобрела более четкие очертания, - использовать такое безобидное с виду полузатопленное судно под итальянским флагом, расположенное совсем близко от военно-морской базы Гибралтар.

Я вступил в переговоры с судовладельцем и, не объясняя ему истинной цели нашей внезапной заинтересованности в судьбе его судна, довольно неопределенно сослался на "военные нужды флота". Судовладелец оказался понимающим человеком и полезным сотрудником.

По нашей рекомендации он обратился к испанской компании, занимающейся подъемом затонувших судов, и повел переговоры о подъеме "Ольтерры". Судовладелец имел намерение отремонтировать "Ольтерру" с тем, чтобы потом передать ее какому-то испанскому обществу, предложившему выгодные условия. Вскоре судно было поднято и на буксире отведено в порт Альхесирас. Здесь с испорченными от долгого пребывания в воде машинами оно было ошвартовано у внешнего мола. С 10 июня 1940 года на нем был установлен испанский военный пост, так как судно считалось интернированным, ибо в момент вступления Италии в войну оно находилось в территориальных водах Испании.

Таким образом, у нас появился опорный пункт прямо против Гибралтара, на другой стороне рейда, в шести милях от военно-морской базы англичан. Теперь речь шла о том, как использовать его наилучшим образом.

Визинтини, хотя на первый взгляд его идея могла показаться абсурдной и трудно осуществимой, предложил организовать там постоянную базу для наших штурмовых средств. "Ольтерра" могла с успехом заменить подводную лодку носителя специальных средств в ее роли базы для выпуска управляемых торпед. Предложение было принято, теперь надо было приспособить "Ольтерру" для этих целей.

Мы начали с подготовки для этого судна нашего экипажа, который почти полностью должен был заменить старый (на борту оставались только капитан корабля Аморетти и старший машинист де Нигрис). Это следовало сделать, с одной стороны, чтобы не допустить разглашения тайны, а с другой - не вызвать подозрений внезапным увеличением экипажа. Альхесирас кишел английскими агентами, а "Ольтерра" была ошвартована прямо под окнами английского консульства, битком набитого морскими офицерами из Интеллидженс сервис, как это, кстати, всегда бывает в английских консульствах, расположенных в приморских городах.

Командиром группы на "Ольтерре" был назначен Визинтини, уже известный по удачному нападению на Гибралтарский порт. Мы целиком полагались на его опытность, серьезность, беззаветное мужество и прежде всего на его способность целиком отдавать себя порученному делу. Его брат Марио, отважный летчик-истребитель, сбивший 17 самолетов противника, погиб в Восточной Африке.

Людей в свою группу Визинтини набрал из техников и моряков 10-й флотилии.

Всех их направляли на несколько дней на одно из торговых судов, стоявшее в Ливорно, чтобы они привыкли к тому, как вести себя в их новой роли. У моряков торгового флота они перенимали манеру одеваться, есть, плевать, курить, учились морскому жаргону, чтобы, прибыв на "Ольтерру", ничем не вызвать подозрений.

Они были снабжены заграничными паспортами, выписанными на чужое имя, и группами по два-три человека переправлены на "Ольтерру" в Альхесирас под видом нового экипажа, посланного на замену старого, и рабочих, предназначенных для ремонта судового двигателя.

Среди прибывших были техники, которым было поручено организовать на "Ольтерре" мастерскую для монтажа управляемых торпед, присланных из Италии в разобранном виде. Это было трудным и сложным делом. Однако через несколько месяцев на судне уже имелась мастерская со всеми необходимыми инструментами и оборудованием, включая станцию для зарядки аккумуляторов с дизель-генератором. Для регулировки балластных цистерн, управляемых торпед и испытаний на герметичность был приспособлен затопленный трюм. Однажды утром было произведено кренование судна. Со стороны было видно, что "Ольтерра" сильно накренилась и осела на корму, обнажив часть левого борта. Тент защищал от солнца (и от нескромных взоров) работающих моряков, которые занимались окраской корпуса. Никому из посторонних даже не приходило в голову, что в борту судна автогеном было вырезано большое отверстие. К вечеру работу окончили. "Ольтерра" выпрямилась, и отверстие исчезло под водой. Таким образом, из затопленного трюма был создан выход в море, через который управляемые торпеды могли незаметно покидать судно и снова возвращаться.

И все это делалось на глазах у немного рассеянных испанских часовых, расположившихся на молу, и под пристальными взорами скрытно наблюдавших за нами английских шпионов, которые наводняли этот район, находящийся очень далеко от Италии и всего в 10 км от Гибралтара.

Жизнь на борту на первый взгляд казалась такой же, как и на любом торговом судне во время ремонтных работ. Матросы, грязные, одетые в старое, изношенное в долгих плаваниях платье, пестрящее разноцветными заплатами, слонялись по палубе, лениво занимаясь своим обычным делом. Они курили старые трубки с изгрызанными мундштуками, провонявшими от крепкого табака; носили бороды, которых несколько месяцев не касалась бритва; казалось, у них не было никакой дисциплины. На берегу они шатались по портовым кабакам, жалуясь на безденежье и проклиная войну, судовладельца, капитана, корабельного кока и свою судьбу, по милости которой им приходится вести здесь эту собачью жизнь. Иногда, в день выдачи жалованья, они не брезговали обществом какой-нибудь известной во всей округе местной "сирены" и возвращались на борт поздно ночью, немного навеселе, горланя какую-нибудь старую песню, напоминающую им о их милой родине... Здесь их уже все знали и относились к ним по-дружески. Это заправский, пестрый по своему составу экипаж старой посудины, медленно ржавеющей в илистых водах нейтрального порта...

Испанские часовые подружились с моряками: они называли друг друга по имени и даже давали местные испано-итальянские прозвища, обязанные своим происхождением той или другой особенно заметной черте облика или характера: они славные парни, эти итальянцы...

Но вот один из моряков уходит с палубы (наверное, спать пошел, лентяй). Он спускается по трапу, три раза стучит в замаскированный люк; люк открывается; снова трап; он спускается еще ниже, куда ни за что не добраться постороннему. И вдруг, неожиданное зрелище! - человек 10 спокойно и напряженно работают у машин электрогенераторов, распределительных щитов. Все оборудование в идеальном состоянии и носит следы самого тщательного ухода. "Здравствуйте, командир!" И в атмосфере воинской дисциплины, ощущаемой как насущная необходимость, а не как пустая формальность, отдается распоряжение, и этот "ленивый" матрос принимается за работу: это старший электрик Росси, который с ловкостью опытного техника устанавливает динамомашину, или плотник Кармини, или старший машинист Бонато, занятый баллонами с кислородом для зарядки кислородных приборов... Двойная жизнь, которую ведет экипаж, требует от всех и каждого в отдельности строжайшего контроля над своими словами и поступками. Достаточно какой-нибудь глупости, чтобы возбудить подозрение... но никто ничего не подозревает и не заподозрит никогда, даже тогда, когда на рейде, в нескольких сотнях метров от Гибралтара, на глазах у объятых ужасом англичан начнут один за другим взрываться корабли.

Осенью 1942 года Визинтини побывал в Специи и представил командованию 10-й флотилии рапорт о проделанной работе: "оборудование мастерской для сборки штурмовых средств закончено, судно может служить базой для их выпуска". В результате тщательного наблюдения (достаточно было подняться на палубу, чтобы прямо перед собою увидеть Гибралтар) он смог получить данные, необходимые для подготовки предстоящих операций. Англичане заметно усилили службу охраны водного района; бесшумные катера непрерывно курсировали на рейде перед входом в порт; каждые десять минут сбрасывались глубинные бомбы, гидрофоны и другие средства обнаружения ни на минуту не прекращали своей работы. Визинтини заверил командование 10-й флотилии, что это не остановит наших моряков и, как только представится случаи, они попытаются провести атаку и сделают все от них зависящее, чтобы добиться успеха. Ну, а если не повезет... "Что же, мы сделали все, что было в наших силах..."*

Из Специи на "Ольтерру" была отправлена материальная часть: огромные управляемые торпеды длиною в 7 м, весящие около 2 т каждая. Они разобраны на части: зарядные отделения, детонаторы, взрыватели с часовым механизмом. Отправили также кислородные приборы, резиновые комбинезоны. Все вещи упакованы в ящик с таким расчетом, чтобы они

казались проницательному взору таможенных чиновников безобидными материалами и запасными частями, предназначенными для ремонта "Ольтерры": это дымогарные трубы, цилиндры, поршни, клапаны; это бочки с соляровым маслом для дизеля (но под слоем масла в герметической упаковке находились кислородные приборы). На ящиках имелись надписи, по которым можно было судить, что это генуэзский судовладелец шлет необходимые для ремонта своего судна детали. да торпедами следовали их водители: Визинтини и его помощник, сильный и молчаливый сержант Джиоанни Магро, лейтенант службы морского вооружения Виторио Челла, высокий, светловолосый ломбардец, сержант Саловаторе Леоне, гардемарин Джироламо Маниско, небольшого роста, коренастый, воплощение энергии и упорства матрос Дило Варите.

Под видом моряков торгового флота они прибыли на "Ольтерру" и здесь наблюдали за сборкой управляемых торпед, от которых вскоре будет зависеть их жизнь и, что еще важнее, исход операции. Они изучают поведение противника, маршруты движения сторожевых катеров, характер заграждений, часы разведения препятствий у входа в порт, места стоянок кораблей, время их прихода, состав конвоев - всю деятельность военно-морской базы противника, которая развертывается в нескольких километрах от "Ольтерры".

Врачом группы был Эльвио Москателли. "Переодетый в старое платье, он часто выходил вместе с местными испанскими рыбаками в бухту; занимаясь рыбной ловлей или угощая фруктами моряков с торговых кораблей союзников, он наблюдал за всем происходящим на рейде; с особым вниманием он следил за работой английских водолазов службы подводного надзора, задачей которых было обнаружение зарядов взрывчатых веществ, а он-то знал наверняка, есть под кораблями заряды или нет. Впоследствии, когда в Италии он встретился с Крэббом*, то англичанин не стал ждать представлений. Он сказал Москателли: "Я вас хорошо знаю в лицо; я целыми часами следил за вами и вашими людьми!"**

Визинтини, точный и аккуратный во всем, не желая ни в чем полагаться на волю случая, устроил в одной из кают судна иллюминатор, который выходил на Гибралтар, самый настоящий наблюдательный пункт. Офицеры, дежурившие по очереди, круглые сутки наблюдали за тем, что происходит во вражеском лагере. Каждый новый факт, каждое движение противника регистрировалось и служило материалом для подготовки операции. Из иллюминатора в старенький бинокль, имевшийся на "Ольтерре", было хорошо видно все, что происходило в Гибралтаре. Можно было даже разглядеть людей, расхаживающих по молам, солдат у пулеметов, установленных на кораблях, или моряков, занятых стиркой белья... Но ясно, что, наблюдая в бинокль с лучшими линзами, можно было бы лучше изучить метод, применяемый при разведении и закрытии сетевых заграждений у северных ворот порта. А в английском консульстве, как раз напротив "Ольтерры", красовался замечательный морской бинокль с 64-кратным увеличением, установленный на треноге, при помощи которого поддерживалась зрительная связь с военно-морской базой. "Это как раз то, что нам нужно", вырвалось как-то у Визинтини. Через два дня 64-кратный бинокль оказался на новом месте. Он по-прежнему был направлен на Гибралтар, но только теперь уже через иллюминатор наблюдательного пункта на "Ольтерре": законная военная добыча.

Среди развлечений наиболее популярной была рыбная ловля. Частенько днем или ночью от "Ольтерры" отваливала шлюпка. В ней двое, один лениво гребет или, бросив весла, вверяет лодку течению, которое несет ее по направлению к кораблям конвоя или к Гибралтару; другой в это время занят рыболовной снастью. Это наши моряки, которые хотят выяснить некоторые детали и кое-что уточнить. Часто совсем рядом проходят английские сторожевые катера; наши уже начинают узнавать в лицо людей на катерах, очередность их дежурств. Так, в условиях активной деятельности службы охраны водного района противника и его контрразведки происходила подготовка операции, так наши моряки готовились, как только представится удобный случай, нанести решительный удар по английскому флоту.

Когда прошло некоторое время со дня последней операции и переполох в Гибралтаре,

вызванный загадочным появлением и исчезновением наших пловцов, улегся, решено было возобновить действия.

В ночь на 15 сентября трем пловцам: Страулино, ди Лоренцо и Джари удалось атаковать несколько судов на рейде Гибралтара и потопить "Рейвенс Пойнт" грузоподъемностью 1787 т.

В этой операции так же, как и в предыдущей, предусматривалось:

а) обеспечение агентурой в Испании;

б) сбор пловцов в Альхесирасе на борту "Ольтерры";

в) прибытие на виллу Кармела и спуск в море.

В операции участвовало пять подводных пловцов. Два из них прибыли в Барселону как матросы торгового судна "Марио Кроче"; дезертировали и были встречены нашим агентом, который доставил их на "Ольтерру". Остальные трое были выбраны из семи пловцов, задержанных испанскими карабинерами после операции 14 июля, выпущенных на поруки и все еще находившихся в распоряжении местных властей. Они заменили тайком от испанцев трех матросов на "Фульгоре". Снаряжение было переправлено в Испанию нелегально, в этой части мы уже имели большой опыт. Сбор пловцов на "Ольтерре" и доставка туда снаряжения прошли благополучно, не вызвав никаких подозрений.

Вечером 14 сентября пять пловцов в сопровождении нашего "специалиста по этим местам" покинули "Ольтерру" и прибыли на виллу Кармела, откуда отправились на место, назначенное для спуска в море. В последний момент было решено, что пойдут трое, учитывая количество судов на рейде. В 23 часа 40 мин. первый пловец вошел в воду, за ним с небольшими интервалами остальные два. У каждого при себе было по три подрывных заряда. Два резервных пловца остались на берегу вместе с одним из агентов, укрывшись в тени небольшого строения в 20 м от берега.

Спустя 7 час., т.е. в 6 час. 20 мин., 15 числа, Страулино вышел на берег в том же самом месте, где вошел в море. Он не смог выполнить задания из-за очень сильной охраны: три катера непрерывно курсировали около судов, не удаляясь от них более чем на 50 м, кроме этого, наблюдение велось со шлюпки, которая двигалась на веслах в непосредственной близости от них. Зона вокруг судов освещалась прожекторами. Два раза Страулино пытался подплыть к судну, но после второй попытки был вынужден отказаться от атаки, так как из-за частых погружений, которые он был вынужден делать, чтобы не заметила охрана (а один раз он уже было совсем решил, что его обнаружили, так как с катера бросили несколько глубинных бомб, к счастью, не причинив ему никакого вреда), у него кончился кислород и он лишился возможности опуститься под воду, чтобы прикрепить заряды к корпусу судна.

Когда рассвело, Страулино, так и не дождавшись двух своих товарищей, вместе с остававшимися на берегу пловцами возвратился на "Ольтерру".

Оттуда они увидели, что один из объектов нападения, а именно "Рейвенс Пойнт", начал крениться, быстро уходя кормой в воду. Затем начал погружаться и нос судна. Операция оказалась успешной.

Ди Лоренцо, несмотря на то что его воздушно-кислородный прибор был поврежден винтом сторожевого катера, удалось подплыть к своей цели и атаковать ее. Джари же, не имея возможности из-за сильного течения добраться до назначенного ему объекта, прикрепил свои заряды к ближайшему судну, оказавшемуся тем же самым, которое избрал для своего нападения ди Лоренцо. Джари, выйдя на сушу, никем не замеченный, вернулся на виллу Кармела, ди Лоренцо был задержан испанским патрулем и отведен в казарму карабинеров.

Операция 14 сентября проходила в исключительно неблагоприятных условиях:

1) объекты находились от места спуска пловцов в море на большом удалении: после июльской операции англичане не оставляли корабли на открытом рейде, предпочитая ставить их или в порту, или в восточной части бухты перед военным портом. Исключение делалось только для судов, груженных взрывчатыми веществами;

2) в течение всей ночи стояло полное безветрие, и море было совершенно спокойно,

что в значительной степени увеличивало опасность обнаружения;

3) скорость течения оказалась больше, чем предполагалось;

4) отмечалась большая активность службы охраны водного района, которую несли 5 катеров, непрерывно курсирующих вокруг судов, производя время от времени сбрасывание небольших глубинных бомб; зоны стоянки непрерывно освещались прожекторами.

За эту операцию Страулино и ди Лоренцо были награждены бронзовыми, а Джари - серебряной медалью "За храбрость".

На "Ольтерре" Визинтини и его товарищи из "Дивизиона Большой Медведицы" готовились, духовно и физически, к великому подвигу. Об атмосфере, царившей в то время на борту "Ольтерры", и об их настроениях говорят торопливо написанные карандашом листки, адресованные Визинтини своей молодой жене, которая заботливо сохраняет их как память о незабвенном Личо:

"23 ноября 1942 года. Я думаю о тебе, и твой образ постоянно поддерживает во мне стремление и готовность к борьбе. Я знаю, что буду драться до конца, ибо мне хочется увидеть, как распадутся сковывающие нас цепи.

24 ноября 1942 года. Я чувствую, что во мне просыпается ненависть к тем, кто не научил нас спокойно смотреть в холодные серые глаза наших врагов, этих северных господ. Мне и моим товарищам предстоит выполнить труднейшую задачу. Сумею ли я оказаться достойным ее?

27 ноября 1942 года. С тех пор как я здесь, я больше не принадлежу вам: меня целиком поглощает работа. Наша задача трудна, но все же ее можно выполнить. Удастся ли нам выполнить до конца намеченную мной поистине дьявольскую программу? То, что уже сделано нами, достойно удивления. Я знаю, что такое напряжение губит меня, но сейчас это не важно. Моя дорогая Мария и ты, моя бедная милая мама, не отчаивайтесь, что меня нет с вами. Нам снова приходится бороться, и в эти решительные минуты вы мысленно должны быть со мной.

5 декабря 1942 года. После четырех месяцев сомнений, борьбы и упорного труда мой план наконец близок к завершению. С завтрашнего вечера 3 торпеды и 6 пилотов готовы к выполнению задания... Враг силен и беспощаден, но мы не боимся его. Мы преисполнены решимости победить любой ценой. За это время мы изучили все подстерегающие нас опасности, все препятствия, преграждающие нам дорогу к объектам атаки. А глубинные бомбы и быстроходные сторожевые катера врага только усиливают наше стремление во что бы то ни стало померяться с ним силами. Перед нами стоит очень трудная и сложная задача, но в этой борьбе нас может остановить только смерть. Смерть, которая за наше мужество подарит душам нашим вечный покой - награду тем, кто отдал свою жизнь служению родине.

Накануне этого великого испытания стремление к победе берет верх над всем остальным... Когда я думаю, что наша затея может кончиться плохо, я не могу долго грустить".

Вскоре в Гибралтар вошла сильная эскадра: линейный корабль "Нельсон", линейный крейсер "Ринаун", авианосцы "Фьюриес" и "Формидебль", а также многочисленные корабли охранения. Визинтини записал:

"6 декабря 1942 года. Вчера, когда я писал тебе, что мы находимся накануне очень важных событий, я не ошибся. Учитывая прибытие в порт английской эскадры, я решил провести операцию завтра вечером. С этой базы, расположенной в 2000 милях от родины, мы нанесем свой удар. Мы будем бороться во имя бессмертной римской культуры и во имя достойных ее сынов, которые сражаются и страдают от ран, полученных в боях.

И если Господь охранит нас, наш успех будет достойным ответом спесивому врагу.

Мы, пигмеи, хотим храбро поразить врага прямо в сердце, хотим нанести свой удар по тому, чем он больше всего гордится. И мы ждем, что после этого все раз и навсегда поймут, из какого теста сделаны итальянцы. Вот и все".

7 декабря Визинтини записал в своем дневнике: "Три управляемые торпеды в полной боевой готовности. Скоро мы выйдем в море, и уж если придется погибать, то постараемся

продать свои шкуры как можно дороже.

Объекты распределены так: "Нельсон" атакую я; "Формидебль" - Маниско; "Фьюриес" - Челла. Кажется, я предусмотрел все. Во всяком случае, моя совесть совершенно спокойна, я сделал все, что было в моих силах, чтобы обеспечить успех. Перед атакой я обращаюсь с молитвой к всевышнему, дабы он увенчал труды наши победой и был милостив к нашей Италии и к моей осиротевшей семье!"

8 тот же вечер три экипажа: Визинтини и Магро, Маниско и Варини, Челла и Леоне покинули на торпедах "Ольтерру" и направились к Гибралтару. Интервал между выпуском торпед - один час. Через некоторое время все экипажи вынуждены были вернуться, так как обнаружили неисправности торпед (при сборке рулевого привода допустили ошибку). Неисправность быстро устранили, и они снова ушли в море. Охрана порта, в котором находились корабли, представлявшие столь большую ценность, была усилена. Кроме обычных сторожевых катеров, которые во всех направлениях бороздили рейд, кроме прожекторов, непрерывно обшаривающих море, каждые три минуты производилось сбрасывание глубинных бомб.

Визинтини, вышедший первым, не обращая внимания на сильные подводные взрывы, пересек рейд и достиг заграждений, которые защищали вход в порт. Это самое сложное препятствие: нужно отыскать проход, в то время как вокруг рвутся глубинные бомбы. С беспримерным мужеством он преодолел препятствие и продолжал идти вперед.

Между ним и объектом атаки находилась зона взрывов: он вошел в нее.

Раздался близкий взрыв, затем еще один, еще один... и действия Визинтини и Магро прервались; оба они погибли.

Маниско тоже удалось приблизиться к базе; у мола, замеченный часовым, освещенный прожектором и обстрелянный пулеметным и артиллерийским огнем, он пытался уйти, чтобы отвлечь внимание противника от своих товарищей. После 20-минутного движения под водой, атакованный с катера глубинными бомбами, оглушенный, он решил отказаться от атаки. Потопив торпеду и всплыв на поверхность, он, вместе со своим водолазом Варини, взобрался на американское торговое судно, стоявшее на якоре. Экипаж судна, состоящий главным образом из американцев итальянского происхождения, окружил водителей, отдавая должное проявленному ими героизму. Каждому хотелось пожать им руку. Водители сняли с себя резиновые костюмы, чтобы те не попали в руки англичан, сами американцы позаботились о том, чтобы бросить их в море.

Челла и Леоне были застигнуты тревогой, поднявшейся на военно-морской базе, когда находились еще на большом расстоянии от объектов атаки. Несмотря на погоню катеров, им удалось избежать опасности, для чего приходилось погружаться на продолжительное время. Когда же, наконец, Челла, совершенно выбившись из сил, решил отказаться от первоначального намерения всплыть на поверхность и возвратиться на "Ольтерру", он вдруг заметил, что Леоне исчез.

На рассвете из шести храбрецов, вышедших накануне вечером с "Ольтерры", вернулся один Челла; Визинтини, Магро, Леоне погибли, Маниско и Варини попали в плен. Из официального английского источника мы узнали следующее: "В 2 часа 15 мин. 8 декабря три итальянские управляемые торпеды, каждая с экипажем два человека, сделали попытку проникнуть в Гибралтарский порт. Одна из них была обнаружена часовым, освещена, атакована и потоплена артиллерийским огнем и глубинными бомбами. Экипаж подобрало торговое судно, стоявшее на якоре недалеко от мола. Как явствует из ответов во время допроса, они были доставлены из Италии подводной лодкой "Амбра". Второй экипаж проник в порт, но был уничтожен глубинными бомбами; предполагается, что третий экипаж погиб, не достигнув порта".

Через несколько дней тела Визинтини и Магро всплыли на поверхность в Гибралтарском порту. Они были похоронены в море с воинскими почестями. Английские морские офицеры из службы подводного надзора Гибралтара Крэбб и Бэйли возложили венок. Они выполнили задание по осмотру подводной части судов после атаки, прекрасно

зная, что каждую минуту могут погибнуть от взрыва заряда торпеды, опасного на расстоянии в полмили. "Благородный поступок этих двух офицеров так и остался непонятным для многих в крепости"*.

Ныне мать Визинтини, отдавшая родине обоих своих сыновей - один был летчиком, а другой моряком, - с печальной гордостью носит на груди память о них - две золотые медали "За храбрость". А вдова Личо - Мария лишилась и своего последнего утешения: маленькая дочь Валерия, родившаяся несколько месяцев спустя после гибели Визинтини, умерла.

Глава XVI

"АМБРА" В АЛЖИРЕ. ТУНИССКАЯ КАМПАНИЯ

Операция "Амбры" в Алжире. Атаки наших управляемых торпед и пловцов. Потери противника. Англичане в Палермо. "Чефало" - подвижная база штурмовых катеров. Пантеллерия и Бизерта. Попытка нападения на Бон. Смерть Тодаро. В Бизерту прибыла "колонна Джоббе". Отступление из Туниса.

11 ноября 1942 года англо-американские войска высадились во французской Северной Африке, 10-й флотилии было приказано принять посильное участие в действиях, имеющих цель помешать снабжению этой новой сильной армии, которой наши части, быстро доставленные в Тунис, готовились дать отпор.

По данным авиаразведки, в алжирском порту и на рейде под разгрузкой стояло много судов. Было решено осуществить комбинированную операцию с одновременным участием управляемых торпед и штурмовых пловцов. Экипажи торпед должны были проникнуть в порт, а пловцы - атаковать корабли на рейде.

Доставка штурмовых средств к месту операции была поручена подводной лодке "Амбра" под командованием капитана 3-го ранга Арилло.

Планом операции предусматривалось, что подводная лодка, проникнув на рейд, выпустит пловцов и экипажи торпед, не поднимаясь на поверхность; затем она будет ожидать их возвращения после атаки до 2 час., чтобы взять их на борт и лечь на обратный курс. Пловцы имели указания в первую очередь атаковать суда, стоящие на внешнем рейде.

Для выполнения задания отобрали группу молодых добровольцев - это были их первые боевые действия.

По мере продолжения войны и дальнейшего расширения деятельности 10-й флотилии проблема личного состава становилась все сложнее и сложнее. Для подготовки водителя управляемой торпеды требовался год учебы. Причем только немногие в процессе подготовки проявляли физические и моральные качества, необходимые для того, чтобы стать квалифицированным специалистом. Поэтому отбор был очень строг, а отсев очень велик. Каждая операция "поглощала" шесть пилотов, как правило, они попадали в плен; необходимо было всегда иметь запасных, чтобы не упустить случая, который мог представиться в любой момент.

В Серкио работа шла полным ходом. Водителей, подготовленных во время войны (жаль, что не раньше, как это полагалось бы делать), едва хватало для того, чтобы удовлетворить текущие потребности.

Для операции в Алжире, имея в виду, что объектами нападения будут торговые суда, а не военные корабли, впервые были применены зарядные отделения, состоящие из двух частей. Вместо обычного зарядного отделения торпеды, содержащего 300 кг взрывчатого вещества, необходимого для поражения боевого корабля, торпеда имела зарядное отделение, разделенное на две равные части, по 150 кг взрывчатки в каждой. Этого было вполне достаточно, чтобы потопить торговое судно. В результате количество объектов, которые могла поразить торпеда, удвоилось.

Приспособление оружия к требованиям и условиям его применения было одним из характерных методов работы 10-й флотилии. Обычный принцип: "Имея оружие, найти ему применение", - мы заменили другим: "Учитывая конкретную и тактическую обстановку, отыскать оружие и способ его применения, чтобы добиться наибольшего успеха". Это очень полезное правило, требующее умения думать, которого, может быть, из-за привычки к

дисциплине не придерживаются в некоторых высших военных сферах.

4 декабря "Амбра" покинула Специю, приняв на борт следующих участников операции

Экипажи управляемых торпед: капитан-лейтенант Джордже Бадесси (командир группы) со старшиной-водолазом Карло Пезель; старший лейтенант морской инженерной службы Гуидо Арена со старшиной-водолазом Фердинандо Кокки; гардемарин Джордже Редджоли со старшиной-водолазом Коломбо Памолли. Резерв: старший лейтенант Аугусто Якобаччи и старшина Батталья.

Штурмовые пловцы: лейтенант службы морского вооружения Агостино Морелло (командир группы); старшина санитарной службы Оресто Ботти; сержанты Луиджи Рольфини, Альберто Эвангелисти и Гаспаре Гильоне; старшина-водолаз Джузеппе Ферольди; старшина-комендор Эвидео Босколо; кочегар Родольфо Лучано; водолаз Джованни Луккетти и пехотинец Лучано Лучани - всего 10 человек.

Плавание подводной лодки "Амбра" проходило благополучно. 8 декабря штормовая погода плохо действовала на пловцов и особенно на тех, кто прибыл из сухопутных войск. Несмотря на то что они отлично плавали в бассейне, к морю они еще не привыкли. Но если их физическое состояние было немного ослаблено, то моральный дух высок.

Весь день 11 декабря "Амбра", приближаясь к Алжиру, шла в подводном положении, принимая необходимые меры, чтобы не быть обнаруженной, прижимаясь почти к самому дну, чтобы пройти под заграждениями, которые, по нашим сведениям, закрывали вход в бухту. Вечером, проникнув на рейд, подводная лодка легла на дно. С 18-метровой глубины через люк был выслан на поверхность Якобаччи, конечно, снабженный кислородным прибором.

Поднявшись на поверхность, он, выполняя функции наблюдателя, следил за обстановкой и докладывал о ней командиру подводной лодки по телефону. Когда выяснилось, что до порта еще довольно далеко, подводная лодка, все так же двигаясь у самого дна, зашла в глубь рейда, наблюдатель сверху управлял ее ходом. Он сообщил, что в 400 м от подводной лодки находится миноносец. Наконец, в 21 час 45 мин. Якобаччи доложил, что лодка находится в середине группы из 6 судов, ближние три из них достаточно крупные.

"Амбра" остановилась примерно в 2000 м от южных ворот порта. В 22 часа 30 мин. пловцы, потеряв некоторое время на одевание, начали выход через люк лодки. В 23 часа 00 мин. все пловцы покинули лодку. Настала очередь экипажей управляемых торпед. В 23 часа 20 мин. весь личный состав штурмовой группы был на поверхности. Наблюдатель объяснил пловцам обстановку; выполнив задание, он возвратился на лодку. Ожидая возвращения участников штурма, в лодке слышали многочисленные взрывы глубинных бомб, среди них некоторые очень большой силы. В 2 часа 30 мин. Якобаччи снова, произведя разведку на поверхности, вернулся на борт и сообщил, что слышал голоса пловцов, разыскивающих его, но ему не удалось их обнаружить. Голоса доносились также и с борта недалеко стоящего корабля, с которого вслед пловцам раздалось несколько пулеметных очередей.

Время, предусмотренное для возвращения водителей торпед и пловцов, давно истекло, "Амбра" не могла больше ждать. Да к тому же непрерывные взрывы глубинных бомб убеждали Арилло, что на базе противника поднята тревога. В 3 часа "Амбра" начала маневрировать, чтобы выйти с рейда. Вдруг лодка наткнулась на корпус затонувшего корабля, послышался страшный скрежет, но все обошлось благополучно, и она продолжила свой путь. 15 декабря "Амбра" вернулась в Специю, удачно завершив поход.

Бадесси, командир группы управляемых торпед, всплыв на поверхность, убедился, что (учитывая запаздывание с выходом) добраться до порта невозможно. Он указал своим товарищам суда на рейде, которые следовало атаковать (по два на каждый экипаж). Сам он подошел к намеченной цели, но неисправность торпеды, возможно поврежденной во время шторма, свела на нет все пять попыток атаковать судно. В конце концов он был вынужден отказаться от атаки. Бадесси попытался вернуться на борт лодки, но ему не удалось отыскать наблюдателя и он направился к берегу, взяв на буксир двух встретившихся ему по пути

пловцов. Уничтожив торпеду и выйдя на берег, он вместе с водолазом Пезель был вскоре задержан французскими солдатами.

Гуидо Арена покинул подводную лодку в очень плохом состоянии: головная боль, тошнота, почти полный упадок сил. Несмотря на это, он все-таки решил участвовать в операции и, надеясь на опытность своего товарища Кокки, направился к цели, указанной ему Бадесси. "Через несколько минут, когда мы плыли в надводном положении, я наткнулся на человеческое тело и держал его несколько секунд, полагая, что это кто-нибудь из наших пловцов, которому стало плохо. Но ощутив, что на нем была обычная одежда, а не резиновый костюм, я выпустил его из рук. По всей вероятности, это был труп одной из жертв налетов наших самолетов-торпедоносцев, о которых мы узнали в плавании дня два тому назад"*.

Около часа ночи Арена, так же как и Бадесси, отметил: "Орудийный выстрел, два сигнала сирены, через несколько минут один за другим два взрыва, шум моторов. По этим признакам можно догадаться, что нас обнаружили и в порту объявлена тревога". Он продолжал свой путь и, подойдя к ближайшему из двух указанных ему судов, прикрепил с помощью водолаза к корпусу судна оба имеющихся у него заряда.

На обратном пути он напрасно пытался разыскать подводную лодку и в конце концов решил направиться к берегу. В 4 часа он вышел на берег вместе с пловцами Лучани и Гильоне. В 6 час. они были задержаны шотландскими стрелками воинской части, расположенной в окрестностях порта.

Как же действовал экипаж третьей управляемой торпеды? Получив от Бадесси приказ атаковать суда на рейде, Редджоли пересек указанный ему сектор, чтобы выбрать наиболее важную цель. Он решил атаковать танкер грузоподъемностью 9000-10 000 т. У танкера не оказалось боковых килей (случай довольно редкий). Заряд был прикреплен к оси винта. Сразу же после этого, используя второй заряд, Редджоли прикрепил его с помощью водолаза Памолли к середине корпуса теплохода водоизмещением около 10 000 т. На обратном пути экипаж торпеды был освещен прожектором и обстрелян из пулемета, к счастью без последствий. Редджоли и Памолли также не нашли подводной лодки и в 4 часа 30 мин. подплыли к берегу. "Взрывы начались в 5 час. и продолжались до 7 час. С того места, где мы находились, ничего не было видно из-за темноты и небольшого тумана. В тот же день с борта вспомогательного крейсера "Мейдстаун", куда нас доставили, мы увидели недалеко от входа в порт, на том месте, где нами был атакован танкер, плавающие обломки, а по дороге из Алжира в лагерь № 203 мы заметили атакованный нами теплоход (под флагом США) с поврежденной кормой, сидящей на мели"*.

Вот что рассказывает о действиях пловцов командир группы Морелло: "Собрав своих людей, я распределил цели. Перед операцией я получил от командира Боргезе приказ назначить по крайней мере двух пловцов на каждое судно грузоподъемностью более 10 000 т. Я приказал Гильоне и Лучани атаковать первое судно, находившееся на левой оконечности полукруга, образованного стоявшими на рейде судами; Рольфини и Эвангелисти - атаковать второе; Лучано и Луккетти - третье, а Босколо и Ферольди - четвертое. Увидев, что судно, которое я собирался атаковать, очень большое, я приказал Ферольди следовать за мной.

Я приказал Ботти прикрепить заряд к правому борту судна, Ферольди - к корме, сам же я выбрал левый борт. Приблизившись к цели, я слышал голоса на борту, видел человека, курившего облокотясь на поручни... Вдруг на судне вспыхнул небольшой прожектор и осветил меня. У меня на голове была сетка, я повернулся затылком к лучу света и остался на поверхности, полагая, что вряд ли можно догадаться о том, что под кажущейся кучкой водорослей скрывается голова пловца. Когда я прикрепил заряды, было 0 час. 30 мин."**.

Не найдя наблюдателя с подводной лодки, Морелло направился к берегу. В 4 часа 00 мин. он вышел на берег.

Ботти и Ферольди прикрепили заряды к корпусу судна в соответствии с полученным приказанием от Морелло.

Луккетти, обнаруженный в море, был схвачен и доставлен на судно, минированное

Морелло. Очевидно, это и вызвало тревогу, отмеченную многими пловцами. Рольфини и Эвангелисти атаковали указанный им объект. Босколо атаковал судно, указанное Рольфини и Эвангелисти, так как из-за течения он не смог добраться до своего. Гильоне, Лучани и Лучано, выбившись из сил, не смогли выполнить задания и, не использовав своих зарядов, попросили Бадесси и Арена, идущих на управляемой торпеде, взять их на буксир.

Английское адмиралтейство сообщало:

"В 0 час. 30 мин. 12 декабря многочисленные штурмовые средства атаковали торговые корабли в Алжирском заливе и прикрепили к некоторым из них мины и заряды взрывчатых веществ. Пароход "Оушн Вэнквишер" (7174 т) и пароход "Берта" (1493 т) были потоплены, "Импайр Центавр" (7041 т) и "Арметтан" (7587 т) - повреждены. В плен взято 16 итальянцев".

По нашим данным, Редджоли и Арена потопили каждый по пароходу: еще один был поврежден вторым зарядом Редджоли; судно, минированное Морелло, Ферольди и Ботти, предположительно считалось потопленным и, наконец, судно, атакованное Эвангелисти, Рольфини и Босколо, было или потоплено, или повреждено.

Несмотря на то что эта операция имела успех, он был слишком мал. При одновременном использовании 16 человек можно было ожидать большего. Но во всяком случае, по сообщениям англичан, еще 20 295 т вражеского торгового флота было выведено из строя.

За эту операцию командиру подводной лодки "Амбра" Арилло, который уже однажды провел точно такую же операцию в Александрии, была вручена золотая медаль "За храбрость", а члены штурмовой группы были по возвращении из плена награждены серебряными медалями.

В официальных списках военных потерь, опубликованных английским адмиралтейством, можно было заметить следующее:

2 января 1943 г. Палермо. Шариотс XV-XVI-XIX- XXII-XXIII-1,2 т.

8 января 1943 г. Ла Маддалена. Шариотс X-XVIII-1,2 т.

19 января 1943 г. Триполи. Шариотс XII-XIII-1,2 т.

Эти "шариотс" были не чем иным, как управляемыми торпедами, перечисленными с британской точностью с указанием их водоизмещения.

О действиях в Ла Маддалене и в Триполи ничего не известно: остается предположить, что 4 английские управляемые торпеды по неизвестным причинам исчезли в море вместе с их экипажами, не достигнув места назначения.

3 января 1943 года я в соответствии с телеграфным распоряжением министерства прибыл в Палермо для участия в расследовании обстоятельств нападения на порт, совершенного в предыдущую ночь штурмовыми средствами.

Из 5 управляемых торпед, принимавших участие в операции, 2 погибли в море, еще не добравшись до порта. Три достигли порта и преодолели сетевые заграждения. Экипажи двух торпед прикрепили свои заряды к корпусу строящегося корабля легкого крейсера "Ульпио Трайано" водоизмещением 3300 т. Взрыв большой силы разрушил легкий металлический корпус корабля, однако он продолжал возвышаться над водой, так как глубина в этом месте небольшая. Экипаж третьей торпеды прикрепил заряд под винтами торгового судна "Виминал". Взрыв, однако, причинил незначительное повреждение судну. Через несколько дней "Виминал" уже могло покинуть порт и отправиться на ремонт в другое место.

Водители английских торпед прикрепили к корпусам нескольких мелких судов небольшие заряды, но вследствие неисправности взрывателей они не взорвались и были извлечены нашими водолазами.

Все англичане (6 человек), проникшие в порт, были взяты в плен через несколько часов после выхода на сушу. Три торпеды, не имевшие механизма самоуничтожения, были выловлены и тщательно осмотрены. Оказалось, что они являются подражанием нашим первым "Майали", без каких бы то ни было усовершенствований. Снаряжение их водителей имело много очень серьезных технических недостатков: в частности, резиновый комбинезон,

который в отличие от нашего полностью закрывал голову, сделан был очень неудачно, и возможно, это и было основной причиной высокой смертности среди английских водителей. Допросу шести пленных я посвятил несколько дней. Несмотря на то что пленные были очень неразговорчивы и никто из них не собирался выдавать тайну, мне все же удалось после долгих бесед с ними получить кое-какие полезные сведения.

Оказалось, что англичане после наших первых бесплодных попыток атаковать Гибралтар достали со дна обломки одной из наших управляемых торпед (может быть, торпеду Биринделли) и построили точно такую же.

Обучение личного состава проводилось на корабле, находившемся обычно в Шотландии.

Военнопленные были очень удивлены совершенно неожиданной технической компетентностью офицера, ведущего допрос. Один из английских офицеров даже спросил меня: "Откуда вы так хорошо знаете устройство этих средств и особенности их использования?" Я ответил ему, что командовал подводной лодкой, которая доставила экипажи итальянских управляемых торпед в Гибралтар и в Александрию. Англичанин встал и попросил оказать ему честь, т.е. разрешить пожать мне руку. Потом он мне рассказал, что в актовом зале их школы на стене висит репродукция снимка, взятого из итальянской иллюстрированной газеты, изображающего наших водителей, к которым они питают большое уважение, считая их своими учителями. Один из этих англичан, простой добродушный с виду водолаз, питающий главным образом чисто спортивный интерес к подводному делу, настойчиво просил меня зачислить его в состав наших штурмовых средств и, как мне показалось, был очень огорчен отказом.

Англичане были тщательно подготовлены к тому, чтобы суметь скрыться, выйдя на сушу; каждая часть их одежды имела какой-нибудь секрет: пуговицами служили крошечные компасы; в складках брюк были спрятаны пилочки, чтобы распилить решетку тюрьмы, если случится туда попасть; в подкладках курток были зашиты географические карты, отпечатанные на шелке, с указанным на них маршрутом в Швейцарию; в карманах были итальянские деньги, сигареты и спички, сделанные на наших фабриках. Попытки английских штурмовых средств атаковать наши корабли были своеобразным проявлением духа спортивного соревнования, составляющего одну из самых приятных черт характера англичан.

С целью воспрепятствовать снабжению гарнизона Мальты и, в частности, для охоты за быстроходным крейсером "Вэлсмен", которому несколько раз удавалось безнаказанно доставлять на остров необходимые материалы, была организована база наших катеров на Пантеллерии. 21 октября 1942 года "Чефало" вышло из Специи, имея на борту три торпедных катера. Оно доставили их на Пантеллерию, а само стало выполнять роль плавучей базы. Отсюда по распоряжению высшего морского командования катера выходили ночью на перехват в Тунисский пролив. В группу водителей катеров, которой командовал Тодаро, только что вернувшийся с Черного моря, входили: офицеры де Куал, Унгарелли, Гаритта, Скардамалья и Минати; рулевые гардемарины: Манотти, Фракассини и Патане; унтер-офицеры: Тонисси, Барабино, Торриани, Вирджилио, Патрици, Пакурелло и Гуерчо. Отряд пополнили другими катерами, которые были доставлены на Сицилию, а затем своим ходом или на моторных баржах прибыли на Пантеллерию.

После высадки англо-американских войск во французской Северной Африке (11 ноября) и создания нового тунисского фронта "Чефало", погрузив в Трапани новые штурмовые средства, отправилось в Бизерту, сопровождая несколько катеров, шедших своим ходом от Сицилии до Туниса.

В Бизерте была создана новая база, находившаяся в подчинении командующего Тунисским военно-морским районом адмирала Бьянкери. Жизнь для нас там из-за постоянных воздушных бомбардировок была сплошным адом (противовоздушная оборона всей Бизерты состояла из одного пулемета "Чефало", а местные зенитные батареи, обслуживаемые французами, или не стреляли совсем, или умышленно открывали огонь с

опозданием).

Проводились многочисленные выходы в море с целью патрулирования берегов, занятых противником. Частые встречи с его торпедными катерами, когда из-за разницы в вооружении нам приходилось отступать, а также почти непрекращающееся волнение на море сильно сдерживали неутомимую агрессивность Тодаро и подчиненных ему людей.

Порт Бон, бывший, по нашим сведениям, центром морских коммуникаций противника, решено было атаковать при помощи пловцов, доставленных на катерах. Так как расстояние не позволяло осуществить эту переброску непосредственно из Бизерты, решили устроить промежуточную базу на острове Ла-Галите, расположенном примерно на середине пути между Бизертой и Боном.

13 декабря "Чефало" с экспедиционной группой пришло к острову Ла-Галите. В тот же вечер в море вышли два торпедных катера. Один из них, управляемый Тодаро и Барабино, вместо торпеды имел на борту трех пловцов (Кочеани, Джари, Мистрони), задачей которых являлось проникнуть в Бон, другой, управляемый Унгарелли, охранял его. Волнение на море сильно мешало выполнению задания. Прибыв к погруженному в темноту побережью, катера двинулись вдоль него, пытаясь найти порт. Напрасно они ожидали воздушной бомбардировки порта, которая должна была, как это планировалось, помочь им ориентироваться. Волнение на море все усиливалось, туман и дождь не давали возможности ориентироваться по предметам на берегу. Группа вынуждена была повернуть назад.

Утром 14 декабря оба катера вернулись на "Чефало". Экипажи бросились на койки, чтобы отдохнуть. В 8 час. 15 мин. самолеты обстреляли "Чефало": одна пуля пробила настил и попала Тодаро в голову - он умер мгновенно. Так погиб на боевом посту Сальваторе Тодаро, командир надводного отряда 10-й флотилии МАС. Отважный офицер, уже награжденный в ходе войны крестом "За военные заслуги", двумя бронзовыми и тремя серебряными медалями "За храбрость", он был посмертно награжден золотой медалью "За храбрость".

"Чефало", получившее в результате пулеметного обстрела многочисленные пробоины (самолеты также сбросили две небольшие бомбы, одна из которых разбила катер Тодаро), начало тонуть и вскоре легло на грунт. Экипаж перебрался на остров Ла-Галите и попытался связаться по радио с базой в Бизерте при помощи местной радиостанции, которую обслуживал француз, но напрасно. Наконец это удалось сделать при помощи рации "Чефало". В тот же вечер из Бизерты пришел торпедный катер с водителями Калози и Буттаццони, после чего Унгарелли отправился доложить о случившемся адмиралу Бьянкери.

Тодаро был похоронен на острове Ла-Галите товарищами по оружию, любившими его как отца и брата; простой деревянный крест стоит на берегу моря там, где он спит вечным сном.

В это же время, а именно 15 декабря, в Бизерту прибыла из Альба Фьорита "колонна Джоббе"*, которая под давлением наступающих английских войск прошла вдоль всего ливийского побережья. После смерти Тодаро капитан-лейтенант Козулич принял командование нашей оперативной базой в Тунисе.

Усилиями подводных пловцов "Чефало" подняли на поверхность, и судно смогло вернуться на базу, а катера под командованием Козулича снова возобновили патрулирование с целью нарушить морские пути сообщения противника, движение по которым обычно осуществлялось по ночам. Однажды во время ночного налета английский самолет упал в море; де Куал и Скардамалья отправились на катере к месту падения. В плен был взят стрелок с самолета, некий Макдоннелл. Были также возобновлены попытки атаковать порт Бон. В них принимали участие штурмовые пловцы Страулино, Кочеани, Пачолла и Джари. В один из выходов, который имел место 6 апреля, сильное волнение на море, поднявшееся в тот момент, когда катера подошли к входу в порт, помешало спуску в воду пловцов и сильно затруднило возвращение катеров на базу. С потерей Туниса (8 мая 1943 года) наша база также была ликвидирована, катера оставили Бизерту последними вечером 9 мая. 4 катера, совершив переход, 10 числа пришли в Кальяри; другие отправились на Сицилию; один,

управляемый Латане, оставшись без бензина, проделал последний отрезок пути под парусом.

Катера, вернувшиеся из Туниса, влились в дивизион Унгарелли, базировавшийся в Аугусте.

Этот дивизион тоже не оставался без дела, все время находясь на подступах к Мальте. В декабре 1942 года была предпринята попытка, используя 6 пловцов, переброшенных на 3 катерах, атаковать корабли в Ла-Валетта. Эта операция не имела успеха из-за задержек во время приближения к порту. Такая же операция, повторенная в апреле 1943 года, была сорвана штормовой погодой на море.

Глава XVII

ФРОНТ СУЖАЕТСЯ, 10-я ФЛОТИЛИЯ АКТИВИЗИРУЕТ СВОИ ДЕЙСТВИЯ. МАЙ СЕНТЯБРЬ 1943 ГОДА

Принимаю командование флотилией. Задачи расширяются. Гибралтар атакован с "Ольтерры". Угроза высадки. Сардиния или Сицилия? 10 июля все сомнения рассеялись. Дивизион катеров на Сицилии защищает остров. В Специи устроена ловушка для вражеских подводных лодок: операция Маталуно. Золотая медаль "За храбрость" на знамени 10-й флотилии. Штурмовые пловцы в испанских портах. Операции Ферраро в Турции. Подводная лодка "Амбра" в Сиракузах. 25 июля. Новые действия "Дивизиона Большой Медведицы". Поездка в Калабрию. Две предстоящие операции. 8 сентября.

Первого мая 1943 года капитан 2-го ранга Форца оставил командование 10-й флотилией МАС в связи с его назначением на один из кораблей; вместо него назначили меня.

Наша флотилия превратилась в крупную боевую часть со специфической организацией и особыми задачами. В то время в ней были сосредоточены все средства для наступательных действий военно-морского флота (исключая подводные лодки, катера-охотники и торпедные катера), так как крупные корабли перед лицом растущего превосходства противника на море и в воздухе были заняты выполнением задач чисто оборонительного характера.

Военное счастье изменило нам на всех фронтах. После того как в России, стране с огромными просторами и суровым климатом, была сломлена наступательная мощь немецкой военной машины, основная масса американской продукции и вооружения обрушилась на Италию с моря и с воздуха. Когда Италия потеряла Абиссинию и владения в Северной Африке, а господство на Средиземном море и в воздухе окончательно перешло к противнику, мы стали осажденной страной, со всех сторон окруженной врагом, который с неба сеял на наши города разрушение и смерть. Наш военно-морской флот, действовавший в начале войны с базы в Таранто, под нажимом авиации противника перемещался к северу и к этому времени дислоцировался частично в Специи, а частично в Генуе. Эта дислокация носила характер вынужденной "консервации", так как нехватка нефти и отсутствие самолетов, которые могли бы прикрывать корабли с воздуха, препятствовали участию флота в военных действиях.

На долю 10-й флотилии выпала задача - развернуть активные боевые действия, подсказанные сложившейся обстановкой, а именно действия небольших по размерам кораблей, постройка которых отнимала очень мало времени, а расход горючего был ничтожно мал. Успех таких кораблей определялся не их боевой мощью, а изобретательностью, смелостью, инициативой и непреклонной волей личного состава.

В то время как наши вооруженные силы были вынуждены отступать на всех фронтах, распадаясь под сокрушительными ударами внешних врагов и благодаря коварным действиям тех, чья заговорщическая деятельность подрывала мощь страны изнутри, 10-я флотилия МАС с неиссякаемой и все растущей энергией увеличивала свою активность и распространяла свои действия на все более отдаленные районы, упорно отыскивая врага и нападая на него повсюду, где только представлялся удобный случай.

В период с мая по сентябрь 1943 года атаки, проведенные добровольцами 10-й флотилии, следовали одна за другой во всех частях Средиземного моря.

После славной, но неудачной операции группы Визинтини в декабре 1942 года

организационная сторона дела с честью выдержала трудное испытание, у противника не возникло никаких подозрений, когда с "Ольтерры" бесследно исчезли Визинтини, Магро, Леоне, Маниско и Варини, погибшие или захваченные в плен.

Работа на судне продолжалась. "Дивизион Большой Медведицы" был восстановлен. Капитан 3-го ранга Эрнесто Нотари являлся командиром группы. На "Ольтерру" прибыли: сержант водолаз Арно Лаццари, старший лейтенант Камилло Тадини с водолазом Сальваторе Маттера и старший лейтенант службы морского вооружения Витторио Челла (единственный человек, вернувшийся из операции 8 декабря) с водолазом Эузебио Монталенти. Нотари, старый морской волк, был моим учеником, когда еще в 1933 году на спасательном судне "Титан" я руководил водолазными курсами и курсами глубоководного спуска. Ему в то время удалось достигнуть в стальном скафандре глубины 150 м, побить тем самым тогдашний мировой рекорд. Он добровольно поступил в нашу школу в Серкио и проходил там курс обучения на отделении водителей управляемых торпед.

Серьезный, молчаливый, исключительно крепкого "водолазного" телосложения, он принадлежал к числу "молодых", призванных заменить своих отважных предшественников, хотя уже и вышел из того возраста, который считался лучшим для нашей службы.

Вслед за водителями прибыли управляемые торпеды. Они были доставлены на "Ольтерру" точно таким же способом, как и раньше: снова на судно прибывали котельные трубы, моторы, части машин. Все это, как и прежде, подвергалось тщательному контролю со стороны испанских таможенных служащих, но никто из них не догадывался об истинном назначении этих материалов.

Мастерская на борту снова возобновила свою работу: в короткое время были собраны три управляемые торпеды, резервные находились еще в процессе сборки.

Опыт операции 8 декабря убедил нас в необходимости оставить мысль о проникновении в Гибралтарский порт: слишком сильна была его охрана.

Мы решили перенести наши атаки на суда, которые во все возрастающем количестве бросали якоря на рейде. Они являлись более доступными целями, так как находились ближе к нам и охранялись не так тщательно (хотя противник и начал работы по устройству подводного сетевого заграждения вокруг зоны, предназначенной для стоянки конвоев). Уничтожение этих кораблей было чрезвычайно важным делом, так как в то время основная задача состояла в том, чтобы нарушить, насколько возможно, снабжение частей противника, сражавшихся с остатками нашей армии в Тунисе и теперь, вероятно, готовившихся к высадке на один из наших больших островов Сицилию или Сардинию.

В ночь на 8 мая 1943 года, воспользовавшись темнотой и штормовой погодой, мешавшей противнику пользоваться гидрофонами и вести визуальное наблюдение, Нотари, Тадини и Челла со своими водолазами вышли на торпедах в море через отверстие в борту "Ольтерры".

Управляемые торпеды, так же как и в алжирской операции, были снабжены зарядными отделениями, разделенными на две части, поэтому каждый экипаж должен был атаковать два корабля. Объекты нападения была выбраны Нотари среди судов, наиболее удаленных от Альхесираса и, следовательно, расположенных ближе к Гибралтару. Это, правда, увеличивало продолжительность плавания, однако должно было ввести противника в заблуждение относительно появления в бухте управляемых торпед и отмести всякие подозрения от "Ольтерры".

В ходе этой операции водители торпед встретили большие трудности, связанные как с чрезвычайно активными действиями сторожевых катеров, во всех направлениях прочесывавших рейд, так и с сильными течениями, вызванными штормом. Им по многу раз приходилось повторять свои атаки (в частности, Тадини - 6 раз) и прибегать к различным уловкам, чтобы удержаться под корпусом судна в течение времени, необходимого для прикрепления заряда, борясь с течением, стремившимся увлечь их прочь от объекта. Таким образом, в результате нечеловеческих усилий трем экипажам, избежав подстерегающей их каждую минуту опасности, удалось минировать по одному кораблю. Затем со своими

торпедами они вернулись на "Ольтерру", проникнув через потайное отверстие, и снова приняли вид моряков торгового флота. С праздным и рассеянным видом они вышли на палубу, однако каждый уголком глаза внимательно следил за минированным им кораблем, уже различимым в свете начинающегося утра, ожидая дальнейших событий. Сколько раз они посмотрели на часы за эти несколько минут? И вот, с обычной точностью наших взрывателей с часовым механизмом один за другим раздались три взрыва, подбросивших три груженых корабля в воздух: "Пэт Харрисон" (7000 т) и "Махсуд" (7500 т) легли на грунт, не затонув полностью лишь из-за малой глубины; а "Камерата" (4875 т) исчез под водой.

Визинтини был отомщен: "Дивизион Большой Медведицы", созданию которого он так много отдал, добился своего первого успеха.

Ночью наши агенты разбросали по северному берегу бухты резиновые костюмы. Как мы и предполагали, они на следующее же утро были обнаружены испанцами и ввели англичан в заблуждение. "У нас не было никаких доказательств, - писал Голдсуорси, - что "Ольтерра" была замешана в эту историю. Из резиденции английского морского командования в Гибралтаре можно было невооруженным глазом видеть надстройки "Ольтерры", возвышающиеся над внешним молом Альхесираса. Возможность, что "Ольтерра" в какой-то степени связана с атаками управляемых торпед, была допустима, однако никогда не было заметно ничего такого, что могло бы пролить свет на ее истинную роль".

Это было результатом технического совершенства, принятых мер предосторожности, непрерывного самоконтроля и постоянной маскировки. Почти год 10-я флотилия с "Ольтерры" угрожала Гибралтару, и вот, наконец, были достигнуты первые результаты. Несмотря на все старания англичан, им так и не удалось установить подлинную причину гибели судов. Их состояние можно было сравнить с состоянием человека, который, запершись в собственном доме и забаррикадировавшись в своей комнате, по ночам просыпается от выстрелов, раздающихся неизвестно откуда и наносящих ему каждый раз новые, правда, пока не опасные раны. Эти выстрелы сводят его с ума от ярости, потому что он не может обнаружить, где спрятался его противник, и от ужаса, что рано или поздно этот таинственный и неуловимый враг нанесет ему опасную рану, поразив какой-либо жизненно важный орган (военные корабли).

С отступлением из Туниса (май 1943 года) фронт приблизился к Италии; надо было принимать меры к ее обороне. 10-й флотилии МАС поручили организовать подвижную оборону побережья Сицилии и Сарцинии. В то время никто толком не знал, на какой из этих островов хлынет волна завоевателей.

Наши подводные средства дислоцировались в соответствии с новой обстановкой. На Сицилии усилили дивизион Унгарелли, уже много времени находившийся в Аугусте.

На Сардинии создали три оперативные базы: одна группа катеров находилась в Карлофорте, а другая - в Боза Марина с задачей атаковать десантные суда противника в случае их приближения. Ленци командовал отрядом катеров в целом, де Куал и Массарини были назначены командирами групп. На обратном пути после доставки катеров на Сардинию судно "Сольола" было потоплено артиллерийским огнем подводной лодки противника; оно было заменено "Пегасом".

Третья база специального назначения была создана в порту Кальяри; ее подготовка проводилась особенно тщательно.

Группа пловцов под командованием лейтенанта Фаравелли получила задание - втайне от местных гражданских и военных властей устроить своего рода пещеру в гряде, составляющей западный мол порта. Здесь был организован склад продовольствия, снаряжения, взрывчатых веществ; их количества было достаточно для многочисленных диверсий. План был таков: если противник высадится в Кальяри, наша группа, воспользовавшись заранее подготовленным убежищем, "исчезнет с лица земли". В то время как горстка пловцов, укрывшись в пещере, устроенной в молу, будет время от времени совершать нападения на корабли противника при помощи "Миньятте" и "Баулетти", другая

группа должна будет выбрать наиболее благоприятный момент (скопление большого количества судов в порту и ценных грузов), чтобы взорвать нефтехранилища и вызвать пожар в порту. Подготовка этой операции, которая требовала много времени и напряженной работы, была поручена командиру группы пловцов 10-й флотилии по фамилии Волк - офицеру, обладавшему исключительными организаторскими способностями и пользующемуся непререкаемым авторитетом у подчиненных.

10 июля все сомнения относительно места высадки исчезли: враг высадился на Сицилии.

База в Кальяри была расформирована, тогда как базы катеров под командованием де Куала и Массарини остались на местах, так как существовало мнение, что следующим объектом нападения противника будет Сардиния.

На Сицилии дивизион Унгарелли находился в процессе реорганизации, так как в него влились катера, вернувшиеся из Туниса (сам Унгарелли прибыл в Аугусту 9 июля из Специи с автоколонной, доставившей торпеды и запасные части, необходимые, чтобы снова пустить в ход штурмовые средства, участвовавшие в предыдущих боевых действиях) . В результате спешной эвакуации Аугусты, подвергшейся нападению с суши, дивизион был вынужден отойти и перебазироваться на остров Белла у Маццаро близ Таормины.

С этой новой базы катера много раз ходили к Сиракузам, Аугусте, Катании, по мере того как эти порты попадали в руки англичан, нападая на вражеские конвои. Командование 10-й флотилии прислало подкрепление: новые штурмовые средства и личный состав; с Сардинии прибыл Ленци, принявший командование всей группой катеров на Сицилии.

Часто происходили столкновения с кораблями противника. Однажды утром два английских крейсера и четыре миноносца подошли к берегу на расстояние 2000 м и начали артиллерийский обстрел виадука Сан-Августина на дороге Таормина - Мессина. Внезапного появления нашего катера (Ленци - Барабино) было достаточно, чтобы заставить корабли противника отойти, прикрывшись дымовой завесой*.

В это же время выполнялись задания по заброске в тыл противника диверсионных групп. В частности, Унгарелли, Ленци и Фракассини высадили группу диверсантов на мысе Сан-Кроче; выполнив задание, она пересекла линию фронта и вернулась на базу. Другая группа, также высаженная нашими катерами, через несколько дней вернулась в Калабрию, переправившись через Мессинский пролив на надувных лодках.

К сожалению, судьба Сицилии не могла зависеть от наших маленьких штурмовых средств и от отваги их рулевых: под давлением наступающего противника катера отошли в Мессину.

Когда противник приблизился к Мессине, катер "MTSM-262" под управлением Ленци и Барабино был последним итальянским кораблем, который покинул Сицилию, направляясь к берегам Калабрии, где сразу же с неиссякаемым упорством была создана новая база штурмовых средств, чтобы организовать сопротивление дальнейшему наступлению противника.

В Специи, как, впрочем, и в других крупных военно-морских базах, была организована внешняя служба воздушного наблюдения; ее несли снабженные звукоулавливателями небольшие суда, расположенные полукругом милях в 20 перед портом. Они имели задачу своевременно сообщать на базу, где стояли наши крейсера, о приближении самолетов противника.

С некоторого времени эти суденышки стали подвергаться нападению подводных лодок противника, которые, всплывая недалеко от них, безо всякого риска для себя расстреливали их из орудий.

Командование военно-морского округа Специи предложило нам отыскать способ защиты этих судов, выполнявших нужное и полезное дело.

Для подводных лодок противника была устроена ловушка. Теперь на буксире у некоторых судов службы воздушного наблюдения находились наши торпедные катера, замаскированные под безобидные шлюпки. В катерах день и ночь дежурили экипажи,

готовые атаковать подводную лодку, как только она появится. Дни за днями проходили в долгом, томительном ожидании; это длилось целыми неделями. Торпедные катера сменялись через 48 час. Наконец, терпение было вознаграждено: с катера, которым командовал лейтенант Маталуно, была обнаружена подводная лодка, внезапно всплывшая поблизости. Не колеблясь ни секунды, Маталуно, сбросив маскировочный тент, отдал буксир, запустил моторы и поднял военно-морской флаг. Затем он вышел в атаку и выпустил торпеду. Однако подводная лодка, вовремя заметив опасность, скрылась под водой. Была объявлена тревога, из Специи прибыли противолодочные суда и начали систематическую охоту за подводной лодкой, но, как это часто бывает, результаты ее остались неизвестными.

Если эта операция и не имела положительных результатов, она заставила противника быть осторожнее. Атаки подводными лодками судов, несущих службу воздушного наблюдения, больше не возобновлялись, и они могли спокойно заниматься своим скромным, но очень важным делом.

10 июня 1943 года, в день военно-морского флота, знамя 10-й флотилии МАС было украшено золотой медалью "За храбрость". В приказе говорилось:

"Прямая наследница славы храбрецов, которые своими действиями во вражеских портах в годы Первой мировой войны удивили весь мир и обеспечили итальянскому военно-морскому флоту абсолютное первенство в этой области, 10-я флотилия МАС показала, что семена, некогда брошенные героями, принесли достойные плоды. В ходе многочисленных беспримерных по своему мужеству операций смельчаки 10-й флотилии, презирая опасность и преодолевая препятствия, воздвигнутые на их пути природой и современной системой охраны и обороны портов, сумели настигнуть врага, укрывшегося в своих самых надежных военно-морских базах, потопив два линейных корабля, два крейсера, один эскадренный миноносец и большое количество торговых судов общим водоизмещением свыше 100 000 т.

Героическая 10-я флотилия МАС верна своему лозунгу: "За короля, за честь знамени!"

Тем временем в портах некоторых нейтральных стран, куда заходили вражеские суда, создавались небольшие группы наших боевых пловцов, которые различными способами (скрываясь от хозяев и вражеских шпионов) действовали по ночам, когда представлялся подходящий случай, прикрепляя заряды взрывчатых веществ к подводной части кораблей противника.

Одна из таких баз была организована на итальянском судне "Гаэта", интернированном в порту "Уэльва". Группа из трех человек под командованием храброго унтер-офицера Вианелло обосновалась на борту под видом членов экипажа. Много неприятностей доставили этой группе английские агенты, осуществлявшие наблюдение за этим портом ввиду его важности; здесь производилась погрузка железной и медной руды из Рио-Тино. Было минировано несколько судов, но результаты этих действий остались неизвестными. Наверняка было известно только то, что каждый корабль, прибывающий в Гибралтар из испанских портов, подвергался самому тщательному осмотру водолазами службы безопасности и что по крайней мере одно минированное судно было ими вовремя избавлено от зарядов.

Проводилась подготовка к организации таких баз в Малаге и Барселоне, в Лиссабоне и Опорто. На их деятельности я не буду останавливаться, так как ее начало совпадает с сентябрьскими событиями.

Но секретная операция старшего лейтенанта Ферраро, одна из самых блестящих, осуществленных во время войны, заслуживает того, чтобы о ней рассказать подробно.

Согласно имевшимся в нашем распоряжении разведывательным данным, в турецких портах Мерсин и Александретта наблюдалось оживленное движение судов противника. Там происходила погрузка хромовой руды, сырья, столь необходимого для военной промышленности. При участии службы секретной информации военно-морского флота была разработана операция с целью нарушить движение судов в этом районе, где до сего времени все было спокойно.

Принимая во внимание гидрографические особенности порта Александретта, открытый

рейд, на котором корабли должны были становиться на якорь в 2-3 км от берега (руда доставлялась к судам на баржах), наиболее подходящим оружием для нападения были признаны "Баулетти", доставляемые к объекту атаки пловцами.

Выполнение этой операции было поручено одному из самых опытных пловцов 10-й флотилии - старшему лейтенанту Луиджи Ферраро. Благодаря стараниям специалистов наш пловец был замаскирован под служащего министерства иностранных дел, направляемого в итальянское вице-консульство, расположенное в Александретте. Необходимо было создать условия, которые позволили бы ему пересечь границы половины европейских государств, не вызвав ни у кого, а особенно у турок, столь ревниво оберегавших свой нейтралитет, никаких подозрений. Затем надо было снабдить этого человека документами, оправдывавшими его пребывание в аппарате итальянского вице-консула в Александретте, который, принимая во внимание его официальное положение, не должен был быть замешан в эту историю.

Чтобы раздобыть необходимые документы: служебный паспорт, рекомендательное письмо к консулу, свидетельство о дипломатической неприкосновенности багажа, не подлежащего таможенным досмотрам, - надо было официально обратиться в министерство иностранных дел. Однако по некоторым соображениям, в первую очередь из-за опасности разглашения тайны, мы решили действовать другим путем. В правительственных учреждениях в то время уже ощущалось чувство неверия и безнадежности, что порождало атмосферу скрытого пораженчества, которое плохо вязалось с нашими планами. Кроме того, министерство иностранных дел, с которым мы и прежде вели подобного рода переговоры, оказывая нам содействие, обращало наше внимание на тот факт, что использование мнимых дипломатов дискредитирует весь дипломатический корпус, и поэтому даже те, которые по закону пользуются дипломатической неприкосновенностью, могут лишиться доверия из-за таких злоупотреблений.

Но из всякого положения можно найти выход: один наш младший офицер был знаком с одной смелой и расторопной машинисткой из министерства иностранных дел. Учитывая высокие патриотические цели предприятия, ему не составило большого труда убедить ее помочь нам. Так мы достали паспорт, бланки и даже печать министерства (которую мы, использовав, тотчас же вернули).

В первых числах июля 1943 года консульский служащий Луиджи Ферраро, элегантный молодой человек с непринужденными манерами, снабженный соответствующими документами, представился итальянскому консулу в Александретте маркизу Иньацию ди Санфеличе (который, не будучи заранее уведомленным, его не ожидал) и вручил письмо за подписью министра иностранных дел. В письме было сказано, что Луиджи Ферраро временно направляется в консульство для выполнения особого задания министерства. Господина консула просили оказывать ему в этом всяческое содействие.

С собой Ферраро привез четыре довольно тяжелых чемодана, не подлежащих таможенным досмотрам, как дипломатический багаж.

Он сразу же сдружился с секретарем консульства Джованни Роккарди, в действительности офицером секретной службы военно-морского флота.

Именно Роккарди, долгое время находившийся в Александретте и хорошо знавший здешнюю обстановку и окружение, сообщил в министерство о возможности проведения действий против вражеских судов в этом районе. Он был вдохновителем этой операции и незаменимым помощником Ферраро в части ее организации и осуществления.

Роккарди писал об обстановке в Александретте:

"Приезд Ферраро если и сделал эту операцию возможной с точки зрения технической, то нисколько не упростил организационной стороны дела, ибо теперь речь шла о том, чтобы без особого шума ввести в наше общество (чрезвычайно падкое до всякого рода сплетен) новое лицо. Действовать приходилось в небольшом пограничном городке, где с живейшим интересом следили за интригами, которые плели шесть консульств: американское, английское, французское, греческое, немецкое и итальянское. Александретта насчитывала 12 000 жителей, главным образом арабов. Население города не питало к нам особой вражды и,

может быть, даже было нашим потенциальным союзником. Однако оно было покорно туркам и испытывало сильное влияние вражеской пропаганды, находившей благоприятную почву среди греков и евреев, относившихся к нам чрезвычайно враждебно и в большей своей части являвшихся добровольными английскими шпионами. Англичане благодаря их участию в постройке порта, осуществлявшейся английскими специалистами и на английские средства, и в строительстве дороги Александретта - Адана практически держали в своих руках все местные органы власти. Американское же влияние в ту пору еще только начинало давать о себе знать.

К этому следует добавить, что ограничения, действовавшие в Турции во время войны, были особенно строгими в Хатае, районе, население которого подозревалось в антитурецких настроениях, а отсюда - проверки документов под всевозможными предлогами, запрещение охоты и рыбной ловли для иностранцев и т.п.

Мне удалось все устроить довольно удачно, и наша работа проходила буквально под носом у агентов Интеллидженс сервис, которым было поручено следить за итальянскими подданными и, я думаю, особенно за нами, несмотря на наш самый невинный вид. Моя задача была во многом облегчена общительным и искренним характером Ферраро, отметавшим всякое подозрение о темных заговорщических планах"*.

Через несколько дней после приезда Ферраро в Александретту Роккарди ввел его в светские и дипломатические круги города. Ферраро стал каждое утро бывать на пляже (и все скоро убедились, что он не умеет плавать). Вечера он проводил на террасе кафе, расположенного на пляже, танцевал, пил и беззаботно проводил время, как это и полагалось делать на его месте всякому молодому дипломату. Его любимым занятием были спортивные игры, особенно он пристрастился к игре в шары (воссе). Каждый вечер из ящика, заранее принесенного из консульства, на виду у всех извлекался необходимый для игры инвентарь. С наступлением сумерек игра заканчивалась, а ящик ставился в купальную кабину консула.

Вечером 30 июня, когда любопытство, вызванное прибытием нового лица, утихло, а наблюдение английских агентов, старательных, но не особенно прозорливых, ослабло, Ферраро и Роккарди задержались на пляже дольше обычного. Увлекательная партия в шары заставила их забыть о том, что время уже позднее. Когда они остались одни, Ферраро вошел в купальную кабину и принялся рыться в ящике со спортивным инвентарем. Через некоторое время он вышел одетый в черный резиновый костюм, на ногах ласты, а на лице - маска (респиратор). На поясе у него были подвешены два странных, видимо, тяжелых предмета. На голове прикреплен пучок водорослей. Странно вел себя этот дипломат на пляже!

Человек в черном костюме осторожно приблизился к морю, вошел в воду и тотчас же, без единого звука бесследно исчез во мраке ночи. Проплыв 2300 м, он оказался вблизи греческого судна "Орион" (7000 т), груженного хромом. Вот он выполнил маневр, который много раз повторял на тренировочных занятиях; под лучами прожекторов, на глазах у вахтенных, он потихоньку приблизился к судну, стараясь держаться в тени барж, стоящих у борта, включил кислородный прибор и бесшумно погрузился. Двигаясь под водой вдоль корпуса корабля, он отыскал боковой киль и, отцепив от пояса подрывные заряды, прикрепил их зажимами к килю. Потом он выдернул предохранительную чеку и возвратился на поверхность. Все это проделано за несколько минут. Также осторожно он удалился. В 4 часа утра Ферраро возвратился в консульство.

Через 6 дней "Орион", закончив погрузку, вышло в море, но ему не удалось уйти далеко; в сирийских водах под корпусом тяжело груженного судна произошел взрыв, и оно быстро пошло ко дну. Спасшиеся моряки, которых поместили в госпиталь в Александретте, утверждали, что "Орион" было торпедировано.

Из находящегося неподалеку от Александретты порта Мерсин 8 июля сообщили, что там стоит на якоре судно "Кайтуна" водоизмещением 10 000 т. 9 июля Роккарди и Ферраро отправились в Мерсин, захватив с собою чемодан. В тот же вечер они искупались в море, а на другой день возвратились в Александретту, где никто не заметил их отсутствия. "Кайтуна" вышла в море из порта только 19 июля. Из двух прикрепленных зарядов взорвался

один. Чтобы не утонуть, судно вынуждено было выброситься на мель у берегов Кипра. Здесь англичане обнаружили на корпусе судна адскую машину, которая не сработала. Обнаружили, но слишком поздно! Ферраро успел минировать еще два корабля и скрылся, не оставив никаких следов.

30 июля Ферраро и Роккарди снова в Мерсине: "Я ознакомился с расположением объекта и в 22 часа, надев в помещении консульства почти все снаряжение, а сверху накинув халат, спустился вместе с Роккарди на пляж. Роккарди помог мне нести "Бауллети" и закончить процедуру одевания. В 22 часа 45 мин. я вошел в воду и, покрыв за 2 часа расстояние 4000 м, достиг объекта атаки"*.

В 4 часа Ферраро был уже снова на суше и через несколько часов вернулся в Александретту. Но кораблю "Сисилиен Принс" (5000 т) удалось избежать гибели, так как его отплытие задержали, чтобы произвести осмотр подводной части, как это практиковалось на всех английских кораблях в Турции после обнаружения невзорвавшегося "Баулетти" на "Кайтуне".

Менее счастливым оказалось норвежское судно "Ферн-плант" (7000 т), находившееся на службе у англичан и стоявшее под погрузкой хрома в Александретте. 2 августа Ферраро прикрепил к его корпусу заряд, подобно тому как это было сделано на "Орионе". 4 августа судно покинуло порт, но через несколько часов снова вернулось.

"Легко представить себе наше волнение из-за того, что вот-вот должно было произойти. Смирившись с неизбежным, мы ожидали взрыва, который должен был произойти в полночь. Час взрыва настал, мы не спускаем глаз с цели, но, к нашему удивлению, минуты проходят, и ничего не случается. Успокаиваем себя тем, что только через несколько часов хода судно может развить скорость, необходимую, чтобы раскрутить вертушку предохранительного механизма и поставить взрыватель в боевое положение, и прекращаем наблюдение.

На следующее утро, едва рассвело, мы бросаемся к окну, уверенные, что увидим судно накренившимся и сидящим на мели где-нибудь поблизости. Вместо этого убеждаемся, что оно в полном порядке находится на месте своей якорной стоянки.

Только в 18 час. 5 августа оно вышло в море. В течение нескольких часов мы нет-нет да и поглядывали на море, боясь, что оно снова явится в порт!"

Но "Фернплант" никогда уже не вернулось в Александретту: в результате взрыва оно пошло ко дну.

Через три дня, после того как были использованы все имеющиеся заряды, Ферраро "внезапно ощутил жестокий приступ малярии" и был немедленно отправлен на родину: о его настоящей деятельности не осталось никаких следов. В течение одного месяца Роккарди и Ферраро, работая в тесном сотрудничестве, потопили два груженных хромом судна и повредили третье (общим водоизмещением 24 000 т).

Вскоре после высадки англо-американских войск на Сицилии было организовано нападение на корабли противника в порту Сиракузы.

Операцию осуществляла подводная лодка "Амбра" под командованием капитан-лейтенанта Феррини, так как прежнего ее командира Арилло направили в Данциг на одну из немецких подводных лодок нового типа, которые Германия передала Италии.

В цилиндрах подводной лодки "Амбра" вместо управляемых торпед были размещены три взрывающихся катера MTR, обладавших большей скоростью и автономностью, чем торпеды. Рулевыми катеров были назначены: капитан-лейтенант Гарутти и унтер-офицеры Тонисси, Гуерчо и Дерин.

В ночь на 25 июля после восемнадцатичасового подводного плавания вдоль берегов Сицилии "Амбра" приблизилась к порту Сиракузы на расстояние нескольких миль.

Когда лодка всплыла, чтобы уточнить свое местоположение, она была сразу же обнаружена радиолокаторами ночных самолетов, несущих охрану этого района. Последовала ожесточенная атака глубинными бомбами. Только уйдя на большую глубину, лодке удалось спастись от гибели, но она все же получила серьезные повреждения. Взрывами

деформировало крышки цилиндров, в которых находились катера, что сделало невозможным их извлечение. Подводная лодка была вынуждена отказаться от дальнейших действий. Только благодаря опытности командира и мужеству экипажа она, имея на борту раненых, смогла прийти в Неаполь.

25 июля нам было официально объявлено, что "Его величество король принял отставку главы правительства Бенито Муссолини и назначил вместо него премьер-министром маршала Италии Пьетро Бадольо".

Король приказал: "В этот торжественный час, когда решаются судьбы родины, пусть каждый снова займет свое место в строю". Новый глава правительства Пьетро Бадольо провозглашал: "Война продолжается! Несмотря на полученные тяжелые удары, захваченные провинции, разрушенные города, Италия, хранительница своих тысячелетних традиций, остается верна своему слову".

В ночь с 3 на 4 августа "Дивизион Большой Медведицы" под командованием все того же Нотари и в том же составе, что и в предыдущей операции, снова атаковал суда конвоя на рейде Гибралтара. Спокойное море и сильное течение воды создавали определенные трудности, которые надо было преодолеть. Вот как Голдсуорси, служивший тогда в Гибралтаре, описывает ход этой операции. На этот раз мы проследим за ней глазами противника:

"...Были использованы три управляемые торпеды. Нотари сделал большой крюк, держась у испанских берегов, чтобы избежать лучей прожекторов. Подходя к объекту атаки, американскому судну "Харрисон Грэй Отис" (типа "Либерти") водоизмещением в 7000 т, он наткнулся на новое незнакомое препятствие: колючую проволоку. Погрузившись и пройдя под препятствием, он приблизился к корпусу судна. С ним находился водолаз Джанноли, не имевший достаточного опыта в обращении с управляемыми торпедами. План действий был такой же, как и всегда, - подвесить зарядное отделение торпеды на тонком тросе, соединяющем оба боковых киля, но Джанноли обронил трос, и им пришлось прикрепить заряд непосредственно к килю. Когда эта работа уже подходила к концу, торпеда начала подниматься, угрожая всплыть на поверхность. Нотари слишком резко стравил воздух, и торпеда, потеряв управление, камнем пошла ко дну. Нотари, выбиваясь из сил, старался привести в действие механизм управления торпеды. Глубина достигла 34 м; она в 3 раза превышала нормальную: легкие готовы лопнуть, голова разрывается на части. Вдруг так же внезапно, как торпеда пошла ко дну, она начала быстро подниматься. Нотари уже решил, что он или сломает себе шею о корпус корабля, или в клочья изорвет костюм о колючую проволоку. Но вместо этого он пробкой выскочил из воды на расстоянии одного метра от борта корабля. В полусознательном состоянии, не способный ни действовать, ни думать, он грудью лег на торпеду, прикрыв светящиеся циферблаты приборов, ожидая окриков и выстрелов. Но все было спокойно. Постепенно он окончательно пришел в себя. Джанноли исчез. Мотор торпеды мог работать только на самых больших оборотах. Идти под водой на такой большой скорости было невозможно. Оставалось одно - пройти полным ходом в надводном положении 4 мили, каждую минуту ожидая, что ярко светящийся след привлечет внимание одного из сторожевых катеров.

Его догнала стая дельфинов и, резвясь вокруг него, на всем протяжении пути до Альхесираса прекрасно маскировала его след. Совершив большой обход, чтобы не быть замеченным испанским часовым, он добрался до "Ольтерры".

Между тем Джанноли, сброшенный со своего места, во время внезапного погружения торпеды всплыл с другой стороны корабля и решил, что Нотари утонул...

Он подплыл к корме, снял кислородный прибор и резиновый костюм и в течение двух часов дрожал от холода в своем шерстяном комбинезоне, уцепившись за руль судна. Когда, по его расчетам, другие экипажи уже должны были вернуться на "Ольтерру" и до взрыва заряда, который он сам укрепил под кораблем, оставалось мало времени, он поплыл вдоль борта и позвал на помощь.

Его подняли на борт и сразу же сообщили об этом военно-морскому командованию.

Патрульный катер с дежурным водолазом был немедленно послан к "Харрисон Грэй Отис", чтобы забрать пленного и произвести осмотр судна.

Когда Джанноли был переведен на катер, а старшина-водолаз Белл из отряда службы безопасности только-только собирался спуститься под воду, произошел взрыв, образовав громадную пробоину в машинном отделении. Осколок металла, пробив обшивку корпуса судна, убил матроса, охранявшего Джанноли. Белл, чудом избежавший смерти, через час уже осматривал другие суда. Через несколько минут после взрыва на "Харрисон Грэй Отис" взорвался заряд, укрепленный гардемарином Челла под корпусом норвежского танкера "Торшовди" грузоподъемностью 10 000 т. Разлившуюся нефть течение разнесло по всей бухте. Третий заряд серьезно повредил английское судно "Йэнридж" (6000 т). Все суда затонули*.

Таким образом, 10-я флотилия записала в свой актив еще 23 000 т.

В первых числах августа адмирал де Куртен, министр военно-морского флота в новом правительстве Бадольо, прибыл в Специю и посетил 10-ю флотилию.

Его сопровождали, кроме обычной свиты, адмирал Вариоли Пьяцца, начальник штаба инспекции МАС, горячий сторонник и защитник всех наших начинаний.

Проинспектировав подразделения, адмирал де Куртен обратился к личному составу флотилии с пламенным призывом сражаться до последней капли крови.

В августе противником была завершена оккупация Сицилии и дивизион катеров последним оставил Мессину и отошел к Калабрии. Я решил отправиться в район военных действий, чтобы организовать там базу штурмовых средств, с целью помешать попыткам врага высадиться на континенте. Я выехал из Специи на автомашине повышенной проходимости. Меня сопровождали старший лейтенант Элло Скардамалья и мой верный ординарец Пьетро Кардиа. Мы были единственными, кто направлялся на юг, южнее Неаполя на Калабрийское побережье; нам то и дело попадались остатки итало-немецких войск, оставивших Сицилию и теперь отступавших на север. Но какой контраст! Немцы отходили в полном порядке, сохранив всю военную технику и автомашины, двигаясь стройными колоннами с офицерским составом впереди. Немецкие солдаты были хорошо обмундированы, умыты, выбриты. Все это больше напоминало парад, чем отступление. А итальянские солдаты, одетые в серо-зеленые лохмотья, брели в беспорядке, многие босиком, бледные, небритые, без офицеров, без руководства, без цели.

"Куда ты идешь?" - спросил я у одного моряка, встретившегося мне у Баньяра Калабра. - "В Турин, к моей невесте". - "Откуда?" - "Из Палермо". "Кто тебе разрешил?" Он посмотрел на меня с недоумением.

Так перед моими глазами развертывалась печальная картина разложения армии, и мне стало ясно, почему Сицилия, которая должна была бы представлять для противника непреодолимое препятствие, была нами потеряна немногим более чем за месяц.

Атмосфера поражения и предательства царила повсюду. Однажды вечером мне случилось быть в штабе батальона береговой обороны в районе Агрополя и заночевать там. Во время беседы майор, командир батальона, имени которого я, к сожалению, не запомнил, а следовало бы его назвать, чтобы покрыть вечным позором, громко сказал мне в присутствии своих офицеров: "Я жду не дождусь, когда объявят тревогу по случаю высадки противника: я все предусмотрел, чтобы мой батальон сдался в плен без единого выстрела. Тогда по крайней мере я смогу попасть домой".

Вот как этот "доблестный" офицер рассчитывал выполнить свой долг!

В полевом госпитале в Полисене я отыскал Ленци, которому осколком бомбы пробило легкое как раз в тот момент, когда он, прибыв со своим катером из Сицилии, выходил на берег. Так как существовала постоянная угроза, что противник форсирует Мессинский пролив, я позаботился о том, чтобы Ленци был отправлен в безопасное место на север, как только позволило состояние его здоровья.

Взвесив все обстоятельства и убедившись, что возможность высадки противника в Калабрии исключена, я обратил внимание на Салернский залив, место, вполне подходящее

для высадки десанта, и решил, что в этом районе необходимо устроить базу наших катеров. Она была организована в Амальфи между Салернским и Неаполитанским заливами. Отсюда наши штурмовые катера имели возможность атаковать десантные суда противника. Командиром базы, на которую прибыли катера и личный состав из подразделений, ранее находившихся в Тунисе и на Сицилии, а также свежие пополнения из Специи, был назначен старший лейтенант Лонгобарди.

Командование 10-й флотилии продолжало свою интенсивную деятельность, имеющую целью нанести врагу максимальный урон.

Два торпедных катера, каждый водоизмещением 100 т, построенные на верфях в Монфальконе и предназначенные для флотилии, вскоре должны были вступить в строй. Они имели необходимые приспособления для транспортировки штурмовых средств и предназначались для действия против портов восточной части Средиземного моря, недосягаемых для наших "носителей", базирующихся в Специи, так как Мессинский пролив находился под контролем противника.

Для использования этих торпедных катеров в Венеции под командованием капитана 3-го ранга Баффиго была организована база 10-й флотилии; туда уже была доставлена материальная часть и прибыл личный состав. Начата была подготовка первой операции.

Группы наших боевых пловцов, закончив курс обучения, находились в пути, направляясь в нейтральные порты; некоторые из них уже прибыли на место назначения и готовили с соответствующими мерами предосторожности нападения на суда противника.

После целого года испытаний, проведенных на озере Изео лейтенантом Массано, сверхмалая подводная лодка типа СА была доведена до необходимой степени совершенства и приспособлена для выполнения новых задач. Одновременно с этим в Бордо, где командиром базы наших подводных лодок стал капитан 1-го ранга Энцо Гросси, были практически реализованы возможности (испытанные еще в свое время мною) использования океанской подводной лодки для доставки сверхмалых лодок к базам противника. Подготавливались две операции с использованием этих штурмовых средств: в одном случае, поднявшись по Гудзону, подводные лодки типа СА должны были атаковать корабли в Нью-йоркском порту. При этом психологическое воздействие такой атаки на американцев, которые еще не испытали нападения на свою территорию, по нашим расчетам, должно было намного превзойти нанесенный противнику материальный ущерб (насколько мне известно, это был единственный практически осуществимый план проведения военных действий на территории США). В другом случае предусматривалось нападение на важную военно-морскую базу англичан Фритаун (Сьерра-Леона), где дислоцировалась их Южно-Атлантическая эскадра. Несомненные трудности этих операций, связанные с большими переходами, в значительной степени компенсировались внезапностью нападения; появление штурмовых средств итальянского военно-морского флота, радиус действия которых до сих пор ограничивался Средиземным морем, в столь отдаленных районах явился бы, конечно, неожиданным, и можно было предполагать, что необходимых мер защиты против таких атак не существует.

Подготовка нью-йоркской операции уже значительно продвинулась вперед, она была назначена на декабрь месяц.

Одновременно готовился новый поход в Гибралтар. Три подводные лодки: "Мурена", "Спариде" и "Гронго" водоизмещением примерно по 1000 т, имевшие каждая по 4 цилиндра для транспортировки штурмовых средств, были переданы в распоряжение 10-й флотилии МАС. Оборудование подводной лодки "Мурена" было полностью завершено. Готова была новая управляемая торпеда SSB, по своим тактико-техническим данным превосходящая предшествующие модели. Чтобы дезориентировать охрану базы противника, был разработан план, коренным образом изменяющий порядок осуществления атаки. Все наши прежние атаки проводились по ночам, причем выбирались безлунные ночи, чтобы можно было действовать под покровом темноты.

На сей раз "Мурена" должна была выпустить в Гибралтарском проливе у испанских

берегов 4 взрывающихся катера типа MTR. Держась поблизости у нейтральных берегов, катерам следовало пройти по рейду Альхесираса, проникнуть в северную часть Гибралтарской бухты и там укрыться в камышах, растущих в устьях рек. В 11 час. дня катера должны были выйти из укрытий и атаковать суда противника, стоящие на рейде.

По опыту предыдущих атак мы знали, что во время тревоги на рейде заграждения у северных ворот порта раздвигаются, чтобы пропустить сторожевые катера, миноносцы и буксирные спасательные суда для оказания помощи поврежденным кораблям. Наша управляемая торпеда нового типа, отправившаяся с "Ольтерры" в 8 час. утра и пройдя под водой весь рейд (6 миль - 3 часа), оказалась бы у входа в порт как раз в тот момент, когда заграждения будут раздвинуты. Она должна была в полдень проникнуть в порт и, воспользовавшись суматохой, вызванной событиями на рейде, атаковать самый большой военный корабль, находящийся в порту. Подготовка этой операции уже далеко продвинулась вперед: лейтенант Скардамалья, командир группы катеров MTR, уже имел на руках билет на самолет, который должен был доставить его в Испанию, чтобы с "Ольтерры" изучить обстановку, а старший лейтенант Якобаччи и водолаз Форни уже несколько месяцев тренировались, совершая на управляемой торпеде длительные подводные переходы, подобные тому, который им пришлось бы сделать в Гибралтаре.

Операция намечалась на 2 октября. Вечером 8 сентября в штабе флотилии я включил радиоприемник, чтобы послушать военную сводку; сообщение о заключении перемирия как гром с ясного неба обрушилось на наши планы, на нашу работу, на наши надежды.

Вот так я, командир 10-й флотилии МАС, руководивший действиями ее личного состава, хранитель секретов, касающихся новых видов оружия, несущий ответственность перед королем и перед народом за порученное мне дело и за жизнь подчиненных мне людей, услышал по радио (я случайно мог и не включить приемник) сообщение о том, что страна, за которую мы сражались, вступила в состояние перемирия.

Никто из моих многочисленных начальников не счел нужным, хотя бы в секретном порядке, заранее предупредить меня об этом.

Мне это кажется странным.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК КОРАБЛЕЙ ПРОТИВНИКА, ПОТОПЛЕННЫХ ИЛИ ПОВРЕЖДЕННЫХ 10-Й ФЛОТИЛИЕЙ МАС ЗА ВРЕМЯ С ДЕКАБРЯ 1941 ПО 8 СЕНТЯБРЯ 1943 ГОДА

Название кораблей
или тип судна Водоизмещение, т Место или район и даты

1. Линейный корабль Александрия,
"Куин Элизабет" 32 000 декабрь 1941
2. Линейный корабль Александрия,
"Вэлиент" 32 000 декабрь 1941
3. Крейсер "Йорк" 10 000 Суда, март 1941
4. Эскадренный
миноносец типа
"Джервис" 1 690 Эль Деба, август 1942
5, 6, 7. Три торговых
корабля* 32 000** (общее) Суда, март 1941
8. Танкер* 10 000** Александрия,
декабрь 1941
9. Танкер Гибралтар,
"Денби Дейл" 15 893 сентябрь 1941
10. Теплоход Гибралтар,
"Дарнхэм" 10 900 сентябрь 1941
11. Танкер Гибралтар,
"Фиона Шелл" 2 444 сентябрь 1941
12. Теплоход* 13 000 Черное море, июль 1942

13. Пароход "Мета" 1 578 Гибралтар, июль 1942
14. Пароход "Шума" 1 494 Гибралтар, июль 1942
15. Пароход
"Эмпайр Снайп" 2 497 Гибралтар, июль 1942
16. Пароход
"Барон Дуглас" 3 899 Гибралтар, июль 1942
17. Пароход Гибралтар,
"Рэйвенс Пойнт" 1 887 сентябрь 1942
18. Пароход
"Ойшен Ванквишер" 7 147 Алжир, декабрь 1942
19. Пароход "Берта" 1 493 Алжир, декабрь 1942
20. Пароход
"Эмпайр Центавр" 7 041 Алжир, декабрь 1942
21. Пароход
"Арматан" 4 567 Алжир, декабрь 1942
22. Пароход № 59
(американский) 7 500** Алжир, декабрь 1942
23. Пароход
"Пат Харрисон" 7 000 Гибралтар, май 1943
24. Пароход "Махсуд" 7 500 Гибралтар, май 1943
25. Пароход
"Камерата" 4 875 Гибралтар, май 1943
26. Пароход "Орион" 7 000 Александрита,
июль 1943
27. Пароход "Кайтуна" 10 000 Мерсини, июль 1943
28. Теплоход Александрита,
"Фернплант" 7 000 август 1943
29. Пароход
"Харрисон Грэй Отис" 7 000 Гибралтар, август 1943
30. Танкер
"Торшовди" 10 000 Гибралтар, август 1943
31. Пароход
"Стэнридж" 6 000 Гибралтар, август 1943

Всего 4 военных корабля общим водоизмещением 75 690 т и 27 торговых судов общим водоизмещением 189 662 т.

Итого: 265 352 т.

ПРОЛОГ

Длинная стальная сигара "Шире" пересекает фарватер и зарывается в зыбь открытого моря как раз в тот момент, когда красный диск солнца касается горизонта. На капитанском мостике командир подводной лодки принц Джунио Валерио Боргезе в бинокль осматривает волнующуюся поверхность воды.

Накануне, 22 октября 1940 года, адмирал Де Куртен, командующий десантно-штурмовыми силами итальянского королевского флота, приказал ему нанести удар по английскому замку на воротах в Средиземное море Гибралтару.

Получив приказ, Боргезе полностью заправил горючим "Шире", стоявшую в Специи. Он взял на десять дней продовольствия и оставил на борту только самое необходимое, выгрузив на берег почти тонну снаряжения, без которого можно было жить и сражаться.

Вот позади мол базы - лодка берет курс на запад. Подводники всегда ищут цель на своем пути. Но сегодня, 24 октября, Валерио Боргезе благословляет пустынность моря и опустившийся туман. Никто даже случайно не сможет раскрыть тайну операции.

В 2 часа дня туман рассеивается и появляется возможный свидетель далекий дым парохода на горизонте. С него могли заметить "Шире". Боргезе из осторожности

приказывает изменить курс. Короткий осенний день заканчивается без других происшествий.

Дует легкий норд-ост, море спокойно. "Шире" идет на запад в надводном положении. На узком мостике принц Боргезе в бинокль осматривает горизонт по курсу, стоящий рядом сигнальщик наблюдает за обстановкой позади. Все балластные цистерны, за исключением центральных, заполнены, и подводная лодка может исчезнуть с поверхности воды за одну минуту.

В полдень 25 октября легкая дымка закрывает горизонт. Боргезе снова немного меняет курс, направляя лодку к невидимой оконечности Европы.

Вскоре туман поглощает все вокруг. "Шире" в центре пустынного пространства, его ватные границы скрывают цель, которой она достигнет, если ничего не случится, через два дня хода.

В 5 часов вечера 26-го тусклый дневной свет сменяется сумерками. При приближении к Гибралтару увеличивается риск встречи с патрульными кораблями противника, низкие, с замаскированными огнями, силуэты которых носятся со скоростью 30 узлов. В такую туманную и безлунную ночь их можно заметить только в последний момент. К счастью, подводную лодку в полупогруженном положении обнаружить еще труднее, чем надводный корабль. К тому же службы наблюдения английской базы не должны быть сильно обеспокоены. Никто не ждет, что одиночная итальянская подводная лодка может появиться около крупнейшей британской военно-морской базы в Западном Средиземноморье. До сих пор ни один вражеский перископ не нарушал покой этих вод. "Ничего, успокаивает себя Боргезе, - будем глядеть в оба и держать ухо востро".

Около 9 часов вечера лодка приближается к испанскому побережью. На севере угадывается низкая массивная полоса берега, более черная, чем темнота ночи. Заглушив дизеля, "Шире" идет на электромоторах, готовая в любой момент исчезнуть в глубине. Впереди по курсу дефилируют неясные тени. Английские сторожевые корабли вяло выполняют свои патрульные обязанности, ожидая обычного доклада: "Ничего нового".

- Корабль сзади, - вполголоса, почти шепотом, докладывает сигнальщик, наблюдавший за обстановкой за кормой.

Боргезе оборачивается. Вынырнув из темноты, английский миноносец идет прямо на лодку. Он так близко, что уже можно различить белый бурун кипящей воды у форштевня.

- Тревога! Срочное погружение! Полный вперед!

С легким металлическим стуком закрываются люки. Шумит вода, заполняющая балластные цистерны. Под углом 10 градусов "Шире" устремляется на спасительную глубину. Прильнув к перископу, принц смотрит на угрожающе увеличивающийся силуэт большого эсминца. Вот он уже на траверзе, всего в пятидесяти метрах... Заметили ли с него лодку? Внезапно вода накрывает объектив перископа. Боргезе ослеп.

Через пятнадцать секунд "Шире" уже на глубине 20 метров. Слышно, как наверху медленно, очень медленно вращаются винты вражеского корабля... Может, на нем заметили пенный след, взбитый быстро погрузившейся рубкой лодки? Но корабль огонь не открывает. Все напряженно вслушиваются в шум винтов за бортом. Уф! Наконец все становится на свои места. "Шлеп-шлеп" винтов становятся быстрее.

Боргезе облегченно вздыхает. Его необычайная везучесть не покинула его и на этот раз.

Через полчаса подводного хода "Шире" всплывает в двадцати милях от залива Альхезирас. Никого вокруг не видно. Подводная лодка берет курс на Гибралтар. Один дизель вращает винты, другой подзаряжает аккумуляторы. В 3 часа новое срочное погружение, чтобы разминуться с трехтрубным миноносцем, который едва не наскочил на лодку.

Поздний туманный рассвет 29 октября. Пасмурно, но странный феномен, небо на востоке, в той стороне, где осталась Италия, чуть светлее, чем на западе, над Испанией. Берег проявляется из-под ночного покрова. Боргезе кружит около него уже двое суток. Сегодня он еще раз внимательно рассмотрит его, чтобы вечером нанести удар.

Погрузившись на глубину 10 метров, "Шире" осторожно крадется между минными полями и патрульными кораблями. Расстелив перед собой карту, командир в который раз

прощупывает в перископ побережье и море, прерываясь и убирая перископ каждый раз, как только на горизонте появляется вражеский сторожевик. Его помощник вслух читает инструкцию по навигации, главу "Гибралтар". За десять часов бледного октябрьского дня необходимо нанести на карту мельчайшие детали входа в порт, запомнить реперные точки, проверить существование и оценить мощность заграждений и минных полей. Они были нанесены на секретную карту, полученную от итальянской разведки, но ее ценность могла оказаться ничтожной. Боргезе мобилизует все свои силы, призвав на помощь чутье моряка и уменье навигатора, добытое за десять лет службы на флоте и три года командования "Шире".

Лодка подходит к берегу и начинает курсировать вдоль него. Задача предстоит трудная. Крутой берег в перископ кажется лишенным перспективы, серым и плоским, как декорации.

Но эти декорации необходимо во что бы то ни стало прорвать и узнать, что скрывается за ними. "Шире" приближается к берегу, время от времени меняя курс, чтобы не быть застигнутой врасплох внезапно появившимся за спиной кораблем.

Наконец Боргезе определяет наиболее предпочтительный маневр, который он будет выполнять во время проведения операции.

Ночь сменяет день. Шесть человек выскальзывают из лодки, лежащей на грунте на глубине 15 метров, и, оседлав странного вида аппараты, похожие на торпеды, направляются в сторону Гибралтара, легендарной крепости, пользующейся репутацией неприступной.

На следующий день этот миф будет развеян. Лейтенанту Джино Биринделли удастся форсировать заграждения и проникнуть во внутреннюю акваторию порта. Таким образом, началась реализация одного из самых необычных способов ведения боевых действий на море во Второй мировой войне. На сцену вышли живые торпеды из плоти и крови во главе со своим командиром принцем Джунио Валерио Боргезе.

Глава 1

Потомок папы римского Павла V, урожденного Камилло Боргезе, оставившего свое имя на базилике собора Святого Петра, воздвигнутого Сипионом Кафарелли, который построил и знаменитую виллу Боргезе в Риме, где собраны богатейшие коллекции произведений искусства, и другого Камиллы Боргезе, жена которого известна миру как "госпожа Полина Бонапарт", принц Джунио Валерио Боргезе родился в Риме 16 июня 1906 года.

Его отец, Ливио Боргезе, был дипломатом с 1870 года. В тот год Италия стала единой под властью Виктора-Эммануила II, короля Пьемонта, объявленного королем Италии голосованием палат 23 марта 1861 года.

Его дядя Сипион Боргезе приобрел всемирную известность своими путешествиями в Китай. Семейство Боргезе, родом из Сьенна, но обосновавшееся в столице, делило свою жизнь между королевским двором в Риме и дворцом в Артене. Валерио, естественно, вел легкое и беззаботное существование молодых итальянских аристократов, проводивших время за теннисом, плаванием, занятиями дзюдо и верховой ездой. Во всех этих видах спорта он был великолепен благодаря исключительным физическим данным.

Роялист по традиции, воспитанный в любви и преданности к савойскому королевскому дому, политикой он почти не интересовался, во всяком случае не больше, чем другими занятиями, что сразу закрыло для него двери дипломатической карьеры, которую готовил ему отец. В 1922 году юному принцу исполнилось пятнадцать лет. Он закончил занятия в школе, и пришло время выбирать всего из двух, достойных его как аристократа рода Боргезе, поприщ: церковью или армией. Его отец все еще посол в Лиссабоне. Принц хочет быть священником не больше чем офицером. Но спортивный, влюбленный в жизнь и решивший взять от нее все возможное, он готовится и выдерживает вступительные испытания в Королевскую морскую академию в Ливорно. Флот прельстил его своим престижем, которым пользовался в то время. Но к занятиям Валерио относится без всякого энтузиазма, если не сказать - с отвращением. В конце первого года обучения он проваливает экзамены и его не переводят на следующий курс. Эта неприятность становится той искрой, которая совершенно изменила молодого человека, превратив его из беззаботного ученика,

думающего только о развлечениях и спортивных занятиях, в лучшего курсанта на своем курсе.

Легкий в общении, он отныне становится лидером, заставляет себя слушать, воодушевляет других, ведет за собой. Спавший в нем характер прирожденного командира просыпается. За несколько месяцев с ним происходит разительная перемена: спокойный, даже добродушный, он становится властным, резким.

В тот же момент, когда он открывает в себе новое морское призвание, в нем просыпается интерес к политической жизни.

29 октября 1922 года король призывает к власти Муссолини, тем самым положив конец долгому периоду анархии и разброда в стране. Хотя для Боргезе это приобщение фашистов к высотам государственной власти имеет некий душок простонародности, раздражавший его аристократические ноздри, он верит, что им удастся начать возрождение Италии. Как и большинство итальянцев, он разделяет чувства, которыми папа Пий XI однажды поделился с послом Байенсом в личной беседе: "Муссолини не Наполеон, и, может быть, даже не Кавур, но он единственный, кто правильно понимает, что нужно делать для страны, чтобы освободить ее от анархии, в которую ее вверг бесхребетный парламентаризм и три года войны. Вы увидите, нация за ним пойдет. Пусть он возродит дух нации. Именно отмеченных судьбой людей недостает для установления мира и спокойствия в стране. Да ниспошлет нам Господь несколько таких маяков, чтобы они освещали путь и вели за собой человечество".

Боргезе сознает, что каждый итальянец должен, каждый на своем месте, предпринимать необходимые усилия для подъема престижа своей страны и ее возрождения. Он считает, что с самого своего возникновения Морская академия была застывшей, окостеневшей структурой. Он мечтает увидеть, как она изменится и наконец пойдет в ногу со временем. В качестве первого шага он предоставляет свои силу, смелость и волю на службу более слабым и более скромным своим товарищам, постоянным жертвам придирок и насмешек курсантов старших возрастов. Хотя он был аристократом, или, наоборот, именно потому, что он был аристократом, он не мог больше терпеть подобной несправедливости. Боргезе собирает вокруг себя группу сильных ребят для отпора правонарушителям. Все, и особенно он сам, задиры и драчуны, которые с легкостью раздают пинки направо и налево. В это время и появляется у него кличка "Пинок-под-зад-приносит-удачу", которая будет сопровождать его всю его карьеру. Перед началом каждой операции его люди будут просить его, как бы совершая ритуал: "Командир, не забудьте про свой пинок".

Не бросает он и занятий спортом. С 1923 по 1928 год он участвует в составе команды Морской академии в знаменитых регатах Корсо. Эта регата была также знаменита в Италии, как в Англии регата Оксфорд - Кембридж. Он блистает в равной степени в фехтовании, в футболе и дзюдо.

Когда в июне 1928 года Боргезе заканчивает академию, он уже настоящий моряк. К двадцати двум годам он достигает расцвета своих физических и интеллектуальных сил. Высокий, прекрасно сложенный, с легкой походкой и фигурой, затянутой в белый мундир флотского офицера, с бронзовым загорелым лицом и черными гладкими волосами, он нравится женщинам. Его естественная легкость в общении, острый ум и знание четырех языков очень ценятся в салонах высшего ливорнского общества.

"Все богатые семейства провинции, - вспоминал позже один из его товарищей по академии Элио Тоски, - мечтали выдать за него своих дочерей".

Почти каждый вечер его ждет приглашение то ли на ужин, то ли на бал. Но чаще всего он отказывается от приглашений и отправляется с товарищами в питейные заведения.

Уже в то время к нему с полным правом можно было применить определение, которое дал морскому офицеру создатель военно-морского флота США Джон Пол Джонс в 1775 году, выступая перед морской комиссией Конгресса: "Морской офицер должен быть не только отличным моряком, но и высокообразованным джентльменом, прекрасно воспитанным и обладающим в крайней степени чувством чести. Он должен знать несколько языков и владеть искусством дипломата. Он должен сочетать в себе самые высокие

дарования терпения, твердости и мужества".

Шесть лет мореходной школы не смогли полностью изменить независимый и фрондерский характер Валерио Боргезе. Так, попав служить на контрминоносец, он заменял офицера второго класса и выполнял маневр швартовки с присущей ему небрежностью. Командир, обеспокоенный отношением своего подчиненного к ответственному маневру, крикнул ему: "Проснитесь, молодой человек!" Боргезе обернулся и спокойно ответил: "Не переживайте и будьте спокойны, дорогой". Это стоило ему нескольких дней ареста.

Он становится во главе той новой генерации офицеров, которые хотели, чтобы их мнение уважали и не посягали на их право на свободу высказываний, которые желали дать Италии молодой и динамичный флот, достойный современной державы.

Но почти сразу же он наталкивается на консерватизм бюрократического аппарата, который фашисты, пришедшие к власти, к его огорчению, не смогли ни уничтожить, ни хотя бы даже поколебать. Поэтому, окончив курсы по глубоководному погружению в скафандрах, Валерио Боргезе выбирает в 1929 году судьбу подводника, которой посвящали себя самые смелые и физически подготовленные молодые офицеры.

"Здесь, - признавался он Элио Тоски, - я, может быть, смогу сделать что-нибудь новое, реализовать свои идеи и избежать встречи с "венецианскими моряками", которые толпятся со своими концепциями прошлого века у поручней надводных кораблей".

Прозвище "венецианские моряки" было дано в насмешку тем флотским офицерам, которые лучшие свои годы потратили, делая себе имя и карьеру на паркете дворцов города Дожей и забронировали себе место под солнцем на пляже. Они составляли громадное большинство среди старших офицеров на итальянском военном флоте.

Поднявшись на борт подводной лодки в должности второго помощника, Валерио Боргезе в 1930 году получает звание лейтенанта и на следующий год становится преподавателем в училище подводного плавания в Поле, на Адриатическом море. Там он еще раз демонстрирует свой особый способ освобождения от административных оков.

Весной 1927 года на одном из балов в Палас-отеле в Ливорно Боргезе встретил свою любовь в лице молодой графини Дарьи Алсуфьевой, средней дочери в семье эмигранта из России, покинувшей родину после прихода большевиков к власти в 1917 году. Второй родиной для Дарьи стала Флоренция. Красивая, прекрасно воспитанная и умная, она обладала к тому же развитым артистическим чувством и необычайной энергией. Все это совершенно покорило Валерио Боргезе, и он просит в следующем году руки девушки.

По традициям того времени, период обручения длился довольно долго. Боргезе скрепя сердце мирится с этим. Наконец в 1931 году он может дать волю своим чувствам и, после трех лет ожидания, жениться на Дарье. Ему предстоит, однако, сделать еще один шаг. Как предписывали жесткие правила, царившие в то время на флоте, надо было получить на брак личное разрешение короля. Но проходят месяцы, дата свадебной церемонии приближается, а он все еще не получил ответа. Накануне свадьбы он все еще ждет. Он клянет чиновников. Приглашения давно разосланы, свадебное путешествие запланировано, и он приперт к стенке: все надо отменять или, в противном случае, последуют санкции.

- Перенеси свадьбу, - единодушно советуют ему друзья.

- Здесь не может быть вопросов, - отвечает он, - я решил жениться и женюсь, с разрешением короля или без него, чем бы это мне ни грозило. Я не хочу пропустить самое важное событие в моей жизни только потому, что нет какого-то формального разрешения.

Свадьба состоялась. Едва она заканчивается, молодые отправляются в бега. Боргезе узнает от своих друзей-офицеров, служивших в штабе, что получен приказ о его аресте.

- В штабе поднялась паника, - вспоминал Тоски.

Приказы следовали один за другим, один грознее другого, но все отказывались их выполнять. Наконец, за несколько дней до предполагаемого возвращения беглецов, королевское разрешение нужной формы получено. Поиски нарушителя прекращаются. Боргезе получил, из принципа, лишь несколько дней ареста.

Женившись на Дарье, Валерио Боргезе находит достойную пару своей благородной

натуре. Такая же упорная и решительная, как и он, она будет поддерживать его своим пониманием и любовью все трудные времена, которые выпадут на его долю. У нее он каждый раз в случае необходимости будет находить утешение и моральную поддержку. Но до этого еще далеко. Италия в те годы занимает благодаря Муссолини - надо это признать - свое достойное место в ансамбле европейских государств. Из всех столиц Европы посыпались поздравления. 18 февраля 1933 года в Лондоне в Куинс-холле проходит 25-й Конгресс антисоциалистической лиги. Выступивший на нем Черчилль заявляет: "Романский дух, персонифицированный в Муссолини, показал всем нациям, что можно успешно противостоять наступлению коммунизма. Он показал путь, по которому может идти народ, когда у него есть смелый лидер. Фашистский режим Муссолини указал основной путь для стран, вступивших в смертельную схватку с социализмом, и они не колеблясь должны следовать по нему".

Боргезе, убежденный патриот и националист, чувствует, как просыпаются в нем новые амбиции. После десяти лет правления фашистского режима он считает, что пришла пора перейти от периода становления власти к реформам, особенно в армии. Муссолини только что лично возглавил военное, морское и воздушное министерства, решив ускорить перевооружение армии на современную технику. На "большие отчеты перед дуче", проводившиеся после каждых крупных военных маневров, собиралось до двух тысяч офицеров. "Мы были, должны быть и будем великой военной нацией, - говорил Муссолини. - Мы не испытываем страха перед словами и потому прямо говорим: мы милитаристы, и, более того, мы все солдаты".

Этот язык ласкает сердце военного, и Боргезе не остается безучастным. Он с возрастающим интересом следит за внешней политикой Италии. Муссолини настойчиво толкает страну, едва "собранную", по престижному пути Римской империи, и Боргезе удовлетворяет новая ориентация режима.

Он также с нескрываемым удовлетворением принимает тот факт, что Муссолини от имени короля и по воле народа подписывает 7 января 1935 года франко-итальянское соглашение, предназначенное открыть "новую эру тесного сотрудничества между двумя странами". Франция по этому соглашению уступает Италии территории в Африке, на побережьях Сомали и Ливии, и подтверждает приоритеты Италии в Тунисе до 1965 года. Таким образом, колониальные претензии Италии признаются официально.

Под нажимом молодежи, которую фашизм возвел в ранг религии ("молодость, молодость, весна красоты..." - пелось в официальном гимне), Муссолини на этом не останавливается. День за днем становится все очевиднее, что дуче нацеливается на Эфиопию, феодальное государство, управляемое деспотом императором Хайле Селассие, который сам представлялся без излишней скромности 225-м потомком царя Соломона и царицы Савской.

Выступая 25 мая в парламенте, Муссолини бросает в зал предупреждение "тем, кто хочет остановить нас у Бреннера и помешать двинуться дальше".

На самом деле Муссолини еще с 1932 года начал проводить политику окружения Эфиопии. В 1933 году был создан военный комитет, а после заключения франко-итальянского соглашения 29 января 1935 года принимается окончательное решение.

6 февраля армейский корпус высаживается на Африканском континенте. В Италии начинается призыв в армию. 11 февраля отправляются в Африку еще две дивизии. В стране объявляется набор добровольцев.

С того времени как у дуче появилась своя война, он интересуется только ею, оставив в стороне другие проблемы. Франция и Англия оказались в затруднительном положении. Эфиопия - член Лиги Наций, и как великие державы они не могут, не потеряв лица, оставить ее на растерзание агрессору. С другой стороны, перед лицом нарастающей гитлеровской опасности Муссолини нужен демократиям в Европе. Что делать?

В Италии у Муссолини сложились прекрасные отношения с армией, особенно с молодыми офицерами, которым он не раз повторял: "Никто кроме Италии не может быть

судьей в этом деликатном вопросе".

8 сентября 1935 года двадцать тысяч сторонников фашизма маршируют по Виа дель Имперо, а Муссолини кричит им с трибуны: "Мы пойдем до конца".

10 сентября итальянская разведка докладывает, что в Средиземном море замечена концентрация английского королевского флота.

Муссолини считает, что это обычный политический блеф, и решает не обращать на него внимания.

3 октября он бросает свои дивизии на Эфиопию.

Глава 2

Флот был поднят по тревоге 30 сентября, чтобы отразить возможную угрозу со стороны Британии. Перспектива такого конфликта беспокоит итальянских флотских офицеров. Каким образом смогут они противостоять Англии, если та решит поддержать негуса, используя свое подавляющее превосходство на море?

Среди офицеров военно-морской базы в Специи эта угроза была в центре всех разговоров с 3 октября.

- Если англичане блокируют Суэц, - говорит один из офицеров, собравшихся в столовой за обедом, - сообщение между Средиземным и Красным морями будет быстро прекращено. Мы тогда окажемся запертыми на нашем небольшом и неудобно расположенном полуострове и будем поставлены на грань голода английской блокадой.

- Англичане не объявят нам немедленно войну, - возражает ему другой.

- Я в этом не уверен, - отвечает первый.

Валерио Боргезе невозмутимым тоном вступает в дискуссию:

- Мы можем противопоставить пушкам британских линкоров только крейсера. Но наши подводные лодки заставят англичан дорого заплатить, по крайней мере, если не вмешается Франция. Учитывая все вышесказанное, предстоящая кампания кажется мне рискованным предприятием, а борьба неравной.

- Вы вечные пессимисты, - ворчит один из тех старикашек, для которых молодые лейтенанты всегда являются причиной самого глубокого недовольства.

- Наши корабли не готовы к войне, - отвечает Боргезе, - После последней войны наши штабы не изобрели ни одной новой оригинальной идеи. Можно подумать, вы решили проигрывать каждую войну, которую начинает Италия.

Его тон резок. Со времени окончания академии Валерио Боргезе не потерял привычки говорить любому правду в глаза.

Этот разговор внимательно слушает Тезео Тезеи, маленький брюнет с тонкой полоской усов над верхней губой. Он служит инженером на военных верфях вместе с благодушного вида гигантом, сидящим рядом с ним, Элио Тоски.

Тезеи закрыл глаза и быстро произвел расчеты. Новейшие линкоры водоизмещением в 35 000 тонн пока еще на этапе проектирования, а большинство старых итальянских броненосцев стоят на ремонте. Боргезе прав: ничего серьезного для флота не было сделано с 1918 года.

С конца стола молодой лейтенант с горячностью бросает:

- В авиации созданы команды добровольцев-смертников. Они займутся британскими крейсерами.

- Нашим кораблям предстоит много работы, - вставляет один из лейтенантов.

- Очевидно, именно флоту придется опять взять на себя задачу борьбы на море, - замечает с серьезным видом Боргезе.

С этими словами он встает из-за стола и выходит. Разговоры разбиваются на группы и продолжаются под перестук вилок.

После обеда Тезеи обращается к Элио Тоски:

- Ты слышал, что сказал твой друг Боргезе перед уходом? Вроде пошутил, но это истинная правда. Именно флоту вести войну на море. Благодаря его словам мне пришла в голову идея, которая давно вертелась в голове. Ты помнишь случай с линкором "Вирибус-

Унитис", который потопили в порту Полы в 1918 году Росетти и Паолюччи?

- Очень хорошо помню, - отвечает Тоски.

Все произошло в августе 1918 года. Эта история принадлежит к тем роскошным морским приключениям, которые были во все времена во всех странах. Австрийская армия только что потерпела сокрушительное поражение у Витторио Венето. Имперский флот, хотя и ослабленный понесенными тяжелыми потерями, имел еще в своем распоряжении мощные корабли - среди них броненосцы "Вирибус-Унитис" и "Принц Евгений", базировавшиеся в порту Полы. Это обстоятельство беспокоило итальянское командование. Поэтому майор Рафаэль Росетти, инженер-кораблестроитель, и корабельный врач 2-го класса Рафаэль Паолюччи провели в последние дни войны операцию, которая обессмертила их имена.

31 октября 1918 года они были доставлены катером на рейд Полы. С борта катера была спущена необычного вида торпеда, и два смелых человека, оседлав этот странный аппарат, растворились во тьме.

Передняя часть этой "торпеды" представляла собой два металлических разъемных цилиндра. Каждый из них был заполнен 180 килограммами тринитротолуола и снабжен часовым механизмом, приводящим в действие детонаторы, имелось также приспособление для крепления цилиндра к днищу судна. Задняя часть аппарата была сделана из корпуса немецкой неразорвавшейся торпеды. Она представляла собой резервуар с сжатым воздухом под давлением 275 атм., который приводил в действие двигатель, соединенный валом с двумя гребными винтами. Энергии воздуха было достаточно, чтобы с малой скоростью двигаться в течение нескольких часов.

Снаряд длиной восемь с половиной метров и весом полторы тонны развивал скорость два узла. Он мог иметь положительную или отрицательную плавучесть (т. е. мог плыть в надводном положении или погружаться). Обычно он двигался у самой поверхности воды. Это была, конечно, торпеда, но торпеда, управляемая человеком, - живая торпеда, морской кентавр.

Паолюччи и Росетти управляли аппаратом, полупогрузившись в воду. Таким образом, они смогли преодолеть различные заграждения вокруг порта, подойти незамеченными к корпусу линкора "Вирибус-Унитис" и прикрепить к нему заряды.

На следующее утро, 1 ноября 1918 года, в 6 часов 44 минуты "Вирибус-Унитис" содрогнулся от взрыва от киля до клотика. План Паолюччи и Росетти - одна из самых дерзких диверсий Первой мировой войны - успешно осуществился.

По этой модели Тезеи и Тоски решили провести исследования.

Закрывшись в своей маленькой комнатке в казарме подводного состава базы Специи, они день и ночь обсуждают и обдумывают технические и навигационные детали проекта. Наконец идея обретает реальную форму. Вот как ее определили сами авторы:

"Новый военный снаряд, очень похожий на торпеду формой и размерами, представляет собой на самом деле миниатюрную подводную лодку совершенно нового типа. Она приводится в движение электрическим двигателем и управляется рулями, напоминающими самолетные. Самой главной ее особенностью является наличие экипажа, который вместо того, чтобы быть запертым и, в некотором смысле, бессильным, внутри корпуса, находится с наружной стороны. Два человека, как настоящие пилоты, парящие над подводными безднами, сидят верхом на маленьком подводном "самолете", едва прикрытые от напора воды небольшим пластиковым экраном. Они способны передвигаться и нападать ночью, в самую темноту, благодаря фосфоресцирующим навигационным приборам, под защитой полной невидимости. Свободный от стальных оков корпуса экипаж сохраняет подвижность и гибкость в своих действиях. Он может погружаться на дно и ходить там, может резать заградительные сети или поднимать заграждения при помощи пневматических инструментов, работающих на сжатом воздухе. Он может проникать, куда захочет, обходить различные ловушки и преодолевать любые препятствия. С дыхательным подводным аппаратом большой автономности пилоты снаряда могут плыть на глубине до 30 метров, доставляя на акваторию вражеского порта заряды взрывчатки большой мощности. Оставаясь

полностью невидимыми, не обнаруживаемые никакими самыми чувствительными приборами ультразвуковой локации, они будут проникать во вражеские порты и закреплять на подводной части корпусов кораблей заряды, которые, взрываясь, будут выводить корабли противника из строя".

Закончив расчеты и подготовив чертежи, Тезеи и Тоски составляют письменную записку и все свои материалы отправляют морскому министру. Они просят разрешение на постройку двух прототипов, чтобы провести с ними натурные испытания. Позднее Тоски признается, что он почти не надеялся увидеть свой проект воплощенным в жизнь: "Никто в то время не мог даже вообразить, что можно так легко получить официальное разрешение".

Но, вопреки всяким ожиданиям, свершилось чудо. Через две недели в Специю приходит положительный ответ от адмирала Каварнаги, начальника главного штаба флота. Два экспериментальных образца должны быть немедленно построены. Для проведения этих работ выделяются тридцать рабочих с верфи подводных лодок в Сан-Бартоломео (Специя). Но для Тезеи и Тоски трудности только начинаются. Они не освобождаются от повседневных обязанностей на кораблях и могут посвящать своему проекту только свободное время. Это им не мешает к концу второго месяца работ закончить постройку двух снарядов.

"Первые испытания прошли успешно, - пишет Тоски в дневнике, - они проходили в январе, в холодной прибрежной воде. Результаты оказались достаточно неожиданными и доставили нам много новых ощущений. Мы ужасно мерзли, но какую радость мы испытывали, когда снаряды, легко маневрируя, несли нас в морской глубине".

Официальные испытания, проведенные в присутствии адмирала Фалангола, назначенного для надзора за выполнением проекта, прошли в сухих доках арсенала Специи, специально выделенных для этой цели и тщательно охраняемые карабинерами для сохранения глубокой тайны. Они также были признаны удовлетворительными и убедительными. Адмирал дает разрешение на постройку новых снарядов. В начале 1936 года штаб флота поручает Тезеи и Тоски провести набор офицеров и матросов и начать тренировки по управлению этими торпедами.

"Мой друг Тезеи, - вспоминал Тоски много позднее, - был по характеру настоящим средневековым рыцарем. Он жил согласно принципам, которые даже в то время не были широко распространены, а в настоящее время совершенно исчезли. Он хотел окружить себя людьми такого же склада, с чувством самопожертвования, умеющих хранить секреты и обладающих к тому же отменными физическими качествами".

Выбирали среди своего окружения, из офицеров, которых они хорошо знали. Валерио Боргезе, ироническое замечание которого послужило толчком идее Тезеи, хотя был другом Тоски и к тому времени стал чемпионом мира по глубоководному погружению, несмотря на свое огромное желание участвовать в работах группы, был отсеян.

В то время еще не были выбраны средства доставки торпед в район цели. Тоски и Тезеи колебались в выборе между самолетом и подводной лодкой.

Так возник зародыш того, что через несколько лет станет знаменитой "Децима МАС"*. Вокруг Тезеи и Тоски собирается группа офицеров, в которую вошли капитан-лейтенанты Франзини и Каталано, лейтенант морской пехоты Стефанини и лейтенант Сантуриони.

Между тем возникают новые трения между штабом флота и министерством кораблестроения, к которому относятся Тезеи и Тоски. Оба хотят стать первыми пилотами изобретенных ими снарядов в предстоящих боевых действиях. Но правила этого не позволяют: торпеды относятся к морскому министерству, и морское командование оставляло за собой прерогативу использования их офицерами флота. Роль инженеров сводилась к изобретению и конструированию оружия, а не к управлению им в море.

Таким образом, в то время как под командованием фрегат-капитана Каталано Гонзаги, командира флотилии подводных лодок в Специи, проходят первые тренировочные погружения отобранных пилотов, два друга остаются на своих кораблях, которые часто выходят в море. Они не могут регулярно участвовать в доработке своего детища и

занимаются им время от времени, в свободное от основных своих обязанностей время.

Тренировочной базой для пилотов с самого начала было выбрано устье Серкио, располагавшееся между Пизой и Специей. Лагерь находился в окружении живописного соснового бора, на землях, принадлежавших герцогу Сальвиати. Без специального разрешения проехать к базе было невозможно. Идеальное место для проведения секретных работ. Тезеи и Тоски пригоняют из Специи, которая находится совсем рядом, плавучую мастерскую с небольшим подъемным краном, позволявшим поднимать из воды торпеды для ремонта на берегу в случае необходимости.

Экипажи располагаются в старинном полуразрушенном доме, который в прошлом веке служил резиденцией управляющего герцога Сальвиати. Они ведут там спартанскую жизнь и спят на походных кроватях в одной просторной общей спальне.

Тренировки были напряженными и изматывающими, тем более что пловцы пользуются дыхательными аппаратами, работающими на чистом кислороде, который не оставляет пузырьков воздуха в воде, в отличие от воздушной смеси. На первых тренировках было много травм. Кроме не очень серьезных неприятностей со слухом, через несколько месяцев у всех пловцов врачи обнаруживают обширные каверны в легких.

Повинен в этом оказался чистый кислород, разрушавший нежные ткани легких, а не наличие химических компонентов для поглощения углекислого газа, как сначала подозревали. На берега Серкио пришли люди, ничего не знавшие об особенностях подводного плавания. Они часто страдают от острой боли в суставах и даже иногда испытывают частичный паралич. Некоторые временно слепнут.

Именно в этот период управляемые торпеды, официально обозначаемые как S.L.C. (Siluro a lente corsa), получают название, под которым становятся знаменитыми.

Однажды со снарядом Тезео Тезеи что-то случилось и в результате поломки он начал медленно погружаться под воду. Тезеи не смог ничего поделать и, разъяренный, вынырнул на поверхность. Его товарищи встретили его с удивлением. Он принялся ругаться:

- Свинский механизм. Как это он меня еще выпустил.

- Не расстраивайся так, - сказал ему один из присутствующих, - я сейчас исправлю твою "маиала" (по-итал. "свиноматка"; мн. ч. "маиали". Ред.).

Все вокруг захохотали, и это название закрепилось за снарядом.

Подобной идеей заинтересовался также герцог Амедеи д'Аосте, генерал авиации. Примерно в то же время он приступает к исследованиям, которые должны были привести к таким же результатам, но с использованием совершенно других средств. Он решил применить в качестве снаряда быстроходный катер, несущий в носовой части мощный заряд взрывчатки, который может направляться на вражеские корабли, стоящие на рейде, и взрывать их при ударе.

Герцог рассказал о своих идеях своему брату адмиралу Аймоне, герцогу де Сполете, питавшему слабость к автомобилям и амфибиям. Адмиралу идея понравилась, и при содействии майора Гиоргиса, разработавшего корпус, и инженера Гвидо Каттаньо, занимавшегося механической частью, были быстро построены два экземпляра этого снаряда, удовлетворявших весовым и объемным характеристикам. Очень легкий пятиметровый корпус представлял собой деревянный каркас, обтянутый непромокаемой тканью. Мотор из соображений экономии места был установлен в перевернутом положении. Заряд тринитротолуола весом в 300 кг находился в носовой части. Этот катер получил название "барчино" (мн.ч. "баркини"), развивал скорость до тридцати узлов и мог проплыть около 60 миль. Принцип его действия был следующим: в момент столкновения с кораблем противника он разделяется на две части с помощью пиротехнических патронов. Носовая часть с боевым зарядом быстро погружается, и на нужной глубине гидростатический взрыватель подрывает снаряд. Пилот катера покидает его за несколько мгновений до столкновения, убедившись, что катер направлен точно и обязательно столкнется с целью.

Так родился еще один боевой снаряд.

Однако после окончания войны с Эфиопией и вслед за провозглашением империи

угроза со стороны британского флота в Средиземном море стала казаться менее значительной, а вероятность конфликта уменьшилась. Главный штаб итальянского флота решает отправить на склад "маиали" и "баркини". Моряки прекращают свои тренировки и возвращаются в свои части. Это была большая ошибка, и ее плоды Италия начнет пожинать уже в первые месяцы Второй мировой войны.

В это время Валерио Боргезе с интересом следил за усилиями своих товарищей благодаря своему другу Элио Тоски. Снова встретив их в офицерской столовой подводников в Специи, он, так же как и они, был полон негодования.

- Как эти штабные старикашки не могут увидеть огромных тактических возможностей этого нового оружия? - рычал он.

Все соглашаются с ним и выражают недовольство некомпетентными и недальновидными действиями штабных чиновников. Молодые офицеры мечтали, с приходом к власти фашистов, об Италии современной, молодой и динамичной, а видят перед собой все тех же старых адмиралов, готовящихся к ведению современной войны допотопными методами прошлого века.

Но молодость есть молодость. Недовольство со временем улеглось, а Тоски и Тезеи скоро забывают о своих снарядах. 18 июля 1936 года разразилась война в Испании, и все взгляды теперь устремляются к Иберийскому полуострову. Офицеры внимательно следят за положением на фронтах и готовятся принять участие в боевых действиях. Муссолини, после некоторого колебания, принимает решение оказать помощь националистам генерала Франко в их борьбе против Народного фронта.

Валерио Боргезе одним из первых вызывается отправиться в Испанию. В феврале 1937 года он наконец одновременно со вступлением в командование подводной лодкой "Ирида" получает приказ отправиться к испанским берегам. В течение полутора лет он сопровождает транспортные суда, перевозящие франкистские войска из Марокко, и обеспечивает защиту итальянских кораблей, доставляющих вооружение националистам в Коста-дель-Соль.

Хотя за все время боевых действий ни один конвой не был атакован, Валерио Боргезе приобретает богатый опыт плавания в Средиземном море и становится гораздо хладнокровнее и выдержаннее. Эти качества очень пригодятся ему в будущем.

Но пока, ввязавшись в испанскую войну и испортив отношения с западными демократиями, Муссолини попадает в зависимость от Гитлера. Откровенное предложение вступить в союз приходит из Берлина в виде визита в Рим в сентябре 1936 года министра Франка, специального посланца фюрера. И 24 октября следующего года, когда граф Чиано, итальянский министр иностранных дел, прибывает в столицу Третьего рейха, ось Берлин - Рим создается. Европа неумолимо движется к войне.

В то время как Муссолини играет, по крайней мере на словах, роль поборника мира, в частности на конференции в Мюнхене, штаб итальянского флота готовится к будущим боевым действиям. В секретной ноте от 28 сентября 1938 года, накануне открытия конференции, появляется наконец, с двухлетним опозданием, приказ о создании первой флотилии МАС (аббревиатура MAS произошла от латинского девиза, выбранного поэтом Д'Анунцио для соединения торпедных катеров: Memento audire semper - помни, ты всегда должен быть дерзок). Командиром назначается корвет-капитан Тепати, его заместителем инженер-капитан Тезеи. "В целях создания и подготовки к боевым действиям флотилии МАС, - говорится в приказе, - вышеназванные офицеры получают необходимые средства и полномочия для набора и подготовки личного состава для боевого использования специальных снарядов".

Главный штаб флота приказывает возобновить экспериментальные работы с уже построенными "маиали" и "баркини", а также приступить к созданию новой серии этих двух видов оружия.

В течение нескольких следующих месяцев "маиали" прошли существенную модернизацию, а матерчатый корпус "баркини" заменяется на полностью деревянный. Но пришлось ждать июля 1939 года, когда международная обстановка значительно ухудшилась

и движение Европы к войне прошло точку возврата, чтобы тренировки экипажей возобновились практически. Из штаба приходит приказ: "Командиру 1-й флотилии МАС поручается сформировать ядро личного состава для использования специальных видов вооружения и осуществления всех видов экспериментальных и исследовательских работ по доводке этого оружия под надзором адмирала Гоирана".

В начале 1940 года бывшие пилоты "маиали" возвращаются в Серкио, официально не оставляя свое прежнее место службы. К Тоски, Тезеи, Стефанини, Франзини, Каталано и Центурионе присоединяются другие офицеры: Де Джакомо, Ди Доменико, Веско, Биринделли, Бертоцци, Дюран де ла Пенне и новый командир 1-й флотилии МАС Алоизи.

Адмирал Каваньяри, начальник штаба флота, которому показывают отснятые на кинопленку испытания "баркини", быстро понял, какие возможности открывают эти новые виды оружия. Он отдает приказ построить двенадцать катеров и создать при штабе на правах сектора исследовательское бюро под руководством корвет-капитана Де Паче.

Валерио Боргезе в это время томится в Специи после своего возвращения из Испании. Он только что принял командование новой подводной лодкой "Аметист", когда одним январским утром получает приказ срочно прибыть к морскому коменданту Тиреньена адмиралу Гоирану. "Может быть, наконец получу хорошие известия?" - думает он в автомобиле, который везет его к адмиралу.

Адмирал переходит к главному без предисловий:

- Вы, Боргезе, были чемпионом мира по глубоководным погружениям, я правильно говорю? С другой стороны, вы наш самый молодой командир подводной лодки и открыты для новых идей. Я уполномочен сделать вам предложение.

Боргезе слушает, не проронив ни слова. На его губах гуляет легкая улыбка, освещающая гладковыбритое лицо.

- Вы знаете, что мы создаем особое подразделение специальных снарядов? - продолжает между тем адмирал. - Вы о них, наверное, уже слышали? Я намерен предложить вам взять на себя руководство сектором подводного направления. Но перед этим вы и ваша подводная лодка примете участие в ближайших испытаниях. Согласны?

Боргезе принимает предложение без колебаний. Наконец, думает он, ему поручили задание, достойное его амбиций. Он не знает, что своим назначением обязан своему другу Элио Тоски.

"Когда адмирал Гоиран, - вспоминал позднее Тоски, - спросил нас, меня и Тезеи, кого мы хотели бы видеть во главе подводной части программы, я не сомневался ни секунды и сразу предложил моего друга Валерио Боргезе. Мы вместе учились в Академии. Я слепо верил в его талант морского офицера, в его исключительные человеческие качества, которые мне трудно было объяснить, и я мог только определить их как "сверхъестественные". Они позволяли ему справляться с любыми заданиями. Он мог вести свою подводную лодку несколько дней в подводном положении, не имея возможности всплыть и проверить свое местоположение, и ни разу не отклониться больше чем на пол-мили от намеченной цели. Для меня он был и остается сейчас одним из самых великих командиров-подводников, которых знал мир".

Боргезе чувствует себя обязанным не обмануть надежды своих товарищей. Он уверен в себе как всегда.

В присутствии адмирала Гоирана, командира Алоизи и всех свободных от тренировок пилотов "Аметист" поздним вечером 12 марта покидает порт Специи с закрепленными на палубе тремя "маиали". Миновав мол, лодка погружается. В задание входило подойти к Паса-ди-Леванте, проникнуть незамеченными в порт и "заминировать" корабль "Кварто", стоящий на якоре.

В 23 часа Валерио Боргезе приказывает шести пловцам (по два человека на каждую управляемую торпеду) приготовиться. Через четверть часа небольшой отряд покидает борт подводной лодки, пловцы освобождают торпеды от креплений и, оседлав их, растворяются в темноте ночи.

На рассвете следующего дня цель достигнута. Одному из экипажей (две другие "маиали" потерпели аварию) удается закрепить учебный заряд под днищем "Кварто" и не быть замеченными охраной порта.

Это учение, впервые проведенное в условиях максимально приближенных к боевым, позволяет сделать трио Алоизи-Тезеи-Боргезе определенные выводы.

Предварительный план предусматривал возвращение экипажей на подводную лодку. Но Тезеи, который входил в состав одного из экипажей, решает отказаться от этого.

- Будет лучше, - объясняет он, - если люди будут знать, покидая подводную лодку, что пути назад отрезаны. Так они не будут тратить свою энергию на подготовку возможного отступления.

Больше того, под влиянием какого-то мистического чувства он заявляет:

- Материальный успех операции в принципе не так важен. Единственное, что имеет значение, - это наша готовность умереть с пользой для Отечества. В нашем самопожертвовании будущие поколения найдут пример и будут черпать силы для победы.

Боргезе, опираясь на свой опыт подводника, поднимает вопрос чисто технического плана. Как командир подводной лодки, доставляющей "маиали" к цели, он считает, что не очень хорошо оставлять снаряды во время плавания на палубе, где они будут длительное время подвергаться воздействию моря. Это увеличивает риск аварии.

С другой стороны, в этом случае подводная лодка должна плыть на глубине максимум 30 метров, что представляло другую опасность увеличивался риск обнаружения ее противником.

Аргументы признаны убедительными. Принимается решение уделить этой проблеме особое внимание и разрешить ее как можно быстрее. Через два месяца она получает свое теоретическое решение. На палубе размещаются три металлических цилиндра по 2800 кг каждый, в которых и должны будут находиться "маиали" во время плавания: два впереди рубки, один сзади. Чтобы компенсировать дополнительный груз, придется снимать с лодки одно артиллерийское орудие, часть боезапаса, выгрузить две торпеды, один якорь с цепью, оставить на берегу буксирные тросы и лебедку. От теории до практики часто лежит долгий путь. Настолько долгий, что управляемые снаряды стали вызывать у некоторых офицеров в штабах раздражение. Они видели в них только растранжиривание средств и говорили, что для некоторых из их коллег это стало удобным способом избегать тягот рутинной службы. Кроме этой оппозиции приходилось считаться с двумя потерянными годами из-за приостановки исследований и испытаний с 1936 по 1938 год. Было трудно, почти невозможно ликвидировать такое отставание. Боргезе, отлично это понимавший, писал:

"Итальянский флот, имея на вооружении управляемые торпеды и катера-снаряды, при массовом их применении одновременно в нескольких базах врага и используя эффект внезапности, мог бы с самого начала боевых действий одержать решительную победу на морском театре военных действий. Это оружие способно восстановить нарушенное сегодня равновесие сил на море. Но мы потеряли два года, и ни люди, ни оборудование ("К боевым действиям были готовы, - вспоминал Элио Тоски, - лишь 8 "маиали" вместо 24 необходимых) не готовы, в то время как война надвигалась".

Идет май 1940 года. Немецкий каток катится по Франции, давя французские войска. Хотя Муссолини предупредил Гитлера при подписании "стального пакта" 22 мая 1939 года, что Италия не будет готова участвовать в войне раньше 1943 года, к маю 1940 года он уже изменил свое мнение. Восседая в своем гигантском кабинете в Венецианском дворце, он решает, что пора оказать помощь немецкой победоносной армии, чтобы иметь право занять место за столом победителей.

Глава 3

10 июня, перед объявлением войны Франции и Англии, он спрашивает у маршала Бадольо, главнокомандующего армией:

- Какие планы у вас есть насчет Мальты?

- Никаких, - честно отвечает тот.

И это была трагедия.

Мальта находится в самом сердце Средиземного моря, она занимает господствующее положение на пути из Италии в Ливию, где стоят итальянские войска, и на морской дороге из Гибралтара в Александрию, связывающей две самые мощные британские военно-морские базы. И она, оказывается, не привлекла внимания ни генерального штаба, ни подчинявшихся ему сухопутных сил, ни Супераэро - штаба ВВС, ни Супермарины - штаба ВМС. В Генштабе предпочитали континентальный план ведения боевых действий с массированным применением авиации. Там плохо разбирались в морских проблемах и на возможном театре военных действий придерживались оборонительной тактики.

К этой стратегической ошибке добавляется полная неготовность флота к войне. Итальянские ВМС насчитывают к тому времени только шесть линкоров (причем лишь два из них, "Кавур" и "Джулио Чезаре", были в строю), девятнадцать крейсеров - семь тяжелых, двенадцать легких - и 50 эсминцев. Лишь подводных лодок было достаточное количество: сто восемь, но и те в плохом состоянии. Управляемые снаряды составляли мизерный отряд из нескольких десятков человек и десятка аппаратов, далеких от совершенства. Для работы с ними выбраны две подводные лодки "Шире" и "Гондар", но они еще не переоборудованы. Лодки стоят в доках, где на них монтируются транспортные цилиндры. При этом Валерио Боргезе, единственный командир подводной лодки, уже получивший практический опыт по работе с управляемыми торпедами, отзывается из 1-й флотилии МАС. Он назначается командиром старой, текущей по всем швам подводной лодки "Виттор Пизани", входящей в состав флотилии "Аугуста".

Правда, и две британские эскадры в Средиземном море, базировавшиеся одна в Гибралтаре, под командованием адмирала Сомервиля, другая в Александрии, под вымпелом адмирала Канингхэма, были подготовлены не лучше. Но в отличие от итальянского флота они ведут себя очень агрессивно. С начала войны англичане уничтожили одиннадцать итальянских субмарин, которые пребывали не в лучшем состоянии, но тем не менее были отправлены в бой.

Боргезе со своей лодкой принимает в июне и в июле участие в трех операциях, одна из которых была сражением за Пунта- Стило. Благодаря своему знанию моря и счастливой удачливости, которая будет сопровождать его всю войну, он избегает катастрофы и возвращается без повреждений и потерь. Чтобы представить точнее, что ему пришлось пережить, обратимся к его собственным записям: "Чтобы остановить инфильтрацию воды в корпус лодки, мы пользовались запасом резиновых шлангов, через которые вода из всех отсеков отводилась в компенсационные камеры. В результате этого "изобретения" через несколько часов плавания в погруженном состоянии внутренние помещения лодки напоминали джунгли, в которых резиновые лианы мешали открывать люки между отсеками и по которым было трудно передвигаться из-за перекрещивающихся в различных направлениях красных лиан. После моих настойчивых рапортов в министерстве наконец признали "Пизани" "негодной к ведению боевых действий" и лодка была передана школе подводного плавания в Пола".

Едва пришвартовав в порту "Виттор Пизани", капитан-лейтенант Боргезе вместе с двумя другими офицерами, корвет-капитанами Мази и Буонамичи, получает направление на специальный курс по нападению на конвои в Атлантическом океане. Занятия проходят в германской школе подводного плавания в Мемеле, на Балтийском море.

В это время в Серкио, где материальные и организационные ошибки генерального штаба компенсировались упорством, добросовестным трудом и решительностью людей, готовятся к первому боевому применению управляемых снарядов. Цель - порт Александрии, в котором находятся два линкора и авианосец. Час "Ч" назначается на ночь с 25 на 26 августа 1940 года, около полуночи. Штаб флота дает свое согласие на проведение операции там, где авиация потерпела поражение, желая таким образом, в случае успеха, восстановить свой пошатнувшийся престиж.

Подводные лодки "Гондар" и "Шире" еще полностью не переоборудованы, и главный

штаб назначает в качестве транспортного средства для управляемых торпед старую подводную лодку "Ирида", которой Боргезе командовал еще во время испанской войны. Чтобы не подвергать лишнему риску аппараты, часть пути снаряды должны проделать на борту миноносца "Калипсо". Он должен доставить их в залив Бомба, восточнее Тобрука. Там их должны перегрузить на "Ириду" и закрепить на палубе в специальных устройствах. "Ирида", которой командует капитан-лейтенант Брунетти, сначала совершит тренировочное погружение, а вечером 22 августа должна направиться к египетскому берегу, с таким расчетом, чтобы на закате 24 августа прибыть в заданную точку, примерно в 4 милях от Александрии.

Как и предусматривалось, лодка приходит утром 21 августа в залив Бомба и встает на якорь рядом с "Калипсо", уже находившимся там. Каково же было удивление Брунетти, когда, поднявшись на мостик, он видит в этом небольшом уединенном заливчике, специально выбранном для проведения секретной операции, корабль "Монте-Каргано" под флагом адмирала Бруно Бривонези, командующего морскими силами в Ливии, и небольшой пароход, с которого на берег выгружают бочки с горючим, а также несколько парусных шаланд. Он не мог знать, что после того как лодка покинула Специю, в штабе флота в Риме решили воспользоваться предоставившимся случаем и заодно оборудовать на берегу залива то, что странным образом называли "естественная база снабжения". Естественная? Не будет ничего более естественного, если на следующий же день это скопление кораблей в обычно пустынном районе моря будет засечено английскими разведывательными самолетами.

В 11 час. 40 мин. "Ирида" принимает на борт три "маиали" и пять экипажей в следующем составе: капитан-лейтенант Джино Бирилделли и его напарник водолаз-инструктор 2-го класса Дамос Пакканини, капитан-инженер Тезео Тезеи с водолазом-инструктором 2-го класса Альсидом Педретти, капитан-лейтенант Альберто Францини и водолаз-инструктор 2-го класса Эмилио Биначчи, капитан-инженер Элио Тоски с водолазом-инструктором Энрико Лаззари и лейтенант Луиджи Дюран де ла Пенне со своим вторым номером старшим матросом-водолазом Джованни Лазарони. Подводная лодка покидает залив, чтобы совершить тренировочное погружение. Вдруг стоящие на мостике Брунетти и фрегат-капитан Марио Джорджини, заменивший Алоизи во главе 1-й флотилии МАС, замечают в небе на расстоянии пяти-шести километров три точки. Три английских торпедоносца приближаются к лодке на высоте приблизительно семидесяти метров.

Сыграна боевая тревога. Пятнадцатиметровая глубина моря в этом районе не позволяет быстро погрузиться. Брунетти отдает приказ:

- Двигатели полный вперед! Закрыть люки! Орудиям приготовиться открыть огонь!

Самолеты летят строем, напоминающим перевернутую латинскую V (тот, что в центре, летит сзади). Комендоры берут на прицел центральный самолет, который летит теперь на высоте 10-15 метров. Два боковых проносятся вдоль бортов лодки, поливая пулеметным огнем палубу и уничтожая прислугу орудий и людей, находящихся на мостике. Третий самолет уже в 150 метрах, он сбрасывает торпеду. Ее пенный след направляется прямо на "Ириду". Удар приходится в район офицерской кают-компании. От взрыва лодка разламывается и буквально через считанные секунды скрывается под водой. На поверхности остаются четырнадцать человек, те, кто в момент катастрофы находился наверху, среди спасшихся все пять экипажей управляемых торпед. Брунетти, хотя и раненный, организует сбор оставшихся в живых и помощь раненым.

В это время торпедоносцы атакуют "Монте-Каргано" и топят его. Чудом удается избежать гибели "Калипсо", и он отправляется на место гибели "Ириды".

В море начинается драматическая борьба за спасение человеческих жизней. Десять пловцов, которые должны были проникнуть в порт Александрии, все свои силы отдают спасению членов экипажа, блокированных в затонувшем корпусе погибшей лодки. Они ныряют на дно и, простукивая корпус, выясняют, что живы еще девять человек, из которых только два офицера находятся в кормовом отсеке. Двадцать часов подряд Тезеи, Тоски, Бирилделли, Франзини и де ла Пенне, сменяя друг друга, пытаются открыть задний люк,

деформированный взрывом, единственный возможный путь к спасению. Наконец им это удается. Но перед ними предстает страшная картина: уже остывшие трупы двух офицеров, которые пытались покинуть лодку, но не смогли открыть люк. Остальные семеро оставшихся в живых, запертые в носовых отсеках, находятся в тяжелом положении. Они подают сигналы, свидетельствующие о расстройстве рассудка. С течением времени и уменьшением содержания кислорода в воздухе им угрожает неминуемая смерть от удушья.

Снаружи им посылается приказ: "Откройте герметичные люки. Пусть вода заполнит отсеки. Только закрепитесь получше, чтобы вас не смыло потоком воды. Как только отсек будет затоплен, входите в шлюзовую камеру под люком и поднимайтесь на поверхность". Но, охваченные паническим страхом, люди отказываются слушаться. Тогда спасатели вынуждены прибегнуть к угрозам: "Если вы в течение получаса не выполните наши инструкции, - объявляют они, - мы вас оставим". И, чтобы придать больше убедительности своим словам, они поднимаются на поверхность, делая вид, что бросают их на произвол судьбы. Элио Тоски потом рассказывал:

- С небольшой парусной лодки, на которой мы жили уже два дня, все напряженно всматривались в голубую поверхность моря, стараясь, правда, отводить взгляд от того места, где пузыри воздуха и водовороты воды должны были показать нам, что люк открыт. Ничего. Минута проходила за минутой, отведенные полчаса подходили к концу. Вдруг столб воды и воздуха вспенил поверхность моря: они открыли люк. Вода успокоилась и мы приготовились нырять снова, чтобы оказать помощь. Вдруг раздался крик! Из глубины вынырнул человек, он выскочил почти по пояс из едва успокоившейся воды. Это был первый из спасшихся. И когда он понял, увидев солнце и море, что избежал ужасной агонии, то испустил громкий вопль. Это был крик новорожденного, стократно усиленный мощными легкими двадцатилетнего парня. Остальные один за другим появились на поверхности через короткие интервалы на глазах взволнованных наблюдателей".

Несмотря на эту удачу, общий итог был катастрофическим. Погибли пятьдесят человек, потоплены подводная лодка с тремя управляемыми торпедами и корабль. Первая попытка использовать новое оружие окончилась полным провалом. Но его можно было ожидать, принимая во внимание неготовность материальной части. Но адмирал Де Куртен, от которого зависело принятие решения, так не считал, спеша поправить дела флота, который оказался не на высоте положения, громкой победой.

В сентябре "Калипсо" доставляет экипажи управляемых торпед в Серкио, в тот самый момент, когда Валерио Боргезе возвращается в Италию. За месяцы, проведенные в Германии, он совершил двухнедельный выход в море на корабле поддержки подводных лодок и несколько погружений на подводных лодках. "Я могу с уверенностью констатировать, - писал он, - что немецкие моряки, от командиров до последнего матроса, ни в чем не превосходят наших ни в одном аспекте морского дела. Но они прошли великолепную школу, практическую и теоретическую, которая дает им с самого начала обучения опыт и знания, которые наши матросы и командиры приобретают в боевых действиях, при условии, что они вернутся живыми после "урока".

Именно так и случилось в первой операции людей-торпед против британской военно-морской базы в Александрии.

Прошедший подготовку для войны в Атлантике, Валерио Боргезе ожидает, что будет назначен командовать одной из новейших океанских подводных лодок, размещавшихся в новой итальянской военно-морской базе в Бордо. Но надежды его не оправдались. Его вызывает адмирал Де Куртен.

- Боргезе, - обращается адмирал к нему, - вы участвовали в первых испытаниях наших управляемых торпед. Я назначаю вас командиром одной из двух субмарин, предназначенных для транспортировки их к цели.

- Но, - возражает молодой офицер, - я только что прошел обучение для ведения подводной войны в Атлантике.

- Не важно, - резко прерывает его Де Куртен, - вы будете более полезны на

Средиземном море.

На этом разговор заканчивается.

Боргезе покидает кабинет недовольный. Какой абсурд! Пройти курс подготовки для ведения войны в океане и затем плавать в Средиземном море! Но, в конце концов, он солдат и должен подчиняться приказам. В коридоре он встречает своего друга Элио Тоски.

- Ты доволен новым назначением? - спрашивает его Тоски.

- Доволен, доволен, - ворчит Боргезе, - есть от чего быть довольным.

Они пошли рядом. Тоски молчит. Он не решается сказать другу, что именно его идея лежала в основании решения штаба флота. "Если Боргезе будет с нами, - не уставал он везде повторять, - значит, у нас будут все шансы на успех". Валерио Боргезе узнает правду гораздо позднее. А в то время он отправляется в Специю, чтобы принять командование "Шире", прошедшей переоборудование и готовой к боевой работе. Это была небольшая подводная лодка водоизмещением 620 тонн, самая современная в итальянских подводных силах. Этот тип лодок успешно прошел испытания в боях и был хорошо известен Боргезе, он командовал в свое время однотипной лодкой "Ирида".

Брунетти, который настаивал, после первой неудачи, на возобновлении операции, надеется командовать "Гондаром".

Только эти две лодки были соответствующим образом подготовлены. На их палубах закрепили по три транспортных металлических цилиндра для управляемых торпед. С обычной своей педантичностью, Валерио Боргезе проводит и другие модификации с целью сделать лодки менее заметными на поверхности. После нескольких сравнительных испытаний в море была выбрана зеленая окраска лодки, которая лучше всего скрывала корпус лодки на фоне ночного неба.

Все готово для новой попытки. 7 сентября Муссолини приказывает маршалу Грациани, командующему итальянскими войсками в Ливии, начать наступление на Египет. С самого начала итальянцы нацелились на важный порт Сиди Барани. Но теперь они не могут продолжать наступление. Английские корабли перерезали снабжение армии по морю и нанесли удары по итальянским базам в Бенгали, Солоуме, Барбии и Сиди Барани, действуя из Александрии и Гибралтара. Для отражения этой угрозы адмирал Де Куртен разрабатывает план одновременной атаки этих двух британских баз на Средиземном море. Операция назначается на сентябрь.

Глава 4

Однажды утром в конце сентября командир 1-й флотилии МАС Джорджини собирает совещание. Первый этаж современного здания, построенного месяц назад под естественным прикрытием сосен на берегу Серкио, был преобразован в конференц-зал. Один за другим в зал входят Боргезе, Брунетти, неразлучные Тезеи и Тоски, врач отряда майор Фалькомата. Когда Джорджини начал говорить, лица присутствующих застывают, а взгляды блуждают по окнам и дверям:

- Мы должны попытаться нанести одновременный удар, в один день и час, по Александрии и Гибралтару. Одной группой будет командовать Тезеи, другой Тоски. Кто пойдет в Гибралтар, кто в Александрию - покажет жребий.

Тоски и Тезеи протягивают свои фуражки. Боргезе и Брунетти опускают бумажки со своими именами в одну, Тезеи и Тоски со своими - в другую. Фалькомата тянет жребий. Судьба указала Боргезе и Тезеи дорогу на Гибралтар, Брунетти и Тоски в Александрию.

Боргезе, опередив на мгновение Тезеи, спрашивает:

- Будут ли предприняты особые меры предосторожности? Перспектива разделить судьбу "Ириды" меня не прельщает. А английская разведка не дремлет.

Джорджини нахмурился. Вокруг виллы в Серкио все необходимые меры безопасности были давно приняты. В рапортах полиции иногда отмечалось появление подозрительных личностей, но командир мог рассчитывать на благоразумие и сдержанность своих подчиненных. Они были хорошими итальянцами и умели держать язык за зубами. Но Супермарина слишком многолюдна, и любому приказу, даже в запечатанном конверте,

никто не может гарантировать безопасности на долгом пути из кабинета в кабинет. К тому же подготовка операции требовала подключения и других родов войск. С одной стороны, авиация должна провести разведку, с другой стороны, надо будет убрать с пути подводной лодки, доставляющей управляемые торпеды к цели, все корабли, которые могут выполнять там свои задания. Джорджини не представлял еще, как преодолеть все препятствия, но, не желая, чтобы психоз шпиономании захватил людей, заставляет себя спокойно пожать плечами:

- Не беспокойтесь, Боргезе. Я усилю меры безопасности. Экипажи отправятся из Серкио на поезде, как будто в увольнение в Рим. "Гондар" подберет их в бухте Мессины. Что касается "Шире", она на рейде Специи будет ждать лодку с Тезеи и его командой, будто бы отправившихся на морскую прогулку.

Совещание заканчивается. До конца недели идет напряженная подготовка, затем всякая активность внезапно прекращается и в Серкио воцаряется тишина.

"Гондар" снимается с якоря вечером 21 сентября, неся в своих палубных цилиндрах три "маиали". Экипажи торпед поднимаются на его борт в Вилла-Сан-Джовани, в бухте Мессина. Необходимо свести к минимуму время пребывания пловцов на подводной лодке, теснота и душная атмосфера которой не способствуют хорошему физическому состоянию. Кроме Марио Джорджини, старшего командира в этом походе, на борту находятся: капитан-лейтенант Франзини, лейтенант Гасиоло, капитан, специалист по вооружению, Стефанини, водолаз сержант Скапино, капитан-лейтенант Элио Тоски, водолаз сержант Рунати, лейтенант Кальяно, водолаз сержант Лазарони.

До Александрии дошли без происшествий. 29 сентября в 7 часов вечера "Гондар" всплывает в нескольких милях от маяка Рас-эль-Тин, который господствует над входом на рейд, чтобы получить последние указания из штаба флота перед отправкой снарядов. Экипажи в полной готовности. В тесноте радиорубки Тоски, Брунетти и Джорджини, прижавшись друг к другу, ждут. Вдруг рация ожила. Сквозь треск помех послышался характерный писк морзянки. Сообщение принято, и по мере расшифровки все присутствующие читают: "Английский флот вышел в море. Возвращайтесь в Тобрук".

"Гондар" разворачивается на 180 градусов, чтобы как можно точнее вернуться на путь, по которому пришел, и избежать опасности, поджидающей на минных полях, успешно форсированных за два предыдущих дня плавания. Через несколько минут после маневра колокола громкого боя извещают о срочном погружении. Чтобы скрыться под водой, требуется несколько секунд после закрытия единственного люка, открытого при надводном плавании. Брунетти появляется в центральном посту: "Вражеский корабль в 800 метрах!" объявляет он.

Заметил ли он их? обнаружены ли они? - задают себе вопрос подводники, пока "Гондар" стремительно погружается на максимально разрешенную, чтобы не повредить "маиали", глубину (около 100 метров).

На поверхности три британских корабля "Стюарт", "Сандерланд" и "Н-22", недавно пришедшие с Северного моря новейшие морские охотники, оборудованные самым последним британским изобретением для поиска подводных лодок сонаром. Гидрофоны субмарины отчетливо улавливают его характерный шум. Это не предвещает ничего хорошего. И действительно, через короткое время пять мощных взрывов потрясли маленькую подводную лодку, которая заметалась как сорванный ветром лист во время урагана. Свет погас. Экипаж сохраняет столь необходимое хладнокровие. Зажигается аварийное освещение. Каждый моряк стоит на своем боевом посту. "Гондар" продолжает погружаться и опускается на глубину 125 метров. Брунетти останавливает машины и требует полной тишины на борту. Наступает долгое ожидание. Каждый человек затаивает дыхание и передвигается в случае необходимости на цыпочках. Неподвижность и безмолвие теперь единственные козыри в распоряжении "Гондара" в смертельной игре с врагом, чтобы не быть обнаруженными и уйти живыми.

Гидроакустик на своем посту следит за перемещениями кораблей наверху. В течение

нескольких часов они вспахивают глубину моря глубинными бомбами. Взрывы швыряют лодку из стороны в сторону как мячик. Началась инфильтрация воды по швам корпуса, сжатого толщей воды. Медленно текут минуты, часы. В 8 часов утра "Гондар" перестает слушаться рулей. Он получает дифферент на нос. Экипаж работает по пояс в воде. Лодка начинает неуправляемо погружаться: 130, 140, 150 метров. Еще несколько десятков метров, и корпус не выдержит чудовищного давления и разорвется. Вот и аварийное освещение вышло из строя. Нет, Брунетти не собирается бесполезно жертвовать людьми своего экипажа.

- Говорит командир, - объявляет он по трансляции, - всем надеть спасательные пояса и приготовиться покинуть лодку, как только она достигнет поверхности. Капитан-лейтенант Тоски отвечает за эвакуацию людей, я остаюсь на лодке, чтобы открыть кингстоны, если она сразу не утонет. Все люки и двери между отсеками оставить открытыми.

- Все на своих местах, командир. Спасательные пояса надеты.

- Внимание! Продуть главный балласт!

Под аккомпанемент клокотания воды, вытесняемой сжатым воздухом из балластных цистерн, "Гондар" начал сначала медленно, а затем все быстрее всплывать и выскочил на поверхность как пузырь воздуха.

- Открыть люки! Все за борт! - приказывает Брунетти.

Без паники люди поднимаются наверх. Под порывами холодного ветра они прыгают в воду. Последними открыли клапаны балластных цистерн, куда снова и в последний раз устремляется вода, увлекая лодку в пучину моря. Брунетти, стоя на рубке, машет белым флагом. Вскоре лодка скрывается под водой. Тайна "маиали" спасена. Но для Элио Тоски, одного из их создателей, война заканчивается и начинается плен. Длинный путь приведет его в Индию. Свою родину он увидит только через четыре года, после трех неудачных попыток побега, последняя из которых приведет его в португальскую колонию Гоа.

Между тем "Шире" также покинула Специю 24 сентября со следующими экипажами управляемых торпед на борту: капитан-инженер Тезео Тезеи и старший матрос-водолаз Альчиде Педретти, капитан-лейтенант Джино Биринделли и водолаз 2-го класса Дамос Паканини, лейтенант Луиджи Дюран де ла Пенне с водолазом 2-го класса Эмилио Бьянки, и в резерве лейтенант-инженер Джангастон Бертози со старшим матросом-водолазом Арио Ладзари.

Боевой приказ предусматривал, что подводная лодка, достигнув Гибралтара, проникнет в залив Альгезирас, куда открываются ворота английской военно-морской базы. Затем Валерио Боргезе должен выбрать, в зависимости от обстоятельств, точку, в которой он выпустит управляемые торпеды. Снаряды своим ходом приблизятся ко входу в порт, преодолеют заграждения и направятся к выбранным целям, о которых им сообщат по радио в последний момент из Рима.

Боргезе воспользовался временем перехода, чтобы поближе познакомиться с командой новой для него подводной лодки и стать на борту главным хозяином судеб этих людей... после Бога. Ему не составило труда достичь своей цели. Экипаж "Шире" состоял из опытных моряков-подводников, готовых всему миру показать, на что способны итальянские солдаты, когда ими командует достойный офицер. Боргезе как раз и был таковым. Уже несколько лет благодаря своей молодости, динамизму своего характера, престижу своего имени и изощренной брани он заслужил большое уважение во флотских кругах. Он стал своего рода офицером-талисманом итальянского флота. Экипаж "Шире" сплотится вокруг него, будет слепо верить ему и беспрекословно повиноваться при любых обстоятельствах, полагаясь на его чувство моря и невероятное чутье, позволявшее ему выходить живым из самых тяжелых переделок.

После спокойного перехода "Шире" 29 сентября подходит к Гибралтару и так же как "Гондар", крейсировавший в это же время перед Александрией, получает сообщение из штаба с приказом прекратить операцию и возвращаться в порт Маддалена. Английская эскадра также покинула Гибралтар всего за несколько часов до намеченного времени атаки.

Англичане были предупреждены или это случайное совпадение? Уже перед смертью Боргезе стал склоняться ко второму предположению.

"Различные соображения, - говорил он, - особенно тот факт, что во время следующих операций наши снаряды всегда находили британские корабли спокойно стоящими на привычных якорных стоянках и в совершенном неведении относительно своей судьбы, наводят меня на мысль, что в тот раз это было случайное совпадение".

Также думал он и тогда, когда "Шире" возвращалась в Маддалену, а затем, через несколько дней, на свою базу в Специю. Покидая подводную лодку и пожимая ему руку, Тезеи скажет ему:

- Не переживайте, командир. Мы скоро повторим.

Как любого мужественного, с характером человека, неудачи только закаляли Тезеи и укрепляли в его намерениях, так же как и Валерио Боргезе. "Этот поход хотя и закончился неудачно, - писал впоследствии Боргезе, - был очень полезен. Он позволил мне проверить новое оборудование, установленное на борту. "Шире" имела странный вид с тремя огромными цилиндрами на палубе и окрашенная в зеленый цвет, по фону которого был нанесен более темным цветом силуэт рыболовного траулера (чтобы сбить с толку случайного наблюдателя); невозможно представить обводы более нелепые, такие "не морские". С большого расстояния она больше не походила на подводную лодку, даже просто на корабль. Она скорее напоминала большой деревянный паром. Но глаз быстро привык, и она скоро стала для меня самой прекрасной подводной лодкой на флоте, впрочем, это случалось со мной на всех остальных кораблях, на которых я до этого плавал".

Будущее представлялось ясным и праздничным для этих людей. Для них не существовало ни непреодолимых препятствий, ни смертельных опасностей, которых бы нельзя было избежать.

Многие месяцы они обивали пороги штабных кабинетов с предложением создать школу подводных боевых пловцов. И вот 1 сентября, когда они уже потеряли всякую надежду, происходит чудо, школа не только создана, но расположилась в Сан-Леопольдо, по соседству с академией в Ливорно. Она могла существенно помочь при наборе и обучению добровольцев.

Исчезнувшего вместе с "Гондаром" Джорджини заменяет фрегат-капитан Витторио Моккагатта, высокопрофессиональный и талантливый командир, стойкий и упорный. В его лице отряд управляемых торпед обретает настоящего хозяина и получает возможность приступить к подготовке новых операций.

Глава 5

"Шире" Валерио Боргезе готовится повторить атаку на Гибралтар в конце октября 1940 года.

Все, кто был назначен для участия в этой операции, тщательно готовятся под руководством Тезео Тезеи. Проверяются крепления конусов со взрывчаткой к корпусам торпед, осматриваются приборы управления, испытывается герметичность рабочих емкостей.

Наконец с обычными предосторожностями экипажи торпед поздним вечером 21 октября поднимаются на борт подводной лодки.

- Что в Гибралтаре? - спрашивает Боргезе.

- Два линкора, - отвечает Тезеи.

Боргезе складывает карту и кладет ее на маленький квадратный столик.

- Сильные течения, боюсь, будут главным препятствием, если я высажу вас там, где намечено, в двух милях западнее порта. Мне придется плыть у самой поверхности, чтобы сориентироваться. Впрочем, поживем - увидим.

Он убирает карту, достает стаканы. "Эти подводники слишком много пьют", - мелькает в голове у Тезеи. Но нет ничего удивительного в том, что люди, профессия которых - играть со смертью, умеют пользоваться радостями жизни. Валерио Боргезе поднимается, чтобы лично проследить за отплытием. Отданы носовые швартовы, отданы кормовые швартовы.

Длинная стальная сигара подводной лодки отправляется в путь. Вот она скользнула к выходу из порта, выходит в открытое море и исчезает во тьме.

После беспокойного плавания "Шире" подходит ко входу в пролив Гибралтар 27 октября. Пловцы ворочаются на своих узких койках, где они провели почти весь переход, чтобы избежать бесполезной траты энергии. В центральном посту тишина. Слышится только тиканье индикаторов давления и легкое ворчание электромоторов. Валерио Боргезе отдает приказ:

- Подняться на перископную глубину.

Подводная лодка немного подвсплывает. Боргезе нажимает на рычаг, и длинная стальная труба перископа заскользила к поверхности. Командир прильнул к окулярам. По его лицу капля за каплей стекают вода и масло. Горизонт чист, ни единого дымка.

- Акустик, - произносит вполголоса Боргезе.

- Все спокойно, - отвечает тот, вслушиваясь в далекий шум винтов.

Лодка всплывает в сорока милях от Рошера.

- Мы попробуем прямо сегодня вечером приблизиться к Гибралтару. говорит Боргезе, обращаясь к Тезеи, стоящему рядом с ним на мостике.

В эту ночь и в следующую принц старался, но напрасно, достичь намеченной цели. Вражеские сторожевые корабли рыскали вокруг базы и не подпускали близко. Наконец, 29 октября, двигаясь против течения в подводном положении, "Шире" подбирается ко входу в залив Альгезирас.

"Мы долго изучали карту, чтобы выбрать самый удачный пункт для осуществления деликатной операции спуска на воду боевых снарядов, - писал Боргезе. - Это место должно было удовлетворять различным требованиям, некоторые из которых были почти невыполнимыми. Оно должно было находиться как можно ближе к порту, чтобы пловцы не очень устали, не потеряли слишком много времени и не подвергались большому риску, долго двигаясь к цели. Глубина должна быть порядка 15 метров, чтобы лодка могла лечь на дно во время вывода торпед из цилиндров, но располагаться достаточно далеко от вероятных маршрутов патрульных кораблей, которые могут, даже не желая этого, столкнуться с лодкой, неспособной в этот момент маневрировать. Самым пригодным был признан район залива у самого испанского берега, там, где Гуадаранк впадает в море".

Этот выбор был одобрен командирами всех трех экипажей: Тезеи, дела Пенной и Биринделли.

"Шире" же находится в полдень 29 октября в проливе Гибралтар. Валерио Боргезе застопорил машины, потребовал полной тишины на борту и прижал лодку к скалистому испанскому берегу на глубине 70 метров, чтобы переждать незамеченными до вечера. Время от времени лодку приподнимает приливной волной и бросает с глухим скрежетом на камни. Звук от ударов гулко перекатывается по лодке, настоящей резонансной камере. Эти удары вызывают у людей беспокойство. Около 18 часов "Шире", хотя этого ничто не предвещало, начинает скользить по подводному склону каменной стены: восемьдесят, девяносто, сто метров. Казалось, ничто не может остановить это падение в смертельную бездну. Боргезе, стиснув зубы, сохраняет на лице маску спокойствия. Все повернулись в его сторону. Что он предпримет? Запустить моторы - значит подвергнуть лодку риску быть обнаруженной патрульными кораблями врага. Ждать еще, веря в свою счастливую звезду? Сквозь застывшую маску его лица не пробиваются никакие чувства. Внезапно падение прекращается.

- Рано или поздно она должна была остановиться, - спокойно замечает Боргезе.

И снова потянулось долгое ожидание.

"В тот день, - рассказывал мне потом Джино Биринделли, - я с восхищением наблюдал за Боргезе, командиром, человеком, моряком. Он всегда был и в других подобных случаях, я бы сказал, не только на высоте, но выше обстоятельств".

Наконец наступает вечер. "Шире" всплывает на поверхность. Море спокойно, с запада дует легкий бриз, видимость прекрасная. Боргезе определяет свое положение. Лодка

находится в ста метрах от берега в заливе Толмо. Впереди по левому борту виден Гибралтар, удивительно ярко освещенный для военного времени. Боргезе берет курс на мыс, удерживая лодку в полупогруженном положении. Гидрофоны четко улавливают шум винтов кораблей, передвигающихся по рейду. По шумам Боргезе реконструирует то, что происходит над головой, и производит соответствующие маневры.

В лодке царит полная тишина. Она находится всего в двух милях от Гибралтара. Экипаж ходит в мягких тапочках, ключи для работы с клапанами обернуты тряпками, все ненужные механизмы выключены. Предусмотрено все, чтобы враг не догадался о присутствии субмарины.

Глубина начинает уменьшаться. Вдруг новое и последнее происшествие: "Внезапно шум двигателей надводного корабля, шум, который был слышен всем без всяких приборов, прекратился прямо над головой, - писал Боргезе. - Мы переглянулись. Неужели он пришел за нами? Есть ли у него гидрофоны? А торпеды? Чтобы разрядить обстановку, я вполголоса в шутку отпустил длинное витиеватое романское ругательство в адрес этого докучливого посетителя, потревожившего наш покой. Это разорвало гнетущее вопрошающее молчание, тяжело повисшее в воздухе, лица осветились улыбками, тревога рассеялась".

В половине второго ночи 30 октября рубка "Шире" разрывает гладь поверхности моря. Боргезе мгновенно оказывается на мостике. В ста пятидесяти метрах от лодки угадывается темная масса берега. В двух милях по берегу - Гибралтар. Лучи прожекторов то упираются в небо, то падают в море, освещая силуэты стоящих на рейде кораблей.

- Приготовиться, - говорит Тезеи своим людям, - выходим. Я атакую один из двух линкоров, стоящих в порту. Биринделли занимается вторым, а де ла Пенне крейсером или авианосцем.

Боргезе опускает лодку на грунт на глубине 12 метров. Пловцы один за другим покидают лодку. Микрофоны гидрофонов доносят до Боргезе звуки, свидетельствующие, что "маиали" выводятся из ангаров. Внезапно наступает тишина. Торпеды ушли, унося каждая двух оседлавших их пловцов.

- Дети мои, - говорит, повернувшись к морякам, окружавшим его, Боргезе, - нам остается только уйти. В нашу задачу не входит ожидать их обратно.

"Шире" берет курс на восток. Вечером 3 ноября, подталкиваемая сильным ветром в спину, она входит в порт Специи.

А пловцы, покинув лодку, разделились. Дюран де ла Пенне и его напарник Бьянки попали в аварию, проплыв едва 20 минут. Они добрались вплавь до испанского берега и были подобраны там итальянскими агентами, ожидавшими их на пляже.

Тезеи и Педретти стали жертвами нескольких поломок. Около 5 часов утра, в момент преодоления ими заграждений у входа в порт, корма их торпеды вдруг стала опускаться и дыхательные аппараты перестали работать. Пришлось прекратить операцию и высадиться на берег, где они нашли дела Пенну и Бьянки. Биринделли с Пакканини последними вывели свой "маиали" из транспортного цилиндра. Они отправились в путь через сорок минут после своих товарищей. Когда они поднялись на поверхность, то оказалось, что их снаряд не может ни двигаться с нужной скоростью, ни удерживать заданную глубину. Вероятно, вода попала в батарейный отсек. Несмотря на эту неприятность, они решили продолжать путь, надеясь, что им удастся проникнуть в порт по поверхности, а затем под водой они смогут добраться до цели, линкора "Бархем", и атаковать его.

Они плыли, ориентируясь на огни Гибралтара. Снаряд медленно и тяжело продвигался между двумя рядами пароходов, стоящих на якорных стоянках на рейде. Было слышно, как переговариваются часовые. Из воды торчали только их головы, и они остались незамеченными. Через два часа торпеда достигла края торгового мола. Через три часа и сорок минут после отправления она подошла к заграждениям, перегораживающим вход в порт. Было уже 6 час. 10 мин. Впереди виднелись, в 5 метрах друг от друга, большие квадратные поплавки, соединенные стальными стержнями, которые через каждые полтора метра ощетинивались двадцатисантиметровыми металлическими штырями.

Вход очень узкий, шестьдесят-восемьдесят метров. Биринделли мог легко различить силуэты и голоса часовых на дамбе, но "маиали" осталась незамеченной. С помощью Пакканини он преодолел два последовательных заграждения и оказался в порту. Первая часть задания выполнена. Он заполнил балластную емкость и погрузился на глубину 14 метров. Силуэт "Бархема" вырисовывался на фоне темно-серого неба в 250 метрах от двух итальянцев, которые, едва погрузившись, столкнулись с новой неприятностью. У Пакканини отказал дыхательный аппарат и ему пришлось снова подняться на поверхность. Оставшись в одиночестве, Биринделли медленно продвигался вперед у самого дна, усеянного скалами, на которые постоянно наталкивался его снаряд. Через пятнадцать минут такого плавания двигатель внезапно остановился. Никакой возможности запустить его снова! Биринделли уже слышал глухой шум работающих машин "Бархема". Его охватила ярость. Потерпеть аварию так близко от цели, какое невезение!

Молодой офицер поднялся на поверхность. Корпус линкора возвышался перед его глазами всего в семидесяти метрах. Решив во что бы то ни стало доставить торпеду к цели, он снова погрузился. После получаса напрасных усилий ему стало тяжело дышать, кончался кислород. Он почувствовал первые симптомы отравления углекислым газом. Пришлось отказаться от задуманного. Поставив взрыватель в боевое положение, Биринделли поднимался на поверхность. Ему оставалось только попытаться покинуть порт и добраться до испанского берега, где он надеялся получить помощь. Его охватило отчаяние. У него еще хватило сил вплавь добраться до ворот порта. Там он натолкнулся на заграждения и понял, что на берег ему не выбраться. Он повернул назад. Начинало светать. Сколько времени он находился в воде? Силы оставляли его. Он тщетно пытался подняться по скользким камням на мол. Ниспосланный провидением куст позволил ему немного передохнуть. Наконец он добирается до верха. Везде стоят часовые. Перед самым рассветом он вроде бы нашел путь к спасению. В порту стоит пароход "Санта-Анна" под испанским флагом. Биринделли поднялся на его борт, надеясь найти убежище и дождаться ночи. Но его обнаружили члены экипажа. Он напрасно пытался убедить их оставить его на борту. Исчерпав все аргументы, он предложил им все, что у него было с собой, - 200 песет. Матросы уже было согласились с его предложением, как появился английский моряк. При нерешительном и вялом отношении испанцев можно было без труда представить, какая судьба его ждала. Вскоре Биринделли под конвоем двух полицейских был доставлен в штаб службы охраны базы.

В момент, когда он протягивал свое удостоверение английскому офицеру, сильный взрыв потряс здание - взорвалась "маиали". В порту началась паника. Несколько миноносцев покинули свои стоянки и вышли в море. Только английский офицер, перед которым стоял Биринделли, казалось, сохранил хладнокровие. Держа в руках удостоверение итальянца, он спокойно обронил:

- Если вы тот, о котором я думаю, вы опоздали на три дня. Ваши друзья уже три ночи прогуливаются по пляжу Ла-Линеа. Один из них снимает номер в отеле "Принц Альфонс".

Биринделли молчал. Допрос продолжился, впрочем без особого успеха, в присутствии офицеров трех родов войск. Итальянец только повторял как заклинание:

- Я капитан-лейтенант итальянского королевского военно-морского флота Джино Биринделли.

Попав в плен и оказавшись потерянным для родины и друзей, он желал одного - дать знать итальянским ВМС, что Гибралтар не такой уж неприступный порт, что он проник в него, в самое сердце британской военной базы. Эти сведения - он это прекрасно понимал - очень важны для дальнейшей судьбы отряда управляемых торпед. В штабе флота считали, что новая неудача будет означать непреодолимость технических трудностей в применении нового оружия и положит конец подобным операциям.

Перебрав одну за другой свои скромные возможности, Биринделли остановил выбор на варианте, показавшемся ему самым лучшим. Он послал письмо матери. В письме он между прочим писал: "Профессора оказались не так глупы, но я советую моим друзьям продолжать подготовку к экзаменам, и они, без сомнения, сдадут их".

Бедная женщина, конечно, подумает, что ее сын сошел с ума, но для очистки совести обязательно покажет письмо майору Моккагатте и Валерио Боргезе, который стал к тому времени командиром только что создававшегося сектора подводных управляемых снарядов. Так и произошло. С первого взгляда оба офицера понимают скрытый смысл намеков Биринделли. Уже несколько дней в их распоряжении был ключ к шифру. Из разведывательного отдела штаба флота им передали вырезки из испанских газет со статьями под громкими заголовками типа: "Итальянские подводные лодки у Гибралтара?"

"Ла-Линеа, 31 октября. Среди населения бродят слухи, - писала одна из газет, - о появлении итальянских субмарин у входа в порт Гибралтара утром 30 октября и о взрыве торпеды, повредившей металлические заграждения, закрывающие на ночь ворота порта".

Мадридская "А.В.С." также опубликовала 2 ноября статью следующего содержания:

"Альгезирас, 1 ноября. - Неизвестный аппарат (это была затонувшая торпеда Тезеи, отнесенная течением. - Прим. авт.), найденный на пляже Эспаньона в Ла-Линеа, был вывезен в Сан-Фернандо, где его осмотрели специалисты арсенала Каррака. Пятиметровый снаряд похож на обычную торпеду, но снабжен двумя сидениями и приборами управления. Об экипаже ничего не известно, но можно предположить, что этот снаряд, как и тот, что взорвался в порту Гибралтара, был выпущен с подводной лодки, надводного корабля или самолета. В момент, когда снаряд был обнаружен на пляже Ла-Линеа, его винты еще вращались".

Со своей стороны, экипажи Тезеи - Педретти и дела Пенны - Бьянки, вернувшиеся в Италию по хорошо организованному агентурной сетью в Испании пути, сообщили ценную информацию.

Экипажи английских судов охватил психоз беззащитности. Даже на тех кораблях, которые стояли в порту под охраной дамбы и заграждений. Это была первая, пока еще моральная, победа.

Для Моккагатты, Боргезе и их людей-торпед подобные успехи могли иметь конкретные последствия в будущем.

Чтобы поощрить экипаж своей подводной лодки, Валерио Боргезе обращается к адмиралу Каваньяри, заместителю командующего ВМФ и начальнику главного штаба флота с предложением организовать для его людей отдых в горах, в хорошем отеле, где они могли бы немного забыть о жесткой дисциплине. Моряки там восстановились бы физически и морально и обрели бы отличную форму для следующих операций. Этот отдых, конечно, должно оплатить морское министерство.

Каваньяри без колебаний дает свое согласие. И через несколько дней экипаж "Шире" уже устроился в Ортизее, в долине Валь-Гардена. "Для меня не было большего удовлетворения, - вспоминал Боргезе, - чем знать, что мои бравые парни отдыхают и развлекаются в таком прелестном местечке. Они просыпаются в чистых мягких постелях когда хотят, вызывают звонком горничную и могут заказать: "Горячий шоколад и много взбитых сливок. Я буду завтракать в постели".

Возвратившись на лодку, командир с экипажем представляют собой монолитный и неуязвимый блок. Валерио Боргезе предлагает и другим командирам подводных лодок перенять его опыт. И вскоре такой порядок поощрения становится обычным явлением на всем итальянском флоте.

В этой радостной и оптимистичной атмосфере, которая достигла даже кабинетов Супермарины, Моккагатта смог полностью погрузиться в организацию того подразделения, которое 15 марта 1941 года оформилось в 10-ю флотилию МАС, легендарную "Децима МАС".

Штаб флотилии включал в себя оперативный отдел, учебный сектор, отдел материально-технического обеспечения и секретариат. Управляемые штурмовые снаряды были разделены на две группы: подводную, под командованием Джунио Валерио Боргезе, и надводную, во главе с корвет-капитаном Джорджино Джиоббе.

Подводному сектору были приданы: школа боевых пловцов в Сан-Леопольдо, база

управляемых торпед в устье Серкио, транспортные подводные лодки и диверсионные отряды. В надводный сектор вошли отряд "баркини" с их базой в Специи (на полигоне Котрау-дель-Вариньяно), различного типа торпедные катера, вспомогательные корабли.

В конце ноября Валерио Боргезе вместе с адмиралом Каваньяри отправляется на прием к дуче, который являлся главнокомандующим вооруженными силами во время войны. Боргезе во второй раз встречается с Муссолини. Несколько лет назад он был ему представлен на одном из банкетов, устроенных Морским министерством в честь отличившихся в испанской войне. На этот раз Боргезе также только что получил награду, золотую медаль воинской доблести, за свою миссию в Гибралтаре. Серебряными медалями были награждены Тезеи, Дюран де ла Пенне, Педретти и Бьянки. Только что полученные награды сверкают на их мундирах, когда они идут по знаменитой гостиной Мапмонд Венецианского дворца в Риме. Муссолини встречает их стоя у своего стола, руки на бедрах, одетый в "президентский" мундир: серые брюки с лампасами и черный китель.

Адмирал Каваньяри представляет прибывших офицеров. В докладе Боргезе дуче особенно заинтересовал тот факт, что Гибралтар в момент нападения был ярко освещен, как в мирное время.

- Объясните мне, каким образом вы это увидели? - обращается он к Боргезе.

С помощью морских карт, принесенных с собой, молодой офицер подробно рассказывает. Муссолини внимательно слушает и в заключение говорит:

- Я выражаю вам благодарность от имени всех итальянцев. Будьте настойчивы и в дальнейшем.

Затем, после короткой паузы, он сухо прощается. Несколько часов назад он принимал генерала Содду, вернувшегося из инспекционной поездки с албанского фронта, где боевые действия против греческой армии принимали трагический оборот для итальянских войск, и это его очень беспокоило.

Глава 6

28 октября 1940 года, не предупредив Гитлера и не прислушавшись к мнению своих генералов, Муссолини бросил свои плохо подготовленные, без должного снабжения и бездарно руководимые войска на Грецию. Это наступление требовало большого участия флота для переброски войск в Албанию: 600 000 человек и 700 000 тонн грузов. Эти перевозки осуществлялись в ущерб африканской армии маршала Грациани, которую было бы лучше усилить и поддержать после ее сентябрьского успеха в Сиди-Баррани. Сосредоточив все силы на этом направлении, можно было достичь Синая в Египте.

Англия сразу же начала оказывать помощь Греции. Внезапное нападение 11 ноября 1940 года на итальянскую эскадру в Таранте было их первой акцией, итог: три итальянских линкора потоплены или серьезно повреждены английскими самолетами-торпедоносцами (это была первая воздушная атака против кораблей во Второй мировой войне). Следующим шагом британский флот захватывает многие места якорных стоянок, в изобилии разбросанных вдоль берегов Греции и Крита, на пути между Грецией и Египтом. Затем англичане организовывают военную базу в Суде, просторной и глубоководной закрытой бухте на северо-восточном побережье Крита, и перебрасывают в Грецию 50 000 своих солдат из Египта и Сирии.

Таковым было положение на фронтах в момент, когда Боргезе со своими товарищами покидают просторный кабинет дуче. А положение итальянских войск продолжает ухудшаться. В Ливии британские войска в январе и феврале 1941 года переходят в контрнаступление и овладевают Тобруком и Бенгази. 26 февраля в события пришлось вмешаться африканскому корпусу Роммеля, чтобы не допустить полного разгрома итальянского союзника.

В Греции итальянские войска сначала отброшены на территории Албании, затем окружены. Гитлер опять приходит на помощь своему неудачливому союзнику, даже в ущерб плану "Барбаросса" (нападению на СССР), осуществление которого должно начаться в июне.

Высадка англичан на Крите имела и другое важное следствие: она поставила под

угрозу владения Италии в Додеканезе и делает практически невозможным сообщение между Италией и ее заморскими территориями, которые составляли передовой фронт Италии на восточном Средиземноморье.

Так как база в Суде и стоящие там корабли были надежно защищены от атак подводных лодок, торпедных катеров и авиации, Супермарина решает использовать свое секретное оружие: управляемые штурмовые снаряды. Несмотря на надежды, рожденные полууспехом Биринделли в Гибралтаре, на этот раз для операции были выбраны начиненные взрывчаткой катера - "баркини". С декабря 1940 года флотилия "баркини" базируется на острове Леро в Партени, расположенном между Грецией и Египтом. Она должна была участвовать в блокаде транспортного сообщения англичан между Грецией и Египтом. Теперь штаб флота меняет главную цель флотилии и переориентирует ее на Суд.

Майору Моккагатте, главе Децима МАС, поручается подготовить и нанести удар. Для доставки снарядов к цели выбираются два контрминоносца: "Криспи" и "Челла". На их палубах установили оборудование для крепления катеров-снарядов и спуска их на воду. Непосредственным руководителем операции назначается капитан-лейтенант Луиджи Фажьони, огромного роста молодой человек с невозмутимым каменным лицом.

25 марта "Криспи" и "Челла" отправляются в путь. Условия для атаки идеальные: прекрасная погода, спокойное море. По донесениям воздушной разведки в бухте Суд находятся два миноносца, два больших парохода, семь средних транспортов и крейсер водоизмещением около 10 000 тонн. Операция начинается. В 23 часа 30 мин. "Криспи" и "Челла" спускают на воду шесть "баркини" в 10 милях от берега и ложатся на обратный курс.

Шесть пилотов катеров, капитан-лейтенант Луиджи Фажьони, командир группы, лейтенант Анжело Кабрини, старший артиллерист Алессио де Вито, старший механик Туллио Тедески, старшина второго класса Лино Беккати и старший матрос Эмилио Барбери, на полном ходу сомкнутым строем приближаются ко входу в бухту. До последнего момента они остаются незамеченными. Предстоит самая сложная часть операции: преодоление трех линий заграждений, перегораживающих шестимильный пролив, ведущий в бухту. Его скалистые берега усеяны вражескими огневыми точками.

Шум двигателей кажется оглушительным. Можно было подумать, что звук слышен за десять миль от катера, но английские часовые, находившиеся максимум в трех милях, как будто оглохли. Две первые линии заграждений пройдены без проблем. Катера подходят к последней в 4 часа 30 мин. Не проскочив ее с ходу, они проплыли вдоль нее и находят брешь, оставшуюся незамкнутой, у самого берега, в нескольких сотнях метров от часовых врага.

На середине бухты, при тусклом свете занимающейся зари Фажьони собирает своих людей.

- Что будем делать? - спрашивает вполголоса один из пилотов.

- Но мы у цели, - говорит другой, и в голосе его слышится удивление.

Все были уверены, что будут обнаружены еще на подступах к цели, и не могли поверить в свою удачу. Время 4 часа 46 мин. Крейсер "Йорк" стоит на якоре в двухстах метрах от заграждения. В ста метрах вырисовывается силуэт танкера. Пароходы рассредоточены в глубине бухты.

Фажьони в бинокль рассматривает возможные цели и затем отдает приказ:

- Кабрини и Тедески, вы атакуете "Йорк". Беккати, ты пойдешь к танкеру. Барбери и Де Вито, ваша цель пароходы, каждый выберет сам. Я остаюсь в резерве, чтобы нанести последний решающий удар по "Йорку".

Ровно в 5 часов на борту "Йорка" пропел горн и зажглись огни, в тот же момент зажигаются огни на заграждениях. Фажьони, подумав, что крейсер готовится сняться с якоря, отдает сигнал к атаке. Кабрини и Тедески бросают свои "баркини" вперед. В тот же момент Беккати поворачивает в сторону танкера. За ним ринулись Де Вито и Барбери, направляясь каждый к своему пароходу.

"Я увидел, что хотя "Йорк" получил серьезное повреждение, он не тонет так быстро,

как мне бы хотелось, - рассказывал потом Фажьони. - Поэтому я также нацелил на него свой катер. По пути я заметил другой крейсер, стоявший за атакованным танкером. Мгновенно разворачиваю свой "баркини" в его сторону, но промахиваюсь".

На борту "Йорка", накренившегося на правый борт и окутавшегося густым черным дымом, экипаж не поддался панике, хотя и не понял, откуда произошло нападение. "За несколько секунд до взрыва, - вспоминал штурман крейсера Тиббитц, - один из вахтенных матросов доложил, что с правого борта быстро двигается небольшой катер. Но в то время я не сопоставил эти два события, взрыв и присутствие неизвестного катера около корабля". Ничего удивительного. Англичане столкнулись с новым видом оружия, до тех пор неизвестным и не вызывающим подозрение.

Наступает утро. Фажьони и пятеро его товарищей, покинувшие свои снаряды за пятьдесят метров от цели, вплавь пытаются добраться до берега, до намеченного пункта сбора. Но этого им сделать не удается. Один за другим они попадают в поле зрения англичан, а затем и в плен. "Меня спрашивали, рассказывал потом Фажьони, - был ли я сброшен с самолета и остались ли еще в море мои товарищи. Я все отрицал. Мне не дали даже взглянуть в иллюминатор, но предложили глоток виски, чай и сигареты и помогли снять мой резиновый гидрокостюм. В 10 часов под конвоем офицера и двух матросов меня на катере отвезли на берег. Мы проплыли мимо поврежденного танкера, из которого в море выливалось топливо. Я также заметил и "Йорк". Он носом выбросился на мелководье и его корма едва возвышалась над водой, пушки кормовой башни были задраны в небо на максимальный угол. Над бухтой на низкой высоте кружил гидросамолет. Мы причалили к небольшой пристани, недалеко от которой я заметил мой "баркини", окруженный толпой солдат и матросов".

- Он еще представляет опасность? - спрашивает офицер у Фажьони.

- Я думаю, да, - отвечает тот, - и советую вам не прикасаться к нему. Он может взорваться в любой момент.

- Вы можете объяснить мне, как его обезвредить?

- Нет, я и сам не знаю, - говорит Фажьони.

Офицер настаивает, потом начинает угрожать, потрясая перед носом пленника пистолетом. Но, ничего не добившись от упрямого итальянца, он наконец сдается. Так же безрезультатно заканчиваются допросы остальных пилотов. Английскому саперу приходится приступать к разминированию катера, не имея никакой информации. Осторожно и неторопливо он осматривает снаряд. Затем приступает к работе. Проходит несколько часов. С терпением муравья он продвигается вперед, преодолев одну за другой девятнадцать ловушек и различных препятствий, стоящих на страже секрета "баркини". Пот заливает его глаза. Стиснув зубы, он начинает обезвреживать двадцатую и последнюю ловушку. И вдруг - взрыв. Сапер получает сильные ожоги лица и слепнет.

"Барчино" разрушен. Его секрет остается неразгаданным.

Это была первая полновесная победа, одержанная моряками Децима МАС. В результате потоплены крейсер "Йорк" и три транспортных парохода общим водоизмещением 32 000 тонн. Когда в мае 1941 года аэромобильные части Германии высадились на Крите, они нашли в бухте Суд останки "Йорка". Вывод из строя этого крейсера нанес сильный удар по группировке британского флота в восточном Средиземноморье, он был одним из ее сильнейших кораблей.

Теперь оставалось и "маиали" одержать столь же громкую победу, какая выпала на долю "баркини".

Глава 7

В мае 1941 года "Шире" принца Джунио Валерио Боргезе предпринимает третью попытку атаковать Гибралтар.

Как командир подводного сектора Децима МАС, Боргезе тщательно изучил все детали предыдущих операций и учел все ошибки, выявленные в их ходе. Он старается не оставить места для случайностей.

Механическая часть управляемых торпед была усовершенствована Тезеи, и снаряды прошли дополнительные испытания. Курс обучения пилотов был ужесточен. Чтобы избежать ненужного утомления экипажей снарядов за время долгого перехода на подводной лодке, Боргезе принимает решение перебрасывать людей самолетами в Испанию с фальшивыми паспортами. Там они должны прибыть на борт итальянского танкера "Фулгор", интернированного в порту Кадис с самого начала войны.

"Шире" должна будет пройти проливом Гибралтар, выйти в Атлантический океан, подойти к Кадису, забрать людей с "Фулгора" и снова вернуться в Средиземное море. Затем в заливе Альгезирас выпустить людей-торпед в свободное плавание. Если подумать, то риск для "Шире" и ее экипажа очень велик, но Боргезе не тот человек, который отступает перед опасностью, когда на кон поставлен успех боевой операции. С твердым намерением в точности выполнить этот план до последней буквы, он покидает Специю 15 мая 1941 года. "Похоже, - писал он шутливо, - "Шире" стала с регулярностью пассажирского лайнера доставлять управляемые торпеды по линии Специя-Гибралтар".

На рассвете 23 мая "Шире" благополучно проходит проливом Гибралтар на глубине 60 метров и подходит к Кадису. Боргезе кладет ее на грунт на глубине 40 метров, чтобы дождаться ночи. "Трудно представить, - вспоминал он, - более благоприятную для сна атмосферу, чем в подводной лодке, лежащей на дне: к обычному безмолвию подводного мира добавляется отсутствие звуков работающих двигателей и других рабочих шумов. Кажется, что нависшая над лодкой толща воды надежно защищает от любого вторжения. После многих и многих дней плавания при постоянных физических и нервных перегрузках, когда человек смертельно устает от непрерывного шума моря, ветра и работающих машин, создается впечатление, что война где-то далеко-далеко, как и весь остальной мир, тем более что в погруженном положении прерывается и радиосвязь: человек оказывается совершенно один на один с собой".

Наступает ночь. "Шире" всплывает и незамеченной проскальзывает в порт. Она входит в устье Гуадалеты, благополучно минует корабли, стоящие на якоре (некоторые из них под английским флагом), и подходит к "Фулгору".

- Как прошло путешествие, командир? - встречает его капитан танкера.

- Отлично, - отвечает Боргезе, лицо которого освещает широкая улыбка.

Пилоты собираются в кают-кампании. Перед Боргезе стоят капитан-лейтенант Дечио Каталано, водолаз 2-го класса Джаннони, капитан-лейтенант Амедео Веско, водолаз Франчи, капитан-лейтенант Личо Визинтино, водолаз 2-го класса Магро, инженер Антонио Марчелья и водолаз 2-го класса Шергат. Врач отряда Бруно Фалькомата тоже здесь, он хотел до последнего момента наблюдать за людьми, принимая во внимание тяжелую задачу, поставленную перед ними.

Боргезе всем пожимает руки.

- Благодаря вам, - говорит старший группы Дечио Каталано, - мы все в прекрасной физической форме. Поверьте, командир, сегодня нам улыбнется удача.

В ответ лицо Боргезе осветила улыбка. Предстояло еще много чего сделать, но уверенность людей ему нравилась. Всегда заботяшийся о состоянии своих подчиненных, он, воспользовавшись несколькими часами, оставшимися до отплытия, дает им возможность принять горячий душ. Затем, пока на лодку грузят свежие овощи, чтобы разбавить монотонность консервов, он знакомится с последними данными о расположении вражеских кораблей в порту Гибралтара, доставленных накануне итальянским агентом.

Наконец все готово. "Шире" спускается вниз по реке и погружается, когда уже занимается рассвет.

25 мая Боргезе, еще раз пройдя, в обратном направлении, пролив Гибралтар, берет курс на залив Альгезирас. Он рассчитывает воспользоваться приливом, чтобы пробраться в "пасть к волку" незамеченным. Но сильное волнение спутало его планы, и первая попытка не удается. На следующий день он повторяет маневр, и на этот раз успешно.

В 22 часа 30 мин. 26 мая подлодка оказывается в двух с половиной милях от входа в

порт. Вот что записал командир Боргезе в бортовом журнале:

"26 мая. 23 часа 20 мин. Достигли намеченного пункта в устье Гуадаранка. Погрузились на глубину 10 метров. Пловцы подготовились к выходу и прошли последний осмотр врачом флотилии. Марчелья заменил заболевшего Франчи в экипаже Веско".

Но уже в 23 часа 30 мин.:

"Из штаба по радио пришло сообщение, что порт пуст, английская эскадра накануне вечером снялась с якоря и ушла. Приказано атаковать пароходы, стоящие на рейде. Глубокое разочарование. Я последний раз проинструктировал экипажи торпед.

23 часа 58 мин. Лодка всплыла. Пловцы покинули лодку".

"Шире", выполнившая свою задачу, незаметно уходит. 31 мая она возвращается в Специю, не встретив на обратном пути никаких препятствий.

Когда подводная лодка покидала залив Альгезирас, командир группы Каталано поднялся на поверхность. Он заметил слева от себя темные пятна на черном ковре моря, это были экипажи Веско и Визинтини. Последний буксировал снаряд Веско, у которого не запускался двигатель. Каталано направился к ним.

- Веско, - приказал он, - ты затопишь свой "маиале" на глубоком месте, перед этим отсоединив конус с зарядом. Дальше пойдешь с Визинтини. Марчелья отправится со мной.

Работают в полной тишине. Затем два аппарата по три человека на каждом берут курс на восток.

Около 1 часа 40 мин. они увидели прямо перед собой огни якорной стоянки на рейде Гибралтара.

Наступает момент разделиться. Пловцы пожелали друг другу успеха. Каталано направляется к горящим неподалеку огням. Это оказался средних размеров транспорт, прекрасная цель. Подплыли к пароходу со стороны кормы, собираясь прикрепить заряд у винтов судна. Оставаясь на поверхности и оседлав снаряд, Каталано держится руками за рулевую лопасть. Марчелья и Джанони начинают отсоединять конус с зарядом, чтобы прикрепить его к днищу парохода.

"Во время этой операции, - писал потом в рапорте Каталано, - Марчелья внезапно показался из воды, с широко раскрытым ртом, как будто ему не хватало воздуха. Я услышал, как Джанони спросил его, что случилось, и ответ Марчельи: "Все нормально". Я думаю, что мой третий член экипажа просто сильно устал. Я позвал его и приказал занять мое место, а сам поднырнул под конус, удерживая его от ударов о корпус. Марчелья устроился на моем месте. Джанони под водой работал с конусом, а я наблюдал за ним. Время от времени я приподнимал голову над водой и осматривался. В какой-то момент я заметил, что Марчелья лежит неподвижно с откинутой назад головой. Я подплыл к нему, позвал, он на мои слова не отреагировал".

Каталано бросается ему на помощь, забыв о своем снаряде, который, никем не поддерживаемый, затонул. Джанони ныряет, пытаясь найти его, но напрасно. Все пропало.

Каталано и Джанони оставалось теперь только заняться исключительно спасением Марчельи.

"Забыв о разочаровании и досаде от потерянного снаряда, - писал далее Каталано, - я выпустил кислород из баллона Марчельи, чтобы придать ему дополнительную плавучесть и приступил к оказанию первой помощи. В это время Джанони, по моему приказу, снял и уничтожил наши дыхательные аппараты.

Марчелья все еще был без сознания.

На борту судна, очевидно, услышали наши голоса. Один из матросов подошел к борту и направил на воду луч мощного фонаря, но нас не заметил. Мы поплыли к берегу, не обращая внимания на луч фонаря, который более методично стал обшаривать поверхность моря. Прошло несколько минут, Марчелья, которому мы, чтобы привести его в чувство, надавали пощечин, начал громко хрипеть, и эти звуки могли привлечь в нашу сторону людей на палубе корабля... Мало-помалу Марчелья пришел в сознание и через некоторое время смог плыть самостоятельно".

В 4 часа утра трое пловцов достигают твердой земли в условленном месте. Через четверть часа к ним присоединяется второй экипаж.

- У вас все хорошо прошло? - спрашивает Каталано.

- Нет, - угрюмо отвечает Визинтини.

Затем, после некоторой паузы:

- У нас все развалилось так близко от цели, что и вспоминать не хочется, - вырывается у него.

В самом деле, оказавшись в намеченном районе порта, Визинтини остановил свой выбор на танкере водоизмещением около 8000 тонн. С помощью двух своих товарищей он без промедления приступил к работе. Было 2 часа 20 мин. Визинтини поручает Магро прикрепить конус со взрывчаткой к судну.

"Прошло несколько минут, - писал он в отчете об операции, - решив, что Магро требуется помощь, я присоединился к нему, спустившись по веревке. Я позвал его. Он не ответил. Мне только показалось, что он совершенно неподвижен и как будто в сильном напряжении. Я увидел, что трос действительно сильно натянут. Я вынырнул на поверхность и крикнул: "Амедео, давай воздух, воздух давай!"

Я снова нырнул, но едва добрался до конуса, как веревка ослабла, а я, Веско и аппарат начали быстро погружаться. "Маиале" буквально прыгнула вперед. Я безуспешно пытался дотянуться до поста управления, ведь мне приходилось постоянно пользоваться дыхательным аппаратом. Спуск продолжался с возрастающей скоростью. Я чувствовал сквозь гидрокостюм увеличивающееся давление и скоро стал испытывать странные ощущения. Перед глазами поплыли красные, желтые, синие светящиеся точки. Наверное, я погрузился уже ниже тридцати метров, а падение все не прекращалось. Я отпустил снаряд, когда понял, что еще немного, и я потеряю сознание. Чтобы увеличить свою плавучесть, я еще приоткрыл вентиль своего кислородного баллона и стал быстро подниматься. Наконец я вынырнул на поверхность, а еще через несколько секунд появился Веско. Мне показалось, что он смертельно устал и обессилел. Я поплыл ему на помощь. В это время Магро, обеспокоенный нашим долгим отсутствием, стал нас звать. Я приказал ему замолчать и присоединиться к нам. Мы освободились от дыхательных аппаратов и затопили их, предварительно убедившись, что наши гидрокостюмы наполнились кислородом через специальный штуцер.

Магро рассказал, что он привязал веревку морским двойным узлом к стойке ахтерштевня судна, но она оборвалась. Веско сказал, что он услышал мой крик, но ему не удалось подать воздух в балластную камеру торпеды. Мы поплыли к берегу. Плыли на спине, чтобы экономить силы и добрались до берега в 4 часа 15 мин.".

Третья попытка атаковать Гибралтар закончилась так же плачевно, как и две предыдущие. Было о чем подумать, и Боргезе с Тезеи усиленно этим занимаются в Серкио. Первая неудача была результатом плохой работы разведки (английской эскадры не оказалось на месте). Однако случай с Биринделли, потерпевшим аварию всего в 70 метрах от цели, и провал последней операции свидетельствовали о несовершенстве снарядов. Неужели начальники в министерских кабинетах понимают лучше изобретателей? Тезео Тезеи упрямо твердит, что его час еще придет, но когда он остается один за своим рабочим столом, его начинают одолевать сомнения. Он гонит их, стараясь вспоминать об испытаниях, когда его детище прекрасно работало. Тогда он оставляет свои чертежи и спускается на пляж, ждет, пока матросы спустят на воду последнюю из изготовленных торпед, и без устали заставляет свой снаряд совершать самые рискованные маневры. Он верит в свое изобретение, как и его командир Валерио Боргезе.

"Слабые результаты, - говорил Боргезе, - не должны рассматриваться как провал. Это только неудачный опыт. Его необходимо проанализировать и извлечь из него уроки, которые дадут нам возможность прийти к полной победе в следующий раз.

Действительно, если посмотреть под этим углом зрения, последняя операция послужила хорошей тренировкой в боевых условиях для экипажей. Все остались живы. При

этом был найден новый способ доставки пилотов к цели через "Фулгор". Организация этого маршрута итальянскими секретными службами в Испании была так хорошо отлажена, что въезд и пребывание в этой стране до операции, прием на берегу после акции, переезд в Севилью на машине и возвращение в Италию самолетами итальянской кампании L.A.T.I. не оставляли никаких следов и не вызывали подозрений ни у испанских властей, ни у англичан. С другой стороны, англичане до сих пор не подозревали, какая опасность нависает над ними с 26 мая, и операция могла быть повторена с высокими шансами на успех, с использованием фактора внезапности.

Наконец получено новое подтверждение тому факту, что можно было полностью рассчитывать на "Шире", ее командира и экипаж для выполнения любого задания, каким бы опасным оно ни было, как с военной точки зрения, так и с навигационной.

Ничего еще не потеряно и в будущее можно смотреть спокойно и с уверенностью".

Решено было продолжить операции. На этот раз главной целью становится Мальта.

Глава 8

Никто лучше сэра Уинстона Черчилля не определил роль Мальты в этот решающий период войны на Средиземном море:

"Никогда взаимосвязь Мальты и операций в пустыне не была более очевидна, чем в 1942 году. Героическая оборона острова стала стержнем в долгой борьбе за сохранение наших позиций в Египте и на Ближнем Востоке. Победы и поражения нанизывались на одну нить и часто зависели от ритма, в котором осуществлялось снабжение воюющих сторон по морю. Для нас снабжение выливалось в долгое путешествие вокруг мыса Доброй Надежды, со всеми вытекающими из этого опасностями подводной войны и требовало громадного тоннажа первоклассных кораблей. Врагу же надо было всего лишь за два-три дня пересечь Средиземное море. Для этого достаточно было ограниченного количества небольших судов. Но укрепленный остров Мальта стоял поперек пути из Европы в Триполи".

Германия попыталась тогда нейтрализовать и изолировать "остров-авианосец" систематическими воздушными налетами Люфтваффе. Чтобы спасти Мальту, флот ее величества бросает на ее защиту все свои силы и несет тяжелые потери.

Великобритания овладела Мальтой в 1800 году. Но почти полтора столетия "остров Кавалеров", который в свое время был одним из передовых бастионов христианства в борьбе с исламом, играл второстепенную стратегическую роль. Но после постройки Суэцкого канала он становится важным звеном в цепи новых баз, связывавшим через Гибралтар, Александрию и Аден метрополию с владениями империи в Индии.

Накануне войны эта его роль, казалось, не вызывала беспокойства у итальянского командования. Конечно, в штабах понимали важность расположения Мальты. При подготовке к войне планировалось организовать снабжение войск в Ливии быстроходными кораблями, а английские базы на острове нейтрализовать массированными воздушными бомбардировками, или, что еще лучше, оккупацией Мальты. Но к 1940 году, как мы уже видели, ни один конкретный план не был подготовлен. Англичане, со своей стороны, преувеличивали сложности для поддержки своих позиций на Мальте в случае войны с Италией. В генеральном штабе считали, что остров невозможно удержать, и готовились к эвакуации войск в Гибралтар. В 1940 году потребовалась вся энергия Черчилля, чтобы не допустить добровольного ухода Англии из восточного Средиземноморья и усилить английскую группировку на Мальте. Это мужественное решение, принятое в момент, когда Англия осталась практически одна продолжать войну, окажет решающее влияние на исход войны в Средиземном море.

Британский флот выиграл спор в пользу Черчилля. За несколько месяцев Мальта стала стратегическим пунктом первостепенного значения. Это тем более замечательно, что в результате политики разоружения, проводившейся между двумя войнами, оборона острова оказалась в крайне убогом состоянии. Там почти не было войск и имелась очень слабая система ПВО. В военно-морской базе насчитывалось только 12 торпедных катеров и 7 больших подводных лодок, плохо приспособленных к ведению боевых действий в

Средиземном море. Короче, все предстояло делать заново.

Чтобы усилить военный потенциал острова, королевский флот приступил с начала 1940 года к реализации дерзкой программы. На Мальте появились первые группы "Харрикейнов", базировавшихся на авианосцах "Фариус" и "Арк Ройал".

Быстроходные транспортные суда типа "Бреконшир" и подводные лодки обеспечивали снабжение острова продуктами питания и боеприпасами. Для переброски подкреплений были организованы хорошо защищенные конвои, которые до июня 1941 года выходили из Александрии. Но после победы Роммеля на Крите конвои были вынуждены покинуть маршрут, который моряки прозвали "бомбовой аллеей", и переориентироваться на Гибралтар. Конвои сопровождались силами эскадры, базировавшейся там. Именно задача уничтожения этих сил была поставлена перед Валерио Боргезе и его людьми-торпедами в операциях против Гибралтара.

В конце концов к середине весны 1941 года Мальта уже обладала значительной оборонительной мощью. На острове базировалась 10-я флотилия подводных лодок, кроме истребителей воздушные силы имели на вооружении 7 бомбардировщиков "Мериленд" и 32 "Блэнхейм", которые могли использоваться днем, а также 15 "Велингтонов" и 12 "Свордфиш", способных атаковать ночью корабли врага бомбами и торпедами, с помощью осветительных ракет.

Итальянцам, несмотря на непрерывные налеты их авиации и помощь немцев, не удалось подорвать этот мощный кулак, нависший как дамоклов меч над их головами в самом сердце Средиземного моря.

И снова генеральный штаб предлагает флоту - вытащить на свет свое секретное оружие - Децима МАС.

Победный итог операции в Суде оказал решающее влияние на это решение. Тезео Тезеи, который был с самого начала войны горячим сторонником атаки против Мальты, казалось, охватило какое-то мистическое возбуждение. Он признается Валерио Боргезе:

- Теперь я рассматриваю "маиали", скорее, как моральное оружие, чем средство нанесения врагу тяжелых материальных потерь. Пусть весь мир узнает, что у Италии есть возможность наносить по Мальте дерзкие удары. Будут потоплены корабли или нет, не так уж и важно. Главное, чтобы мы знали, что способны взрываться с нашими снарядами на глазах у врага. Мы укажем нашим сыновьям и будущим поколениям идеал для подражания, путь, который ведет к победе.

- А не думаешь ли ты, что есть и другие средства достижения тех же целей? - спрашивает его Боргезе.

- Нет, Валерио, нет. Наш народ недостаточно участвует в этой войне. Он не чувствует ее. Необходимо представить доказательство великого мужества, чтобы люди могли, может быть, когда придет их очередь, положить свою жизнь, выполняя приказ.

- Может, ты и прав, - отвечает ему принц с ноткой сомнения в голосе и прекращает разговор.

25 апреля 1941 года под патронажем адмирала Де Куртена начинается разработка нового плана действий. Командир Моккагатта полностью погрузился в это дело, отдавая ему все аналитические способности своего ума. После многочисленных телефонных переговоров с Римом, с вышестоящими начальниками, становится ясно, что в штабных кабинетах не очень рассчитывают на него. Моккагатта пишет 10 мая в своем дневнике:

"Сегодня я подготовил план операции против Мальты, но вечером у меня сложилось впечатление, что его превосходительство адмирал Кампиони (заместитель начальника генерального штаба) не очень убежден в своевременности этой операции. Я получу ответ только завтра, но это моя постоянная головная боль".

22 мая он пишет:

"Утром 20 мая я был принят заместителем, но он не утвердил план операции против Мальты. Я предложил ему провести перед операцией предварительную разведку двумя катерами, но он распорядился возобновить усиленные испытания и затем доложить ему. И

только удостоверившись, что операция будет возможна, он оставляет за собой право принять определенное решение... Здесь, в Аугусте, все полны энтузиазма и стремятся в бой любой ценой. Но нужно действовать с достаточными основаниями, и при подготовке должны быть учтены мельчайшие детали".

Предприятие предстояло крайне трудное и деликатное. Уже проведенные операции в Гибралтаре и особенно в Суде вызвали тревогу у англичан, и они изыскивали все возможные средства для защиты от новой опасности, появившейся в водах Средиземного моря.

С другой стороны, надо было предвидеть, что заграждения и препятствия, закрывавшие входы в порты с 1938 года (после чехословацкого кризиса) и усиленные после 10 июня 1940 года, будут еще более усовершенствованы, а у итальянцев, как это ни покажется удивительным, не было на всем острове ни одного источника информации. Единственными доступными средствами были данные аэрофотосъемки, из которых, конечно, нельзя было узнать устройство охранной сигнализации с желаемой точностью.

Наконец у самого острова трудное для действий побережье. Берега высокие, с отвесными скалами. Единственный большой порт Ла-Валетта имеет великолепный естественный рейд, еще более обустроенный человеком. Море проникает прямо в середину острова. Бухточки, заливчики, бассейны следуют один за другим на протяжении многих километров с двух сторон естественного полуострова, на котором построен город, и разделяющего водное пространство на две части: Большой порт - с одной стороны, и бухту Марса-Мушетто - с другой. Подступы к Ла-Валетте непросто рассмотреть даже днем, тем более ночью, они надежно прикрыты прибрежными скалами, перекрывающими вид с моря.

Имея в виду эти трудности, Моккагатта пришел к выводу, что подводная акция, как изолированная, так и при поддержке подводной лодки, невозможна. Он решает поручить проведение операции майору Джиоббе и его "баркини". После двух оглушительных провалов он сначала как шутку воспринимает предложение Тезео Тезеи провести совместную операцию "баркини" вместе с "маиали".

- Из-за мелководья доставить "маиали" к месту действия можно только на надводном корабле, - замечает он, изучив представленный план.

- Совершенно с вами согласен, - отвечает Тезеи.

Этот вариант выключал из игры Валерио Боргезе и его "Шире". Принц, хотя и был разочарован, но отнесся к этому спокойно. Доводы его товарищей были убедительны. Возразить было нечего. В то время как Моккагатта и Тезеи с головой уходят в подготовку нового плана атаки Мальты, он вплотную решает заняться подводным сектором Децима МАС, руководителем которой он был.

По инициативе Тезеи план операции принимает новый вид, он становится более сложным и обширным.

В порт Ла-Валетты можно было проникнуть двумя путями: через главный вход, перекрытый четырьмя линиями заграждений, или под виадуком, соединявшим дамбу Сент-Эльм с берегом. Виадук представлял собой металлический мост, поднятый тремя опорами на высоту, достаточную для прохода небольших кораблей. Во время войны этот проход перегородили противоторпедной сетью, опускавшейся до самого дна.

"По одной из гипотез, возможно ложной, - писал Боргезе в воспоминаниях, - но логичной (надо помнить, что у нас не было никаких точных сведений), главный вход был густо нашпигован наблюдателями, часовыми, гидрофонами, заграждениями и другими искусственными препятствиями, которые делали его практически непроходимым. Поэтому было принято решение пойти вторым путем, под мостом".

Моккагатта отказался от идеи буксировать "баркини" катерами до Мальты, это доставляло много неудобств. Для транспортировки снарядов была выбрана "Диана", бывшая президентская яхта, лично переданная Муссолини в распоряжение флота. "Диана" должна приблизиться к острову с "баркини" на борту, буксируя за собой катер с двумя управляемыми торпедами.

В задачу одной из этих "маиали" входило подойти к виадуку, подвесить заряд к

противоторпедной сети и подорвать ее. В проделанную таким образом брешь устремятся "баркини", к тому времени спущенные на воду и приблизившиеся на минимальное расстояние. Войдя в порт, катера направятся к стоящим там кораблям. В это время второй "маиале" должен проникнуть на рейд Марсо-Мушетто, где базировались подводные лодки, и попытаться подорвать одну из них или, если повезет, две (англичане часто пришвартовывали лодки парами).

"Эта операция, - писал Боргезе, - требовала от пилотов огромного мужества, решительности и синхронности различных элементов, что труднодостижимо при действиях на море, особенно ночью и на войне, где любое непредвиденное обстоятельство может провалить самый великолепно подготовленный план".

25 июля все собрались в Аугусте. Моккагатта записал в дневнике:

"Аугуста, 25 июля. Джиоббе весь вчерашний день досаждал мне своими сомнениями и опасениями. Не так плохо, в конце концов, представлять себе все трудности, и я внимательно выслушивал его и готов впредь принимать все замечания, которые могут оказаться полезными. Сегодня утром, едва я поднялся, Джиоббе снова начал говорить, что у него есть серьезные сомнения в удачном исходе дела. Я ответил, что у меня их нет совсем и что я буду в точности придерживаться плана в утвержденном два дня назад виде и уже переданном в Рим. А ему надо поспешить и утрясти все детали в своей команде".

На этом разговоры закончились. Вечером "Диана" выходит в море. Время "Ч" назначено на 4 часа 30 мин. утра следующего дня, 26 июля 1941 года.

Погода благоприятствует операции: безлунная ночь, ветра нет, море спокойно. Корабли английского конвоя, накануне прошедшие Сицилийским проливом, вошли в порт Ла-Валетты. Все благоприятные условия сошлись во время этой третьей попытки нанести удар по английской морской крепости.

Стоя у ограждения капитанского мостика "Дианы", Тезеи и командир второго "маиали" Коста разговаривают с доктором Фалькоматой:

- Жаль, что с нами на его собственной яхте нет дуче, - с иронией говорит Фалькомата, - он так громко говорит, что англичане были бы здорово напуганы и пустились бы наутек, как кролики.

Вокруг засмеялись. На борту царит приподнятая атмосфера веселья и пикника. Консервные банки соседствуют с кожаными планшетами с картами и инструкциями. Из штаба по радио получен последний приказ, и небольшой отряд на скорости 30 узлов устремляется к Мальте.

В полночь, в 8 милях от острова, "Диана" стопорит двигатели. То же делают два катера МАС, сопровождающие яхту.

Кран осторожно опускает на воду девять "баркини". Катер № 452, которым командует капитан-лейтенант Шиолетт, берет на буксир начиненные взрывчаткой суденышки Джиоббе с их пилотами: лейтенантами Фрассетто, Босио, Карабелли, унтер-офицерами Дзанибони, Каприотти, Фольери и матросом Маркизио.

В то же время 451-й под командой капитан-лейтенанта Пароди, направляется к мосту с двумя экипажами управляемых торпед: Тезеи - Педретти и Коста - Барла.

"Диана" ложится на обратный курс и уходит.

Итальянские моряки на своих хрупких снарядах подходят ко входу в порт на расстояние в несколько сот метров. Они ждут сигнала к атаке. Их низкие силуэты едва различимы в темноте.

В ста метрах левее, может быть в двухстах, с 451-го спускается на воду первая "маиале". Тезеи пытается запустить двигатель, но это не удается, несмотря на все его усилия.

- Мы опаздываем, - говорит вполголоса Пароди.

- Не беспокойтесь, - отвечает Тезеи, у "маиале" которого двигатель только что заработал, - я начну в назначенный час. Заградительная сеть будет взорвана вовремя.

Он исчезает во тьме. 451-й доставляет Косту ближе к базе подводных лодок в Марса-Мушетто.

Время идет. Ожидание затягивается. Ночное небо уже начинает сереть. Джиоббе напряженно молчит. Наверное, борется сам с собой. Ему предстоит принять решение. Каждая упущенная минута может стать фатальной для успеха операции и жизни его людей. Если он бросит "баркини" на нетронутую сеть, то от взрыва могут погибнуть Тезеи и Педретти, если он будет долго ждать, то рискует провалить всю операцию. Рассвет приближается.

В это время Тезеи и Педретти торопятся. Им уже слышится вдалеке шум вращающихся винтов. Что это? Приближаются "баркини" или входят в порт какие-то английские корабли? Вот "маиале" Тезеи уже в нескольких метрах от заграждения. Он видит сеть, дотрагивается до нее. Время 4 часа 30 мин. время, на которое назначен проход катеров-снарядов. На колебания не остается ни секунды. Прощальное рукопожатие с верным Педретти и поворот ключа взрывателя с часовым механизмом, установленным на ноль. И смерть.

Англичане через два дня найдут только его маску. Пожертвовав жизнью ради успеха операции, Тезео Тезеи, отец "маиали", вошел в легенду.

Взрыв потряс корпуса "баркини". Время атаки, но Джиоббе колеблется еще секунду. Открылся ли проход? Не отправить ли сначала катер со взрывчаткой на разведку? Ему решать. Наконец его спокойный голос прерывает молчание:

- Внимание, парни! Отправляемся. Фрассетто вперед, за ним Карабелли! Если сеть еще загораживает проход, вы ее уничтожите своими зарядами. Остальные, во главе с Босио, отправятся через несколько секунд. Помните! Хотя бы один из вас должен добраться до кораблей. Остальные должны, если понадобиться, пожертвовать собой, но открыть ему дорогу. А теперь вперед!

"Баркино", два впереди, остальные чуть сзади, запустив двигатели на полную мощность, ринулись в атаку на порт Ла-Валетты. Фрассетто и Карабелли направили свои снаряды на препятствие. Фрассетто бросился в воду в восьмидесяти метрах от моста, но никакого взрыва не последовало. Карабелли, вцепившись в руль, летел на полной скорости к смерти. Мощный взрыв разрывает воздух через несколько секунд. Это рок! Одна из опор моста падает, и металлическая ферма обрушивается в воду, полностью перекрывая проход. Английские пулеметы открывают ураганный огонь. По воде заметались лучи прожекторов в поисках нападающих. Один за другим оставшиеся катера, освещенные как в ясный день, останавливаются под дождем пуль.

Все было кончено через несколько секунд. За громом взрывов и треском стрельбы наступает трагическая тишина. "Хватило нескольких секунд, - писали англичане, - чтобы на море перестало что-либо двигаться".

Занимается рассвет и вместе с ним начинается новая драма. Катера МАС-451 и 452, никого не дождавшись, на малой скорости уходят на север. Через четверть часа их догоняет Джиоббе, чудом избежавший гибели. Он докладывает Моккагатте о происшедшем, а катера увеличивают скорость, чтобы быстрее добраться до Аугусты. Но не прошло и часа, как их обнаруживают английские самолеты. Раздаются пулеметные очереди. В первый же момент на 452-м Моккагатта, Джиоббе, Фалькомата и некоторые другие падают, пораженные пулями. 451-й, в который попал снаряд, скрывается под водой за несколько секунд. Оставшиеся в живых (девять из тринадцати) попадают в плен, в их числе и капитан катера Сиолетт.

Погребальные почести. Когда их доставили на Мальту, небо было серым. Еще три дня англичане закрывают порт дымовой завесой.

Когда ветер разорвал тяжелые клубы этого покрова и итальянские самолеты возобновляют разведывательные полеты над островом, становится ясно, что ни один корабль не был поврежден.

Итальянцы не знали, что на острове были установлены радары, которые позволили англичанам обнаружить их присутствие задолго до начала атаки, и это предопределило катастрофический финал операции. В статье, опубликованной в 1944 году в журнале "Воздушная битва за Мальту", вице-адмирал Уилбрахам Форд, командующий морскими

силами на Мальте, напишет:

"Мальта обладала радиоэлектронными детекторами (радарами) с самого начала войны. С помощью этих приборов ночью 25 июля 1941 года была обнаружена группа надводных целей, приближающаяся к острову, нарушившая покой этого обычно спокойного периода времени. Была объявлена тревога. "Свордфиши" были готовы взлететь немедленно, а "Харрикейны" - с первыми лучами солнца.

Все происходило незадолго до полуночи. Приближение неприятельских кораблей не сопровождалось одновременным авиационным налетом, поэтому прошло немного времени, и стал слышен звук моторов катеров у северо-восточного берега. Береговые батареи и артиллерия порта, а также прожектора были приведены в состояние полной боевой готовности. В порт только что вошел транспортный конвой, подводные лодки стояли на своих обычных местах стоянок. Дракон Ла-Валетты готов был показать зубы, как только вражеская флотилия приблизится. Незадолго до рассвета был замечен пенный след, приближающийся к крепости Сент-Эльм, которая составляла одну из "челюстей пасти" Большого Порта. В момент, когда этот след оказался около Тайна (второй "челюсти"), раздался взрыв, разрушивший виадук, первый барьер на пути в порт. Тут же зажглись прожектора и выхватили из темноты группу катеров, на большой скорости направлявшихся к месту взрыва. На ярко освещенной водной глади они немедленно попали под перекрестный уничтожающий огонь. Стрельба продолжалась две минуты. Затем наступила тишина. Все было кончено. На поверхности воды не осталось никаких следов. С восходом солнца артиллеристы обнаружили два уцелевших "баркини" и уничтожили их. В воздух были подняты "Харрикейны", которые устремились в погоню за отступившими кораблями. Все участники нападения были таким образом уничтожены".

Сэр Эдвард Джексон, губернатор Мальты, в 1941 году также воздал должное мужеству итальянских моряков. Он писал:

"Мальта лишь один раз подверглась нападению с моря. В июле итальянцы попытались проникнуть в порт, используя катера и торпеды, управляемые смертниками. Атака отличалась решительностью и упорством и требовала от нападавших высокого личного мужества".

Он не мог знать, насколько был близок к истине. Тезео Тезеи писал 17 июля, за несколько дней до своей гибели, одному из друзей:

"Когда ты получишь это письмо, я наверное уже буду удостоен великой чести - отдать свою жизнь за короля и честь знамени. Как ты знаешь, это мое самое заветное желание и самое большое счастье, которое может выпасть на долю человека".

Глава 9

Славная и драматичная операция на Мальте завершает период, который можно было бы назвать испытательным, исследовательским, периодом романтизма в судьбе специальных штурмовых средств итальянского флота. Начинается новая эра, которая пройдет под руководством Валерио Боргезе, именно ему Супермарина поручает временное командование 10-й флотилией МАС после гибели Моккагатты. Эта работа захватывает его целиком. Получивший полную свободу действий, движимый желанием отомстить за своих товарищей, он живет только заботами Децима МАС. Впервые со дня свадьбы он оставляет свою жену и троих детей, Паоло, Елену и Джузеппе Ливио, и день и ночь проводит в Серкио вместе со своими людьми.

Своим первым решением на новом посту он решает отдать дань памяти погибшим на Мальте. Он называет именем Тезео Тезеи подводный сектор отряда (и сегодня одна из подводных частей итальянского флота носит имя Тезео Тезеи), руководить которым продолжает лично. Имя Витторио Моккагатты присваивается надводному сектору, командиром которого становится корвет-капитан Сальваторе Тодаро.

Затем он все силы бросает на преобразование флотилии. В Тодаро, герое атлантических походов итальянской подводной лодки "Каппеллини", он находит человека, способного превратить подразделение "баркини" в боевой инструмент с высоким моральным духом.

Тодаро с энтузиазмом берется за улучшение материальной части. Именно его активности итальянский флот обязан усовершенствованиями, внесенными в конструкцию "баркини", а также созданием нового торпедного катера, который становится по-настоящему новым шагом по сравнению с предшественниками. Ему удается также оснастить свою группу некоторым числом судов, предназначенных для транспортировки катеров-снарядов из Специи к месту применения. Для этой цели были переоборудованы три рыболовных траулера "Чефало", "Солиола" и "Костанца". Это подразделение прекрасно справится с возложенными на него задачами.

Полностью доверяя Тодаро, Боргезе сам занимается подводной группой флотилии. Воспользовавшись условиями летнего периода (короткие ночи не благоприятствовали применению "маиали"), он увеличивает интенсивность тренировок для пилотов торпед, чтобы обучить их разумными и жесткими методами преодолевать трудности, которые во время предыдущих операций, особенно в Гибралтаре, помешали успешному их завершению.

В то же время он вплотную занимается конструкцией существующих управляемых торпед. Для этой цели он привлекает компетентных инженеров майора Марио Машиули и капитана Травалини. Им удается устранить недостатки, выявленные за прошедшее время, а по сути создать новый тип "маиали", очень похожий на предыдущий, но обладающий лучшими тактико-техническими характеристиками.

Главный штаб флота - где к тому времени адмирал Джартозио сменил адмирала Де Куртена на посту куратора деятельности Децима МАС - передает флотилии вторую подводную лодку, "Амбра", под командой капитан-лейтенанта Марио Арилло, для использования в качестве транспортного средства вместе или по очереди с "Шире".

Валерио Боргезе, дав волю своему изобретательному уму, создает новое подразделение в рамках подводной секции, но развивающееся в дальнейшем параллельно: отряд боевых подводных пловцов, известных теперь под кодовым названием "группа Гамма".

Эта идея родилась у него после анализа опыта действий экипажей управляемых торпед, вынесенного из их рейдов в Гибралтар. Пилоты отмечали постоянное присутствие около порта транспортных судов, стоящих на якорях на неохраняемом рейде. Эти пароходы представляли собой прекрасные цели, но использование против них управляемых торпед с их мощными трехсоткилограммовыми зарядами, предназначенными для поражения бронированных корпусов боевых кораблей, было бы чрезмерной и неоправданной расточительностью.

Сначала Боргезе предполагает для этой цели использовать "подводных пешеходов", водолазов, несущих на спине более легкий по сравнению с "маиале" заряд взрывчатки и покидающих "Шире" одновременно с управляемыми торпедами. Они, по его замыслу, должны были минировать стоящие на рейде пароходы, в то время как пилоты торпед атакуют военные корабли в порту. Но после некоторых размышлений принц отбрасывает эту идею и приходит к выводу, что можно достичь лучшего результата, используя на заключительной стадии пловцов в легких автономных костюмах. Вместо одного большого заряда они должны доставлять к цели несколько более легких, но достаточно мощных, чтобы пробить брешь в корпусе торгового парохода.

"Так, - писал Боргезе в воспоминаниях, - родилось новое оружие и новый способ его применения. Мина, получившая название "пиявка", представляла собой небольшой металлический цилиндр с тремя килограммами взрывчатки и взрывателем с часовым механизмом. Она была снабжена резиновой присоской для крепления к корпусу судна. Три или четыре таких заряда, доставленных пловцом к цели, способны были отправить на дно средних размеров транспорт".

Чтобы топить вражеские пароходы в нейтральных портах, не создавая дипломатических неудобств для Италии, Боргезе придумывает еще один вид мины - "взрывающийся чемоданчик". Вес его заряда был лишь немного увеличен, но его разрушающая способность стала достаточно большой. К часовому механизму добавлялось устройство, включающее винт, вращающийся во время движения. Как только пароход

отправляется в плавание, винт начинает вращаться (на самом деле он приходит в движение только при скорости больше пяти узлов, чтобы его не раскрутило течением в порту). Когда винт совершит определенное число оборотов, соответствующее, например, расстоянию в 100 миль, специальное устройство запускает часовой механизм. Взрыв происходит через значительное время после выхода судна из порта, в открытом море, что, скорее всего, приведет к полной гибели парохода и груза. Любые дипломатические осложнения исключаются, ибо противник, естественно, припишет вину за катастрофу скорее торпедам подводной лодки или плавающей мине, а не диверсанту в порту отправления.

Пока инженеры дорабатывали "чемоданчики" и "пиявки", Боргезе поручает капитан-лейтенанту Эудженио Волку заняться подготовкой пловцов отряда "Гамма". Школа расположилась на территории Морской академии в Ливорно. Это позволяло пользоваться для тренировок оборудованием старой учебной водолазной станции и ее бассейном. Для превращения волонтеров в умелых и бесстрашных бойцов-подводников требовался длительный период жесткого и интенсивного обучения. Но в первую очередь встал вопрос о наборе кандидатов. Решено было подбирать их из пловцов-спортсменов. Боргезе привлекает к отбору в итальянскую федерацию плавания. Но он с удивлением узнает, что все потенциальные пловцы-подводники служат в сухопутных войсках, а не на флоте, что было бы более логичным. К счастью, благодаря своим знакомствам и ловкости он легко выпутывается из этой ситуации и вскоре добивается перевода кандидатов в команду "Гамма" на флотскую службу. Таким образом, под крылом Децима МАС собираются солдаты со всех фронтов: из Африки, с альпийских склонов (некоторые пловцы служили в частях альпийских стрелков) и даже из России. Прибытие подготовленных спортсменов дает новый толчок в развитии школы и позволяет провести более тщательный отбор.

Эти задачи, требовавшие оперативных решений, не могут полностью удовлетворить Боргезе с его характером первопроходца. Мальтийская трагедия занозой сидит в его сердце. Он не тот человек, который долго оплакивает погибших. Он пьет в честь их памяти и мечтает о мести и победе. Движимый этими чувствами, он буквально вырывает у Супермарины разрешение предпринять со своей "Шире" новую акцию против Гибралтара (четвертую по счету) в сентябре 1941 года.

Вечером 19 сентября "Шире" на пути в Гибралтар встречает английский неохраняемый конвой, следовавший из Атлантики. Караван судов находится на расстоянии вытянутой руки от Боргезе, редкая удача для подводника. Но операция против замка на воротах в Средиземное море важнее, и он не стал атаковать торпедами вражеские корабли.

Через несколько часов "Шире" проскальзывает в залив Альгезирас и уже привычно располагается в устье Гуадаранка. Тишина через каждые полчаса раскалывается от взрывов глубинных бомб. Это была новая тактика англичан, чтобы обезопасить себя от итальянских торпед из плоти и крови.

На борту подводной лодки между тем Веско, Дзодзолли, Визинтини, Магро, Каталано и Джанони спокойны и даже безмятежны. Они участвуют уже во втором рейде и всем своим существом настроены на одну цель: на этот раз добиться успеха. Ничего более важного для них больше не существует.

В 0 час. 40 мин. 20 сентября перископ "Шире" протыкает гладкую поверхность моря. Валерио Боргезе с незажженной сигаретой в уголке губ наблюдает за выходом шести пилотов. Ночь прекрасна. Только что получена последняя радиограмма из штаба:

"Положение в Гибралтаре на 12 часов 19 сентября. У причала № 1 линкор, у причала № 27 - авианосец, у причала № 5 - крейсер, у причала № 11 - еще один крейсер, плюс семь танкеров и три контр-миноносца в порту. В доке стоит фрегат. На рейде конвой из семнадцати пароходов".

Прочитав сообщение, Боргезе определяет и записывает в бортовой журнал цели для каждого экипажа:

- Капитан-лейтенантам Каталано и Веско обоим атаковать линейный корабль типа "Нельсон", пришвартованный у южного мола.

- Капитан-лейтенанту Визинтини атаковать авианосец.

- В случае невозможности выполнить задание атаковать любую другую цель в порядке убывания важности.

- В руках врагов не должно оказаться никаких следов. Необходимо оставить противника в полном неведении относительно причин и источников взрывов.

Подводная лодка медленно погружается. Пловцы стоят на палубе, держась за поручни. Ночь кажется застывшей в этой бурлящей вселенной. Зажигаются фонари. Глаза привыкают к странным формам. Легкий толчок, лодка мягко легла на песчаное дно. Экипажи направляются к цилиндрам с торпедами. На этот раз, впервые, двигатели "маиале" заводятся с полуоборота. 2 часа 05 мин., "Шире" ложится на обратный курс.

Веско и Дзодзолли в пути уже больше часа. Они только что коснулись дна залива. До них доносится глухое ворчание, затем нарастающий шум вращающихся винтов, означающий приближение сторожевого корабля. Веско в уме прикинул свое положение, они скорее всего в нескольких метрах от северных ворот Гибралтара. Сторожевик наверху удаляется. Веско запускает мотор. Вдали прогремела новая серия взрывов. Англичане продолжают свое систематическое бомбометание. Необходимо во что бы то ни стало сохранить "маиале", ее триста килограммов взрывчатки должны быть использованы по прямому назначению. Веско решает изменить курс. Двадцать минут он двигается в направлении больших транспортов, силуэты которых заметил в глубине рейда. Англичане очевидно его еще не обнаружили. Надо подняться на поверхность и выбрать жертву. Ресурс батарей на исходе, остается небольшой шанс добраться до стоящего на якоре в ста метрах большого танкера водоизмещением 5000 тонн. Веско быстро погружается. Он подплывает к борту судна, касается его. Дзодзолли не двигается. Что с ним случилось? Веско оборачивается. Его напарник на пределе сил. Он решает продолжить выполнение задания в одиночку и тщательно закрепляет заряд на днище судна. Затем Веско из последних сил плывет к берегу, буксируя своего обессилевшего товарища. В 5 час. 35 мин. он касается твердой земли. Вскоре к нему присоединяются Каталано и Джаннони. С ними произошло почти то же самое. Оттесненные патрульными кораблями, они также решили атаковать торговое судно на рейде. Но в последний момент, когда уже начали закреплять заряд, они увидели на его борту надпись "Полленцо Дженова". Нет, они не могли отправить на дно своих соотечественников, судно которых было наверное интернировано. Каталано отсоединил заряд и выбрал целью другой транспорт, меньшего тоннажа.

Через полчаса тяжелой работы заряд закреплен под днищем новой жертвы, и Каталано с Джаннони направились к испанскому берегу.

Визинтини, в свою очередь, также сталкивается с патрульными кораблями. Но, чтобы подойти к северному входу в порт, он поднимается на поверхность и, сам не зная того, применяет ту же тактику, с помощью которой год назад Джино Биринделли проник в порт. Он продвигается вперед медленно, то погружаясь, то всплывая, чтобы следить за противником. Англичане пользовались очень простой схемой: два сторожевых корабля одновременно, но с разных сторон акватории порта, начинали двигаться навстречу друг другу, на середине они встречались и в знак приветствия сбрасывали глубинные бомбы. Вне этой зоны патрулировал третий сторожевик. В очередной раз Визинтини определяет направление и дистанцию и снова погружается. Он в своей стихии. Над его головой два сторожевика продолжают свою работу. Он нацеливается в середину прохода. Вдруг его снаряд на что-то наталкивается, вероятно, это кусок сети, порванный взрывами глубинных бомб и гонимый течением. Фонарь освещает пространство впереди. Примерно в полутора метрах путь перегораживают три подводных троса. Едва коснувшись их, Визинтини продолжает движение. Англичане не перекрыли вход заграждениями, слишком понадеялись на бомбы. Визинтини и Магро усмехнулись. Все спокойно в Гибралтаре. Снова всплывают. Прямо по курсу виднеется силуэт крейсера, чуть дальше - четыре темных массы, очевидно танкеры. Что выбрать? После недолгого раздумья Визинтини наклоняется к напарнику и шепчет:

- Атакуем танкер. Так, я думаю, мы причиним больше ущерба из-за разлившейся нефти.

Магро в знак согласия кивает головой.

И вот "маиале" с легким скрежетом прислоняется к корпусу судна. Магро закрепляет заряд. Визинтини определяет направление отхода, и пилоты удаляются от корабля. Снова они пересекают три троса у входа в порт. В дальнейшем плавание продолжается без происшествий, и вскоре их ноги касаются земли. Начинает светать. Оба направляются в условленное место, где их ждут друзья. В 8 час. 43 мин. мощный взрыв раскалывает пополам танкер "Данди Дэйл" водоизмещением 16 000 тонн, и он тонет в порту Гибралтара. Еще один небольшой нефтевоз, пришвартованный к нему, тоже отправляется на дно. Правда, последствий, на которые рассчитывал Визинтини, не было, но все равно результат замечательный. Он первый, кто потопил английский корабль прямо в порту Гибралтара.

Остальные экипажи поздравляют его с легким привкусом разочарования. Самим им удалось отправить на дно: Веско и Дзодзолли - английский танкер "Фиона Шелл" (2500 т), Каталано и Джаннони - вооруженный пароход "Дархам" (10 300 т).

После стольких разочарований моряки Децима МАС, ведомые Боргезе, наконец добиваются результата. Не такого, конечно, блестящего, на какой рассчитывали, но тем не менее ощутимого. Это отмечает и Валерио Боргезе в Серкио, встречая шестерых пилотов, хотя еще накануне он был во власти обычного для него холодного гнева. Причиной послужила публикация в информационном бюллетене победной реляции, совершенно ошеломляющего содержания, от которой Супермарина не смогла удержаться. Там можно было прочитать:

"Коммюнике № 476 генерального штаба.

Штурмовые снаряды итальянского королевского флота проникли на рейд и во внутренний порт города-крепости Гибралтара. Они потопили один танкер водоизмещением 10 000 тонн, один танкер 6000 тонн, сухогруз в 6000 тонн с грузом боеприпасов и еще один транспорт в 12 000 тонн с военным снаряжением".

"Идиоты! - взорвался Боргезе, прочитав это сообщение. - Раньше они считали, что мы не можем причинить вреда даже рыболовной шхуне. А теперь они звонят мне, не заботясь даже о предосторожностях для сохранения секретности, и требуют проведения новых операций. Они там не понимают, что после того как они раструбили о нас на весь мир, англичане усилят меры безопасности? Благодаря этой глупости в Гибралтаре отбросят все другие версии и поймут, что ответственны за нападение управляемые торпеды".

Так оно и происходит. Один из офицеров британской разведки напишет сразу после войны:

"Мы тогда узнали, что "Шире", которой командовал принц Валерио Боргезе, доставила три управляемых подводных снаряда с командами для атаки английских военных кораблей в Гибралтаре. Это было началом борьбы, которая в подводном безмолвии залива будет продолжаться много месяцев. Угроза их скрытных атак постоянно висела над нами и потребовала десятков тысяч часов неусыпного наблюдения со стороны флота и армии. Каждая атака итальянских людей-торпед требовала столько мужества и такого напряжения физических и моральных сил от нападавших, что это не может не вызывать уважения моряков всего мира".

Чтобы успокоить Боргезе и положить конец его гневным выступлениям, главный штаб флота представляет людей Децима МАС, участвовавших в операции, к наградам. Визинтини, Веско, Каталано, Магро, Дзодзолли и Джаннони получают серебряную медаль воинской доблести. Весь экипаж "Шире", без исключения, также был награжден. Боргезе досрочно присваивается звание фрегат-капитана за заслуги в боевых действиях. Характеристика на него гласит:

"Командир подводной лодки, предназначенной для выполнения специальных операций, он три раза участвовал в наиболее опасных заданиях по транспортировке штурмовых средств к цели, показав абсолютное пренебрежение опасностью и проявив исключительную волю к

победе.

Возглавив подразделение штурмовых снарядов, он смог компетентно и тщательно подготовить людей и материальные средства, которым в ходе третьей операции удалось успешно атаковать три корабля врага, серьезно повредив один и потопив два других.

Во время этих походов он всегда приводил лодку и экипаж на базу без потерь, несмотря на преследование противника и плавание на предельных глубинах и на границе человеческих возможностей. Может служить примером командира-организатора".

Его принимает сам король. Первый вопрос монарха удивил Боргезе:

- Где вы тренируетесь?

- В водах Серкио, сир, рядом с вашими владениями в Сан-Россоре.

- А я ничего не знал. Вы действительно умеете хранить секреты. Может, как исключение, вы приоткроете для меня покров тайны над Серкио, чтобы я мог встретиться с вашими мужественными людьми и понаблюдать за их тренировками?

- Конечно, ваше высочество, - ответил Боргезе и добавил: - Но я попросил бы вас не затягивать визит.

Через некоторое время король на самом деле пересекает Серкио на весельной лодке и в гражданском костюме, сопровождаемый одним человеком, предстает перед моряками Децима МАС для личного знакомства. Злость на Супермарина забыта.

Пожав каждому руку и оставив морякам на память кабана из своих владений, он обращается к Валерио Боргезе:

- Какова ваша следующая цель, командир?

- Александрия, сир. Именно там мы собираемся нанести решающий удар по британскому флоту.

Глава 10

Александрия, 19 декабря 1941 года, 4 часа 10 минут утра.

Адмирал Канингхэм сидит в комфортабельном кресле и дегустирует свою первую утреннюю чашку кофе. Но не чувствует его горького вкуса. "Как это им удалось? - в который раз спрашивает он себя. - Какой из моих кораблей будет следующим? Как скоро сможет Англия оправиться, если подготовленный смертельный удар будет нанесен?"

Он также думает о себе, осторожно поглаживая ручку кресла, непроизвольно стараясь избегать резких движений. Прошло уже десять минут с того момента, как его разбудили, в его голове засела мысль, что его кресло покоится на пороховой бочке, которая может в любую секунду взлететь на воздух.

Пока Канингхэм предается размышлениям в адмиральской каюте флагманского броненосца "Куин Элизабет", на борту линкора, казалось, воцарился хаос. Полуодетые матросы, некоторые в одном нижнем белье, снуют во всех направлениях. Наскоро одетые офицеры и унтер-офицеры отдают приказания, затем, замечая, что они не имеют никакого смысла, меняют их на другие. Взбешенный командир корабля меряет шагами коридор перед дверью адмиральской каюты, ожидая, не появится ли хоть какая-нибудь ясность.

На некотором расстоянии от флагмана, ближе к выходу из порта Александрии, стоит на якоре другой линкор, "Вальянт", одна из жемчужин британского флота. Это на нем первом была поднята тревога и теперь его командир, сэр Чарльз Морган, еще более раздосадован, чем адмирал Канингхэм. Полчаса назад часовой на носовом трапе, в очередной раз зевнув от скуки, наклонился за борт, чтобы предаться своему любимому занятию: выбрав какую-нибудь цель на воде, плевать в нее сверху. Внезапно во рту у него пересохло. Не померещилось ли ему? Он протер глаза. Нет, он хорошо различал человека, плывущего в десятке метров от борта линкора и направлявшегося к его носовой части. Часовой закричал: "Стой! Стой!" На крик прибежали еще несколько матросов и тоже заметили ночного пловца. Один из них открыл огонь из автомата по силуэту, который уже доплыл до форштевня и вскоре скрылся за ним. Зажгли прожектора, объявили общую тревогу и спустили на воду катер с вооруженными матросами. Они быстро нашли у корпуса линкора и подняли на борт двух человек в черных от мазута резиновых костюмах. На палубе их встретил командир

"Вальянта", и посыпались вопросы: "Кто вы? Откуда вы? Зачем здесь?"

Один из пленников, молодой человек с голубыми глазами и светлыми вьющимися волосами, ответил: "Я лейтенант итальянского флота Луиджи Дюран де ла Пенне. Ничего больше я вам не скажу".

Его спутник повторил, как хорошо заученный урок:

- Я старший матрос-водолаз итальянского королевского флота Бьянки. Больше мне нечего вам сказать.

Морган сразу понял, с кем имеет дело и какому риску подвергается его корабль. Он сообщил о происшествии адмиралу Канингхэму и командирам других кораблей, стоящих в порту. С того времени ситуация не прояснилась. Сначала де ла Пенне и Бьянки были переправлены на берег, затем их снова вернули на "Вальянт".

Допрос продолжается уже почти полчаса.

- Где вы закрепили мину? - в который раз спрашивает Морган.

Де ла Пенне и Бьянки молчат. Только время от времени повторяют свои звания и имена.

У Моргана кончается терпение.

- Раз вы не желаете говорить, - почти кричит он, - я велю отвести вас в трюм и закрыть около пороховых погребов. При взрыве вы погибнете первыми.

Де ла Пенне стискивает зубы, чтобы унять охвативший его страх: заряд его "маиале" находится точно под бункером со снарядами. Но он молчит.

В тесном помещении, на самом дне линкора, он со связанными руками ждет. Считает секунды. Часы у него отобрали при обыске. Время тянется медленно. Периодически к нему спускаются Морган или его помощник, сэр Патрик Уолл, и задают один и тот же вопрос:

- Где мина?

Де ла Пенне не делает даже усилий поднять свои голубые глаза на англичан. Он продолжает считать. Внезапно он вскакивает и зовет матроса, охранявшего его:

- Передайте командиру, что я хочу с ним говорить.

Морган ждет его на мостике.

- Командир, - говорит ему молодой итальянский офицер, - ваш корабль взорвется через четверть часа. У вас еще есть время эвакуировать людей.

- Где мина?

Де ла Пенне опускает глаза и не отвечает.

- Отведите его обратно к погребам! - завопил взбешенный англичанин.

Вернувшись в каюту, которая, как он считает, станет его могилой, он подходит к Бьянки.

- Молись, - говорит он ему, - на этот раз мы откроем свой счет.

Триста килограммов взрывчатки висели у них почти под ногами - и никакой возможности защититься не было. Никакой. Шансы на спасение в этих условиях были равны нулю. Он молится, отбросив все мысли, чтобы не броситься к врагам с криком: "Она там, прямо под нами!"

И вдруг взрыв. Де ла Пенне вспоминал потом:

"Я чудом выбрался из каюты невредимым и оказался под открытым небом. Корабль тонул. Я добрался до носовой части. Командир Морган, который, естественно, не покинул свой корабль, был там же. Я сел рядом с ним, он не произнес ни слова. Я стал смотреть на "Куин Элизабет", освещенную первыми лучами восходящего солнца. Это было очень красиво. Любуясь кораблем, я надеялся, что второму экипажу, Марчелье и Шергату, также удалось сделать свое дело. Я видел, что матросы на его палубе смотрят на нас. Вдруг линкор подпрыгнул. Это было впечатляющее зрелище. Тридцатипятитысячетонный корабль поднялся на метр над водой и снова рухнул вниз".

Через несколько секунд наступает очередь танкера "Салона" отправляться на дно. Три экипажа управляемых торпед полностью выполнили поставленную задачу. Как им на этот раз удалось добиться такого великолепного результата?

За десять часов до этого, как обычно, "Шире" Валерио Боргезе как угорь проскользнула между скал и мягко легла на желтый песок залива Александрии. Четыре дня до этого под завывание ледяного ветра она покинула остров Леро в Эгейском море, перед тем совершив шестидневный переход из Специи.

Это была идея нового командира Децима МАС, фрегат-капитана Эрнесто Форцы, - использовать передовую промежуточную базу при проведении операций. Они с Боргезе начали плодотворно сотрудничать, и план атаки Александрии был плодом их совместных усилий.

Экипажи управляемых торпед прибыли на Леро из Италии самолетом. В их состав входили: де ла Пенне, Бьянки, Марчелья, Шергат, Мартеллотта и Марино.

"Шире", несмотря на постоянное участие в операциях против английских баз и длительные плавания, находилась в прекрасном состоянии. Ее экипаж, после уже ставшего привычным комфортабельного отдыха в Валь-Гардене, чувствовал себя в хорошей форме.

Во второй половине дня 17 декабря подводная лодка подошла на глубине 100 метров к внешней границе минного поля. На борту царила атмосфера уверенности и беззаботности, родившаяся из подсознательного ощущения, что если операцией командует Боргезе, то она пройдет под счастливой звездой.

"Шире" вслепую не спеша и непринужденно пробиралась между минами. В отсеках было тихо. Никто не разговаривал и почти не двигался. Моряки даже разулись. Казалось, что и электромоторы старались работать, издавая едва слышимое жужжание. Боргезе отдавал распоряжения жестами или одним взглядом глаз. Лишь капли конденсата падали время от времени с потолка с шумом, казавшимся громовым.

Пилоты были спокойны и отдыхали, стараясь не тратить зря энергию. Дюран де ла Пенне, высокий блондин с вьющимися волосами, все время лежал на койке, он спал. Но и во сне его рука периодически тянулась к коробке на столике, вытаскивала из нее кусочек печенья и без промаха отправляла в рот. После чего он, совершенно счастливый, поворачивался на другой бок и продолжал спать. Мартеллотта, лежавший на соседней койке, также выглядел очень довольным. "Pace et bene!" - этот свой девиз он повторял поминутно. Марчелья, невозмутимый, почти величественный гигант, читал, редко можно было услышать звук его серьезного голоса. Бьянки, Шергат и Марино прерывали свой отдых только для того, чтобы хорошенько подкрепиться.

Доктор Скапарелли каждый день подвергал всех пловцов строгому медицинскому осмотру. В день атаки они должны были оказаться в наилучшем физическом состоянии.

18 декабря "Шире" уже около самого побережья Египта. Боргезе ведет ее, почти касаясь дна. Она крадется как бесшумный и невидимый танк, постоянно контролируя свой путь по изменениям глубины. В 18 час. 40 мин. подлодка - в намеченной точке, в полутора милях от северного мола торгового порта Александрии, на глубине 15 метров.

Боргезе осторожно приподнял перископ. Море пустынно, вдали прямо по курсу вырисовывалась темная линия берега. В 20 часов пилоты начали готовиться к выходу, к этому времени лодка переместилась еще южнее. Через час все готово. Командир поднимает перископ и удостоверяется, что ночь совершенно темна и нет никаких препятствий. Он отдает приказ всплыть, ровно настолько, чтобы можно было открыть люк и покинуть лодку через рубку. Погода идеальная: черная непроницаемая ночь, спокойное море, безмятежное небо. Боргезе убедился, что находится в нескольких метрах от намеченной точки. Это был исключительно хороший результат после шестнадцати часов слепого плавания. Потом прошла прощальная церемония. Ни напутственных слов, ни объятий.

- Командир, - попросили моряки, - дайте нам вашего счастливого пинка.

"И после этого странного ритуала, в который я вкладывал всю свою душу, я отпустил их", - рассказывал потом Боргезе.

Де ла Пенне, Марчелья, Мартеллотта, их напарники и резервный экипаж Скапарелли-Фельтринелли остались стоять на палубе, держась за поручни. Лодка погрузилась и легла на грунт.

В центральном посту все спокойно. Боргезе услышал условный сигнал три удара в люк, означавший, что экипажи торпед отправляются в путь. Выждав немного, он приказал продуть балластные цистерны, чтобы забрать резервный экипаж в лодку.

"Шире" всплыла.

Фельтринелли стоял на мостике, обхватив руками поперек обмякшее тело врача, как куклу, одетую в скафандр. У Боргезе не было времени расспрашивать о случившемся.

- Мертв? - только спросил он.

- Не думаю, - ответил Фельтринелли, - я потерял его из виду перед самой продувкой балласта. Может, еще удастся его спасти.

- Положите его на мою койку, - сказал Боргезе уходя.

Фельтринелли не составило труда восстановить картину происшествия. Она врезалась в его память и стояла перед глазами. Помогая Скапарелли открывать крышку транспортного цилиндра с третьим "маиале", он вдруг увидел, что доктор откинулся назад и уплыл за ограждения. Шаря руками в темноте и светя по сторонам фонариком, Фельтринелли бросился на поиски своего напарника. Он поплыл вдоль корпуса лодки и нашел его тело, нога доктора зацепилась за крышку торпедного аппарата.

Пока фельдшер занимался доктором Скапарелли, "Шире" скользила назад, чтобы обойти минные поля. Боргезе чувствовал удовлетворение, его участие в операции почти закончилось, но интуиция подсказывала ему, что на этот раз их ждет удача. Удалившись на шесть-семь миль, в 23 часа 35 мин. подводная лодка всплыла. Ночь спокойна. Маяк Раз-Эль-Тин работал в обычном режиме. Темноту прорезывали белые вспышки его фонаря. "Шире" снова погрузилась и взяла обратный курс на Италию.

"Эх! - мечтал Боргезе, как всегда жаждущий славы и деятельности, - мне бы побольше торпед! Сколько времени зря тратится на эти долгие переходы".

Торпеде, что влекла к Александрии экипаж де ла Пенны, оставалось проплыть всего около семисот метров до входа в порт. В голове молодого лейтенанта пронеслось, что впереди еще восемь часов темноты, и этого будет достаточно для хорошего выполнения работы.

В 21 час 15 мин. он всплыл на поверхность. Вслед за ним поднялись и другие экипажи. Они оказались немного левее фарватера, но линия противоторпедных заграждений уже пройдена без особых затруднений. Де ла Пенне огляделся. Темное пятно впереди оказалось сторожевым кораблем, который каждые три минуты пересекал фарватер, сбрасывая по пути глубинные бомбы. Позади, в открытом море, три контрминоносца готовились войти в порт.

- Мы пройдем вместе с ними, - произнес де ла Пенне. - Сеть, блокирующая проход в порт, будет убрана.

В строгом порядке, как на параде - английский корабль, итальянская управляемая торпеда, англичанин, итальянец - англичанин, итальянец, колонна проникла во внутреннюю акваторию порта.

- Думаю, они нас не заметили, - сказал де ла Пенне. - Они, наверное, довольны, что вернулись домой, и, кроме того, они слишком заняты подготовкой к швартовке.

Так и произошло.

Дюран де ла Пенне предоставил своим людям свободу маневра для атаки целей. У каждого она была своя: Марчелья и Шергат должны были заняться "Куин Элизабет", Мартеллотта и Марино - атаковать танкер, самому де ла Пенне вместе с Бьянки предстояло заминировать "Вальянт".

Обогнув группу французских пароходов, стоявших в порту, де ла Пенне увидел огромную черную массу "Вальянта". Он направился к кораблю. По пути наткнулся на противоторпедную сеть и преодолел ее. И вот он всего в тридцати метрах от броненосца. Время 2 часа 19 мин. С легким стуком "маиале" касается его корпуса. Затем, выполняя маневр погружения, "маиале" приняла балласт и спикировала на глубину 17 метров. Де ла Пенне, выровняв аппарат, оглянулся и обнаружил, что потерял напарника. Он всплыл на поверхность, надеясь его там найти, но безрезультатно. К счастью, на борту линкора все

оставалось спокойно. Оставив Бьянки на произвол судьбы, он вернулся на дно и попытался запустить двигатель своей торпеды. Мотор больше не работал, кусок стального троса обмотался вокруг оси винта.

Что делать? Один на дне, с неподвижным аппаратом всего в нескольких метрах от цели, де ла Пенне попытался совершить единственно возможный в его положении маневр: подтащить на руках свой снаряд к днищу корабля. Собрав все свои силы, обливаясь потом и задыхаясь, он начал тянуть свою торпеду. Стекло его маски запотело, он выпускал столько пузырей воздуха, что почти не видел показаний компаса. Ему не хватало воздуха, кончались силы, но он медленно продвигался вперед. Он уже слышал шумы внутри корпуса корабля, в частности, работу вспомогательного насоса, по нему он и ориентировался. После сорока минут нечеловеческих усилий, выигрывая по несколько сантиметров с каждым толчком, он наконец уткнулся головой в днище броненосца. Силы были на исходе, последние ушли у него на то, чтобы взвести взрыватель. Скрупулезно выполняя предписания Боргезе, он установил его с таким расчетом, чтобы взрыв произошел в 6 часов. Затем позволил себе подняться на поверхность.

В этот момент он и увидел Бьянки, в полуобморочном состоянии вцепившегося в буй.

Два других экипажа также выполнили свои задания. Им не мешали никакие неисправности, и они действовали как на тренировке.

Все шестеро, после возвращения из плена, будут награждены золотыми медалями за воинскую доблесть.

Де ла Пенне станет пленником - игра судьбы - самого сэра Чарлза Моргана, командира "Вальянта", вскоре ставшего адмиралом и командующим морскими силами Англии в Средиземном море!

8 января 1942 года Супермарина сообщает об операции в коммюнике № 585 следующее:

"В ночь на 18 декабря 1941 года штурмовые снаряды королевского флота проникли в порт Александрии и атаковали два стоявших там на якоре английских линейных корабля. Мы только что получили подтверждение, что один из двух линкоров, "Вальянт", серьезно поврежден и поставлен на ремонт в док, где находится и сейчас".

В коммюнике № 586 от 9 января 1942 года появляется дополнительное сообщение:

"В результате атаки с применением штурмовых снарядов королевского флота на порт Александрии, о которой было сообщено вчера, по новым, абсолютно достоверным данным, кроме броненосца "Вальянт" был также поврежден броненосец "Бархэм".

Потеря "Вальянта" и "Куин Элизабет", вслед за авианосцем "Арк Ройал" и линкором "Бархэм", потопленными 13 и 25 ноября немецкими подводными лодками, нанесла очень серьезный удар по британскому флоту. Последствия этого были устранены только спустя много времени и то только с помощью американцев.

Первый и единственный раз за всю войну стратегическая ситуация на средиземноморском театре военных действий кардинально изменилась. Итальянский флот получил подавляющее превосходство на море. И как следствие, снабжение итало-германских войск в Африке значительно улучшилось, что позволило Роммелю возобновить наступательные операции и овладеть за первые два месяца 1942 года обширными территориями.

"Но можно было достичь большего, - уверен Валерио Боргезе, - наше преимущество на море было таково в тот момент, что появилась возможность попытаться нанести прямой удар по Египту, который оставался стержневым пунктом в войне на Средиземном море. Десант, высаженный под прикрытием всего итальянского флота (имевшего шесть броненосцев, в то время как англичане не могли противопоставить ни одного), имел значительный шанс на успех и мог проникнуть прямо в Египет, обойдя таким образом трудности, с которыми мы сражались столько месяцев - необходимость пересекать пустыню и слишком длинные пути снабжения".

Принц пытается убедить в этом своих коллег из штаба флота, но напрасно.

Разочарованный, хотя, будучи реалистом, на многое и не рассчитывал, он пишет:

"Ответственность за эту упущенную возможность лежит на совести наших штабных с их континентальным менталитетом. Ведение войны было возложено на Бадольо, который сформировался в рамках старой военной школы, проповедовавшей траншейную войну. А решения должны принимать люди с широкими взглядами, способные вести войну морскую и колониальную, на которую толкает нас геополитическое положение Италии".

Победа, одержанная в Александрии Валерио Боргезе и его людьми, не была использована до конца, и месяц за месяцем положение наземных войск и флота Италии снова ухудшается.

Если итальянские стратеги не смогли разглядеть важность этой победы, то Черчилль полностью понял опасность, нависшую над его войсками. В речи, произнесенной в Палате общин на секретном закрытом заседании 23 апреля 1942 года, он заявляет:

"Потеряв авианосец "Арк Ройал", линкоры "Бархэм", "Рипалс" и "Принц Уэльский", мы должны ожидать и других ударов. На рассвете 19 декабря прошлого года в порту Александрии были обнаружены шестеро итальянских пловцов-подводников в автономных скафандрах. До этого были предприняты строгие меры для защиты портов и баз от различного типа людей-торпед и одноместных подводных лодок. Не только были установлены дополнительные заграждения, но и регулярно забрасываются глубинными бомбами фарватеры.

Несмотря на принятые меры, этим людям удалось проникнуть в порт. Их мины взорвались под днищами линкоров "Вальянт" и "Куин Элизабет". Итальянцы проявили исключительную смелость и изобретательность. В корпусах кораблей были пробиты огромные бреши, и они на многие месяцы вышли из строя. Один из них скоро будет отремонтирован и вернется в строй. Другой все еще стоит в плавучем доке Александрии и представляет собой прекрасную мишень для вражеских самолетов.

Сейчас у нас на Средиземном море не осталось ни одного линейного корабля. "Бархэм" затонул, а "Вальянт" и "Куин Элизабет" в совершенно небоеспособном состоянии.

Итальянский же флот все еще имеет четыре или пять броненосцев, некоторые вполне современные, типа "Литторио", хотя и много раз ремонтированные, другие старые, но прошедшие модернизацию... Для защиты с моря дельты Нила мы имеем несколько подводных лодок, контр-миноносцев, а также небольшое количество крейсеров, плюс, конечно, наша авиация, базирующаяся на берегу. Поэтому настоятельно необходимо срочно перебросить часть наших авианосцев и самолетов с восточного побережья Англии в Средиземное море, к берегам Африки".

Доводы сэра Уинстона Черчилля были признаны убедительными и его предложение удовлетворено, к глубочайшему несчастью Италии, оказавшейся неспособной воспользоваться плодами победы, которая могла бы стать ключевой для исхода войны.

Глава 11

Валерио Боргезе на вершине своей славы. Он добился успеха, благодаря удачливости, своей настойчивости и спортивной закалке, а также техническим знаниям там, где лучшие терпели неудачу. Гибралтар (четырежды) и Александрия победами украсили его герб. За победу в Александрии, самую трудную и самую значительную, король награждает его самой высокой наградой Италии, военным орденом Савойи. Наградная характеристика красноречива:

"Успешно выполнив в качестве командира подводной лодки в составе Децима МАС три дерзких операции по применению специальных управляемых снарядов, он великолепно подготовил четвертую - по взламыванию обороны другой крупнейшей военно-морской базы врага на Средиземном море. Он приблизился на своей подводной лодке к тщательно охраняемому порту, с хладнокровной решительностью преодолел все средства обороны противника и доставил штурмовые снаряды в точку, обеспечивающую наилучшие условия для атаки. В результате атака управляемых снарядов увенчалась блестящей победой. Были серьезно повреждены и надолго выведены из строя два новейших броненосца врага".

- Вы счастливы, Боргезе? - задает вопрос морской министр, принимая принца в своем кабинете.

- Не совсем, господин министр, - отвечает принц. - Плодами подобной победы надо пользоваться немедленно, чтобы решительно склонить чашу весов в нашу пользу.

- Нет, нет. Мы еще не готовы. Вернемся к этому позднее.

Молодой командир пожимает плечами, и на его лицо ложится маска неудовольствия. Позднее, всегда позднее. Чаще всего слишком поздно!

- Сколько времени вы командуете "Шире"? - спрашивает министр.

- Чуть больше года.

- У меня есть для вас предложение. Вам придется оставить свою "Шире" и полностью посвятить себя руководству подводной секцией Децима МАС.

- Но, адмирал, - запротестовал Боргезе, - я могу заниматься этими делами одновременно. Я успешно делаю это уже несколько месяцев.

- Действительно, вы провели пять операций, четыре в Гибралтаре и одну в Александрии, и все успешно. Вы довели методы применения подводных лодок в этой новой области военной науки до совершенства, значительно увеличили их эффективность, отлично обучили экипажи управляемых снарядов. Но настало время теперь передать другим офицерам выполнение этих задач, а все ваши силы и накопленный опыт отдать руководству Децима МАС.

Предприняв еще одну безуспешную попытку переубедить министра, Боргезе смиряется, но не скрывает своего глубокого неудовольствия перспективой покинуть экипаж лодки, с которым его связывали братская любовь и нежная привязанность. Он обращается к министру с просьбой:

- Мой адмирал, в то время как я буду спокойно прохлаждаться на берегу, мои люди должны будут продолжать смертельно рисковать своей жизнью. Позвольте им также сойти на берег и продолжить службу в другом месте?

Министр разрешил. Удовлетворенный Боргезе объявляет новость экипажу своей подводной лодки:

- Мне придется по приказу вышестоящего начальства сойти на берег. Я покидаю вас с самым большим сожалением. Все, кто желает перейти на другое место службы, более безопасное, могут мне сообщить.

- Мы глубоко разочарованы тем, что вы нас покидаете, командир, услышал он в ответ, - и мы благодарим вас за ваше предложение. Но мы слишком привязаны к нашему кораблю и просим разрешения оставаться на "Шире" и дальше.

Таким образом экипаж показал, что не забыл уроки Боргезе и его девиз: "Дух самопожертвования и чувство долга!"

2 апреля 1942 года Валерио Боргезе последний раз проводит смотр экипажу "Шире", построившемуся на набережной арсенала Специи для церемонии награждения орденами воинской доблести, которые вручал адмирал Аимон Савойский, герцог д'Аосте.

Рядом стояли экипажи двух немецких подводных лодок командиров Тизенхаузена и Гугенбергера, также награжденные за уничтожение линкора "Бархэм" и авианосца "Арк Ройал".

После зачтения наградных характеристик каждый моряк получает медаль. У моряков "Шире" это была уже четвертая награда, по одной за каждую операцию.

"Я считал, что каждый человек на борту должен получить награду. Усилия при проведении операций были коллективными, и было бы справедливо, чтобы и вознаграждение тоже было коллективным", - говорил Боргезе.

Между тем, пока итальянцы почивают на лаврах, англичане продолжают усиливать свои воздушные силы на Мальте. За несколько месяцев численность самолетов возрастает с двадцати трех до ста шестидесяти девяти. Что еще более важно, радиус действия новых торпедоносцев значительно возрос, увеличившись со ста пятидесяти километров до шестисот пятидесяти.

Начиная с весны 1942 года итальянские и немецкие корабли не могут больше укрываться от их атак даже в портах Бардия, Тобрук и Марса-Матрух. Они и там несут тяжелые потери. Таким образом, у Роммеля, который готовится к наступлению, запланированному на сентябрь, поступающего снаряжения и боеприпасов едва хватает на удовлетворение повседневных потребностей пехоты, а в танковых частях его недостает и до половины. Только трофеи, захваченные у англичан, и спасают кое-как положение.

Чтобы попытаться исправить ситуацию, которая грозила перерасти в катастрофическую и привести к трагическому концу, Супермарина в который раз призывает на помощь Децима МАС. Командир флотилии Форца после совещания с руководителями обоих секторов, подводного и надводного, Боргезе и Тодаро, отправляет дивизион торпедных катеров в Аугусту. Командиром группы назначается лейтенант Онгарилло Унгарелли. Перед ним ставится задача организовывать ночные засады перед портом Ла-Валетты. Результаты оказываются разочаровывающими. Тогда адмиралу Туру штаб флота поручает подготовить специальный отряд для нападения на Мальту. Дивизион катеров Децима МАС освобождается от выполнения своих главных задач и бросается на решение исключительно задач разведки по определению средств обороны острова.

Пока дивизион Унгарелли осаждает Мальту, Боргезе развивает как всегда бешеную активность на посту главы подводной секции. Он знает, что англичанами предпринимаются попытки отремонтировать "Вальянт" и "Куин Элизабет". Это доносила и агентурная разведка и показывали данные аэрофотосъемки.

В апреле Боргезе разрабатывает план нового нападения на Александрию с целью уничтожения плавучего дока - единственного у англичан в восточном Средиземноморье, - в котором к тому времени стоял линкор "Куин Элизабет" для временного ремонта перед переходом в Америку. Второй целью планировался плавучий завод "Мидуэй", одно из самых полезных судов британского флота.

Боргезе готовит операцию очень тщательно, тем более что впервые за много лет он не будет участвовать в ней лично.

Он точно выписывает весь план операции:

"По пути, проделанном когда-то "Шире", - пишет он, - подводная лодка доставляет к Александрии три управляемые торпеды с экипажами, которые попытаются проникнуть в порт, несмотря на усиленные меры безопасности, предпринятые после декабрьских событий. Два снаряда предназначаются плавучему доку с "Куин Элизабет". После взрыва, 32 000 тонн линкора и 40 000 тонн дока образуют такую неразборную груду стальных плит, орудий и других металлических обломков, что линкор - уже поврежденный "маиале" Марчелья - и сам док на этот раз будут окончательно выведены из строя. Третий снаряд должен будет потопить какой-нибудь как можно более крупный корабль из тех редких судов, что оставались в Александрии. Я остановил свой выбор на плавучем заводе "Мидуэй". Операция назначается на период полнолуния в мае месяце".

С этого времени Боргезе все свое время посвящает тренировкам и обучению экипажей и подготовке материальной части. С помощью инженерных служб арсенала Специи он проводит серию опытов, чтобы отыскать наиболее уязвимые места у плавучего дока и определения мощности зарядов, необходимых для его разрушения. Для транспортировки торпед к Александрии он выбирает новую подводную лодку "Амбра", на которой только что закончились работы по ее модернизации. Ее командир, капитан-лейтенант Арилло, был офицером-подводником с не очень большим опытом. День и ночь Боргезе старается исправить этот недостаток, передавая ему самые сокровенные детали своего богатого опыта. Он возится с ним, как наседка с желторотым цыпленком.

Как и во время последней операции "Шире", "Амбра" отправляется сначала на остров Леро, откуда берет 12 мая курс на Александрию. Боргезе, оставшийся в Специи, больше не спит. Он мечется по своему кабинету, как тигр в клетке. Он не находит себе места. Где "Амбра" в этот час? Что с ней? Точно ли Арилло выполняет его предписания?

Проходят дни, а принцу не удается обрести спокойствие. Близкие друзья, привыкшие к

его невозмутимости в любых обстоятельствах, его не узнают. Он курит сигарету за сигаретой, становится замкнутым и раздражительным. Одним словом, это совершенно другой человек.

Наконец 24 мая "Амбра" возвращается в "Специю". Боргезе облегченно вздыхает. Первая фаза операции благополучно завершилась. Ожидание результата второй части для него привычное дело. Конечно, он беспокоится за жизнь своих людей, но изменить ничего уже не может.

В Серкио, в ожидании новостей, моряки подводной секции слоняются по пляжу после ежедневных напряженных тренировок. Аэрофотоснимки, ложащиеся каждый день на стол Боргезе, показывают спокойный порт, работающий в обычном режиме. По всей видимости, пловцам не удалось достичь намеченной цели.

Так и было. Совершая маневры, чтобы обойти патрульные сторожевики и преодолеть препятствия, они израсходовали ресурсы двигателей, вынуждены были затопить аппараты и выбираться на берег.

Боргезе чувствовал себя ответственным за неудачу. В поражении, как и в победе, он командир и отвечает за все.

"Эта неудача, - пишет он командиру Децима МАС Форце, - объясняется тем, что разработанный мной план был на грани возможностей для его выполнения. Для его успешного завершения требовалось совпадение множества благоприятных факторов, чего в действительности, видимо, не произошло".

На этот раз англичане выиграли очко в борьбе, которую они вели с Валерио Боргезе и его людьми-торпедами. Но принц не считает себя побежденным. В Серкио приходят новые добровольцы, мечтающие сравняться в подвигах со своими предшественниками.

Глава 12

В то время как дивизион катеров Унгарелли, базировавшийся в Аугусте, все еще участвует в осаде Мальты, Супермарина требует со стороны Децима МАС новых усилий.

По просьбе немецкого командования, которое хотело блокировать с моря русскую военно-морскую базу Севастополь, прервать снабжение осажденного города с моря и, таким образом, подавить его способность к сопротивлению, Форца, Боргезе и Тодаро решают перевести на Черное море группу "баркини", получившую название "колонны Моккагатты". Она приступает к боевым действиям с 22 мая 1942 года.

Положение к тому времени сложилось следующее. Крым полностью оккупирован немецкими войсками, за исключением двух осажденных крепостей Севастополя и Балаклавы, степень сопротивления которых полностью зависела от поддержки с моря.

Перед катерами-снарядами ставится задача организовывать засады перед входом в порт и на путях снабжения, чтобы положить конец переброске морем подкреплений и боеприпасов в осажденные гарнизоны. С помощью Децима МАС командование надеялось ослабить сопротивление осажденных и облегчить окончательный штурм немцам. Тодаро, командир надводной секции флотилии, в ночь на 4 июня сам лично открывает начало операциям, которые будут продолжаться каждую ночь. До падения Севастополя через месяц, "колонна Моккагатты" одержала несколько побед, которые педантично фиксировались. Итог впечатляющий: потоплено кораблей общим водоизмещением 35 000 тонн.

Немцев первых удивил такой результат, и они просят итальянцев остаться в России, чтобы иметь возможность в дальнейшем использовать их для поддержки действий немецких войск. Что и было сделано.

Между тем в Серкио Форца и Боргезе не бездействуют. Еще в то время, когда принцу было поручено реорганизовать Децима МАС, флотилии были приданы три паровых рыболовных судна "Чефало", "Солиола" и "Костанца". Боргезе, постоянно ищущий что-нибудь новое, решает использовать их для организации засад нового типа против английских пароходов, отправлявшихся из Гибралтара на Мальту.

Тактично, чтобы не поранить чувствительного Тодаро, командира надводной секции, он наводит разговор на эту тему во время одного из обедов, когда все собрались в столовой,

чтобы проверить реакцию на свою идею. И вскоре она пробивает себе дорогу.

Хитрость плана Боргезе базировалась одновременно на миролюбивом виде рыболовных судов и прекрасном знании итальянцами путей, по которым обычно следовали британские конвои. Он писал:

"Рыболовные суденышки с замаскированными "баркини" на палубе плавают по соседству с этими путями. Затем, предупрежденные по радио о вышедшем в море конвое, они приближаются к вероятному его маршруту с таким расчетом, чтобы спустить ночью снаряды как можно ближе к цели. Учитывая небольшую автономность "баркини" и удаленность от берегов, их атака должна быть неожиданной для врага. Рыболовные шхуны, таким образом, должны стать передвижными базами для запуска штурмовых управляемых катеров-снарядов".

Идея казалась исключительно соблазнительной, и вскоре Супермарина дает свое согласие на ее претворение в жизнь. Боргезе добавляет еще одну славную страницу в свою уже богатую карьеру. Из скромности он отходит в сторону, предоставив право ее реализации Тодаро.

Для выполнения новой роли был выбран и подготовлен "Чефало". Ему придали вид старой, грязной, проржавевшей рыболовной посудины с чадящей закопченной трубой и работающим с перебоями двигателем. Глядя со стороны, невозможно было представить, что под наваленными на палубе снастями и полусгнившими сетями скрывалось грозное оружие.

Месяц спустя за завтраком собираются главные командиры Децима МАС по случаю визита герцога д'Аосте. За десертом Боргезе спрашивает, как бы невзначай:

- Миссия "Чефало" дает результаты?

- Уже две недели как в море. И ничего, - отвечает Тодаро. - Из штаба не поступало сигналов об английских конвоях. Но рано отчаиваться. Ваша идея оригинальна и должна принести успех. Я в этом настолько уверен, что готовлю переоборудование и двух других шхун. Но собираюсь их нацелить на конвои, выходящие из Александрии.

Увы, развитие ситуации вынуждает полностью изменить планы, и теперь нам никогда не узнать, был ли прав Боргезе и была ли его интересная идея реализуема.

Превосходство итальянского флота на Средиземном море, достигнутое в результате победы в Александрии 19 декабря 1941 года, позволило полностью наладить снабжение итало-германских войск в Африке. Тобрук пал. Фронт приходит в движение и стремительно катится к Эль-Аламейну, расположенному совсем рядом с Александрией. Английские быстроходные корабли теперь не дают покоя итальянцам на путях снабжения итальянских войск в Бальбии.

Руководство Децима МАС решает перейти в контрнаступление с использованием "баркини". Но рыболовные шхуны были признаны слишком тихоходными для этой цели в районах, где противник активно использует авиацию. Поэтому было решено отправлять катера-снаряды из местечка Эль-Дада-Дюн-Бланш, расположенного в пятидесяти километрах от Эль-Аламейна.

Катера не очень много раз выходят в море, и особых результатов не было достигнуто - в ночь с 28 на 29 августа поврежден один небольшой сухогруз. Сказалось слишком большое расстояние до Александрии и прекращение движения судов в ночное время вблизи порта.

В конце августа Децима МАС отзывается с этого участка фронта. Итало-германская группировка в Эль-Аламейне, попытавшаяся прорвать оборону англичан, была отброшена на исходные позиции, и надежда одержать решающую победу в Африке окончательно улетучилась. Все это будет иметь фатальные последствия для дальнейшего хода войны.

Форца возвращается в Италию в конце июня, чтобы опять возглавить руководство Децима МАС. Там он встречает Валерио Боргезе, собирающегося уезжать.

- Я получил приказ отправиться за границу для организации новых пунктов базирования для подводной секции флотилии, - сообщает тот своему начальнику.

- Вы знаете что-нибудь конкретно?

- Почти ничего. Сначала я должен прибыть в Берлин и там обменяться опытом по

организации диверсий на море. Затем в Париже я должен встретиться с адмиралом Деницем и предоставить ему информацию, которая может быть полезна для нового плана, разработанного мною несколько недель назад.

Форца остается доволен этими короткими объяснениями и на прощание говорит:

- Держите меня в курсе.

Это не первая поездка Боргезе в Германию. Еще в начале войны он стажировался там на немецких подводных лодках, действовавших в Атлантике. С тех пор он несколько раз возвращался туда между походами "Шире". Немецкие коллеги, с которыми он общался, узнали его душевные качества, его смелость и офицерскую интеллигентность. Успехи его людей-торпед довершили остальное, произведя впечатление даже на немцев, солдат, не склонных к признанию заслуг так часто разочаровывавшего их союзника. Боргезе становится одним из тех редких итальянских офицеров, к которым немцы испытывают уважение, даже восхищение.

Известный эксперт в подобного рода делах Отто Скорцени писал Валерио Боргезе:

"Я навсегда сохраню воспоминания о том, кто является выдающимся человеком среди самых по-рыцарски смелых и благородных из наших европейских союзников".

В Берлине затянутого в офицерскую форму итальянского королевского флота, с неизменной сигаретой в уголке твердо очерченных губ, Боргезе принимают скорее как друга, чем как союзника, его коллеги из Кригсмарине.

С самого начала итальянские штурмовые управляемые снаряды не очень интересовали немцев. Они не совсем отвечали традициям германской расы. Для их применения требовалось некоторое врожденное чувство инициативы и, в некотором роде, индивидуализм. Но с тех пор как надежда на молниеносную победу постепенно улетучивалась и характер войны на море обострился, немецкое командование снова открыло для себя, что господство на море является одним из определяющих факторов в любой войне, и их внимание привлекли успехи Децима МАС на Средиземном море. Так и объясняет Боргезе причину его приглашения в Берлин встречавший офицер Кригсмарине и уточняет:

- Мы хотим как можно быстрее развить этот вид оружия у нас и установить с вами более тесные контакты.

Перед Боргезе распахиваются все двери немецкого учебного лагеря в Бранденбурге, огромного, отлично оснащенного подготовительного центра подводного плавания. От него не скрывают ничего. Это только усиливало чувство неловкости у принца. Немцы, на его взгляд, вели себя как честные, искренние союзники, в то время как он сам не мог себе этого позволить, скованный строжайшими предписаниями Супермарины.

"Я должен был, - писал он в воспоминаниях, - кое-что показать нашим союзникам, но не все. Я мог открыть лишь секреты, которые уже, вероятно, попали в руки врага. Мне предписывалось скрывать технические открытия, сделанные нами еще в период испытаний и исследований наших управляемых снарядов. Я обязан был вести себя сдержанно, хотя и не понимал ясно принципов, которых мне следовало придерживаться. Мне казалось, что расхождения, сомнения и осторожность допустимы в отношениях между союзниками в политическом плане, но в военном (единственном, который меня интересовал), решив однажды сражаться плечом к плечу в борьбе не на жизнь, а на смерть с общим врагом, самое откровенное, самое тесное сотрудничество не только полезно, но и абсолютно необходимо".

Раздираемый в глубине души этими противоречивыми чувствами, Боргезе внешне кажется невозмутимым и принимает, в соответствии с предписаниями морского министерства, предложение немцев организовать в Италии на базе Децима МАС обучение немецких пловцов, которые впоследствии станут инструкторами у себя на родине. Он договаривается также об обмене снаряжением: итальянские автономные дыхательные аппараты и гидрокостюмы на мощную немецкую взрывчатку.

Перед отъездом из Берлина Боргезе участвует в торжественном ужине, в узком кругу офицеров, устроенном в его честь. Немецкий полковник из службы безопасности громко, чтобы слышали все присутствующие, высказывает там мысль, которая производит на принца

огромное впечатление:

- Мы будем драться до конца, потому что это наш долг и наша единственная возможность. Но Германия проиграла эту войну с самого начала. Несмотря на горький опыт Первой мировой войны, мы, немцы, снова совершили ту же фундаментальную ошибку: построили свою стратегию исключительно в расчете на сухопутные войска, забыв, что Англия может быть побеждена, только потерпев поражение на море. Узость мышления наших штабов свела современную войну только к боевым действиям за завоевание вражеских континентальных территорий. А стратегия войны должна охватывать весь земной шар, весь мир. Военная мысль должна быть открыта воздушно-морской стратегии.

Боргезе и сам много об этом думал.

Эта честная и реалистическая точка зрения на сложившееся положение была ему близка. Он так объяснял свою позицию, которая не дает оснований сомневаться в его отношении:

"Ошибочные стратегические принципы, которым следует немецкий генеральный штаб в ведении войны, находят хотя бы оправдание в геополитическом положении Германии. Но для итальянского командования нет никаких оправданий. Хотя итальянцы уже в 1932 году провозгласили во всеуслышание, что "Италия - это остров" и, по другому поводу, что "если для Англии Средиземное море это дорога, то для Италии это жизнь", стратегические концепции нашего генерального штаба остались на уровне 1914 года.

Италия - это остров... Но, имея недостаточные морские силы и ничтожную авиацию, наш генеральный штаб продолжает создавать и создавать десятки пехотных дивизий, вооруженных винтовками образца 91 года, копающих траншеи лопатами и кирками, одетых в серо-зеленую форму и горные ботинки с обмотками. Командиры этих частей погрязли в методах ведения войны эпохи борьбы за независимость под девизом "Германия - враг!" Напрасно Криспи, островник Криспи, дал нам Эритрею. Напрасно Джиолотти, континентальник Джиолотти, обеспечил нам "четвертое побережье" на Средиземном море - Ливию. Напрасно Муссолини открыл нам морские пути, создав африканскую империю. Это не повлияло на умонастроение нашего генерального штаба, который своей подготовкой и методами ведения войны, если и дальше будет так продолжать, приведет страну к военному краху".

В Париже Боргезе моментально забывает о своих берлинских заботах перед теплым и любезным приемом гросс-адмирала Деница. В нем он встречает солдата своего положения, одного из тех исключительных людей, которые, и только они, могут склонить чашу весов в свою пользу. И Боргезе сразу ему поверил.

Непревзойденный организатор, Дениц, как и Боргезе, верил в силу примера и был первым достойным его. Это давало ему право многого требовать от своих подчиненных и товарищей. Боргезе с ним говорит на одном языке. Дениц не скрывает своего восхищения одержанными Децима МАС громкими победами, и Боргезе оценил мнение одного из самых великих моряков мира.

Лед сразу же был растоплен, и между ними устанавливается дух тесного сотрудничества. Принц отныне мог просить все, перед ним открываются самые сокровенные двери Кригсмарине; морское братство победило разногласия и маленькие подлости, обычное дело в отношениях между союзниками, которые так ненавидел Боргезе.

Он изучает сотни отчетов об операциях немецких подводных лодок в поисках сведений о портах Северной Америки, Бразилии и Южной Африки, чтобы определить самые важные атлантические базы на интенсивных караванных путях и места базирования боевых кораблей. С этими сведениями Боргезе отправляется в Бордо, чтобы найти там, как он выразился, "маленький кусочек родины", итальянскую военно-морскую базу на атлантическом побережье, которой командует адмирал Полаккини.

Чуть раньше туда прибывает один из новых аппаратов, который он отправил перед своим отъездом из Италии: С.А., "карманная" подводная лодка водоизмещением 12 тонн, вооруженная двумя торпедами калибром 150 миллиметров и управляемая экипажем из двух

человек. Боргезе готовится провести эксперименты для проверки своей новой идеи, еще более дерзкой и безумной, чем предыдущие: нападение на морские базы Америки, в частности Нью-Йорк.

Как и другие итальянские штурмовые снаряды - "маиали" и "баркини" С.А. обладали небольшой дальностью автономного плавания и требовали транспортного корабля для доставки их как можно ближе к цели. У Боргезе имелся вариант решения этой проблемы и он хотел его опробовать: "транспортировать С.А. на палубе океанской подводной лодки, наподобие кенгуру, носящей своего детеныша в сумке". Этим объяснялось его прибывание в Бордо. Редкая профессиональная добросовестность для итальянского офицера его ранга!

- Подводная лодка "Леонардо да Винчи" подготовлена согласно вашим инструкциям, - докладывает ему дежурный по базе. - Ангар для С.А. закреплен на палубе лодки.

На следующий день Боргезе принимает командование "Леонардо да Винчи" и приступает к испытаниям в зоне Бордо - Ла-Паличе.

"У меня еще оставались сомнения, - писал он потом, - в возможности беспрепятственно и в хорошем состоянии доставить маленькую подводную лодку через океан, чтобы она могла дальше самостоятельно продолжить свой путь к цели. В это время носитель должен ждать ее один или два дня в заранее условленном месте".

В результате первых же экспериментальных походов выясняется, что идея его великолепна и вполне реализуема, сверх самых оптимистичных предположений. Он делает большой шаг к претворению в жизнь своего дерзкого проекта. Однако стремящийся, до маниакальности, к совершенству, он проводит еще десяток выходов в океан, отрабатывая маневрирование, и только после этого дает заключение:

"Теперь операция против Нью-Йорка может перейти из фазы проекта в фазу реализации".

Со спокойной душой Боргезе покидает Бордо и продолжает свой тур по Европе. Обязанности по доведению работ на "Леонардо да Винчи" и С.А. он оставляет на майора Фену.

В Сан-Себастьяне, летней столице Испании, он встречается с некоторыми секретными агентами итальянского флота, ответственными за переправку экипажей "маиали" после их операций против Гибралтара. Прорабатываются предложения, чтобы сделать их работу еще более эффективной.

Английская цитадель на скале становится, после поражения итало-германских войск в Африке, целью номер один для Децима МАС. Неутомимый Боргезе планирует усилить активность своих людей против этого замка на воротах в Средиземное море.

Завернув в Мадрид, где он встретился с морским атташе итальянского посольства, он с той же целью посещает Лиссабон, последний пункт своего европейского вояжа.

Наконец он возвращается в Специю, чтобы впрячься в работу по подготовке операций, фундамент которых он только что заложил. Он счастлив как ребенок, которому предстоит собрать электрическую железную дорогу. Но новое известие обрушивается на него: с задания не вернулась "Шире".

Тяжелый удар. Он пытается скрыть свои чувства. В преддверии будущих операций он рассматривает мельчайшие детали жизни его подводной группы с холодной объективностью, которая является хрупкой ширмой его печали.

"В течение многих дней, - рассказывал один из свидетелей тех событий, - он почти ничего не ел. Горе его было огромно, оно было выше чувства простой дружбы".

Мало-помалу он преодолевает скорбь и с головой погружается в работу, чтобы попытаться забыться и отомстить за гибель друзей. Он больше не говорит о своей старушке "Шире", но все его окружавшие знают, что он о ней думает все время. Через несколько месяцев у него рождается третий сын. Он называет его Андреа-Шире. Новое доказательство его верности той, с кем он познал вкус самых громких своих побед и разделил самую громкую славу.

А в это время военное положение Италии продолжает ухудшаться. Ветер

безнадежности продувает боевые порядки армии и, кажется, только моряков Децима МАС не затрагивало его ледяное дыхание. Боргезе остается глух к сигналам, трубящим отступление, и идет только вперед. Теперь он знает, что только его управляемые снаряды, благодаря своим техническим характеристикам и мужеству пилотов, в состоянии угрожать Гибралтару со стороны итальянских вооруженных сил. Как дикий зверь, затаившийся в темноте, он готовится нанести новый удар.

Глава 13

- Как пройти на виллу "Кармела"?

- Вы идете правильно. Она прямо перед вами на вершине холма, за купой деревьев.

Тонио и Конкита Романьино продолжают подъем по каменистой дороге под палящим солнцем. В начале июля 1942 года в Испании стоит изнуряющая жара, которую не может унять легкий морской бриз. Вилла под крышей из розовой черепицы доминирует над заливом Альгезирас. Из ее окон открывается чудесный вид. Внизу пляж Ла-Линеа, чуть дальше - скала Гибралтара нависает над портом, забитым военными кораблями и транспортами различных размеров.

- На этот раз, - говорит Тонио, - командир нам выбрал для работы настоящий райский уголок.

До них доносятся глухие звуки взрывов: англичане через регулярные интервалы разбрасывают глубинные бомбы.

- Это доказывает, что они не надеются на свои сети, - с иронией замечает он.

Вечером после ужина Конкита устраивается у окна, выходящего на юг. Лучи прожекторов мечутся внизу, выхватывая из темноты черные маслянистые волны.

- Англичане нервничают, - говорит Тонио, - они не забыли сентябрь 1941 года.

- Ты говоришь о "Шире"?

- Да, но на этот раз мы сделаем лучше. Ты увидишь, "маиали" больше не понадобятся. Достаточно будет только рук и ног.

Изучение хода и итогов операций, проведенных против Гибралтара в качестве командира "Шире", привели Валерио Боргезе к следующим выводам:

1. Подводная лодка считается лучшим средством доставки управляемых торпед к цели. Но с каждым разом риск и трудности возрастают в соответствии с развитием средств поиска и обнаружения, поступающих на вооружение врага.

2. Подводная лодка по своим характеристикам может выполнять только часть миссии и может доставлять не больше трех снарядов. Кроме того, операция может проходить только в ночное время, а период с конца весны до начала осени практически не может быть использован из-за коротких ночей.

3. Особое положение Гибралтара, соседствующего с нейтральной страной, позволило эвакуировать двадцать два из двадцати четырех человек из экипажей торпед, прибывших со стороны моря. Только экипаж Биринделли-Пакканьини был захвачен в плен после атаки "Бархэма" в октябре 1940 года. Но если пловцам так относительно легко добраться до испанского берега после атаки порта Гибралтара, не будет ли также легко для них попасть в Гибралтар с испанского берега?

4. Наконец появилось новое обстоятельство: десятки пароходов с военным снаряжением теперь по многу дней стоят в заливе Альгезирас, в нескольких сотнях метрах от испанского берега, вне зоны действия средств защиты порта и могут стать легкой добычей.

Чтобы сделать атаки против Гибралтара эффективнее, Боргезе решает вместо подводной лодки найти другой способ доставки людей и зарядов на испанское побережье. С этой целью он и отправляет Тонио Романьино, добровольца, поступившего на службу во флот и отобранного для Децима МАС, в ознакомительную поездку в район залива Альгезирас через Мадрид. Так была найдена и снята вилла "Кармела". Молодая супружеская пара обосновалась там под тем предлогом, что пошатнувшееся здоровье жены Тонио, Конкиты, требовало морского воздуха и ванн.

Тонио и Конкита живут на вилле уже две недели, когда грузовик привозит им два

ящика, отправленных по документам из большого магазина в Малаге.

- Несите ящики осторожно, - предупреждает шофера Конкита, - там посуда.

- Не беспокойтесь, госпожа, - отвечает тот, - я аккуратно.

Когда к полудню на виллу возвращается Тонио, навстречу ему выбегает Конкита.

- Хорошие новости. Ящики доставлены, они в холле.

Романьино быстро вскрывает крышки. Выгребает стружку, закрывающую их содержимое, и в его руках оказывается металлический цилиндр. Это одна из так называемых "пиявок", которые выдумал Валерио Боргезе. Затем он достает еще восемь таких же цилиндров. В другом ящике оказываются детонаторы и взрыватели с часовым механизмом.

- Теперь надо спрятать их в саду.

Дело пошло. Романьино чувствует себя спокойно. Во второй половине дня он вместе с женой отправляется на пляж. Пока Конкита принимает солнечные ванны, он отплывает от берега. Изучая обстановку, он рассчитывает расстояние и время, необходимое для его преодоления.

Около 10 часов вечера того же дня Тонио, вооружившись биноклем, из окна внимательно наблюдает за движением кораблей на рейде. Конкита сидит рядом с ним и записывает результаты наблюдений в маленький блокнот. Вдруг в дверь виллы постучали. Мгновение, и блокнот с морскими картами и биноклем исчезает в тайнике.

- Ничего не происходит. Иди открой, - спокойно говорит Тонио Конките.

- Кто там? - спрашивает она, прежде чем повернуть ключ в замке.

- Джорджио. Я пришел с купания.

- Открывай, - шепчет Тонио, - это пароль.

Входит Джорджио Баучер.

- Здравствуйте, - говорит он, - еще десять человек во главе с лейтенантом прибудут завтра. Они сейчас на борту парохода "Фулгор" в Кадисе.

Следующей ночью один за другим итальянцы прибывают на виллу. Пловцы знаменитой группы "Гамма" наконец вступают в дело. Они получили приказ заминировать несколько судов, стоящих на рейде Гибралтара. Командует ими лейтенант Страулино, чемпион по парусному спорту, спортсмен, известный во всем мире.

- Не будьте гурманами, - сказал им Боргезе перед отправкой, - не считайте, что это какие-то паршивые транспорты. Прочитайте вот это.

Он протягивает им листок бумаги, испещренный цифрами:

"При потоплении сухогруза водоизмещением 6000 тонн, - указывалось в нем, - и танкера в 3000 тонн, противник теряет примерно следующее: 42 танка, 8 152-миллиметровых гаубиц, 88 3-дюймовых пушек, 40 45-миллиметровых противотанковых пушек, 24 бронеавтомобиля, 50 тяжелых пулемета "брен" на самоходных лафетах, 5210 тонн боеприпасов, 6000 винтовок, 428 тонн запасных частей к танкам, 2000 тонн продовольствия и 1000 бочек горючего".

И двенадцать человек уехали успокоенные.

13 июля, связавшись с Боргезе, находившимся в Серкио, Страулино принимает решение начать операцию. Романьино достает свою карту рейда.

- Пароход, который нельзя упустить, - говорит он, - это "Барон Дуглас". В бинокль я хорошо видел, что под брезентом на его палубе стоят танки.

- Не беспокойся, - отвечает Страулино, - мы ему прицепим три "пиявки". Этим займется Джорджио.

- Во сколько начнете действовать?

- Между одиннадцатью и полночью. Точнее я скажу позднее.

Все оставшееся время Романьино наблюдает за портом со своего наблюдательного поста у окна, из-за клетки с попугаем на подоконнике.

В 21 час, как обычно, англичане меняют места стоянок некоторых своих кораблей. "Барон Дуглас" остается на своем месте. Пловцы спокойны. Расположившись кто на диване, кто в креслах, они отдыхают, читают, в ожидании часа "Ч".

- Приготовиться, - говорит Страулино, вставая.

Ночь как на заказ темная, хоть глаз выколи. Итальянские моряки проходят в расположенную рядом с виллой прачечную. Там они надевают свои черные каучуковые костюмы, кислородные баллоны. Маски подняты на лоб, ласты в руках.

Конкита наблюдает за сборами с некоторой печальной тревогой в глазах. Страулино подходит к ней.

- У меня к вам поручение, - говорит он. - Вы будете нашим маяком. Зажгите свет в окне на западной стороне виллы. Это будет означать, что все нормально... А вы нас будете ждать на берегу с электрическим фонарем, чтобы можно было его заметить издалека.

- Подавать сигналы? - спросила она.

- Да. Один длинный между двумя короткими... Повторяйте его через каждые пятнадцать минут.

Один за другим пловцы пересекают сад, по дороге из тайника забирают "пиявки" и спускаются к бухте.

Посмотрев на светящийся циферблат своих часов, Страулино говорит вполголоса:

- Пора. Джорджио, ты можешь отправляться со своей командой.

Четверо пловцов направились к воде.

- Остальные пойдут парами через каждые четверть часа. Я ухожу последним с Адольфо Лугано, - приказывает Страулино.

Пловцы по течению Гуадаранка добираются до его устья, затем поворачивают на юг. Джорджио плывет впереди. Он смотрит на часы - 2 часа. Они уже 24 минуты в воде. Еще немного, и они доберутся до "Барона Дугласа", массивный силуэт которого черным пятном вырисовывался на темном фоне неба. Внезапно со всех сторон зажигаются прожектора и их лучи беспорядочно пляшут по волнам. По всему рейду объявлена тревога. Приближаются звуки разрывов глубинных бомб. В головах двенадцати пловцов промелькнула одна мысль: их предали. Но нет. Так же внезапно огни гаснут и наступает тишина. Джорджио Баучер подплывает к борту парохода. Он касается его и ныряет под днище. За ним следуют его товарищи. Вскоре заряды закреплены.

Другие пловцы "Гаммы" еще заканчивают работу, а Джорджио со своей группой уже плывет назад. Они видят вспышки фонаря Конкиты на берегу и находят силы, чтобы плыть еще быстрее. Новая опасность. Прямо на Джорджио идет сторожевой корабль. Он ныряет, но винт корабля задевает его по ноге. Он еще хорошо отделался, но по черной поверхности воды расплывается темное пятно крови. Джорджио ложится на спину и медленно плывет к пляжу. Ночное небо уже сереет на востоке, когда он касается ногами дна у берега.

- Лейтенант и остальные уже прибыли, - говорит ему Конкита. Поторопитесь.

Волоча ногу и опираясь на Конкиту, он присоединяется к своим товарищам, собравшимся за бутылкой рома в столовой виллы. Теперь осталось только ждать, считая минуты.

Утром четыре взрыва сотрясают воздух рейда. Четыре взорвавшихся "пиявки" из девяти установленных - жалкий результат, он не оправдал ни усилий на подготовку, ни потраченной за эту ночь энергии пловцов. Именно так думает и Валерио Боргезе, знакомясь с результатами операции, в ходе которой были легко повреждены пароходы "Мета" (1578 т), "Шума" (1494 т), "Империя Снайп" (2497 т), и "Барон Дуглас" (9468 т), итого 15 037 тонн.

"Англичане долго ломали голову по поводу такого мини-разгрома, - писал Боргезе, - Они стали что-то подозревать только после того, как нашли костюмы пловцов, неожиданно всплывшие на поверхность. Ценная находка была сразу же отправлена самолетом в Лондон, где ее подвергли тщательной экспертизе".

Но было поздно. Хитрый Валерио Боргезе уже поменял тактику и готовится применить новое секретное оружие.

Глава 14

- Вилла "Кармела" сгорела, командир, - докладывает Романьино.

Сидевший за своим столом с сигаретой в зубах Боргезе это уже знает. Через несколько

дней после операции семь из двенадцати пловцов команды "Гамма" были арестованы испанской гражданской гвардией, затем временно отпущены на свободу. Они воспользовались этим для побега и вернулись в Италию.

- Нам ничего больше не остается, как найти новую базу. Вы ничего не нашли во время вашего пребывания там, что могло бы быть использовано с этой целью? - спрашивает Боргезе.

- Может быть, командир. Может быть. На рейде Альгезираса стоит брошенный пароход под итальянским флагом, "Ольтерра". Об этом стоит подумать.

- Хорошо. Я наведу справки.

10 июня 1940 года, в день вступления Италии в войну, пароход "Ольтерра", принадлежавший генуэзскому судовладельцу, находился на рейде Гибралтара. Выполняя полученный приказ, капитан судна отвел его на мелководье в территориальные воды Испании и затопил, открыв кингстоны, чтобы он не попал в руки англичан. В таком полузатопленном положении пароход простоял два с половиной года. На нем оставались, по распоряжению судовладельца, несколько членов экипажа, которые должны были охранять права собственности по морскому праву о жертвах кораблекрушения и влачили там жалкое существование.

Это все, что узнает Боргезе после проведенного расследования. В его голове сразу же зашевелилась мысль: а что, если использовать этот старый беззащитный корпус, расположенный всего в нескольких кабельтовых от Гибралтара, в качестве постоянной базы для штурмовых снарядов? Это было рискованно, но кто не рискует, тот не пьет шампанское!

Боргезе без промедления приступает к реализации плана. Он связывается через Романьино с судовладельцем. Этот человек показался ему не болтливым и готовым к сотрудничеству. Через неделю испанская фирма по ремонту кораблей получает заказ на подъем "Ольтерры": владелец якобы решил отремонтировать судно, чтобы затем продать его испанской кампании, от которой он получил интересное предложение.

"Ольтерра" отбуксировывают в порт Альгезирас. По иронии судьбы, он пришвартовывается у набережной, прямо напротив консульства Великобритании. Узнав об этом, Боргезе замечает: "Это даже лучше. Они ни о чем не заподозрят!"

Хотя эта идея казалась очень безрассудной, особенно чиновникам генерального штаба, где все новые идеи встречали скептическое отношение, Боргезе без труда находит добровольцев для этого дела, и в первую очередь капитан-лейтенанта Личио Визинтини, человека, который, как мы помним, первым потопил английский корабль в Гибралтаре 20 сентября 1941 года.

Боргезе поручает ему самому подобрать людей, которые должны заменить экипаж "Ольтерры". На пароходе останутся только капитан Аморетта и старший механик Де Регус. Естественно, люди были выбраны среди офицеров и матросов Децима МАС. Перед отправкой их в Испанию, Визинтини, из предосторожности, отправил их на двухнедельную стажировку на торговый пароход, стоявший на якоре в порту Ливорно, чтобы они узнали, как и чем занимаются торговые моряки, и переняли их жаргон.

Однажды вечером, стоя на палубе, Визинтини разговаривал с шестью пилотами "маиали", отобранными им для проведения операции.

- Любопытно, - сказал он, - сегодня утром, просматривая карты, я увидел, что для того, чтобы из Гибралтара вернуться на "Ольтерру" без ошибки, достаточно все время плыть на созвездие Большой Медведицы.

- Тогда мы Семеро с Большой Медведицы, - пошутил Витторио Челла, ломбардиец чистых кровей.

"Эта идея пришла ко мне в голову, - вспоминал позднее Челла, - потому что я только что прочитал книгу Сергиуса Пиаззекки, которая называлась "Любимец Большой Медведицы". В ней рассказывалось о приключениях группы контрабандистов, которые шли из Венгрии в Австрию, и один старик перед началом похода сказал молодым: "Если вас увидит пограничник, разбегайтесь. Добирайтесь до цели дальше каждый сам по себе, но

держите путь на Большую Медведицу, и она приведет вас домой".

В середине августа 1942 года дивизион "Большой Медведицы", как стали их называть, вместе с другими моряками Децима МАС, в основном техниками, прибывают на "Ольтерру" группами по два-три человека. У всех удостоверения моряков торгового флота с вымышленными именами.

По просьбе британских властей на судне и набережной установлены посты испанской полиции, чтобы наблюдать за ходом работ. Но вновь прибывшие очень скоро находят общий язык с испанской охраной. Старший мастер, симпатичный разговорчивый парень, часто подходит поболтать с часовыми и угостить их сигаретами.

Этим мастером был не кто иной, как Личио Визинтини. Он организовал в каюте, иллюминаторы которой выходили на Гибралтар, пост наблюдения, где его люди несли вахты, чтобы и днем и ночью держать под наблюдением порт и следить за передвижением кораблей.

После рабочего дня рабочие отдавались своему любимому занятию - рыбной ловле. Они устраиваются на борту и в лодках с удочками в руках и тщательно отмечают все детали и обычаи жизни рейда Гибралтара.

Эльвио Москателли, врач команды, рассказывает:

"Я обычно надевал старый костюм и выходил на рейд вместе с местными испанскими рыбаками. С удочкой в руках я предлагал рыбу морякам вражеских кораблей, а сам внимательно приглядывался ко всему, что происходило вокруг: с особым интересом наблюдал, как водолазы службы безопасности погружались возле кораблей в поисках возможных мин...

Я, конечно, лучше всех знал, что они не рискуют что-нибудь найти. Когда позднее, уже после войны, я встретился с английским капитаном Лайонелом Крэббом в Италии, я обратился к нему, не дожидаясь представления: "А я вас хорошо знаю, - сказал я ему, - я за вами наблюдал, за вами и вашими людьми, много часов подряд!"

Со своей стороны, техники и инженеры не теряют времени даром. За несколько недель они смонтировали на борту "Ольтерры" мастерскую по сборке управляемых торпед, которые должны были прийти из Италии. Они оборудовали станцию подзарядки аккумуляторов и установили дизельный двигатель. Небольшая лебедка была закреплена на носу судна. В трюме оборудован бассейн для испытательных погружений. И вот наступает день, когда начинается подъем судна. Накренившийся и погруженный кормой в воду, чтобы позволить рабочим снять руль правого борта, корабль показывает наблюдавшим за ним с берега свою очевидную невинность. Навес защищает работающих от палящего солнца обычное дело для жаркого периода конца лета на юге Испании, - и никто не может заподозрить, что они в это время вырезают отверстие в корпусе судна с помощью газового кислородного резака.

Вечером работа закончена, и "Ольтерра" принимает свое нормальное положение. Подводный вход в корпус исчез под водой.

Теперь можно проникнуть в бассейн двумя путями: через помещения судна с палубы или, чтобы остаться незамеченным, со стороны моря. Проникнуть в него... или его покинуть.

Осенью 1942 года Визинтини прибывает в Специю. Он представляет Боргезе свой рапорт о результатах деятельности дивизиона Большой Медведицы: "Ольтерра" готов к работе в качестве мастерской по сборке управляемых торпед и оперативной базы.

- Англичане сильно усилили меры безопасности, - добавляет он.

Боргезе докладывает начальству и еще раз внимательно изучает результаты наблюдений.

- Вы считаете, что у нас есть хотя бы небольшой шанс на успех? спрашивает он.

- Если нам даже не удастся, мы будем знать, что сделали все, что могли... Что касается меня, я буду мстить за своего погибшего брата Марио.

Боргезе с восхищением глядит на своего подчиненного. Совершенно очевидно, пример Тезеи воспитывает замечательную молодежь. Волна гордости поднимается в нем: командовать такими молодцами - это честь!

- Перед тем как использовать "маиали", надо проверить реакцию англичан с помощью людей из "команды Гамма", они более изворотливы.

Визинтини немного помедлил перед тем как ответить, затем говорит, как бы с сожалением:

- Вы командир, вам принимать решение. Мы выполним приказ.

Принц опускает глаза, обхватывает голову руками. Решать, все время принимать решение отправлять людей на смерть. Жестокое испытание для живого, чувствующего сердца, которое война не смогла по-настоящему огрубить.

- Я бы хотел, чтобы вы достигли успеха, не оставив там свою шкуру, почти шепчет он. - Пусть Гамма попробует перед тем, как пойдете вы.

Вечером 14 сентября пять пловцов, во главе с лейтенантом Страулино, внимательно рассматривают рейд. Они замечают только три интересные цели. Страулино решает тогда ограничить тремя пловцами и число участников операции.

В 23 часа 40 мин. первый аквалангист соскальзывает в воду, тень в царстве теней. Два других следуют за ним, каждый уносит с собой по три "пиявки".

Через семь часов, в 6 час. 20 мин. утра 15 сентября, Страулино и два его товарища, Ди Лоренцо и Джиари, возвращаются на "Ольтерру". С нее они наблюдают за единственной целью, которую удалось заминировать, - небольшим пароходом "Рейвенс Пойнт" водоизмещением 1787 тонн. Вскоре раздается взрыв. Судно подскакивает, затем оседает на корму и вдруг быстро скрывается под водой. Первая атака увенчалась успехом.

Теперь, согласно приказу Боргезе, Визинтини и его коллеги по "Большой Медведице" могут готовиться. "Маиали" в разобранном виде уже прибыли из Италии под видом оборудования для ремонта паровых котлов парохода. Техники их собрали. Испытания, проведенные в бассейне, показали их работоспособность. Атмосферу этих дней прекрасно можно понять из писем, которые Визинтини писал своей молодой жене:

"- 23 ноября 1942 года... Я постоянно думаю о тебе, и твой образ поддерживает во мне боевой дух. Я дерусь с энергией отчаяния, ибо хочу услышать звук разрывающихся цепей, которые нас сковывают. Если я должен умереть, о моя прекрасная, я бы хотел, чтобы моя смерть была освещена надеждой на свободу, за которую мы боремся".

"- 24 ноября 1942 года... Я чувствую, как во мне рождается ненависть против тех, кто не научил нас смотреть прямо в холодные глаза наших врагов. Миссия, возложенная на меня и моих товарищей, почетна и трудна, сможем ли мы быть ее достойны?"

"- 27 ноября 1942 года... С тех пор как я здесь, я не принадлежу больше вам, работа меня полностью поглотила. То, что нам удалось до сих пор сделать, прекрасно и доказывает, что там, на небесах, мой отец и Марио ведут меня к чудесной судьбе. Я дрожу перед такой благодатью и собираю в кулак всю мою энергию, все мои силы, чтобы быть ее достойным. Я знаю, что эта цель отберет все мои силы, но это меня не страшит. Ты, моя нежная Мария, и ты, моя дорогая мама, вы, которые обращаетесь к небесам и просите его о милосердии, не отчаивайтесь, что мы так далеко друг от друга. Мы боремся, и вы остаетесь близки ко мне, и это вы защищаете меня от вражеских атак. Молитесь, жена моя и мать моя, чтобы я и мои люди могли выдержать в этой беспощадной борьбе".

"- 30 ноября 1942 года... Вот уже прошла целая неделя, как мы расстались... Может быть, мы больше никогда не увидимся... Эта мысль, когда приходит мне в голову, сжимает мое сердце стальными тисками..."

"- 5 декабря 1942 года... После четырех месяцев неуверенности, борьбы и постоянной работы мой большой проект подходит к завершению. Завтра вечером три снаряда и шесть человек будут готовы отправиться на задание... Многими ночами мы могли час за часом, минута за минутой, наблюдать те смертельные опасности, которые будут нас поджидать. Но взрывы глубинных бомб и скоростные катера патрульных служб только укрепляют нашу решимость. Задача трудна, игра сложна и тонка, но только смерть может нас остановить. Эта смерть вознаградит наши усилия и подарит нашим душам вечный покой, который должен естественно последовать за жизнью, отданной на службу отечеству.

Накануне такого важного события я понимаю, насколько тело зависит от сознания и как душа может жить своей собственной жизнью. Когда я думаю, что это дело может плохо кончиться, это меня не так огорчает, как вас обеих о, где вы, силы законов Природы, - я только улыбаюсь при мысли, что у тебя, моя любимая, родится малыш, который сможет, веселый и беспечный, жить в беззаботное время.

7 декабря Визинтини записывает последние строки в свой дневник:

"Аппараты полностью готовы и заряды установлены на место. Три маленьких корабля, очень маленьких, но очень опасных. Мы скоро отправляемся, и, что бы ни случилось, мы заставим врага дорого заплатить за наши жизни.

Цели определены: "Нельсон" для меня, "Формидабль" для Маниско, "Фуриос" для Челлы. Кажется, я ничего не забыл. Капитан Боргезе сможет быть доволен нами. Во всяком случае, моя совесть совершенно спокойна, я знаю, что сделал все, что мог, для успеха операции. Перед дорогой я молю Бога, чтобы он увенчал наши усилия победой и ниспослал благодать на Италию и наши семьи".

В тот же вечер, в 22 часа первая "маиале" спущена на воду экипажем Маниско-Варини. Небольшая механическая поломка, быстро устраненная, немного задержала отправление, и они покинули "Ольтерру" только к полуночи.

Первыми погрузились под воду и направились в сторону северного прохода в порт Гибралтар Визинтини и Магро. Отправившись в 23 часа 15 мин., они после полуночи минуют зону, патрулируемую сторожевыми кораблями, благополучно избежав опасных ударов глубинных бомб.

Около часу ночи они всплывают, чтобы точно определить свое место. Трос заградительной сети прямо перед ними и висит над водой. Они решают поднырнуть под препятствие, но быстро понимают, что это им не удастся.

Магро открывает инструментальный ящик, который находится на корме "маиале", и достает ножницы. Визинтини начинает резать металлические тросики сети. Работа тяжелая, изматывающая. Но мало-помалу вырисовывается брешь, она растет. И вдруг страшная беда. Сеть внезапно падает и придавливает обоих пловцов. Визинтини присоединяется к своему отцу и брату в солдатском раю. Его верный напарник Магро сопровождает его в этом последнем путешествии.

Маниско и Варини тоже попадают в тяжелое положение. Добравшись уже до мола, они были замечены часовыми, и луч прожектора находит их в темноте. Несколько пулеметов открывают огонь. Итальянцы пытаются скрыться. Они погружаются. После двадцати минут подводного бегства, преследуемые патрульными кораблями, они вынуждены подняться на поверхность и сдаться, предварительно затопив свою торпеду.

Челла и Леоне застигнуты поднявшейся в порту стрельбой и завыванием сирен далеко от входа в порт.

"Я сразу же повернул назад, - рассказывал Витторио Челла, - следуя предписаниям командира Валерио Боргезе. Я знал, что он запретил продолжать операцию в случае тревоги".

Но не проплыли они и нескольких метров, как за ними погнался катер. К тому же у Леоне отказал дыхательный аппарат. Два часа их забрасывали глубинными бомбами, к счастью, обошлось без серьезных повреждений.

В это время Челла замечает, что Леоне исчез. А наверху Лайонел Крэбб, ответственный за безопасность порта и рейда, продолжает охоту. Еще накануне (как он признался Челле при их встрече после войны) он знал, что корабли на стоянках должны были подвергнуться атаке итальянских людей-лягушек.

Челла уже считает, что ему удалось оторваться, как вдруг у него в глазах вспыхивает огонь. Англичане установили взрыватели своих бомб на глубину 15 метров. У него остается единственный шанс спастись - спуститься на тридцать метров.

- Только благодаря исключительно жестким тренировкам, которым нас подвергал Боргезе, я смог выдержать такое погружение, - вспоминал Челла. Я обязан ему в некотором

смысле своей жизнью.

Наконец из последних сил, через три часа, когда уже начинается новый день, он добирается до "Ольтерры", единственный выживший из одной из самых замечательных команд людей-торпед итальянского флота.

В Серкио Боргезе почти в отчаянии.

"У меня было что-то вроде предчувствия, - вспоминал он. - Я не хотел отправлять Визинтини в эту операцию, и теперь, в ожидании новостей из Испании, я был уверен, что допустил ошибку, дав ему зеленый свет. Я чувствовал, что нас ждет неудача и операция закончится катастрофой".

Любопытно, но среди людей Децима МАС царит такое же гнетущее настроение. Они, обычно такие веселые и беззаботные, напряжены и мрачны. Вечером, собравшись на террасе вокруг Боргезе, одетого в парусиновые брюки и рубашку без знаков различия, они по инерции перебрасываются шутками, но в шутках нет веселья. Как дикие звери, они предчувствуют беду.

"В то же время, - вспоминает Нотари, теперь адмирал, а тогда капитан-лейтенант, - другая группа наших товарищей также отправилась на задание, но мы почему-то о ней не беспокоились. Наши мысли были направлены только на дивизион "Большой Медведицы".

9 декабря, через два дня после трагических событий и задолго до того, как Челла представит Боргезе свой раппорт, офицер флотской разведки доставляет в кабинет Боргезе перехваченное английское шифрованное сообщение, только что дешифрованное итальянскими секретными службами:

"В 2 часа 15 мин. 8 декабря, - говорилось в нем, - три итальянских штурмовых снаряда типа управляемых торпед, каждая с двумя пилотами, попытались проникнуть в порт Гибралтар. Одна из них была обнаружена часовым, освещена прожекторами, атакована и потоплена артиллерийским огнем и глубинными бомбами. Экипаж ее был поднят на борт одного из торговых судов, стоявших на якоре. Хотя итальянцы не очень много рассказали, вероятнее всего, они были доставлены из Италии подводной лодкой "Амбра". Другой снаряд проник в акваторию порта, но уничтожен при атаке глубинными бомбами, его экипаж погиб. Третий снаряд, возможно, исчез, не дойдя до порта".

А в это время на "Ольтерре" Витторио Челла, покидая судно, бросает последний взгляд на рейд, где несколько дней назад погибли его друзья. Из порта в море выходит сторожевой корабль. Он подносит к глазам бинокль, который вечером накануне операции Визинтини стащил из расположенного недалеко английского консульства. На палубе корабля он видит два белых свертка, которые английские моряки, одетые в парадную форму, в белых перчатках, перебрасывают за борт. До него доносится звук горна, поминальный сигнал, который заставляет его вздрогнуть. Через несколько секунд, когда сторожевик направился обратно ко входу в порт, он различает на синих волнах трехцветный венок: зеленый, белый, красный.

Лайонел Крэбб таким образом отдал последние почести Личио Визинтини и Джованни Магро, истерзанные тела которых были найдены накануне.

Глава 15

А для Валерио Боргезе одно ожидание сменяется другим, как для его людей одна операция сменяется другой. Италия на всех фронтах отступает, теряет позиции, но он и его моряки, влекомые обостренным чувством патриотизма, в десять, в двадцать раз еще упорнее занимаются своим опасным делом.

В мире, который распадался и разрушался вокруг них, они продолжали выполнять задачу, которую перед собой поставили: бить врага всегда и везде, где только его найдут.

8 ноября 1942 года англо-американские войска высаживаются в Северной Африке, и Децима МАС немедленно получает приказ включиться всеми своими средствами в борьбу с кораблями на морских путях снабжения этой новой мощной группировки врага, которая противостояла итальянской армии в Тунисе.

Воздушная разведка показала, что порт Алжир и его залив служит пунктом сбора

транспортных судов, груженных различными военными грузами. Боргезе принимает решение провести совместную операцию "маиали" с пловцами отряда "Гамма" против этой новой англо-американской базы на Средиземном море.

Каким далеким кажется период начала войны! Боргезе вспоминает то героическое время. Супермарина почти не верила в эффективность оружия, придуманного Тезеи и Тоски, а теперь Серкио засыпают телеграммами:

"Проведите операцию на Сицилии".

"Отправьте подкрепление группе, базирующейся в Севастополе".

"Просим рассмотреть возможность организации специальной базы в Галлите".

"Сообщите о результатах последней операции в Гибралтаре".

"Подготовьте операцию в Алжире".

8 декабря 1942 года, глядя на карту и размышляя о последнем броске американцев в сторону Западного Туниса и о давлении английских войск, прибывших с Ближнего Востока, Валерио Боргезе понимает, откуда такое количество приказов, он даже знает, что те, кто их отдавал, в значительной степени ответственны за сложившееся положение. Он также знает, что Супермарина требует от его людей безоглядно броситься в борьбу и пожертвовать собой, чтобы не рисковать крупными кораблями, хотя время выжидания и осторожности давно прошло.

Его мысли уносятся к подводной лодке "Амбра", которая под командой Марио Арилло крейсирует сейчас перед Алжиром. Субмарина в море уже четверо суток, и ее уход из Специи не мог остаться незамеченным. И почему тот кинооператор оказался на набережной как раз в тот момент, когда "Амбра" покидала порт?

"О! - думает Боргезе. - Я хитер и не приказал арестовать его в тот же момент. Пусть он предупредит Гибралтар. У нас будут развязаны руки в других местах". Он пододвигает к себе блокнот и пишет сообщение для Арилло.

На море шторм. В тесных коридорах "Амбры" трудно передвигаться. Кроме экипажа, на борту шесть пилотов "маиали" и десять пловцов команды "Гамма". Последние все слегли, особенно те, кто пришел из сухопутных войск. Они были прекрасными спортсменами и отлично плавали в бассейне, но не были моряками. И все таки, если их физическое состояние оставляло желать лучшего, моральный дух оставался на высоте.

Марио Арилло почти не покидает центральный пост.

- Если завтра погода не изменится, - произносит его второй помощник, Джакобасси, - нам придется возвращаться.

В полдень 9 декабря западный ветер стихает, и 11-го лодка в подводном положении, со всеми предосторожностями, чтобы не выдать свое присутствие врагу, входит в залив Алжира, почти цепляясь брюхом за дно проползает под минами заграждения, которые по данным разведки перегораживали вход в бухту, и ложится на грунт.

- Сегодня вечером, если понадобится, я займу лучшую позицию, - говорит командир.

Около 18 часов "Амбра" подвсплывает до глубины 15 метров. Подняв перископ, Арилло осматривается. Повсюду виднеются огромные силуэты транспортных судов. Командир решает дождаться ночи, чтобы подойти еще ближе.

22 часа 30 мин., "Амбра" на глубине 10 метров.

- Всем приготовиться, - произносит Арилло. - Я сейчас отправлю на поверхность "сову".

Капитан-лейтенант Джакобасси берет микрофон и в качестве наблюдателя поднимается в рубку.

Он докладывает вполголоса:

- Мы посреди конвоя. Подождите секунду.

Немного позднее он подает сигнал:

- Поднимайтесь!

Лейтенант Морелло выходит на палубу со своими девятью подчиненными из Гаммы, капитан-лейтенант Бадесси вслед выводит экипажи трех "маиали".

В 23 часа 30 мин. все участники операции уже в пути. В фосфоресцирующей воде торпеды оставляют легкий серебристый след. Миновав близлежащие суда, которыми должны заняться пловцы "Гаммы", Бадесси дает команду разделиться. Самому ему уплыть далеко не удается. Почти сразу его снаряд предает его. Вместе со своим напарником он вынужден отправиться на берег.

Реджиоли, управляющий другой торпедой, видит большой танкер. Он приближается к нему, погружается, закрепляет один заряд на винте, другой под днищем судна.

В этот раз впервые Валерио Боргезе решил использовать торпеды с двумя зарядами, по сто пятьдесят килограммов каждый, вместо одного в триста килограммов. Ведь целью должны были стать не бронированные военные корабли, а более незащищенные и меньших размеров торговые пароходы. Уже давно принц исповедовал следующий принцип: "в зависимости от тактической ситуации находить соответствующий вид оружия", решительно отбросив тот, которым руководствовались в штабах: "Какое вам дали оружие, тем и пользуйтесь".

"Этот метод, - писал он, - не требовал применения человеческого органа, который часто находился в полудремотном состоянии у высоких начальников (без сомнения из-за привычки к дисциплине и слепому повиновению), - мозга".

Сам он никогда не забывал о его возможностях и этому учил своих людей. Арена, старший на третьей "маиале", тоже с двумя зарядами, заминировал сухогруз. Вся боевая группа - всего шесть человек - уже собралась на берегу, когда в 6 часов утра 12 декабря пять взрывов потрясли Алжир. Бадесси и его товарищам оставалось только найти кого-нибудь, кому можно было сдаться.

Результат замечательный: танкер и три сухогруза потоплены, еще один пароход поврежден.

"В Серкио командир будет доволен", - подумал Бадесси.

Но когда эта новость добрела до базы, она не смогла осветить радостью лицо Боргезе. Накануне в Специю через Марсель добрался Челла и доставил рапорт об обстоятельствах гибели Визинтини.

- Это был ад, - рассказывал молодой лейтенант. - Я думаю, что меня спасла Дева Мария, серебряный лик которой был закреплен на моей "маиале". Вы знаете, командир, на следующее утро я выловил свою торпеду и был готов начать сначала. Но я испугался, что не смогу преодолеть заграждение, Визинтини для нас незаменим. Я бы за ним пошел куда угодно.

Боргезе вглядывался в черты лица молодого офицера. Он находил в них выражение твердой решимости, которой еще не было несколько недель назад.

- Челла, - вполголоса произнес командир, - теперь вы замените Визинтини. Я знаю, задача трудная, но у вас есть все, чтобы хорошо справиться с этим.

Челла молчал.

Боргезе добавил:

- Вы, конечно, поужинаете со мной. Я вам предоставлю также традиционный отпуск. Не торопитесь возобновлять тренировки. Мне понадобится время, чтобы отправить новые торпеды в Альгезирас. Испанцы становятся все более и более недружественными. Пройдите к комиссару, ваше жалованье у него, и скажите, что я приказал дать вам от моего имени надбавку. Эти маленькие бумажки очень полезны в отпуске.

Серкио становится похожим на пчелиный улей. Боргезе не знает, когда прислонить голову к подушке, чтобы отдохнуть. Он и раньше спал не больше пяти часов в сутки, а теперь еще сокращает время сна. Он не только должен готовить новые операции, внимательно следить за ходом начатых, но Супермарина попросила его помочь в проведении расследований по некоторым операциям противника, которые англичане в свою очередь провели с использованием средств, подобных итальянским.

3 января 1943 года он с этой целью отправляется в Палермо. Там были захвачены в плен шесть английских моряков, проникших в порт и повредивших два корабля: "Виминале"

и "Ульпио Траиано".

Боргезе убеждается, что торпеды, выловленные на месте диверсии, имели конструкцию, аналогичную итальянским. Это его озаботило.

"Допросы пленных, которые я вел несколько дней, - писал он, - дали интересные сведения. Хотя они были сдержаны и старались не выдавать своих секретов, после многих часов бесед с ними я получил достаточно много полезной информации.

Я смог сделать вывод, что англичане после наших первых неудачных попыток в Гибралтаре нашли различные части наших снарядов, и им удалось их воспроизвести. Затем они приступили к тренировкам в Шотландии. Базой им служил корабль, который часто менял свое местоположение".

Пленники были удивлены компетентностью в этом вопросе итальянского офицера, допрашивающего их. Один из них, не удержавшись, спрашивает:

- Откуда вы так хорошо знаете это оружие и способы его применения?

- Я командовал подводной лодкой, которая доставляла в Гибралтар и Александрию итальянские управляемые торпеды, - последовал ответ.

Английский офицер встает по стойке смирно:

- Позвольте пожать вам руку, командир, - обращается он к Боргезе.

Принц это охотно делает.

- В кают-компании нашей школы, - говорит англичанин, - мы повесили вырезку из итальянской газеты, рассказывавшей о ваших пилотах торпед. Мы восхищаемся ими. Мы их рассматриваем как учителей, которым стоит подражать.

Принц улыбнулся. В этой беспощадной войне рыцарский дух еще жив. "Это успокаивает", - думает он. Но времени на умиление нет. Его ждут другие дела. После высадки англо-американских войск на севере Африки и возникновения нового фронта в Тунисе, рыболовный траулер "Чефало" доставляет новые управляемые снаряды в Трапани, а затем используется для сопровождения "баркини", которые совершают переход по маршруту Сицилия Бизерте. В Бизерте была организована новая итальянская база, руководство которой было возложено на командующего морскими силами в Тунисе адмирала Бьянкери. Из Бизерты Боргезе собирался атаковать силами пловцов отряда "Гамма" алжирский порт Боне, превратившийся в узловой пункт на английских путях снабжения.

Очень быстро он убеждается, что управляемые снаряды не могут достигнуть Боне своим ходом прямо из Бизерты. Тогда в качестве промежуточной базы он выбирает остров Галите, расположенный на полпути между Бизерты и Боне, напротив Табарки. Вскоре "Чефало" переместился на Галите со всей экспедицией, но операция была задержана из-за неготовности авиации, которая должна была нанести бомбовый удар по порту и тем самым облегчить проникновение в него пловцов.

На следующий день два английских самолета обстреляли из пулеметов "Чефало", возвращавшийся с Галите. Одна из пуль пробивает палубу и попадает в голову капитана Тодаро, лежавшего на койке в своей каюте, убив его на месте.

Так погибает командир надводной группы Децима МАС. Боргезе принимает на себя ответственность за обе группы, подводную и надводную. Операции против англо-американских морских конвоев на Средиземном море ширятся, все более затрудняя снабжение союзных войск. 1 мая 1943 года фрегат-капитан Форца покидает пост командира Децима МАС. Его заменяет Валерио Боргезе.

8 мая итальянские войска теряют Тунис, и Боргезе вынужден эвакуировать своих людей из Бизерты. Вечером 9 мая последний человек покидает базу.

Заморские территории потеряны, Африка оставлена, господство в воздухе и на Средиземном море полностью в руках союзных войск. Италия практически оказывается в осаде, она окружена со всех сторон. Авиация противника бомбит города. Итальянский флот покидает Таранте, чтобы частью собраться в Специи, частью в Генуе. Не имея авиации для поддержки с воздуха и остро ощущая нехватку горючего, он потерял всякую возможность вмешиваться в боевые действия в этом секторе.

Все оборонительные акции, которые мог себе позволить флот, были отныне возложены на Децима МАС. Она единственная могла вести успешные боевые действия при минимальных средствах поддержки, быстроте изготовления и малой стоимости. Почти ничего не потребляя, она основывала свою эффективность на изобретательности, инициативе и исключительном мужестве людей, гораздо больше, чем на материальной мощи.

Глава 16

"Таким образом, - писал Боргезе, - в то время как итальянские войска на всех фронтах перешли к обороне и несли поражения под комбинированными ударами внешних врагов и в результате деморализующих действий тех, кто внутри страны плел сети заговоров против родины, Децима МАС неустанно поддерживала свой боевой потенциал и усиливала активность в широкой области и все более удаленных точках. Она продолжала искать врага и наносить по нему удары везде, где могла до него достать. В ее недрах разрабатывались планы новых операций, еще более дерзких и смертельно опасных, чем те, что были проведены до сих пор".

На борту "Ольтерии" в порту Альгезирас дивизион "Большой Медведицы", прекративший было существование со смертью Личио Визинтини, получает новое пополнение.

Капитан Нотари и лейтенант Тадини нелегально переправляются в Испанию через Бордо в компании с Витторио Челлой, который становится для них гидом. Указывая им на набережную, он объясняет:

- Вон видите, этот таможенник, славный парень, зато тот, кто его сменяет, толстяк, очень подозрителен. Напротив, полицейские, наблюдающие за производством работ, не очень нас беспокоят. Обычно достаточно давать им бутылку вина через каждые два-три дня. Но испанские власти начинают считать, что наш ремонт в порту Альгезираса слишком затягивается, а английский консул разговаривает со все большим раздражением.

Нотари и Тадини слушают внимательно. Они старше Челлы по возрасту и по званию, но, как сказал Боргезе, опыт играет очень важную роль в этом деле, и молодой офицер занимает место Визинтини. И, конечно, не может быть речи о непослушании. Боргезе рассчитывает на них.

Возможность провести новую операцию не заставила себя долго ждать. 7 мая в Гибралтар приходит и встает на рейде конвой из восьмидесяти транспортов различного тоннажа.

Трагическая попытка атаки 8 декабря 1942 года, закончившаяся смертью пяти пилотов из шести, убедила Боргезе отказаться от проникновения во внутреннюю акваторию порта, меры безопасности которого оказались очень эффективными. Он решил сконцентрировать свои усилия против транспортных кораблей конвоя, которые продолжали сохранять походный порядок и на рейде, и количество их было значительно.

Эти суда являли собой более близкую и более легкую цель, и их уничтожение давало немедленный эффект. Оно позволяло нанести ущерб снабжению союзных войск, готовящихся к броску на Сицилию и Сардинию.

Безлунной дождливой ночью 8 мая Нотари, Тадини, Челла и их напарники выскальзывают из "Ольтерры" через проход, расположенный на полтора метра ниже уровня воды. На этот раз, как и в Алжире, их "маиали" несут два контейнера с взрывчаткой, и каждому экипажу предстоит поразить две цели. Сначала плывут у поверхности; волны хлещут по лицу, защищенному лишь маской, дышать трудно. Челла то погружается под воду, чтобы избежать этих остервенелых рывков, то всплывает, чтобы сориентироваться, так как течение может отнести их далеко от цели. В двадцать три года молодой офицер с по-детски румяным лицом находил опьяняюще интересным играть с морскими богами в смертельные игры. Он забыл о страхе, который испытывал перед отправлением. Этот страх странным образом напоминал страх студента в последние минуты перед экзаменом: ужасное волнение, пустоту в желудке, но пропадал, как только наступал момент встать перед экзаменатором. Витторио Челла концентрирует свое внимание на преодолении возникающих

препятствий. Наконец, он добирается до якорной стоянки транспортов. Он подныривает под большой новый пароход - и первый заряд прикреплен под днищем. Два часа Челла и его напарник борются с течением, чтобы подойти ко второй своей цели, но амперметр показывает - аккумуляторы истощены. Энергии остается только вернуться на "Ольтерру". Нотари и Тадини были уже там. Они также смогли использовать только по одному заряду.

Наступает рассвет.

- Смотри, - говорит один из испанских постовых другому, - рабочие уже поднялись.

Шесть человек столпились на палубе. Минуты кажутся им часами. Между 7 час. 15 мин. и 7 час. 20 мин. три взрыва окончательно разбудили всех на рейде. Три тяжелогруженных парохода пошли ко дну: "Пэт Гаррисон" (типа "Либерти", 7000 тонн), "Махсуд" (7500 тонн) и "Камерата" (4875 тонн). Визинтини отомщен. Дивизион "Большая Медведица" одержала свою первую победу.

Ночью итальянские агенты, по указанию Боргезе, разбросали по северному берегу бухты Гибралтара обрывки водолазных костюмов, чтобы отвлечь внимание англичан. Уловка великолепно удалась.

Экипажи без промедления возвращаются в Серкио, где атмосфера изменилась.

- Что делает Супермарина? - спрашивает Челла у Боргезе. - Они нас предали. Немцы сражаются.

Боргезе по-философски спокоен. Он об этом знал давно, но не хотел подрывать несвоевременными предположениями моральный дух своих людей.

- Челла, - говорит он, - настало время подумать о присяге, которая связывает нас с королевским домом Савойи. Именно в эту сторону вы должны сейчас обратить ваше внимание. Возьмите отпуск, отдохните хорошенько, затем возвращайтесь и продолжайте тренировки. Если будет нужно, я вас найду.

10 июля последние сомнения улетучиваются, когда англо-американские войска высаживаются на Сицилии. Дивизион "баркини" под командой Унгарелли, базировавшийся в Аугусте и обязанный выполнять задачи по обороне острова, находится в состоянии переформирования из-за недавней передислокации отряда из Бизерты. Он вынужден без боя эвакуироваться в Изола- Беллу, на север Сицилии.

Оттуда Боргезе снова бросает его в бой. С этой базы "баркини" и катера МАС, с целью парализовать снабжение союзных войск по морю, нападают на их конвои перед Сиракузами, Аугустой и Катанией, по мере того, как эти порты попадали в руки врага.

Боргезе неутомим. Он безостановочно посылает материальные и людские резервы, чтобы интенсифицировать сопротивление, и вызывает с Сардинии майора Ленци, для подготовки различных операций на Сицилии.

В это же время, в сотрудничестве с парашютистами, Боргезе организовывает проведение диверсий в тылах английских войск.

Но судьба Сицилии не могла полностью зависеть только от усилий его небольшого отряда. Вскоре под натиском англо-американских войск Ленци и его товарищи были вынуждены отойти в Мессину. Там они в ходе тяжелых боев наносят врагу еще несколько ударов, потопив, среди других судов, с помощью "баркино" канонерскую лодку.

Когда Мессина, в свою очередь, была сдана, Ленци на борту катера № 261 покидает Сицилию и направляется к берегам Калабрии, чтобы там создать новую базу и снова попытаться задержать продвижение, легко предвидимое, англо-американцев на континент.

Опасность грозила отовсюду. Небольшие парусные яхты, крейсировавшие перед морскими базами итальянского флота с целью предупреждать о приближении вражеских бомбардировщиков, уже в течение нескольких недель становились жертвами английских подводных лодок, в том числе и перед Специей.

Боргезе получает поручение штаба изыскать средства для охраны этих беззащитных, но выполнявших ценную задачу суденышков.

"Я быстро организовал ловушку для подводных лодок, - вспоминал он. - К некоторым парусникам я на буксире прикрепил катер с торпедным аппаратом, замаскированный под

безобидную шлюпку. Его экипаж день и ночь был готов атаковать подводную лодку, как только она появится на поверхности. Затем потекли длинные монотонные дни ожидания, продолжавшиеся несколько недель. Наконец наше терпение было вознаграждено: экипаж капитан-лейтенанта Маталуно увидел подводную лодку, всплывавшую недалеко от него. Ни секунды не медля, Маталуно откидывает буксир, сбрасывает маскировку, запускает мотор и устремляется в атаку. Он успевает выпустить свою торпеду как раз в тот момент, когда лодка, заметив опасность, начинает снова погружаться, но промахивается".

Довольно слабый результат для стольких усилий.

10 июня, в день флота, в этой атмосфере отчаяния наконец перепадает и Боргезе несколько радостных мгновений. Знамя Децима МАС украсила золотая медаль за военные заслуги. В наградном листе говорилось:

"Прямые наследники славы моряков Первой мировой войны, удививших мир своей доблестью и добывших итальянскому флоту пальму первенства, до сих пор непревзойденную, 10-я флотилия МАС показала, что семена, посеянные героями прошлых лет, принесли плоды. Во время многочисленных и дерзких операций, невзирая на все опасности и трудности любого рода, мужественные первопроходцы отряда штурмовых управляемых снарядов итальянского флота смогли достать врага даже в самых защищенных его портах и потопить два линкора, два крейсера, один контрминоносец и транспортные суда общим тоннажем больше 100 000 тонн.

Элитный отряд с героическим духом, 10-я флотилия МАС остается верна своему девизу: "За Короля и за Знамя!"

Глава 17

- Садитесь, Ферраро, - произносит Боргезе усталым голосом.

Его глаза смотрят ласково, но печаль в них выдает уверенность в неизбежности и близости поражения. Он откидывается на спинку своего кресла, улыбается, пытаясь изменить нерадостную атмосферу встречи.

- Доволен? - вдруг спрашивает он почти игриво. - Флот открывает другие горизонты, это ведь не пехота?

Молодой лейтенант призван в артиллерию в начале войны и обязан был своим переводом в Децима МАС ходатайству Боргезе и адмирала Де Куртена, когда они ставили на ноги команду "Гамма".

Ферраро напрягся, стараясь добавить хотя бы несколько сантиметров к своему небольшому росту, и, в своей обычной остроумной манере, отвечает:

- Именно в момент, когда говорят "не разводи волну", мой командир, я чувствую себя самим собой, в полном расцвете сил.

Шутка вызвала улыбку на лице Боргезе.

- А ваша жена, как она? Не слишком печалится?

- Нет, командир.

В январе 1942 года, жена Луиджи Ферраро, высокая и красивая блондинка с ярко-синими глазами, была принята в школу боевых пловцов в Сан-Леопольдо, чтобы пройти соответствующую подготовку и сопровождать мужа в его нелегком деле. Она была первой женщиной - боевым пловцом в мире.

- Для выполнения операции в Триполи, которую я подготовил, я не мог взять в помощь никого из моих людей, и тогда я подумал о моей жене, объяснил Ферраро.

Но события в Ливии развивались стремительно, операция была отменена, и на этот раз Луиджи Ферраро предстояло одному отправиться на выполнение не менее опасного задания.

- Александретт, это вам о чем-нибудь говорит? - спрашивает Боргезе.

- Это порт в Турции, как мне кажется.

- Точно. Это небольшой порт, через который проходят пароходы, груженные хромом. Надо полностью перекрыть этот источник стратегического сырья, важность которого во время войны не мне вам объяснять. Возьмите ваши документы в нашем консульстве и - вперед.

Луиджи Ферраро задает только один вопрос:

- Каково мое положение на месте?

Валерио Боргезе все предусмотрел. Для Ферраро были подготовлены документы, чтобы пересечь Центральную Европу, не возбудив подозрений и особенно оправдать его присутствие у итальянского вице-консула в Александретте (сегодня Искендерун), который, учитывая официальное положение, не должен быть скомпрометирован. Дипломат будет помогать, выполняя предписания Боргезе, но в своих границах.

Чтобы обеспечить его необходимыми документами - служебным паспортом, рекомендательным письмом к консулу, дипломатической неприкосновенностью для таможни, - Боргезе решительно отбрасывает нормальный путь.

"Я отказался от мысли обратиться в министерство иностранных дел, объяснял он, - потому что у меня были веские причины не делать этого: во-первых, военная тайна. Каждый раз она не сохранялась, как только секретные сведения покидали наш тесный круг. Затем мое всевозрастающее недоверие по отношению к римским учреждениям, где так и разливался дух пораженчества, который мало отвечал нашим планам.

Но на каждый яд есть противоядие. Один из моих офицеров имел, можно сказать, интимные связи с молодой женщиной, служившей в министерстве иностранных дел. Ему не составило труда, по моей просьбе - принимая во внимание высокую патриотическую цель - склонить ее к сотрудничеству с нами. Таким образом, я раздобыл паспорт и необходимые бумаги на бланках министра и даже его печать, которую я, после использования, сразу же вернул".

20 июня Луиджи Ферраро представляет свои рекомендательные письма итальянскому консулу в Александретте маркизу Игнацио ди Санфеличе. Дипломат нахмурил брови.

- Но, - произнес он, - я вас не ждал. Из министерства иностранных дел меня не предупреждали о вашем приезде.

- У меня есть для вас другое письмо. От самого министра, - отвечает Ферраро и подает письмо, подготовленное Боргезе.

Дипломат читает послание. В письме говорилось, что вновь прибывший выполняет специальную миссию и господина консула просят оказывать всяческое содействие.

М-да, странно! Но бравый консул еще больше удивился, когда увидел в приемной четыре тяжеленных чемодана, защищенных дипломатическим иммунитетом и привезенных Ферраро.

- Что это? - спрашивает он.

- Мой гардероб! - отвечает Ферраро, едва сдерживая смех.

Официальный советник консульства, секретный агент флотской разведки, капитан-лейтенант Джованни Роккарди так описывал атмосферу в момент прибытия Луиджи Ферраро:

"Прибытие Ферраро, если оно и сделало возможным техническое выполнение задачи, не облегчило дело, так как было нелегко без шума ввести нового человека в наше немногочисленное общество. Его появление пробудило естественный интерес среди любителей посплетничать, уже было заскучавших. Нам предстояло работать в атмосфере маленького приграничного городка, раздираемого интригами шести консульств: американского, английского, французского, греческого, немецкого и итальянского.

Население (12 тысяч жителей), в большинстве своем арабы, не было к нам настроено враждебно, даже скорее относилось бы дружелюбно, если бы не было запугано полицейскими мерами турков и не сбито с толку вражеской пропагандой, подпитываемой греками и евреями, которые были настроены к нам, что естественно, крайне враждебно и охотно и добровольно шпионили за нами.

Англичане, специалисты которых строили этот порт и дорогу Александретт - Адана, осуществляли основную часть перевозок по ленд-лизу и держали практически в руках всю администрацию города. Влияние американцев только начиналось.

Добавьте еще сюда введенный Турцией контроль на период войны, особенно жесткий в

зоне Хатай, где сильны были антитурецкие настроения. Паспорта, пропуска, разрешения на рыбную ловлю и охоту, выданные иностранцам и т.п., часто и тщательно проверялись.

Мне удалось все же уладить эти дела, и наша работа стала продвигаться к намеченной цели под самым носом двух агентов Интеллидженс сервис, специально приставленных следить в городе за итальянцами вообще и - я в этом совершенно уверен - за нами в частности. Моя работа во многом была облегчена характером Ферраро, экспансивным и веселым, который не допускал и тени мысли о мрачных проектах динамитчиков".

Через 10 дней после прибытия Ферраро, 30 июня, любопытство, вызванное его появлением, улеглось. С помощью Роккарди молодой лейтенант обманывает бдительность британских агентов и переправляет свое снаряжение гидрокостюм с аквалангом и специальную мину, придуманную еще год назад Боргезе для подрыва судов в нейтральных портах, - в тайник на пляже.

"Что забавно, - вспоминал Ферраро, - чтобы иметь возможность спокойно работать, я пустил слух, что я не умею плавать. Эта простая хитрость прекрасно работала, и я мог ходить купаться по вечерам, никого не удивляя: я был в некотором роде тем простаком, который купается по ночам, потому что стесняется это делать днем, чтобы не показать свое неумение плавать".

Ночью 30 июня Ферраро надевает свой черный гидрокостюм, осторожно пересекает пустынный пляж, заходит в воду и бесшумно исчезает в направлении порта. Две с половиной мили вплавь. И вот он около греческого парохода "Орионт", сухогруза в 7000 тонн, груженного хромом, - его первой жертвы. Он, лучший пловец группы "Гамма", инструктор по плаванию у молодых новобранцев, легко выполняет работу, много раз отрепетированную на тренировках. Под свет бортовых огней, под носом вахтенных матросов, он осторожно проплывает вдоль борта корабля. Передвигаясь мягкими движениями рук и ног, он остается невидимым в темной воде. Достигнув носовой части судна, он исчезает под водой. Он без маски: ночью она бесполезна. Ферраро ощупью скользит под корпус, пока не наталкивается на киль судна, развязывает сумку, висящую на шее, тщательно закрепляет "чемоданчик" с миной, чтобы ничто не смогло его случайно сорвать, снимает предохранитель со взрывателя и поднимается на поверхность... Вся операция длится несколько минут. С теми же предосторожностями, незаметно, как и пришел, Ферраро удаляется. В 4 часа утра он возвращается в консульство.

Через неделю "Орионт", закончив погрузку, отплывает и двигается вдоль сирийского берега. На берегу, закрепив свое зеркало на дереве, бреется английский офицер. Время от времени он бросает взгляд на появившееся судно, оно низко сидит в воде, вероятно, тяжело нагружено. Внезапно, опережая на несколько секунд звук взрыва, он видит, как корпус парохода раскалывается надвое по середине и тонет.

8 июля Роккарди предупреждает Ферраро, что английский пароход в 10 000 тонн "Каитуна", только что построенный и хорошо вооруженный, бросил якорь в соседнем порту Мерсин. В ночь на 10 июля Ферраро устанавливает мины. 19-го "Каитуна" проходит вдоль сирийского побережья. Тот же английский офицер (эту историю после войны Луиджи Ферраро рассказал сам британский офицер) на том же месте бреется перед своим зеркалом, прикрепленным к дереву.

- Интересно, - задумчиво произносит он, - этот тоже взорвется?

Не успели последние звуки слететь с его губ, как взрыв потрясает воздух. На этот раз взорвалась лишь одна из установленных мин. Отбуксированная на Кипр, "Каитуна" встретит окончание войны в сухом доке.

Англичане вскоре найдут второй заряд, прикрепленный к днищу судна, но слишком поздно. У Ферраро будет еще время два раза провести операцию.

30 июля он снова с Роккарди в порту Мерсин. Он спускается в воду, но на этот раз его ждет первое затруднение.

"Через пятьсот метров, - рассказывает он, - мне показалось, что я слышу шум. Я остановился, прислушался и услышал в темноте мощное дыхание крупного животного. Я

разглядел силуэты двух рыб, погружавшихся и всплывавших в двух метрах от меня. Несколько раз я видел, как они плыли прямо на меня, и чувствовал удары волн, поднятых ударами их мощных хвостов. Я пытался их напугать или ударить их ножом, но безуспешно; они сопровождали меня почти все время. Я добрался до корабля только к 2 часам утра, проплыв почти 4 километра".

Ферраро возвращается в 4 часа утра, заминировав сухогруз в 4000 тонн "Сицилийский принц". Но корабль избежал гибели. Его отплытие настолько задержалось, что, на его счастье, он был обследован 20 августа английскими боевыми пловцами. Но к тому времени Ферраро удалось уже отправить на дно норвежский пароход "Фернплант" в 7000 тонн, испытав при этом, пожалуй, самое приятное волнение в своей карьере.

Он поставил мину 2 августа. 4-го судно снялось с якоря.

У одного из окон консульства Роккарди и Ферраро, переполненные надеждами, следили за его отплытием. Но через несколько часов, когда они уже коротали время за бутылкой ракии, расслабившись за столиком под навесом портового кабачка, они увидели, что он опять медленно занимает свое место в порту.

Нет необходимости говорить, каково было их беспокойство. Они ждали с натянутыми струной нервами часа взрыва, который должен был в принципе произойти ночью, если механизм сработает правильно.

Настал намеченный час, и они с ужасом смотрели на "Фернплант", который лениво качался на мелкой волне. Затем они уснули тем глубоким сном, которым умеют спать решительные люди даже в самых трагических обстоятельствах.

На следующее утро Луиджи Ферраро спешит на свой наблюдательный пункт. Но за ночь ничего не произошло. Пароход на своем месте, на плаву, целый и невредимый, намертво стоящий на якорях. То, на что они так надеялись, произошло: во время своего короткого плавания он не разогнался до шести узлов, необходимых, чтобы раскрутить винт взрывателя, который через два часа должен был вызвать взрыв.

- Какая жалость, - прошептал он Роккарди, который присоединился к нему.

18 августа "Фернплант", наконец, покидает стоянку, и Ферраро молится, чтобы он никогда больше не вернулся.

"Фернплант" не вернулся больше в Александретту ни в тот день, ни когда-либо еще. Через одиннадцать с половиной часов после отплытия он встретился со своей судьбой: морским дном.

Настал момент для Ферраро уйти по-английски, не прощаясь. Атмосфера Александретты становится для него вредной, особенно после того, как были найдены одна мина на корпусе "Каитуны" и две под днищем "Сицилийского принца".

Из Серкио Боргезе взывает к его находчивости, не достигнув удовлетворительного результата. Интеллидженс сервис подозрительная и эффективная организация. Внезапный и немотивированный отъезд Ферраро мог сильно встревожить ее агентов и вызвать серьезные дипломатические осложнения с турецким правительством, которому конечно же не понравилось бы нарушение нейтралитета его территории.

22 августа утром он просыпается с сильным жаром. Два дня он ждет, что все пройдет, не прислушиваясь к знакам судьбы, но лихорадка продолжает его трепать. Все вокруг обеспокоены, но Ферраро, несмотря на долгие часы бреда, не хочет и слышать о враче. Все же Роккарди отправляется за помощью и приводит местного доктора, турка, который ставит диагноз: приступ малярии.

- Что нужно делать? - спрашивает консул.

- Отправить на родину, и как можно быстрее, - отвечает врач. - Наш климат ему абсолютно противопоказан.

Это чудо! Неслыханная удача!

Ферраро отправлен на родину по предписанию врача, да еще турецкого можно ли мечтать о лучшем алиби? - и 27 августа 1943 года прибывает в Италию. Что интересно, никогда больше в своей жизни ему не пришлось пережить приступ малярии.

Глава 18

В то время как Луиджи Ферраро проводил свои операции, которые сделали его чемпионом мира по тоннажу судов, потопленных одним человеком (всего 24 000 тонн), Италию потрясает серьезный внутренний кризис.

С начала лета 1943 года войска оси отступали на всех фронтах. Конференцию в Фельтре, собравшую 19 июля в третий раз Гитлера и Муссолини, ожидают на следующий день трудности. Начальники генеральных штабов встретились наедине: Кейтель проинформировал Амброзио, что немецкое весеннее наступление на Востоке превратилось в отступление и германские войска переходят к обороне.

Во время конференции Муссолини узнает, что Рим был в первый раз за войну подвергнут бомбардировке, итог: 2000 убитых. Немцы и итальянцы вели теперь только оборонительные бои. Вечером 23 июля почти вся Сицилия оккупирована союзными войсками. Италия ждала высадки союзных войск на территории метрополии.

Уже некоторое время король решил избавиться от Муссолини, чтобы попытаться перейти в лагерь завтрашних победителей и избежать последствий поражения в войне. Таким образом, думал он, будут только победители и никаких побежденных. Он поделился своими мыслями с некоторыми высшими фашистскими функционерами, среди них был и Дино Гранди.

И 25 июля во время собрания Большого фашистского совета, собравшегося на первом этаже Венецианского дворца, резиденции правительства, в большом конференц-зале Бенито Муссолини был смещен со своего поста.

26-го новость достигла Серкио и всех других воинских частей в виде двух телеграмм. Первая была подписана королем и гласила:

"Его величество король и император удовлетворил прошение об отставке с поста главы правительства, премьер-министра и государственного секретаря, поданное Его Превосходительством Кавалером Бенито Муссолини. Главой правительства, премьер-министром и государственным секретарем назначен Кавалер, маршал Италии Пьетро Бадольо".

В заключение король писал:

"...В этот знаменательный час, когда решается судьба отечества, каждый должен занять свое место в борьбе с той же верой и той же самоотверженностью".

Во второй телеграмме Бадольо провозглашал:

"Война продолжается. Италия, терпящая серьезные удары по своим провинциям, по своим разрушенным городам, остается верной своему слову и ревниво хранит свою воинскую честь.."

Фашизм у власти не вызывал у Валерио Боргезе отвращения, хотя запашок этот всегда немного раздражал его аристократические ноздри. Но он был роялистом с младых ногтей, и сегодня устранение Муссолини не вызвало у него ни одной слезинки. Виктор Эммануил III сидел на своем троне, и война продолжалась плечом к плечу с союзником, которого он уважал.

Он собирает своих людей и говорит им:

- Мы солдаты. Наш долг подчиняться королю и уважать присягу, которую мы дали ему, поступая на службу во флот. Политические идеи каждого должны отступить перед общими интересами, которые состоят в защите родины, находящейся в опасности. Моряки Децима МАС, я верю в вас, и мы одержим новые победы. Да здравствует Италия! Да здравствует король!

В тот же вечер он приглашает к себе Челлу, Нотари и Тадини - всех троих из дивизиона "Большая Медведица".

- Вы достаточно отдохнули, - говорит он им улыбаясь, - пора размяться. Завтра вы снова отправляетесь на "Ольтерру", там вас ждут три новые торпеды.

Но на этот раз радость перед предстоящей операцией уступает место унылому фатализму. Три офицера пожимают руку своему командиру. Нотари немного задерживается.

Старый морской волк подводных глубин, он знает Боргезе с 1933 года. В то время он проходил курс водолазного дела, который вел принц на борту спасательного судна "Титан".

- Ты веришь, что стоит рисковать жизнью парней в этой авантюре? спрашивает он.

- Видишь ли, - отвечает Боргезе, - теперь мы ведем только личную войну, в которой имеет значение только спортивный счет. Мы, как альпинисты на восхождении, связаны одной веревкой. Главное - преодолеть себя, доказать, что мы можем умереть стоя и не склонить головы перед врагом.

Старая добрая "Ольтерра" стояла на старом месте. Первое, что сделал Челла, поднявшись на борт, - прикрепил серебряное изображение Божьей Матери к корпусу своей "маиале".

Ночи стояли прекрасные, тихие и теплые в начале того августа 1943 года. Дивизион "Большая Медведица" начал готовиться к операции. Челла и Нотари, облокотившись на балюстраду, рассматривают рейд. Их мысли, не сговариваясь, уносятся далеко отсюда: что там происходит в Италии?

Пора. Тадини и трое вторых пилотов подают им сигнал. Друг за другом шесть человек спускаются по крутым лестницам в трюм. Они находят в бассейне три снаряда, выстроившихся как на параде. Медленно, словно нехотя, они надевают свои черные резиновые комбинезоны и проверяют дыхательные аппараты. Все готово!

В 22 часа первая торпеда, вторая, третья выскальзывают одна за другой из порта Альгезираса. На черном небесном своде сверкают мириады звезд. Созвездие Большой Медведицы, кажется, светится ярче других.

- Как я хотел бы услышать Розамунду, - шепчет Челла.

Монталенти, его помощник, начинает потихоньку напевать эту песню-талисман молодого офицера. Их торпеда направляется к огромному танкеру в 14 000 тонн, на борту которого играет музыка, на корме и на носу прохаживаются два часовых. Вдали слышатся глухие звуки разрывов. Англичане каждые три минуты бомбят фарватер Гибралтара. Челла погружается, затем пытается выровнять торпеду, но его "маиале" тянет в глубину, глубиномер показывает двадцать пять метров, тридцать, тридцать два. Наконец аппарат останавливается и начинается медленный подъем. На ходу Челла цепляется за киль танкера и подтягивается к нему. В 1 час 15 мин. заряд установлен.

Нотари, в свою очередь, оказался вблизи от английского парохода типа "Либерти" водоизмещением 7000 тонн. Он сталкивается с новым препятствием: притопленной колючей проволокой, окружавшей корабль; он подныривает под заграждение и прикрепляет свой заряд. На обратном пути к нему пристала стая дельфинов, которые часто заплывают в залив Гибралтара. Резвясь вокруг него, они сопровождают его почти до входа в порт Альгезирас, создав ему прекрасное прикрытие.

В фосфоресцирующей воде, где любое резкое движение вызывает фонтан искр, возвращение для экипажей Челлы и Тадини оказывается делом нелегким, но они все же успешно добираются вместе со своими "маиали" до "Ольтерры".

На рассвете, после взрыва заряда Нотари, взрывается мина, установленная Тадини под английским пароходом "Стенридж" в 6000 тонн, а потом и норвежский танкер "Торсходви" Селлы раскалывается надвое, разливая по поверхности пятно нефти, которое под действием волн и ветра быстро распространяется на весь рейд. Дивизион "Большая Медведица" на этот раз оставил Гибралтару после себя черную грязную пленку нефти под сверкающим голубым небом.

Сицилия пала. Дивизион "баркини" Децима МАС последним покинул Мессину и отошел в Калабрию. Боргезе отправляется в этот район, чтобы организовать базу для этих катеров-снарядов, которые можно было бы использовать во время высадки десанта союзниками.

"Проехали Неаполь. Картина за окном стала удручающей. Мы были единственными, кто ехал на юг. Итало-германские войска отступали, но какой контраст между ними!

Немецкие части в идеальном походном строю, на машинах и с офицерами во главе,

двигались на север полуострова компактными и дисциплинированными колоннами, буксируя свое военное имущество. Солдаты подтянуты, чисто выбриты и умыты. Они имели скорее вид войск, направлявшихся на парад, чем отступавших после тяжелых боев. Время от времени в их колоннах можно было заметить небольшие группы солдат в лохмотьях, обязательно пеших, часто без обуви, лица бледные, небритые, бредущих без офицеров, без приказа, без цели... это итальянцы".

Грусть сменяется у Боргезе стыдом, и он, наконец, не выдержал.

- Эй, ты, куда идешь? - спрашивает он у какого-то моряка.

- В Турин, к моей невесте.

- Откуда?

- Из Палермо.

- А кто тебе отдал этот приказ?

Тот смотрел на офицера с глупым тупым видом. По всей видимости, никто.

"Перед моими глазами разворачивалась печальная картина разложения армии, - сокрушался Боргезе, - Теперь я мог понять, почему Сицилия, представлявшая собой неприступную для неприятеля крепость, не продержалась и месяца. Атмосфера пораженчества и предательства была разлита повсюду".

То, что простые солдаты бегут, терпя поражение, Боргезе еще мог понять. Как аристократ, он всегда считал, что народ не имеет тех достоинств, которыми обладают господа, и вдруг он оказался перед фактом, в который не мог поверить: король, его король, оказался не на высоте положения. Он, кто никогда не мог привыкнуть к фашизму, кто его лишь терпел с его запахом простолюдина, начал сожалеть о его падении. Эта мысль еще была неясной, но он высказал ее своему верному ординарцу Пьетро Кардиа:

- По крайней мере, с Муссолини у власти, - говорил он с печалью в голосе, - мы не испытали бы, может быть, такого унижения. Может быть...

Мало-помалу, неосознанно, солдат, которого традиционно не интересовала политика, даже если он сохраняет право на свободу мысли, политизировался. Кондотьер, спящий в глубине сердца всех поколений Боргезе, просыпается. В драматичных положениях, в периоды кризисов, внезапно рождаются призвания: разочарование - лучший поставщик мятежников. Принц был не далек от того момента, когда самый дисциплинированный солдат переходит Рубикон, отделяющий его от политического деятеля. Он еще этого не знает. Он еще готов служить, противостоя все более и более угрожающему врагу, своей родине, своему знамени и королю.

После успешного завершения миссии Луиджи Ферраро он направил и в другие нейтральные порты - в том числе и в Лиссабон - нескольких пловцов отряда "Гамма". С другой стороны, были готовы к действиям мини-подлодки С.А. В Бордо возможность их использования с подводных лодок, в частности с "Леонардо да Винчи", была им уже проверена и подтверждена, и настало время переходить от теории к практике.

В этом направлении готовились две операции:

"Первая, - писал он, - это атака против Нью-Йорка, где С.А. должны подняться по Гудзону до самого сердца города. Психологический эффект, произведенный на американцев, которые до сих пор не подвергались военному нападению на своей территории, должен, конечно, превысить материальные потери от нашей акции. (Этот план, по моим сведениям, был единственной практически реализуемой попыткой перенести войну на землю Соединенных Штатов.)

Вторая операция предусматривала атаку против очень важной в стратегическом плане и сильно укрепленной базы военно-морского флота в Южной Атлантике. Эти операции, проводимые на очень большом удалении от Европы, было очень трудно реализовать, но мы очень рассчитывали на эффект внезапности: появление итальянских подводных лодок, до сих пор никогда не покидавших Средиземное море, около таких удаленных портов не могло не застать врасплох оборону врага. Никакие особые меры против такого рода нападения не были приняты".

Операция против Нью-Йорка была запланирована на декабрь.

Челла и дивизион "Большая Медведица" вернулись в Серкио еще в сентябре после традиционного двухнедельного отпуска.

- Мы готовим операцию против Нью-Йорка, - сообщает принц Витторио Челла. - Вы в ней будете участвовать.

Молодой ломбардиец почувствовал себя гордым. Он будет принимать участие в деле, которое станет венцом деятельности Децима МАС. Но не успел он насладиться чувством новой чести, возложенной на него, как Боргезе продолжил:

- Но перед тем вам придется в четвертый раз вернуться в Гибралтар. Я не могу послать туда неопытных новобранцев.

Челла соглашается с энтузиазмом.

Операция против Гибралтара была неизбежна. Три ультрасовременные подводные лодки: "Мурена", "Спарид" и "Гронко", по 1000 тонн каждая, оборудованные четырьмя ангарами для транспортировки "баркини", были только что приняты на вооружение в Децима МАС. Новая управляемая торпеда под кодовым наименованием S.S.B., более быстроходная, с зарядом взрывчатки в 800 кг, вместо 300, также была готова к использованию. Тактика нападения совершенно отличалась от ранее применявшейся людьми-торпедами Валерио Боргезе.

"Наши операции всегда планировались на ночь, и даже лучше на безлунную ночь, - объяснял Боргезе, - на этот раз, наоборот, я хочу, чтобы "Мурена" подошла к Гибралтару также ночью, но выпустила "баркини" днем, против транспортов, стоящих на якорях на рейде.

Опыт предыдущих операций показал, что после начала тревоги на рейде заграждения северного входа в порт снимаются, чтобы позволить выйти из порта сторожевым кораблям, миноносцам и буксирам. Одна из новых управляемых торпед, покинувшая предварительно "Ольтерру", должна будет ожидать у самого входа в порт и, воспользовавшись неразберихой, проникнуть в него и атаковать один из крупных боевых кораблей".

6 сентября Витторио Челла, после двухдневного дополнительного отпуска, полученного лично от Боргезе, возвращается в Серкио. Перед воротами на базу он не увидел карабинеров, обычно охранявших ее. В своем кабинете Боргезе охапками брал папки с досье и носил на кухню, где бросал документы в огонь. Только что выступил Черчилль. Италия согласилась сложить оружие. В Берлине, в то время как Гитлер готовился использовать против Гибралтара свое новое оружие, поступившее на вооружение люфтваффе - радиоуправляемую бомбу, гросс-адмирал Дениц, еще ничего не знавший о том, что готовилось, сказал ему:

- Мой фюрер, мы можем рассчитывать на итальянский флот, по крайней мере, на его молодых офицеров, таких как командир Боргезе.

Но в Специи события развивались со всевозрастающей стремительностью. Эскадра готовилась передислоцироваться на Мальту и там сдаться. Линкор "Рим" вышел из порта. Крейсера и контрминоносцы его сопровождают; их атакуют самолеты. Это был конец "Рима" и конец войны для Боргезе и Челлы.

Глядя на своего молодого товарища, Боргезе думал: он молод, у него прекрасное прошлое за плечами, он еще сделает свою жизнь. Командир и его молодой офицер, перед тем как расстаться, долго жмут друг другу руки. Челле предстояла тяжелая дорога. Он думал о Гибралтаре и вспоминал Визинтини. Ему было грустно. "Смерть унесла лучших из нас", - думал он.

Боргезе вернулся в свой кабинет. Каждый вечер он слушает радио. 8 сентября он повернул ручку настройки и услышал объявление о перемирии.

"Это сообщение обрушилось на меня как удар грома, сметая наши планы и наши надежды. В конце концов, что нам оставалось? Только умереть как солдаты, умереть в бою".

Глава 19

Как заболевший дикий зверь Валерио Боргезе залег в своем логове и стал ждать. С 8

сентября, когда он услышал о перемирии, подписанном маршалом Пьетро Бадольо, он все время слушал итальянское радио. Поражение плохо сочеталось с этим человеком, рожденным побеждать. Долгие часы, закрывшись в своем кабинете в Серкио, он размышлял о сложившемся положении, анализируя события последних шести недель.

После отставки Муссолини 25 июля он поверил, как почти все в армии, что король и новый глава правительства готовы продолжать войну. Он понял буквально слова послания старого маршала Бадольо:

"Италия останется достойной своих военных традиций. Мы отстоим священную романскую землю".

Но уже с начала августа Бадольо завязывает первые контакты с союзниками в Лиссабоне и в Танжере, чтобы в конце концов прийти к этому перемирию, на взгляд Боргезе, позорному для Италии. Он чувствовал себя оскорбленным, преданным. Его безграничная вера в своего короля была поколеблена.

Он постоянно вспоминал те дни, последовавшие за 25 июля, когда своей уверенностью, поддержанной многими его товарищами, молодыми флотскими офицерами, он в некотором роде спас монархию. В то время ему было известно, по крайней мере, о четырех операциях, которые были подготовлены по приказу Гитлера еще до окончания конференции 27 июля (первая, "Айхе", имела своей целью освобождение дуче, перед которым фюрер чувствовал личную ответственность, другая, "Студент", должна была реставрировать фашистский режим в Италии и включала в себя оккупацию Рима, третья, "Акс", предназначалась для захвата итальянского флота и наконец четвертая, "Шварц", должна была обеспечить овладение немцами ключевых позиций в Италии). Перед угрозой, которую эти планы представляли для будущего самой монархии, Боргезе не скрывал, что, хотя он и хорошо относился к Германии и всегда готов был помогать ей, но, оставаясь прежде всего монархистом, верным савойскому королевскому дому, он не мог потерпеть никаких акций, направленных против монархии.

В Берлине гросс-адмирал Дениц в своем докладе представил примерно такие же аргументы Гитлеру:

- Многие молодые флотские офицеры, среди них самые блестящие, к нам благосклонны, - говорил он, - но не надо раздражать их, нападая на короля. Они этого не потерпят. Было бы лучше немного подождать, но быть готовыми к действиям в любой момент, как только наступит психологически благоприятное для этого время.

Гитлер позволил себя убедить, правда, не без колебаний, и итальянская монархия была в тот момент спасена. Война продолжалась, как и раньше, предоставляя людям-торпедам принца Боргезе возможность одержать новые громкие победы на службе королю Виктору-Эммануилу III, которому они лично приносили присягу.

Но перемирие, тайно подписанное 3 сентября и объявленное 8-го, все испортило, раскрыв "предательский маневр, наносящий удар в спину немецкого друга и союзника".

Эта двуличность вызывала у Боргезе, человека долга и чести, отвращение, желание громко завопить о предательстве и отказаться от самого святого, того, что он привык обожать с самого раннего детства: королевского дома Савойи.

Такие мысли бродили в голове Боргезе в то время, когда союзные войска без помех высадились в Салерно, южнее Неаполя. В ответ, в тот же день, немецкие войска начали проведение операций "Акс" и "Шварц". Порты и торговые суда, стоявшие в них, попали в их руки, но большая часть итальянского военного флота смогла уйти на Мальту. По иронии судьбы, эта неприступная для итальянцев крепость стала убежищем для их флота. Боргезе и весь штаб Децима МАС остались в Серкио.

Вскоре немецкое командование предлагает ему сотрудничество. Он отказывается. В тот момент он не был еще готов к такому шагу. Его прошлое крепко прилипло к коже. Он пока не мог себя преодолеть. У него еще сохранились некоторые иллюзии. Может быть, Виктор-Эммануил III просто стал жертвой предателя Бадольо, думал он, и скоро поймет это и восстановит положение и свой престиж? Действительно, человеку такого происхождения,

как Боргезе, наследнику вековых традиций, тяжело однажды начать бороться против того, за кого он еще вчера готов был отдать свою жизнь.

- Поскольку король лично не принимал решения, порочащего его честь, мы должны оставаться ему верными, - говорил он своим людям.

Его репутация, дружба со многими офицерами Кригсмарине, завязавшаяся во время поездок в Германию, среди которых был и гросс-адмирал Дениц, оставили к нему, несмотря ни на что, хорошее отношение со стороны немцев. Децима МАС не была, как другие итальянские подразделения, насильно зачислена в немецкую армию. В виде исключения Валерио Боргезе было предоставлено время на размышление.

Новости быстро распространяются в Италии, где "арабский телефон" работает лучше электронных средств связи. Однажды вечером, когда моряки флотилии собрались, как всегда, после ужина на веранде виллы Серкио, пришло известие: "король исчез". Оказалось, что Виктор-Эммануилл III в паническом страхе покинул Рим в сопровождении некоторых высших офицеров и генералов, так же как и он напуганных развитием событий, больше заботившихся о том, как найти убежище, чем склонных брать на себя ответственность. Он прибыл сначала в порт Ортано, а затем переправился в порт Бриндизи на Адриатическом побережье, где и остановился под охраной англо-американских войск.

Это внезапное бегство, похожее на бегство трусливого подлеца, бросившее офицеров, таких как Боргезе, на их постах без директив, без приказов, было самым страшным ударом, который монархия могла сама нанести по своим самым верным приверженцам. За несколько часов армия по всей Италии разложилась и представляла собой жалкое зрелище.

4-я армия, расквартированная на юге Франции, ринулась в Италию в полном беспорядке; шли пешком, ехали на ишаках и украденных велосипедах, солдаты бросали оружие; во французских населенных пунктах перед границей солдаты и офицеры любой ценой пытались достать гражданскую одежду, можно было встретить генералов, переодетых монахами. Обочины горных дорог покрылись грудами солдатской униформы, оружия и кучами бумаг из полковых архивов.

Французы насмешливо смотрели на бредущую в беспорядке итальянскую армию, на эти колонны, больше похожие на стадо мулов. Иногда в деревнях дети, развлекаясь, кричали: "I Tedeschi" (немцы), и начиналось паническое бегство.

Среди этого разгрома снова появились высшие фашистские функционеры, нашедшие в свое время убежище в Германии. Проклиная предателя Бадольо, они созывали под свои знамена ветеранов, прошедших пустыни Африки, снега России и морские сражения, и призывали остаться верными до самой смерти союзу с немцами.

Этот призыв нашел самый горячий отклик, но не у народа, который устал от войны, а среди части офицеров и солдат. Вечером 9 сентября немецкое информационное агентство передает первое заявление нового фашистского правительства. В бункере Гитлера Витторио Муссолини, Паволини и Рикки присоединились к Фариначчи и Пресиоси. В своем обращении они объявляют:

- Предательство не прошло: национальное фашистское правительство вновь образовано и работает от имени Муссолини.

Боргезе встретил новость без особого энтузиазма.

- Куда это нас может завести? - говорит он с разочарованием и сомнением в голосе.

- Может быть, у них хватит воли и сил, чтобы выправить положение, отвечает его ординарец.

- Король мертв, - бросает с безапелляционностью молодости юный мичман.

Эта реплика заставила Боргезе задуматься. Он медленным тяжелым шагом уходит прочь. Его согнувшаяся фигура с вечной сигаретой в уголке губ удаляется по тропинке в сосновый бор, где он отдается во власть своих тягостных размышлений.

- Если король и не мертв, - думает он, - это не замедлит случиться.

В его сознании образ гордого и сильного короля уступил место образу монарха трусливого, "изворотливого" и бесчестного, к тому же и глупого.

Не ускорил ли король сам конец монархии, одобрив создание того, что через некоторое время станет Комитетом национального освобождения, состоявшего из шести антифашистских партий, которые сделали подкоп под Италию извне?

Бессознательно Боргезе уже выбрал свой лагерь. Он был союзником Германии в дни ее побед, он не может сегодня отвернуться от нее в период поражений. Где тогда будет его честь? И, даже если бы он захотел, против всякой логики, присоединиться к союзникам, он бы не смог этого сделать. Ему бы помешали их требования. Их кажущееся доброе отношение к Италии, убеждал он себя, не что иное, как обман, наживка.

Колебаниям принца скоро приходит конец. События 14 сентября становятся поворотным пунктом в его военно-политическом будущем.

В это утро в главном штабе немецких войск в Фраскати, на южной окраине Рима, был найден мертвый человек с револьвером в руке. Это был маршал Каваллеро. Что там же произошло?

После бегства короля и Бадольо в Бриндизи командующий немецкими войсками в Италии маршал Альберт Кессельринг был очень озабочен. На его столе лежали планы двух операций, разработанных генеральным штабом: "Шварц" и "Акс".

Вернувшись вечером 8 сентября из поездки на Украину, Гитлер позвонил ему и приказал перейти к активным действиям. Но итальянский флот уже успел покинуть Специю и найти убежище на Мальте. Теперь маршал ждал высадки союзных войск севернее Рима с целью окружения итальянской столицы и готовился отвести свои войска на север. Он еще не знал, что союзники отказались от этих амбициозных планов, что они удовлетворились бегством Бадольо и Виктора-Эммануила III в Бриндизи. Эта передышка позволит ему собрать силы и приступить к выполнению плана "Шварц", предусматривавшего военную оккупацию Италии.

Утром 13 сентября Кессельринг принял в Фраскати маршала Каваллеро, бывшего начальника генерального штаба итальянской армии. Уго Каваллеро сменил на этом посту маршала Бадольо в ноябре 1940 года и отличался лояльностью по отношению к немецким союзникам. После того как 31 января 1943 года его на этом посту сменил генерал Амброзио, он сохранил тесные связи с немецким послом в Италии Макензеном. И именно он предупредил немецкого дипломата о собрании Большого фашистского совета, на котором должно было произойти отстранение, а затем и арест Муссолини.

Бадольо всем сердцем ненавидел Каваллеро. Тот был лучшим стратегом, лучшим солдатом, чем он, его уважали подчиненные. 23 августа Каваллеро арестовывают и его допрашивает начальник второго отдела генерал Карбони. Каваллеро не дал себя запугать и заявил, что в 1943 году он выступал за отставку дуче и его нового военного командования. На следующий день Бадольо был вынужден освободить своего врага из-под стражи. Но, покидая Рим, он оставил на своем рабочем столе рапорт Карбони, конечно, чтобы немцы его нашли.

Так и случилось. Кессельринг не усомнился в подлинности этих фактов и имел их в виду, когда беседовал с Каваллеро. Он считал, что у него в руках великолепное средство давления на маршала в достижении той цели, к которой он стремился: убедить своего итальянского коллегу встать во главе итальянской армии и заставить Италию продолжить всеми возможными средствами выполнение союзнических обязательств. Каваллеро отказался. Кессельринг настаивал, он требовал от него смыть позор предательства Бадольо и предложил ему отправиться вместе на самолете в Мюнхен, чтобы наметить в немецком генштабе пути реорганизации итальянской армии на севере страны. Каваллеро упрямо не соглашался, убежденный, что если он примет это предложение, он развяжет гражданскую войну в Италии: армия Бадольо против армии Каваллеро.

Получив разрешение и навестив больную жену в клинике, Каваллеро возвратился ночевать в Фраскати. На ужине, устроенном в его честь Кессельрингом, он снова отказывается от предложений хозяина, а утром его нашли мертвым. Он покончил жизнь самоубийством. Некоторые его родственники утверждали после войны, что немцы сами его

"устранили", не простив ему отказа. Но в то время эта версия не рассматривалась. Обществу была представлена единственная, полученная от немцев, и никто тогда не посмел поставить ее под сомнение. И она будет играть важнейшую роль в дальнейшем развитии событий. Кессельринг выразил ее суть в письме с соболезнованиями, направленном в адрес вдовы маршала:

"В пригороде Рима, в Фраскати, он простился с жизнью, глядя на Вечный город, - писал Кессельринг. - Он был слишком благородным человеком, чтобы перенести позор предательства своей страны по отношению к союзной Германии. Я счастлив, что позволил ему иметь последнюю встречу с семьей, к которой он был очень привязан. Вы потеряли вашего супруга, графиня, но и мы тоже потрясены его смертью, так как мы планировали предложить ему важную роль в деле возрождения нового фашистского государства".

Представленные таким образом обстоятельства смерти Каваллеро, который вместе с Грациани был "одним из самых блистательных и уважаемых итальянских маршалов", в глазах многих офицеров итальянской армии, в том числе и Боргезе, стали новым преступлением, которое легло на совесть Бадольо и короля.

Этот немецкий план дезинформации полностью удался. Он позволил остановить дальнейший распад итальянской армии и сохранить ее остатки в орбите Третьего рейха до самой капитуляции.

Валерио Боргезе узнает эту новость в Серкио 15 сентября. На этот раз он решительно выбирает свой лагерь. Он срочно собирает штаб флотилии. Широкоплечий, с нахмуренным лицом, он, стоя в своем кабинете перед широким окном, выходящим на освещенный солнцем сосновый бор, решительно заявляет:

- Почти толкнув своими действиями маршала Каваллеро на самоубийство, король на этот раз определенно совершил бесчестный поступок. Я считаю, что мы теперь свободны от данной ему присяги. В эти последние дни я со всех сторон рассмотрел положение дел. Бадольо и королю англичане и американцы дали красивые обещания, которые никогда не будут выполнены. Ни Рузвельт, ни Черчилль никогда не вернут Италии ни пяди ее африканских территорий. Кроме того, в этой бесчестной и ужасной авантюре Савойский королевский дом рискует совсем потерять корону. Если мы, сражавшиеся плечом к плечу с нашими немецкими товарищами, будем побеждены, вы увидите: Италия погрузится в еще больший беспорядок, чем тот, который царил в стране с 1918 по 1921 год. А я этого не хочу.

- А может, нам лучше не связывать свою судьбу с немцами, а сохранить наши традиционные дружеские связи с Францией? - громко спросил один из молодых мичманов.

- Может быть, и так, - отвечает Боргезе, - но сегодня у нас нет выбора. Есть союз с Германией. Его приняли народ и король. Мы должны, чтобы сохранить честь нации, уважать его до самого конца. Я понимаю, что таким образом мы ввязываемся в авантюру, которая для нас может не иметь выхода. Я прошу вас хорошо это понять. Мы солдаты. Наш долг брать на себя ответственность за страну, стоя встречать врага и не подчиняться бесчестным командирам. Мы должны всеми своими силами участвовать в общей борьбе, и все должны отныне думать только об одном: как спасти честь знамени, спасти свою родину, замаранную чередой предательств Бадольо и короля. Для этого нам надо без промедления приступить к работе.

Собрание единогласно одобрило мнение своего командира, убежденное, что, выбирая этот путь, они встают на дорогу, ведущую к чести и славе.

В тот же вечер в Серкио разворачивается бурная деятельность. Конечно, шуток стало меньше, не как раньше, но люди, казалось, с еще большим рвением принялись за работу. В тяжелый час они чувствовали себя выполняющими новую и опасную миссию: доказывать всему миру, что итальянский народ состоит не только из трусов и подлецов. Они считали своим долгом сомкнуть крепче ряды, устремляясь в будущее, не обещающее ничего определенного.

Боргезе, приняв решение, отправляется с визитом к немецким властям и предлагает создать на базе его флотилии (1300 человек) независимое подразделение под его

командованием.

- Я никогда не был фашистом. Я всегда верно служил своему королю, сказал он немцам, - но сегодня, когда мой суверен забыл о своем долге и чести и предал свою страну, я решил вместе с моими людьми продолжать сражаться бок о бок с вами, под вашим командованием и сохранить до конца, во имя боевой и героической Италии, верность договору, связывающему наши два народа.

Немцам не приходится кривить рот. Независимое или нет, подразделение, которым командовал Боргезе, предлагало им свои услуги.

- Я надеюсь, что мы будем друг другу полезны взаимно, - говорит ему капитан-лейтенант Ганс Шомбург. - Сообщите мне в ближайшие дни о своих потребностях, как в материальной части, горючем, так и во всех других областях. Адмирал Дениц желает, чтобы ничто не мешало деятельности Децима МАС.

"Почему он мне сразу не сказал, чего немцы от нас хотят?" - думал Боргезе, возвращаясь в Серкио. Но Шомбург не осмелился при первой же встрече сформулировать свои требования. Боргезе, кавалер самых высоких итальянских наград, не совсем отвечал обычному представлению немцев об итальянцах. Он был хладнокровен и не экспансивен, замкнут, не болтлив, во всяком случае крайне реалистичен в своей манере думать и рассчитывать.

Очевидно, немцы хотели воспользоваться опытом, накопленным Децима МАС за годы войны в применении управляемых снарядов при организации подобных подразделений, к которой они спешно приступили у себя. Производство управляемых снарядов, прекращенное некоторое время назад, надо было конечно возобновить. Но если итальянцы согласятся обучить немецких моряков приемам их применения, то дело пойдет гораздо быстрее.

Поэтому немцы предоставляют в распоряжение Боргезе все средства, в которых он нуждался, чтобы возобновить свою деятельность, и дают полную независимость, которой он добивался.

К нему даже не приставили немецкую "няньку", как в других итальянских частях, чтобы не ранить его гордость.

Новое дело, усеянное препятствиями, но для преодоления которых не надо было ничего ждать и никого спрашивать, начиналось для Валерио Боргезе и его людей.

Глава 20

12 сентября Муссолини был освобожден немецкой специальной диверсионной группой, которой командовал полковник СС Отто Скорцени, из заключения.

Через три дня, 15 сентября, как раз в то время, когда Валерио Боргезе предлагал немцам свои услуги, германское информационное агентство сообщило:

"Муссолини снова во главе фашистского государства в Италии".

Прочитав об этом в газетах, моряки Децима МАС остались молчаливы и серьезны, не было слышно никаких комментариев. Для них, и это очевидно, возвращение дуче к руководству страной ничего не меняло. Их решение продолжать борьбу вместе с немцами было принято до этого сообщения.

18 сентября Муссолини выступает по радио из Мюнхена с обращением к народу:

"Чернорубашечники,

итальянцы и итальянки,

после долгого молчания мой голос снова доходит до вас, и, я уверен, вы его узнали..."

Утром того же дня Валерио Боргезе прибыл в Берлин на встречу с Деницем. Гросс-адмирал в разговоре никак не упомянул о возвращении дуче на пост главы нового итальянского правительства. Они с Боргезе солдаты и ничто их не занимает больше, чем стремление как можно быстрее поднять на ноги и включить Децима МАС в рамки операций, планировавшихся немецким командованием против войск союзников на побережье Средиземного моря. После десятка бесед, проведенных за восемь дней, Боргезе убедился - пусть в рамках немецкого флота, но он сможет еще раз проявить свои лучшие качества.

Между тем Муссолини возвращается в Италию. Немцы не позволили ему

расположиться в Риме, открытом городе. Тогда он останавливает свой выбор на небольшом городке Сало, расположенном на живописных берегах озера Гард. Там он обосновал резиденцию своего нового фашистского республиканского правительства Итальянской социальной республики.

- Обратно отправитесь через Сало. Доложите о положении дел дуче, говорит Дениц Боргезе во время их последней встречи. - Вы подчиняетесь мне, но также и Итальянской социальной республике.

Боргезе подчиняется, но нельзя сказать, что это ему понравилось. 15 сентября он договорился с немцами, что будет продолжать воевать под их командованием во главе Децима МАС, как отдельного независимого подразделения, и вот, кажется, это снова ставится под сомнение. В то время как он мечтает вести свою войну вне контроля политических партий, его снова будут пытаться поставить под контроль фашистской партии и некоторых ее функционеров, к которым он не испытывал никакой симпатии.

Но, в конце концов, - подумал он, садясь в поезд на берлинском вокзале, - что мне остается? Только подчиниться... на время?

Валерио Боргезе был принят Муссолини в Рокка-делле-Каминате 23 сентября. Дуче встречает его тепло, называя своим "последним кондотьером". Он знает об отношении Боргезе к фашистской партии и особенно к некоторым ее высшим чиновникам, таким как Рикки, Паволини и Буффарини, но он ничем этого не показывает. Как тонкий политик, Муссолини прекрасно понимает, что он нуждается в людях и особенно ему нужен Боргезе, который является важной фигурой на шахматной доске итальянской армии. Кроме того, его Децима МАС представляла собой почти все военно-морские силы, оставшиеся у Итальянской социальной республики.

Вместе с маршалом Грациани, министром обороны, который занимался реорганизацией армии республики, дуче внимательно выслушал доклад молодого командира. Не без демагогической нотки он выражает восхищение его позицией:

- Вы, - говорит он, - одни способны держать в руках ваших людей и готовить их к выполнению новых операций, которые вы разрабатываете вместе с адмиралом Деницем. Я даю вам карт бланш. Действуйте по своей воле.

Боргезе, который не был дураком, задает множество вопросов, а первым следующий:

- К кому я могу обратиться? Может, я делаю большую ошибку, ввязываясь в это дело и ведя за собой своих людей?

После встречи и ночных размышлений он надеется развеять свое недовольство и избавиться от досады во время встречи на следующий день в Риме с адмиралом Леньяни, государственным секретарем по морским делам. Тот кажется уверенным и успокаивает своего более молодого коллегу.

- Боргезе, - говорит он ему, - действуя так, как вы действовали до сих пор, вы полностью отвечаете девизу вашей части: "Сражаться за честь и знамя". Оставайтесь на вашем посту и выполняйте ваш долг до конца.

Через неделю, 1 октября, Боргезе возвращается в свой штаб в Специю. Последние моряки Децима МАС, находившиеся в отпуске с момента объявления перемирия 8 сентября, уже вернулись в свои подразделения. В том числе и самый знаменитый из них, лейтенант Луиджи Ферраро.

"Когда я узнал, что командир Боргезе воссоздал Децима, чтобы спасти ее честь, - писал он, - я посчитал своим долгом присоединиться к нему. В конце сентября я прибыл в штаб-квартиру флотилии в Специи и приступил к своим обязанностям в Ливорно, где находился наш тренировочный центр".

Боргезе казался удовлетворенным. Его сомнения таяли, как снег на солнце. Он находит работу для всех. Фронт приближается, и встает вопрос о переводе тренировочного лагеря боевых пловцов из Ливорно в другое место. Он поручает капитан-лейтенанту Эуженио Волку, который отвечал за подготовку пловцов, подыскать подходящий бассейн в центральной части Италии, а пока Луиджи Ферраро, назначенный заместителем Волка,

временно должен заменить того в Ливорно. Тренировки не должны прерываться ни на один день!

Волк находит прекрасный бассейн в спортивном комплексе текстильной фирмы Марзотто в Вальдано, в Доломитах.

К середине октября Волк, Ферраро и их люди уже обосновались там. За ними последовали и два немецких моряка, Вурциан и Рейман, которые тренировались с ними в Ливорно. Вскоре, согласно договоренности, достигнутой между Деницем и Боргезе, к ним присоединяются еще двенадцать их соотечественников.

"Новички негодуют совершенно натурально". Эта запись в дневнике Вурциана великолепно показывает, какие чувства испытывали новобранцы, слушая рассказы о летних приключениях Луиджи Ферраро в Александретте, которые позволяли им представить то, чем им скоро предстоит заниматься. Они без обиняков говорили своим итальянским инструкторам:

- Если вы думаете, что мы согласимся участвовать в вашей команде самоубийц, то вы попали пальцем в небо!

На первый взгляд, для непосвященного дело казалось действительно очень опасным. Боевые пловцы, не имея ничего кроме легких водолазных костюмов и акваланговъ, должны приблизиться по поверхности воды или под водой к вражескому кораблю, который будет, конечно, тщательно охраняться. Это казалось непостижимым, обреченным на провал!

Ферраро подумал, не рассказать ли о своих недавних приключениях? Но, может быть, новички ему просто не поверят? Тогда он как бы между прочим спрашивает их:

- Вам нравится плавать среди акул?

- Нам еще не надоело жить, - ответил один из них возмущенно.

- Мне тоже, - говорит Ферраро, - а я между тем делал это много раз, причем один раз вместе с вашим товарищем и соотечественником Вурцианом. И эти чудовища не причинили мне ни малейшего вреда. Поверьте мне, главное в том, как себя вести. Действуя соответствующим образом, можно любую самую опасную ситуацию превратить в такое же безопасное дело, как пикник в ночь полнолуния.

Никто не хотел в это поверить. Ферраро это разозлило:

- Хорошо, оставим пока этот вопрос. Сейчас мы собрались для интенсивной спортивной тренировки. Займемся делом.

На этот раз немцы его поняли. Надо тренироваться, чтобы в бою не упустить возможность одержать победу. Здесь они не показывали никакого неудовольствия и не возражали, даже если тренировки продолжались по пять-шесть часов в день.

Такой интенсивности требовали итальянские инструкторы, и тренировки часто продолжались даже дольше этого времени. Пловцы достигли отличной спортивной формы за короткое время, и это придало им больше смелости. Волк и Ферраро, как хорошие психологи, решили использовать эту козырную карту!

В прошедшие недели тренировок курсанты негласно соперничали между собой, и вскоре немцы предложили устроить официальное соревнование между ними и итальянцами. Победили немцы. Ученики превзошли своих учителей!

Но радость была недолгой. Боргезе, узнав об этом новшестве, не одобрил инициативу. Незадолго до этого он, в целях маскировки, не сообщив об этом преподавателям и ученикам школы, обозвал ее "Центром восстановления для тяжелораненных", а спортивные соревнования среди "инвалидов" не очень сочетались с этим названием.

В то же время он таким образом узнал, что немцы, набранные в команду, обладают инициативой, основным качеством, требующимся будущему боевому пловцу. Боргезе остается доволен этим фактом и отмечает его в своем рапорте адмиралу Деницу.

За октябрь Боргезе проделал значительный объем работы, выполняя договоренности с Деницем. Чтобы союзники не могли уничтожить базу штурмовых снарядов одним ударом, он принимает решение рассредоточить Децима МАС и оставить в Специи только ее штаб. Переведя тренировочный центр школы боевых пловцов и подводную группу управляемых

торпед из Ливорно в Вальдано, он занялся поиском базы для надводной группы флотилии и ее "баркини".

Генуя показалась ему идеальным местом. Не очень далеко расположенный от Специи большой торговый порт мог стать великолепной базой как для тренировок, благодаря хорошо защищенной бухте, так и удобным отправным пунктом для "баркини", ввиду близости Корсики, вдоль побережья которой скопление военных и транспортных кораблей союзников предлагало на выбор множество целей.

Так же как и в Вальдано, в Генуе к итальянским морякам Децимы МАС, которыми командует капитан-лейтенант Бифинанди, присоединяются немцы.

Децима МАС снова готова по первому приказу приступить к действиям.

Но Боргезе, по своему обыкновению, не может ждать. 13 октября он узнает, что король объявляет Германии войну, это только подтвердило его мнение о предательстве Виктора-Эммануила III.

Решение монарха вызвало волну насилия во всей Северной Италии. Партизаны, которые до этого находились в состоянии выжидания, перешли к активным действиям. Они начали физическое уничтожение фашистских функционеров, особенно в Ферраре и Милане. Безоружные военные и те, что находились в отпусках, также не избежали пули. Боргезе решает действовать. Во время их сентябрьской встречи Дениц разрешил создать ему, параллельно Децима МАС, батальон морской пехоты для действий на суше. Боргезе отправляется в Сало к Муссолини, чтобы добиться от него зеленой улицы этому предприятию.

Он покинул кабинет дуче, не только получив то, за чем приехал, но и с портфелем помощника государственного секретаря по военно-морским делам. Занимавший этот пост адмирал Леньяни недавно погиб в автомобильной катастрофе.

- Ваше новое подразделение должно выступить на фронт не позже весны, сказал ему Муссолини перед тем как проститься.

За две недели ноября, которые он занимал высокий пост, Боргезе полностью воспользовался своим положением. Ему не составило труда добиться от немцев возвращения нескольких подводных лодок, захваченных теми сразу после объявления перемирия, а также некоторого военного снаряжения.

Помощник министра Боргезе, посчитав, что никто кроме него самого не сделает этого лучше, предоставил в распоряжение командира Боргезе еще две казармы в дополнение к той, что находилась в Сан-Бартоломео: одну в Милане, другую в Триесте, для новобранцев формирующегося батальона морской пехоты "Сан-Марко".

Началась внутренняя борьба за контроль над вооруженными силами Социальной республики. И Боргезе, даже больше чем другие, был готов ее выиграть.

Благодаря высокому престижу, завоеванному громкими победами его людей за два предыдущих года, он намного опережал своих соперников, особенно Рикки, которому в конце ноября Муссолини поручил создание национальной республиканской гвардии, предназначенной для борьбы с партизанами, становившимися все более активными и опасными.

Сотни новобранцев толпами повалили в казармы Боргезе. В конце декабря 1943 года, меньше чем за полтора месяца после начала формирования, батальон "Сан-Марко" уже насчитывал 4000 человек.

Боргезе, чтобы выделить их из массы других солдат, одевает их в особую униформу: брюки, заправленные в короткие ботинки, блузон, перетянутый на поясе ремнем, и берет, лихо сдвинутый на правое ухо. Эти "боргезе", как их вскоре начали называть, гордо вышагивали перед милиционерами Рикки и другими скуадристами, которые иллюстрировали собой новый фашистский режим, не имевший никакого авторитета. Сухопутные боргезе должны были стать элитной частью, почти сектой, как любил повторять их шеф. У них, по его замыслу, должны были появиться свои ритуалы, свой особый язык, свои условные знаки. Их видение мира должно быть простым и категоричным: с одной стороны есть те, кто входит

в секту, с другой - те, кто к ней не принадлежит.

С того момента, как новобранец переступал порог казармы, и до минуты принятия присяги молодого боргезе держали в черном теле. Все время обучения в ушах его звучит лай унтер-офицеров, а их пинки закаляют его тело. Но в то же время, пока его держат "на нулевом уровне", ему показывают, на какую высоту он может подняться, если успешно преодолеет стоящие перед ним препятствия.

Параллельно с этим испытанием его физической природы, ему постоянно промывают мозги, вдалбливая в голову идеи о славе секты и о доблести предшественников. Фронтон казарм украшали названия географических пунктов, где героические дела прославили флотилию: Мальта, Гибралтар, Александрия, Суд и т.п.

Каждая элитная часть должна иметь свою песню. Валерио Боргезе создает свою. Она довольно меланхолична, вызывает воспоминания о погибших и призывает к будущим победным сражениям.

В этой Социальной республике, где каждый подчинялся тому, кто ему казался лучшим, батальон "Сан-Марко", дисциплинированный, отлично организованный, не мог не вызывать зависти. Решение Муссолини поручить создание новой национальной милиции Рикки увеличило путаницу и умножило число вербовочных пунктов. Большая часть личного состава старой армии - т. е. мужчины от тридцати до сорока лет - находились в лагерях на территории Германии, в плену на Балканах, были потеряны на севере и юге Италии, и вербовщикам приходилось спорить между собой за пятнадцати- семнадцатилетних мальчишек.

Кризис приближался, но, чтобы понять его истинные причины и все его окружающее, вернемся в октябрь 1943 года.

Глава 21

Борьба против нового фашистского режима Муссолини, созданного в сентябре 1943 года, не сразу приобрела вооруженный характер. Только небольшие отряды партизан активно действовали сразу после 8 сентября, особенно в районе Пьемонта и в альпийских долинах, некоторые из них возглавили армейские офицеры.

Рядом с этими зарождавшимися вооруженными образованиями развивались организации, состоявшие из гражданских лиц и имевшие чисто политическую направленность действий. Но лишь к концу года те и другие смогли стать по-настоящему дееспособными. Только тогда фашистское республиканское правительство осознало опасность этого внутреннего сопротивления. Первый предварительный звонок раздался со стороны безработных, традиционного предвестника всякой политической оппозиции. В конце ноября 1943 года в Турине подпольные комитеты под руководством коммунистов бросили в народ лозунг всеобщей забастовки и им удалось поднять около 50 000 рабочих заводов ФИАТ, используя недовольство людей ухудшающимся экономическим положением, введением карточной системы и отсутствием средств транспорта. Этот пример грозил превратить Италию в огнеопасную массу, и немецкие власти отреагировали очень оперативно. Риббентроп в телеграмме генералу Циммерману, командующему немецкими войсками, приказывает:

"Я считаю необходимым, чтобы вы отдали забастовщиков под военно-полевой суд и приступили к арестам в качестве меры устрашения. Фюрер, кроме того, дает вам право зачинщиков и коммунистов интернировать и расстреливать на месте. Что касается отправки в Германию станков и промышленного оборудования, я советую вам пока с этим повременить, так как эта операция не может быть сейчас осуществлена с соблюдением всех необходимых мер".

Так и было сделано.

Муссолини, который в это же время засыпал своими приказами префекта Турина, был вынужден признать, что Социальная Республика не обладает никакой военной или полицейской силой, способной противодействовать беспорядкам на месте. Только немецкие войска могут контролировать ситуацию. Тяжелый урок для дуче, который вынужден

написать своему послу в Берлине Анфузо и попросить его обратиться к Гитлеру с просьбой, с одной стороны, предоставить оружие итальянской полиции, с другой - освободить некоторых офицеров, находившихся в плену в Германии. А также (жест скорее символический) потребовать от немецких властей в Италии, чтобы они действовали в дальнейшем в более тесном сотрудничестве с итальянской администрацией.

Немецкий ответ был безжалостным. Командующий войсками СС в Италии генерал Вольф отказался выполнить приказ о вооружении итальянской полиции. Гитлер со своей стороны ответил Анфузо, что его собственный посол в Риме Ран предоставил итальянской стороне "все возможности самим заняться усмирением забастовщиков в Турине, но те не преуспели в этом, что самого дуче постоянно информировали о мерах, принимаемых немецким командованием, и его предложения могли только помешать успешному проведению операции". Яснее нельзя было и сказать.

Наступление коммунистов достигло своей кульминации во время проведения фашистского съезда в Вероне. Были убиты двадцать руководителей местных фашистских организаций. Эти покушения были следствием развивающегося движения сопротивления в Пьемонте и в северо-восточной Италии. Муссолини, осознав грозящую опасность, решил наконец провести эффективную карательную операцию. Его замысел был совершенно наивным и невыполнимым: систематически противостоять мобильным ударным группам коммунистического сопротивления вооруженными фашистскими отрядами, по модели, применявшейся во времена противостояния в 1920 году.

Первая операция по такой схеме была проведена в разгар Веронского конгресса. Карательный отряд был послан в Ферраре, чтобы отомстить за убийство местного руководителя фашистской партии. Фашистские части, состоявшие в основном из пожилых людей и уроженцев Южной Италии, оккупированной союзниками, потерпели сокрушительное поражение. Именно после этого фиаско и отдал Муссолини приказ Рикки создать национальную республиканскую гвардию. Сначала гвардия включила в себя подразделения состоявшие из жителей Северной Италии, согласившихся сотрудничать с режимом, и остатков старой фашистской милиции, распущенной в июле 1943 года после отстранения Муссолини от власти Большим фашистским советом.

Но очень скоро стало очевидно, что несколько сот человек не могут составить дееспособную и боеспособную силу, и Рикки, в свою очередь, начал собственный набор рекрутов. К тому времени Боргезе, как мы уже видели, его далеко обогнал на этом пути, и национальной республиканской гвардии пришлось удовлетвориться тем, что осталось: мальчишками пятнадцати-семнадцати лет.

В этом лихорадочном поиске людей Рикки в голову пришла мысль, которую он подсунул Муссолини. Тот представил ее за свою. Ссылаясь на недостаток престижа своей власти, Муссолини приказывает передать батальон "Сан-Марко" Валерио Боргезе под командование Рикки, чтобы положить конец индивидуалистским поползновениям своего "последнего кондотьера". В то же время адмирал Феррини, сменивший Боргезе на посту помощника госсекретаря по морским делам, приказывает отправить последних новобранцев батальона "Сан-Марко" в Германию для подготовки в том же лагере, где находились и солдаты национальной гвардии.

Это стало последней каплей, переполнившей чашу. Разразился кризис.

Боргезе, рассматривавший свой батальон как элитное подразделение для борьбы с партизанами и считавший, что эти задачи он должен выполнять, подчиняясь только своим собственным приказам, отказался выполнять распоряжения центральных властей и передать своих людей под начало Рикки, считая - и вполне справедливо - что тот не способен руководить военными действиями.

В адрес дуче посыпались все более и более резкие донесения и рапорты от его противников: "Боргезе недисциплинированный офицер и его необходимо наказать". В своем штабе в Специи принц, который ничего не знал о происходивших в Сало событиях, смотрел в будущее спокойно. Уверенный в своих силах, убежденный, что является представителем

той части армии, которую он не без гордости называл "нетронутой стороной золотой медали", он собирался захватить командование итальянским флотом и рассматривал этот конфликт как простое недоразумение, не имеющее большой важности. Он до такой степени не придавал этому значения, что без колебаний оставил свой штаб и отправился в Венецию.

Уже две недели как боевые пловцы расположенной в Вальдано школы закончили курс тренировок в бассейне, и лейтенанты Волк и Ферраро вынуждены были искать место, где условия тренировок были бы наиболее приближены к тем, в которых их людям придется действовать в реальной боевой обстановке. Они остановили свой выбор на венецианской лагуне. Там они нашли все, что требовалось пловцам для завершения подготовки: морскую воду с довольно сильным течением, вызываемым приливами, значительные глубины, местами илистое дно, по которому можно было устраивать марши до изнеможения, также старое, полуразрушенное судно "Тампико", представлявшее из себя прекрасное пособие для обучения действиям по минированию его корпуса. Близость порта и арсенала позволяла проводить против них учебные атаки в условиях, максимально приближенных к боевым, наконец, и это было не последнее по важности, на маленьком островке посреди лагуны находился брошенный монастырь "Сан-Джорджио-на-Альге", прекрасное место для лагеря.

Перед тем как дать свое согласие, Боргезе хотел лично оценить удобства этого нового места. У него была еще и другая мысль: устроить в этом покинутом монастыре свой передовой штаб. Он не пробыл в Венеции и двух дней, как адмирал Феррини, прекрасно информированный об отсутствии Боргезе, посылает в Специю офицера с приказом принять командование батальоном "Сан-Марко". "Боргезе нет, - думал хитрый адмирал, - операция должна пройти без осложнений". Он глубоко ошибался!

Принц оставил строгие распоряжения своим подчиненным. С момента прибытия министерский посланец был арестован и посажен под замок. Боргезе из Венеции посылает в Сало телеграмму, в которой уведомляет, что офицеры батальона "Сан-Марко" подчиняются только его приказам и что он берет на себя полную ответственность за их действия. В ответ Муссолини вызывает его к себе. Тон его телеграммы угрожающий, но Боргезе остается спокоен. Закончив дела на побережье и отдав распоряжения по ведущимся плановым работам, он 11 декабря, на обратном пути в Специю, заезжает на Гардское озеро. Появившись в просторной приемной перед кабинетом дуче на вилле Фельтринелли в Карнано, он кажется безмятежным. Он улыбается, шутит с присутствующими, заполнявшими приемную. Проходят минуты, часы. К 14 часам дня он остается в приемной один. Он выкурил уже больше двух пачек сигарет. Внезапно двери настежь распахиваются. Врывается Рикки во главе тридцати солдат своей гвардии.

"Именем дуче вы арестованы", - объявляет он.

Боргезе не сопротивляется. Улыбка появляется на его бледных губах. Кажется, его ничто не может вывести из себя. В любых обстоятельствах он верит в свою счастливую звезду.

- Ваше дело будет рассматриваться следственной комиссией, - сообщил ему Рикки, перед тем как ключ два раза повернулся в замке двери маленькой кокетливой комнаты, куда его поместили под усиленной охраной.

Как только известие достигло Специи, в Децима МАС и батальоне "Сан-Марко" объявляется боевая тревога. Командование немецкого флота в Италии и местный итальянский префект заявляют о своей поддержке Валерио Боргезе. В это же время его офицеры единогласно принимают решение в случае необходимости выступить на Сало, чтобы его освободить. Слухи об этом достигли ушей фашистских функционеров и сильно их напугали. Через четыре дня уже никто не говорил о следственной комиссии, и Боргезе скоро был освобожден без всяких формальных объяснений. Но дело, которое получит название "случай Боргезе", не было окончательно разрешено.

Принц не вернулся в Специю. Он отправился в Милан, где собирает лучшие подразделения батальона "Сан-Марко", чтобы наконец развернуть войну, почти личного свойства, против партизан, которые, как он считает, "получают недостаточный отпор не

только со стороны национальной республиканской гвардии Рикки, но и немецких войск".

Однако первая попытка перейти к решительным действиям проваливается, отчасти из-за недостаточной подготовленности, отчасти потому, что этому помешал генерал Вольф. "Эти салонные СС", как определял их Отто Скорцени, с неприязнью смотрели на все итальянское и начинали относиться со все большей враждебностью к Валерио Боргезе. Генерал не захотел терпеть рядом с собой этого гордого и не очень дисциплинированного кондотьера. В конце декабря он переходит в наступление и приказывает вывести в Германию основную часть батальона "Сан-Марко" и создать на его базе дивизию под тем же наименованием. Он обещает Боргезе, что тот останется командиром этого нового соединения после возвращения его весной 1944 года в Италию.

Принц разочарован, почти оскорблен. Но, попав в ловушку, как многие политики и военные, связавшие свою судьбу с Муссолини и его последней авантюрой с Социальной республикой, он вынужден терпеть и довольствоваться сожалениями.

Для генерала Вольфа Социальная республика была только декорацией, которая должна была уверить немецкий народ в том, что он не совсем одинок в своей борьбе. На самом деле командующий войсками СС в Италии с самого начала противодействовал созданию новой итальянской республиканской армии. Хорошо понятно, почему он старался придерживать Валерио Боргезе, престиж которого в армии и его независимый характер мешали генералу.

Принц же, после горьких размышлений, открыл перед собой довольно неясное будущее. Но он уже прошел точку возврата. Отныне перед ним был только один путь, который он выразил в следующей лапидарной формуле: "Иди или умри".

В мире марионеток, которые суетились вокруг, у него оставался один маленький, очень маленький лучик надежды: его боевые пловцы и его "баркини". Хотя и переданные в распоряжение немецкого морского командования, т.е. адмирала Деница, они оставались его собственностью и "могли еще свидетельствовать перед всем миром, что существуют солдаты, которые могут сражаться и умирать за идеалы, даже если победа полностью и совершенно для них недостижима".

Глава 22

8 января 1944 года в Вероне, в Кастель-Веккио, там, где несколько недель до того проходил конгресс фашистской партии, начался процесс над высшими фашистскими функционерами, проголосовавшими против Муссолини на Большом фашистском совете в ночь с 24 на 25 июля 1943 года. Их было шестеро на скамье обвиняемых: Чиано (зять Муссолини), маршал Де Боно (соратник дуче в течение двадцати трех лет), Маринелли, Парески, Готтарди и Чианетти.

Через два дня после начала процесса, 10 января, в 13 час. 40 мин. председатель особого трибунала зачитал приговор: пять смертных казней, лишь Чианетти избегает этой участи.

К изменникам не было никакого снисхождения. Паволини сам отказался от заступничества генерала Миличе, тем самым лишив Муссолини высказаться в пользу Чиано.

Дочь Муссолини Эдда пыталась с энергией отчаяния добиться сохранения жизни своему мужу. Она писала отцу:

"Дуче,

Я до последнего мгновения ждала, что ты выкажешь ко мне хотя бы минимум чувства человечности, гуманности и дружбы. Теперь я вижу, что я слишком многого хотела. Если бы Галеаццо не должен был отправиться в Швейцарию через три дня, как я договорилась с немецкими властями, все, что я знаю, я бы использовала без жалости. А теперь, если нас оставят в покое и безопасности (от туберкулеза до автомобильной катастрофы), вы не услышите больше обо мне".

И подпись: Эдда Чиано.

Муссолини потрясен. Глубокой ночью он звонит генералу Вольфу и просит у него совета. Шеф СС отказывается войти в его положение. Он лишь согласился убрать на несколько часов двух эсэсовских охранников от камеры номер 27, в которой находится граф Чиано. Но было уже слишком поздно, Муссолини не может один принимать решения. Он

продолжает названивать по всей Италии, чтобы получить от кого-нибудь совет и поддержку. Напрасно. Валерио Боргезе, которого он нашел в Милане в 2 часа ночи 11 января, также отказывается встать на его сторону.

"Эта история меня совершенно не касается, - сказал принц. - Это сведение счетов среди фашистских политиков, которое не имеет никакого значения в условиях войны. Каждому свое дело и своя доля ответственности. Я солдат и не хочу знать ничего, кроме своих военных обязанностей".

Отчаявшийся Муссолини оставляет события идти своей чередой. Он опускает руки и ждет.

В 9 час. 20 мин. утра 11 января пятеро приговоренных к смерти расстреляны на стрельбище крепости Сан-Проколо.

21 января, через 10 дней после казни, которая, конечно, не оказала на ход войны никакого влияния, союзные войска высаживаются в Анцио.

Натолкнувшись на сопротивление по линии рек Сангро и Гарильяно в своем продвижении по полуострову в сторону Рима, союзники решают обойти так называемую линию Густава и высаживают десант в порту Анцио и на песчаные пляжи Неттуно, в 45 км южнее Рима и в ста километрах севернее Гарильяно.

В первые же сутки корабли доставили на берег тридцать шесть тысяч солдат и три тысячи автомобилей. К концу недели уже шестьдесят девять тысяч человек с необходимым снаряжением оказываются в тылу немецких войск.

Немцам удается сдерживать союзников еще четыре месяца.

В распоряжении итальянского флота нет ни одного крупного корабля. Остается рассчитывать только на новые управляемые торпеды "негер" и на "баркини" и торпедные катера Десима МАС Валерио Боргезе. Для принца это означает возвращение от политических интриг к новым боевым действиям!

В ночь с 20 на 21 марта Боргезе возвращается в свой штаб в Специю, а пилоты "негеров" и моряки Децима МАС начинают активные боевые действия. Но их атаки не приносят существенного успеха. Лишь "баркини" оказываются на высоте своего положения и оправдывают возложенные на них надежды: они отправляют на дно английский миноносец, но для "негеров" команды-175 немецкого флота атака заканчивается полным провалом. Союзники начеку и реагируют мгновенно. Кроме того, их преследуют технические неполадки. Из тридцати "негеров", спущенных на воду с пляжа Торре-Вианики, тринадцать сразу же затонули и пришлось их подорвать. Из семнадцати оставшихся, отправившихся на задание в ясную звездную ночь, лишь немногим удалось добраться до Анцио. Пилоты догадывались, хотя и не видели их, о присутствии в порту множества транспортов и десантных кораблей, против которых и направили свои снаряды. Но безрезультатно. В итоге десять "негеров" потеряны: четыре попали под глубинные бомбы, один захвачен противником. Остальным удалось вернуться на берег. Штаб Кригсмарине решил не повторять попытки, и напрасно, по мнению Боргезе. Барчини вернулись в Геную, а немецкая флотилия "негеров" отправилась в Германию, где вскоре, после некоторой модернизации, была использована, на этот раз успешно, в Нормандии.

В Италии англо-американское наступление продолжалось. 18 мая они заняли Кассино. К концу месяца союзники взяли горы Альбины. Войска оси отступают, и 4 июня Рим пал.

С ноября 1943 года союзники организовывают передовую базу в Бастии и вспомогательную в Кальви, на севере Корсики. Бастия прекрасно стратегически расположена и из нее можно контролировать Генуэзский залив, окрестности острова Эльба и лигурийское побережье, вдоль которого немцы осуществляют морские перевозки для снабжения своих войск. Этот морской путь был очень важен для немцев, железные и шоссейные дороги на полуострове все чаще и чаще подвергались налетам авиации и их пропускная способность становилась недостаточной.

Союзники поставили цель прервать или, по крайней мере, сократить до минимума немецкие морские перевозки. Они постоянно нападают на транспортные суда со своих

опорных баз в Бастии и Кальви. Цель достигнута ценою лишь небольших потерь и легких аварий.

17 июня англо-американцы высаживают десант на остров Эльба и захватывают его. Разбитые силы оси на острове вынуждены искать убежище в лесах, и маршал Альберт Кессельринг, командующий немецкими войсками в Италии, решает вывезти оттуда некоторых особо ценных высших офицеров, которые могли быть ему очень полезны в дальнейшем. Операция по их спасению поручена Валерио Боргезе и его морякам.

Принц выбирает два катера с базы в Генуе, чтобы попытаться провести эту акцию, почти неосуществимую из-за скопления вражеских кораблей у берегов острова. Но, как говорится, "кто не пытается, ничего не имеет", и два экипажа выходят в море в ночь с 29 на 30 июня.

Едва они покинули порт, как были обнаружены двумя американскими патрульными миноносцами (номер 308 и 309) между мысом Фалькон на лигурийском побережье, которое они только что покинули, и северо-восточной оконечностью острова Эльба. Катера двигались в сторону Порто-Феррайо, когда были атакованы. Произошел короткий обмен огневыми ударами. После боя американцы подняли со спасательных плотов четырнадцать человек с одного из катеров МАС, покинувших свой поврежденный корабль. На следующий день разведывательный самолет увидел, что один итальянский корабль все еще на плаву. Корабли противника почти нетронутым отбуксировали его в порт Бастии. Другому кораблю МАС удалось ускользнуть, но о продолжении операции не могло быть и речи. Где вы, времена громких успехов?

Высадившиеся 15 августа союзные войска через две недели освобождают весь Прованс. К 28 августа одержана полная победа: пятьдесят тысяч немецких солдат выведены из строя. Молниеносный бросок французской армии на север превратил отступление немецких войск в бегство.

На суше победа союзников была близка. На море положение было несколько иным. Флот, который должен был защищать порты на освобожденном побережье, поддерживать связь между Корсикой, Алжиром и Францией и обеспечивать защиту конвоев, идущих в Тулон, Марсель, Сет и Порт-Вандр, вынужден был отражать постоянные атаки военно-морских сил оси, все еще контролировавших северную часть Генуэзского залива. Даже если немцы и итальянцы не располагали значительными морскими силами, надо было принимать в расчет их "негеры" и "баркини", которые не отказались от борьбы. Моряки Валерио Боргезе и их товарищи из Кригсмарине были решительно настроены плечом к плечу сражаться до конца, не щадя своей жизни.

В начале августа 1944 года немцы и итальянцы из Децима МАС превращают Сан-Ремо в свою базу для отправки штурмовых снарядов на операции. Командный пункт устроен в отеле "Эксельсиор". Оттуда приказы направлялись на маленькие бесстрашные суденышки, которые французские моряки не замедлили прозвать "вермин" (паразиты). Они впервые показали себя в ночь с 24 на 25 августа.

Валерио Боргезе буквально вырвал у немцев право - надо сказать, почетное - первым направить свои "баркини" на американские патрульные миноносцы. Схватка была жестокой, но не принесла решительного успеха ни той, ни другой сторонам. Через два дня новая попытка. Пять "баркини" потоплены. Тогда вступают в дело немецкие "негеры". 5 сентября три из них атакуют дестроер "Людлоу" и французский контрминоносец "Малин". Неудачно. Трое пилотов попадают в плен. Несмотря на неудачи, атаки продолжаются с возрастающей интенсивностью. 26 сентября миноносец "Форбин" топит две управляемых торпеды. 30 сентября, 2 и 4 октября "баркини" и "негеры" возобновляют, опять без успеха, свои атаки на союзные корабли. Катер МАС 531, хотя и повредил эсминец "Сэйбр", сам был потоплен. Пятеро членов его экипажа были убиты, шестеро ранены и тринадцать взяты в плен.

За последующие месяцы флотилия потеряла людей больше, чем за 1941-й, 1942-й и 1943 годы вместе взятые. Но каждый раз, с мужеством, достойным восхищения, моряки снова вступали в эту в некотором роде безнадежную схватку.

Так, в ночь с 17 на 18 января 1945 года миноносец "Фортуна" отправил на дно один начиненный взрывчаткой катер, а морской охотник № 105 потопил другой. И таких случаев было множество. В ночь с 28 на 29 апреля почти всеми силами британская эскадра готовилась обрушиться на Геную, когда стало известно, что побережье уже находится в руках партизан.

Морская война на Средиземном море закончилась. Но для Валерио Боргезе и его людей борьба продолжалась.

Не знающий усталости, он в августе 1944 года принимает командование дивизией "Сан-Марко", вернувшейся из Германии несмотря на противодействие генерала Вольфа.

Сражаясь плечом к плечу с Кригсмарине на море, он возобновляет "свою личную войну против партизан" на суше. "Чтобы не погибнуть, надо победить коммунистов", - говорит Боргезе.

Глава 23

Везде, где партизаны организовывали отряды сопротивления, это происходило под влиянием коммунистов или с их активным участием. У них имелось множество партий.

Но Валерио Боргезе не стал вдаваться в запутанные различия между ними. "Все они коммунисты и их надо уничтожать всеми возможными способами", считал он.

Его жена, бежавшая от октябрьской революции, разделяла его антикоммунистические убеждения. Ее семья, избежав гибели от рук головорезов Ленина в 1917 году, была теперь до смерти напугана перспективой получить пулю от "итальянских большевиков". Валерио Боргезе разделял ее опасения.

К моменту, когда он принял на себя командование дивизией "Сан-Марко", партизаны уже были очень сильны. Настолько, что с начала 1944 года генерал Александер прямо предложил им сотрудничать в зонах их ответственности при проведении операций, которые были нацелены на взятие Рима. Ренато Рикки, командующий национальной гвардией, признался, что потерял 334 человека убитыми и 339 ранеными только за февраль и март.

В рапортах командиров частей из зон, контролируемых немцами, можно найти повторяющиеся записи следующего содержания: "Провинция практически находится в руках патриотов"; "Для победы над бандами партизан сил, выделенных для этой цели, явно недостаточно" и т.п.

Хотя Боргезе, благодаря своему престижу, своему характеру, своей гордости и особенно желанию действовать независимо от всех, доставлял много беспокойства фашистскому руководству Сало и немецким властям, в нем, совершенно очевидно, нуждались и те и другие. Его дивизию "Сан-Марко", уже готовую к действиям, ждали с надеждой.

Как только дивизия прибывает в Италию, немецкое командование в первую очередь направляет один ее батальон, "Брабариго", на южный фронт в помощь 175-й дивизии вермахта. Затем, один за другим, ее остальные батальоны: "Фульмине", "Саджиттарио", "Валанга", "Сан-Джорджио", "Лупо", "Фреччия", получают боевое крещение в сражениях с "внутренним врагом" - партизанами.

Против них Боргезе действует безжалостно. Он знает, что перед ним тот самый противник, с которым с 1919 года воюют его товарищи и он сам от Милана до Турина, а во время испанской войны - от Гвадалахары до Барселоны.

В тылу "Черная дивизия" Валерио Боргезе при поддержке немецких частей маршала Кессельринга начала крупную "операцию по очистке" прифронтовых территорий от партизан, которые, в эйфории приближающейся победы, раскрылись. Яростные бои, как с одной стороны, так и с другой, стали предтечей кровавого сведения счетов после освобождения.

Воспользовавшись этой неожиданной отсрочкой, Муссолини в согласии с Паволини, Грациани и Боргезе решает подготовить отход республиканцев в Альпы.

13 ноября 1944 года генерал Александер обращается с воззванием к партизанам Верхней Италии. Сообщив, что раньше весны они не должны ждать нового наступления

союзников и что рассчитывать на доставку оружия самолетами также не следует, британский генерал заявил, что им необходимо сделать следующее:

1. Прекратить повсеместно активные действия.

2. Ждать новых инструкций. Приказ: держать оборону.

"Это обращение, - пишет Макс Галло, - являлось почти приказом о демобилизации итальянских партизан. В чисто военном плане эти меры могли быть оправданы, они не намного ускоряли драму партизанского движения, уже понесшего серьезные потери от действий немецких войск и фашистов.

Командование корпуса волонтеров свободы, которые это понимали, не приняли в расчет заявление Александера. Руководители разных партий, представленных в Комитете национального освобождения, выступили с призывом, в котором марксистская фразеология присутствовала в каждом слове:

"Итальянцы. Мобилизуем сознательную волю народа против выжидательной тактики".

В то же время партизанские отряды отошли на север вдоль швейцарской границы, где они надеялись найти убежище в случае ухудшения обстановки.

Боргезе почти так же оценивал ситуацию, как и его "личные враги". Он переносит свой штаб в Валь д'Аосте, объяснив свое решение следующим образом:

- Те, кто воюет против нас в этих горах, люди мужественные, - говорил он, - но политики-предатели, которые ими руководят, не обладают этим качеством. Они в первую очередь стараются спасти свою собственную жизнь, чтобы в случае победы захватить власть и пользоваться ею. Для них в этом положении есть один выход: бегство в Швейцарию через границу. Там мы и будем их ждать.

Не все разделяли это его мнение, и особенно со стороны германских властей. Такое ведение войны не укладывалось в их образ мышления. Немцев больше заботило взятие заложников и слепое репрессирование, часто бесполезное с военной точки зрения, чем эффективная борьба с целью разрушить материальный и человеческий потенциал хитрого противника, прекрасно использующего рельеф местности.

Снова проявился в этих обстоятельствах "случай Боргезе". Принц, все время упорно считавший себя самостоятельным, во многих случаях не стал выполнять немецкие приказы, считая их "неприемлемыми и глупыми".

Муссолини, казалось, совсем не беспокоило такое положение, которое сильно не нравилось немцам. Он готовит к 16 сентября 1944 года в Милане свое первое публичное выступление после возвращения из Германии в сентябре 1943 года. Кроме необходимости появиться, наконец, лично перед массами, он еще и хотел усилить свои позиции в глазах немцев, и непослушание Боргезе только было ему на руку. Он делал вид, что не видит телеграмм, которые одну за другой присылали ему офицеры СС из Турина. В одной из них прямо и ясно говорилось:

"Командир Боргезе ведет независимые боевые действия, не обращая внимания на планы немецкого командования в провинции Аосте, создавая таким образом серию проблем. Принц Боргезе пытается закрепить за собой участок фронта у самой швейцарской границы без всякой связи с немецкими и итальянскими войсками. Здесь в Аосте мы просим вас предпринять все необходимое для того, чтобы не оставалось никаких сомнений в подчинении Боргезе итальянской Социальной республике".

Боргезе, благодаря своим независимым и индивидуальным действиям, стал подозрительным субъектом в глазах всех, и на этот раз немецкое командование потребовало от Муссолини, чтобы тот заставил своего "последнего кондотьера" ясно определить позицию и объяснить смысл своих действий. Но они слишком многого от него хотели. Дуче, конечно, и из тактических соображений, но в основном из-за атмосферы интриг и неразберихи, царившей в его окружении, никак не реагировал. Он чувствовал себя бессильным.

Генерал Вольф пожаловался на такое положение в письме Мартину Борману. 1 октября пришел ответ от Гиммлера:

"Я получил от М.Бормана сведения о масонских интригах в вооруженных силах

итальянской фашистской Республики. Я думаю, что вы в курсе в общих чертах, но не имея уверенности, я хочу вам послать документ. Что касается принца Боргезе, о котором вы мне уже говорили, мы сейчас должны быть крайне осторожны".

Таким образом, не было принято никаких конкретных решений, и Боргезе, прекрасно осведомленный о намерениях и действиях как одних, так и других, продолжал свою войну "во имя чести и знамени".

"Ничто более не имело для меня значения в тот момент, - вспоминал он. - Фашисты-республиканцы, немцы, и т.п. - все равно. Их переживания меня мало занимали. Волею случая оказавшиеся в одной лодке, мы сражались рядом, каждый своим оружием, соответственно своему темпераменту и своим методам".

События быстро развивались. 1 января 1945 года в Милане партизаны внезапно появились в кинотеатрах перед 19-часовым сеансом. Сеансы должны были начинаться в это время, чтобы закончиться до начала комендантского часа. Перед удивленной публикой на сцену вышли вооруженные люди в масках и призвали к сопротивлению. Надежда поменяла лагерь. На всех фронтах, в Венеции и в Альпах, батальоны "Черного принца" продолжали свою охоту за партизанами с отчаянной энергией, которая превращала самую мелкую стычку в смертельную схватку.

29 февраля, на следующий день после седьмой годовщины смерти поэта Габриэля Д'Анунцио, партизаны появились на берегах Гардского озера, а немцы, все еще ничего не понимавшие, продолжали досаждать Муссолини, через своего посла Рана, этим "случаем Боргезе".

"Когда я намекнул, - писал Ран, - на двусмысленное положение Децима МАС, дуче ответил мне, что он уже обсуждал со мной эту проблему и что он внимательно следит за развитием событий в этой воинской части с некоторым беспокойством, но он, с другой стороны, не нашел никаких определенных доказательств нелояльности принца Боргезе к фашизму и республиканскому режиму. А на мое замечание, что Боргезе не подчиняется приказам маршала Грациани, Муссолини ответил: "Оставьте итальянцам решать свои внутренние итальянские проблемы".

Муссолини, очевидно, решил дистанцироваться от немцев, и Боргезе, опиравшийся на свою десятитысячную дивизию, был ему полезен, тем более что "Черный принц" наконец согласился выполнять приказы министра обороны маршала Грациани.

21 февраля Муссолини смещает Буффарини, слишком благоволившего к немцам. Он знал, от своего посла в Берлине Анфузо, что Риббентроп, Гиммлер, Кальтенбрунер, каждый со своей стороны, ищут контакты с союзниками. Их представители в Италии, соответственно Ран, Вольф и Долман, проявляли очевидную активность в этом направлении. Поэтому Муссолини решил вести свою собственную игру в сепаратных мирных переговорах и, чтобы заслужить уступки, организовать, по предложению маршала Грациани, героическое сопротивление из последних своих сторонников в Вальтелине.

Грациани и Боргезе - который, по единодушному мнению, оставался единственным настоящим военным руководителем в Республике - было поручено организовать отход в Вальтелин, где Социальная республика должна была пережить свой звездный час.

Едва только план был разработан, как в середине марта Боргезе пришлось отправиться в Венецию, где югославские партизаны Тито угрожали Триесту и Удине. Но под их всевозраставшим давлением его батальоны и немецкие части были вынуждены шаг за шагом отходить. В этот момент и произошло самое серьезное его столкновение с немцами, которое поставило его против них.

Немецкие войска получили приказ своего генерального штаба по мере отступления разрушать итальянские промышленные предприятия, чтобы не оставлять их нетронутыми союзникам. Боргезе не только отказался участвовать в проведении этой тактики выжженной земли, но и стал активно противодействовать ей. С оружием в руках он не позволял своим еще недавним союзникам взрывать итальянские заводы.

"Я всегда дрался за Италию и во-первых за Италию. Я хотел только, чтобы все

проявляли уважение к нашему национальному достоинству. Война проиграна, но Италия и итальянцы переживут это поражение и заводы будут им необходимы. Мы должны были их сохранить, даже ценой собственной жизни".

Он отдает приказ всем своим подразделениям не допускать разрушения предприятий. В Вальдано, в школе по подготовке боевых пловцов, лейтенант Луиджи Ферраро действовал так же решительно, как его командир. Он выступил против немецких войск, чтобы защитить от них заводы, и против партизан, чтобы заставить их пропустить отступавших немцев и таким образом, как он говорил, "достойно закончить эту ставшую уже бессмысленной войну".

16 апреля Муссолини в последний раз собирает свой совет министров в Гарниано. 18-го он отправляется в Милан. Через два дня он в последний раз принимает немецкого посла Рана.

Валерио Боргезе приезжает в Милан для встречи с Грациани. Фронт повсюду трещит. 21 апреля передовые части союзников вышли на реку По и захватили плацдармы. Две бригады дивизии "Сан-Марко" еще ведут бои. В Генуе 23 апреля начинается антифашистское восстание и на этом заканчивается морская война на Средиземном море.

Для фашистов наступил момент, когда нельзя было терять ни минуты. Муссолини, при посредничестве миланского предпринимателя Челлы, вступает в контакт с Фронтом национального освобождения. Встреча назначается на вторую половину дня 25 апреля.

Дуче прибыл на место в 5 часов. Архиепископ Миланский кардинал Шустер принимает его в своей резиденции. Через час представитель партизан генерал Кардона в сопровождении своих товарищей также появляется в зале собрания. Дуче поднимается и протягивает руку для рукопожатия, затем все занимают свои места за овальным столом.

- Итак, - начал Муссолини, - какие будут ваши предложения?

- У нас единственное условие, - ответил Кардона, - безоговорочная капитуляция.

- Это не могло быть целью нашей встречи, - возразил дуче. - Я считал, что мы соберемся здесь для того, чтобы обсудить условия. Я здесь для того, чтобы обсудить судьбу моих людей, их семей и солдат фашистской милиции...

Один из помощников Кардоны, Ломбарди, прервал Муссолини:

- Это все детали, и мы можем их урегулировать отдельно.

- Хорошо, - сказал Муссолини, - тогда будем разговаривать.

Начались переговоры, и представители Комитета национального освобождения (КНО) согласились, что с солдатами фашистских частей надо обращаться в соответствии с Женевской конвенцией о военнопленных. Разногласия появились, когда речь зашла о военных преступниках.

В этот момент в зал входит маршал Грациани, чтобы сообщить, что республиканская армия, которую он представлял на переговорах вместе с Валерио Боргезе, останется солидарна с немецкими войсками.

Кардинал Шустер замечает, что капитуляция немецкой армии неизбежна.

После такого поворота событий Муссолини, посчитавший себя преданным, поднялся из-за стола и отправился из резиденции архиепископа в префектуру. Перед уходом он пообещал Кардоне через час дать ответ.

Дуче не ответил КНО в оговоренный срок. Он приказывает своим сторонникам уехать с ним. Уже подготовлены десять автомобилей. Направление: Коме. Время: 20 часов 25 апреля 1945 года.

Боргезе, не принимавший участия в переговорах, ожидал маршала Грациани в префектуре.

- Мы уезжаем. Вы с нами? - спросил его Грациани.

Боргезе отказывается. Накануне его казармы в пригороде Милана подверглись нападению партизан. Ожидались новые атаки, и "Черный принц" считал себя обязанным, как всегда, быть рядом со своими людьми.

Бегство Муссолини и его министра обороны как две капли воды походило на бегство

короля и Бадольо менее двух лет назад. Однако на этот раз в усталом взгляде Боргезе не было разочарования. Он никогда не верил в республику и ее руководителям. Он вместе со своими людьми сражался, как на море, так и на земле, за "честь и знамя", не заботясь о политических цветах и интригах тех и других. Он хотел быть независимым и, несмотря на все угрозы и давление, был им. Он был единственным хозяином своей судьбы и судьбы своих солдат и действовал в соответствии со своими убеждениями. Первый солдат армии Северной Италии после объявления перемирия, теперь он остался ее последним солдатом: Муссолини сбежал (он будет казнен партизанами 28 апреля), немцы находились на грани капитуляции (они сложат оружие через два дня, 27 апреля).

Вернувшись в казармы дивизии "Сан-Марко", Валерио Боргезе закрылся в своем кабинете. Менее чем через час, около 22 час. 30 мин., один из его офицеров разведки (который был, по словам как его друзей, так и врагов, одним из самых информированных людей в Италии) представил ему доклад о последнем подпольном заседании Комитета национального освобождения горных районов Италии, состоявшемся этим же утром в 8 час. 30 мин., в Милане.

В партизанской армии было объявлено состояние полной боевой готовности. Создавались военные советы и народные трибуналы, и была принята 5 статья декрета об установлении системы правосудия. Эта статья гласила: "Члены фашистского правительства и деятели фашистской партии, виновные в осуществлении нарушений конституционных гарантий, разрушившие систему общественных свобод, создавшие фашистский режим, скомпрометировавшие и предавшие будущее Родины и виновные в действиях, приведших к нынешней катастрофе, должны быть наказаны смертной казнью или, в менее серьезных случаях, каторжными работами".

Кроме того, предусматривалось, что все фашисты "Республики Сало", захваченные с оружием в руках или пытавшиеся оказывать сопротивление, могут быть также подвергнуты смертной казни, в некоторых случаях на месте.

Принцу не стоило терять время, если он хотел спасти свою жизнь и жизнь своих солдат!

Впереди была только короткая ночь. Он воспользовался ею, чтобы переодеть своих людей в гражданскую одежду и отпустить их на свободу, чтобы они попытались добраться до своих домов, раздав им те небольшие деньги, которые у него были.

К утру казармы опустели. Только человек двадцать его самых верных соратников отказались оставить его. Боргезе заставил и их в течение дня 26 апреля разойтись и вечером, переодевшись, сам покинул свой кабинет.

"Я бы мог призвать на помощь смерть, - вспоминал он потом, - некоторые из нас добровольно покончили бы с жизнью. Я мог бы - это относительно легко - перебраться за границу. Но я отказался покинуть свою родину, свою семью и своих товарищей. Мне нечего было скрывать, я никогда ничего не делал, по-моему, за что настоящему солдату могло бы быть стыдно. Я решил отправить мою жену и четырех детей в надежное убежище, а затем ждать, пока климат не смягчится, а потом сдаться властям".

Действительно, после капитуляции немецких войск и кончины "Республики Сало" в Италии установился не самый добрый режим.

В первые недели после освобождения, когда в Италии почти не существовала гражданская или военная власть, способная удовлетворить всех, в стране воцарилась атмосфера мести и убийства. Процесс "сведения счетов" намного превзошел подобные преступления, совершенные после освобождения во Франции. Еще через месяц после казни Муссолини на улицах Милана каждое утро находили двадцать-тридцать трупов, которые невозможно было идентифицировать, так как документы и даже метки на одежде были тщательно уничтожены, а не все жертвы были жителями города. Их число невозможно подсчитать для всей Италии, и этот период ее недавней истории надолго останется одним из самых темных.

Лучше было не попадаться в тот момент в руки партизан, если вы хотели сохранить

маленький шанс выжить. Боргезе скрывается в пригороде Милана в ожидании лучших дней. Затем, почувствовав, что вокруг него тиски разжимаются, он 17 мая решает сдаться британским войскам. Он надеется, что его бывшие иностранные враги отнесутся к нему более достойно, менее жестоко, чем соотечественники.

После короткого процесса выяснения личности его помещают в лагерь в Падуле, а затем передают итальянскому правосудию в августе 1945 года. Он избежал смерти без суда и следствия.

Глава 24

Если Валерио Боргезе мог высказать множество упреков, часто справедливых, правосудию своей страны, надо заметить, что по крайней мере одно из них не оправдалось. "Я провел, - писал он, - четыре долгих года своей жизни в тюрьме, чтобы быть почти оправданным". Ирония судьбы! Благодаря медлительности правосудия, ему удалось избежать более длительного тюремного заключения, а может быть, и смерти.

Когда он предстал в первый раз перед одним из специальных трибуналов в Риме, 15 октября 1947 года - больше чем через два года после заключения под стражу, - атмосфера в стране была самая благоприятная. Первый закон об амнистии был уже принят год назад почти день в день, по инициативе председателя итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти. Мы не будем касаться мотивов, которые вызвали это решение Тольятти, мы только отметим сам факт. Он достаточно важен сам по себе. Он указывает на коренной поворот к большей терпимости. Этим и воспользовался Валерио Боргезе, так же как и его начальник времен Социальной республики маршал Грациани, дело которого рассматривал другой римский трибунал 11 октября того же года.

И в одном, и в другом процессе сценарии были похожи и доводы защиты копировали друг друга, хотя трудно сказать, кто кого копировал.

В большом зале трибунала с лепными потолками в тот день, 15 октября 1947 года, Валерио Боргезе, с изможденным лицом, с мешками под глазами, стоял в клетке для обвиняемых среди семнадцати своих бывших подчиненных офицеров дивизии "Сан-Марко". Боевые пловцы и пилоты "баркини" и "маиали" не преследовались.

"В школе по подготовке пловцов в Вальдано, - рассказывал лейтенант Луиджи Ферраро, - еще в то время, когда район находился в руках немцев, я встретился с английским офицером Лайонелом Крэббом и итальянцем Марцуло. Увидев их, я сначала подумал, что они явились предложить нам сдаться в плен. "Не беспокойтесь, - сказал мне Крэбб после того как представился, это не входит в цели моего визита. Я знаком с вашими боевыми заслугами и восхищен ими. У меня единственная цель: предложить вам сражаться вместе с нами против японцев". Я ответил ему, что не могу принять его предложение. Оно кажется мне ребяческим и постыдным. Недостойно для солдата сражаться сегодня в одном лагере, завтра - в другом. Крэбб меня тогда довольно по-рыцарски одобрил и сказал: "Так и должен вести себя любой человек, достойный этого звания. Нуждаетесь ли вы в чем-нибудь?" Я попросил его позволить мне и моим людям вернуться к себе домой и позаботиться о нашей безопасности. Он дал обещание. Таким образом, для нас война закончилась без особых забот".

Но для Валерио Боргезе и офицеров дивизии морской пехоты "Сан-Марко" все сложилось по-другому. "И все же, - считал Боргезе, - мы вели одну борьбу, сражались за одни и те же идеалы". Эти аргументы он и изложил в заявлении, которое зачитал перед трибуналом в начале процесса.

"Мои действия и действия моих людей, за которых я несу полную ответственность, - говорил он голосом, в котором сквозила гордость, всегда были в согласии с традициями Децима МАС, девиз которой: "За честь и итальянский флаг, независимо от государства, будет ли это республика, монархия, фашистский или антифашистский режим".

Преступник? Жертва? Одновременно и тот и другой? В конце концов, трибунал приговаривает его к пожизненному тюремному заключению.

Процесс возобновляется через шесть месяцев, 12 февраля 1949 года.

Обвинитель заявил, что Валерио Боргезе действовал из личных амбиций и безмерной своей гордыни, не принимая во внимание никаких других соображений. "Боргезе, - утверждал прокурор, - был мятежником, который использовал власть в личных целях, сотрудничал с немцами и проводил жестокие репрессии против партизан. За все свои деяния он заслуживает смертной казни".

Защитник на процессе, миланский адвокат Леннер, снова выдвинул уже известные аргументы, которыми Боргезе защищался еще на первом процессе.

"Принц Валерио Боргезе пожертвовал собой, - говорил он, - как для того чтобы спасти честь Италии, так и чтобы спасти ее от ужасного предательства. Он сражался с партизанами только в той мере, в какой те выступали его противниками".

И приберегая главные аргументы на конец, он снова напоминал о спасении итальянской индустрии, которая должна была погибнуть от рук немецких оккупантов.

"Боргезе, - сказал в заключение Леннер, - не предатель. В Италии никогда не было предателей среди офицеров".

"Черный принц", признавая факт военного сотрудничества с немецкими властями, настаивал на обстоятельствах, смягчающих вину, на своей роли "спасителя части промышленной мощи Италии". По новому приговору он получает двенадцать лет тюремного заключения, из которых восемь были сразу исключены. Четыре оставшихся были покрыты годами предварительного заключения, и Валерио Боргезе выходит на свободу уже вечером 17 февраля 1949 года.

Глава 25

1949 - 1952 годы стали годами чистилища для Валерио Боргезе, который, казалось, старался забыться.

Его военная карьера бесславно закончилась. Его лишили вроде бы военного ордена Савойи, высшей награды Италии. Всякая административная карьера была для него отныне закрыта. Это был тяжелый удар для героя!

"В общем, - скажет он позже, - новые хозяева Италии так никогда и не простили мне слишком честную службу своему отечеству".

"Черный принц" ушел в отставку. Он полностью и в первый раз в своей жизни посвятил себя своей семье. Занялся сельским хозяйством. Кондотьер превратился в фермера.

Но такая "глыба" не могла долго оставаться вне всякой общественной жизни. Его характер человека действий, любителя приключений медленно, но верно толкал его на то, чтобы ответить положительно на непрекращавшиеся призывы его бывших соратников по борьбе.

С 1946-1947 годов некоторые из них снова вступили в борьбу, на этот раз подпольную.

Это был период попыток, иногда удачных, саботажа на передаваемых Италией победившим союзным державам военных кораблях. В результате этих диверсий и под давлением союзных сил христианско-демократическое правительство допустило в парламент так называемые крайне правые силы, при условии, что отныне они будут действовать только легально. Провести жесткие репрессии не удалось из-за глубокой конспирации, скрывавшей подпольщиков, и из-за крайней молодости их руководителей, еще не известных полиции, поэтому была объявлена частичная амнистия.

Прекращение этой борьбы происходило не без трудностей. Иногда оно наталкивалось на небольшие группы, отказывающиеся понять необходимость перехода к легальной политической борьбе. Партия, которая возглавила бы эти силы, также не сразу появилась на политической сцене. Родились и исчезли последовательно "Партия национального сплочения", "Националистическая партия", "Итальянский национальный фронт", пока не было наконец образовано в декабре 1947 года "Итальянское социальное движение" (ИСД).

Его руководителями стали, естественно, бывшие руководители подпольного движения. Среди них Джорджио Пини и Пино Ромуальди. В конце войны он был вице-президентом "Фашистской республиканской партии" и рассматривался как идейный наследник Муссолини.

С самого начала своей деятельности ИСД пришлось по необходимости охранять свое внутреннее единство против других политических партий. Это им было делать не так трудно, потому что они в то время были развивающимся движением, родившимся на базе активных действий и отрезанным от толпы. Его первые газеты "Ривольта идеале" в Неаполе, "Сфида" в Риме, "Меридиано д'Италия", "Россо и Неро", "Ран-тан-План" и "Манифесто" не замедлили получить определенный резонанс своими выступлениями. В 1949 году число сторонников движения возросло и оно превратилось в реальную общественную силу, партию открытую для всех, что имело определенные логичные последствия для его руководства.

Джулио Валерио Боргезе выбирается председателем ИСД. Марсаних сохраняет за собой пост генерального секретаря, и намечается новый поворот к классической правой политике в движении. Соправление Боргезе-Марсаниха выглядело неплохо. Это не помешало, однако, оставаться положению неустойчивым и неясным вплоть до января 1953 года.

Результаты апрельских выборов принесли успех, хотя он был ослаблен многими нарушениями при голосовании. Но Марсаних вынужден уйти в отставку со своего поста в начале 1954 года. Его сменяет представитель консервативного крыла Артуро Микелини, который сохранит этот пост за собой в течение 15 лет. Очень скоро между ним и Валерио Боргезе наступает разлад. Перед застоем в движении и особенно в знак протеста против альянса Микелини с итальянскими "националистами", "Черный принц" покидает председательское кресло и переходит в оппозицию. Он возвращается в свой дворец Артена, решив основную часть своего времени посвятить деятельности на посту председателя союза банкиров Рима. О нем не было слышно до следующего года, когда он сменяет умершего "старого льва пустынь" маршала Грациани во главе "Ассоциации бывших солдат "Республики Сало".

Мятеж в Алжире 13 мая 1958 года произвел огромное впечатление на Валерио Боргезе, до такой степени, что он увидел возможность для правых силовыми методами провести в Италии политические изменения в правительстве.

Приход к власти в Париже генерала Шарля де Голля было неправильно воспринято "Черным принцем" как знак националистической революции во Франции. Когда он убедился в своей ошибке, он отправляется в Алжир, воспользовавшись своим положением предпринимателя, чтобы оказать помощь подпольщикам из ОАС.

Уже давно назревавший внутренний кризис ИСД разразился в 1963 году, и с невиданной силой. Движение, которое до тех пор имело дело только с второстепенными разногласиями, буквально раскололось на две части.

Желая оказаться последним спасительным средством в этом кризисе, Боргезе выходит из ИСД, чтобы наблюдать за развитием событий со стороны. Он ждет, позовут ли его в качестве спасителя-объединителя? Но этого не происходит, и через четыре года он, разочарованный, озлобленный, уставший ждать, создает собственное движение: Национальный фронт. "Черный принц" снова появляется в первых ролях на политической сцене Италии. В шестьдесят лет он становится лидером партии. Честолюбие раздирало его еще больше, чем раньше. Он предложил себя в качестве мифического героя для объединения всех правых партий, которые он мечтал собрать под своими знаменами. Пример де Голля, так соблазнивший его в свое время, не был забыт.

За Боргезе пошли некоторые из тех, кто видел в нем героя войны: ветераны дивизии "Сан-Марко" и Децима МАС, бывшие солдаты регулярной армии Социальной республики и элитных парашютных частей. Его движение не собиралось играть в демократические игры. Как заметил один из журналистов газеты "Стампа", оно воинственно и милитаризованно, напоминает в некотором роде армию Муссолини перед маршем на Рим.

"Фронт, - объявлял Боргезе в декларации, сопровождавшей создание партии, - готов к бескомпромиссной борьбе с Италией, отравленной наркотиком демократии". Он на самом деле считал, что нынешний режим прогнил и он со своими людьми должен быть готов в любой момент встать во главе страны.

С этого времени он много разъезжает по всему миру, устанавливая тесные связи со своими товарищами по борьбе. Часто его можно было встретить в Афинах, в окружении греческих черных полковников. В это время он выдвигает лозунг: "После Афин - Рим!" "Черный принц" наводит страх на итальянскую "республику профессоров", которые, впрочем, никогда не любили сильных личностей.

Внутренний огонь, питаемый его лютой ненавистью к демократии, сжигает его. Его патриотическое чувство и политическая страстность в той кризисной Италии (в 1969-1970 годах в экономике Италии наблюдался глубокий спад, повсюду начались волнения) толкали его в который раз забыть семью, свои светские отношения и свою предпринимательскую деятельность. Начинался новый "крестовый поход "Черного принца". Его девизом становится: "Все средства хороши, если они позволяют достичь цели (спасения Италии)".

Он видит происки коммунистов повсюду, а его противники считают, что его присутствие можно найти за любым действием крайне правых итальянских группировок, носивших живописные названия: "Всадники нации", "Будущий порядок", "Комитет общественного спасения", "Черные орлы" и т.п. В Западной Европе был свой самый опасный человек, бывший полковник СС Отто Скорцени, в Италии же теперь появился свой - Валерио Боргезе!

Через тридцать лет тень его прошлых деяний легла на объятую страхом Италию, ищущую свое будущее. Тот, кто взрывал боевые британские корабли в таких хорошо охраняемых портах, как Гибралтар и Александрия, мог поднять на воздух и всю Италию. А так как дают в долг только богатым, Боргезе кредитует любую террористическую деятельность в Италии.

15 апреля 1969 года взорвалась бомба в кабинете ректора Университета в Падуе. Приказ пришел от Боргезе.

Через десять дней, в годовщину освобождения, две бомбы взорвались на складе взрывчатых веществ и на центральном вокзале в Милане (двадцать один раненый). Это тоже были люди Боргезе.

В августе настал черный период для железной дороги: десять террористических актов в поездах на севере Италии. И здесь просматривалась рука "Черного принца".

Кульминация наступила после полудня 12 декабря 1969 года. Первая бомба взорвалась в 16 час. 23 мин. в Милане, в сельскохозяйственном банке на площади Фонтана. Вторая в Риме, через полчаса, в подземном переходе "Трудового банка". Третья и четвертая в пантеоне Отечества (у могилы Неизвестного солдата). Это была маккиавелиевская работа Валерио Боргезе. Это он руководил действиями Мерлино, "разнузданного фашиста", - писала французская "Экспресс". Банк, который был ему указан, оказался закрытым. Растерявшийся террорист, с двумя сумками, наполненными взрывчаткой, в руках, не знал, куда деть бомбы. Внезапно ему пришла, как ему показалось, гениальная идея - пантеон Отечества. На следующий день все правые силы протестовали против левацких анархистов.

Пятая бомба не взорвалась. Один из служащих коммерческого банка на площади Скала в Милане увидел ее в железной урне, упакованной в дорожную сумку перед одним из шести лифтов здания.

В феврале 1971 года - мятеж Реджио Катабре. "Национальный фронт "Черного принца", - писали тогда газеты, - действует в сотрудничестве с "Новым порядком" римского депутата Пино Раути, с целью посеять беспорядок и анархию".

Если мы не всегда можем выявить правду в этом потоке бездоказательных обвинений, можно констатировать, что если "Черный принц" был вдохновителем хотя бы половины этих актов насилия, Гевара и другие профессиональные революционеры только его бледные тени.

Но вечером, в среду 8 марта 1971 года, принц Джунио Валерио Боргезе вынужден раствориться в темноте подполья.

Глава 26

В подполье Боргезе не чувствовал себя неудобно. Он любил драться в темноте. В атмосфере заговоров и конспирации он чувствовал себя как рыба в воде.

Он находит надежное убежище за испанской границей, где его приютил один из его друзей - принц Гогенлоэ, оттуда он внимательно следит за развитием событий в Италии.

Но не в характере "Черного принца" смиряться с поражением, опускать руки, столкнувшись с препятствиями, какими бы непреодолимыми они ни казались. В Мадриде он продолжает, вдали от нескромных ушей и под покровом строжайшей тайны, чтобы не ставить в неловкое положение испанское правительство, предоставившее ему убежище, свою борьбу с итальянской демократией.

В октябре 1973 года он снова упрямо готовит новую акцию. Ее финансирование обеспечивали крупные промышленники, входившие в административный совет одного экспортно-импортного общества в Модене. Полиция раскрыла эти планы, и правительство решило выжать из этого случая максимум возможного. Министр внутренних дел задумал претворить в жизнь одну свою идею при помощи некоторой части прессы. Еще раз размахивать пугалом Боргезе, самого опасного человека в Италии, показалось ему недостаточным, тогда почему бы не добавить к нему самого опасного человека Европы Отто Скорцени? Какая прекрасная идея! Сказано - сделано. Отныне заговор будет иметь три головы: конечно, Боргезе, генуэзского адвоката Де Марки, руководителя ИСД, и Отто Скорцени. Но очень много - это уже перебор. И Отто Скорцени в интервью корреспонденту мадридской газеты "Информасьонес" заявляет следующее:

"Странная вещь, каждый раз, когда итальянское правительство сталкивается с серьезными трудностями, оно раскрывает очередной заговор, угрожающий ему. Не менее удивительно, что уже второй раз за короткое время итальянское правительство, раскрывая заговор, обнаруживает, что в нем участвую и я. Больше года назад при обыске у принца Боргезе нашли письма, отправленные ему мной. В этом нет ничего сверхъестественного, принимая во внимание, что мы старые товарищи по оружию и дружим с 1943 года. Но эта переписка не имеет ничего общего с заговорами или какими-нибудь тайными действиями против итальянского правительства. К тому же с Валерио Боргезе я не имел никаких контактов уже шесть месяцев, а что касается господина Де Марки, я его вообще ни разу в жизни не видел и даже до сих пор не подозревал о его существовании. Я еще раз хотел бы уточнить, что после окончания войны я не связывался ни с военными, ни с политическими делами, касающимися каких-либо государств, и я отказался бы от любого предложения подобного рода".

Мы далеки от мысли вывести Боргезе за скобки тех действий, где его ответственность широко известна и доказана, но, истины ради, когда это можно сделать, надо отделять правду от лжи.

Во время своего поспешного бегства из Рима "Черный принц", президент "Кредито Коммерчиале э индустриале", не предпринял никаких мер предосторожностей. Время поджимало, и он все бросил на волю волн. Отдав ради идеалов семью, отношения, престижную военную карьеру, он теперь потерял и состояние. Его кампания разорилась, а ответственность за последствия была возложена на него. В 68 лет один из самых знаменитых героев морских сражений оказался на краю пропасти. Общество может простить попытки государственного переворота, но не то, что все, даже самые большие политические негодяи называют мошенничеством, даже если это только вызванная обстоятельствами небрежность в ведении дел. В распоряжении итальянского правительства оказалось тяжелое оружие, способное нанести ему жестокий удар. Но после некоторых колебаний оно отказалось от возможности нанести этот удар Валерио Боргезе.

Этот жест не сделал, однако, Боргезе более признательным. Подталкиваемый своим необычным упрямством, он, как ослепленный яростью бык, бросающийся в смертельную схватку, готовит в августе 1974 года новую акцию в Италии. На этот раз речь шла о похищении президента Республики, пленении или ликвидации министров. И снова неудача. Последняя. Судьба готовилась постучаться в дверь "Черного принца".

Эпилог

Несмотря на дикое желание действовать, 68 лет тяжелым грузом давили на плечи. Он

слишком много курил, слишком любил поесть и выпить. "Черный принц" все труднее переносил ту беспорядочную жизнь, которую его заставляло вести положение подпольщика и изгнанника. Следовавшие одна за другой неудачи также не улучшали состояние пошатнувшегося здоровья.

В августе 1974 года это был уже истощенный болезнью, изношенный до предела человек с желтым отекшим лицом, с огромными мешками под глазами. Уступая настойчивым просьбам врача и друзей, он наконец согласился отдохнуть две недели со своей верной женой, которая оставалась с ним в его радостные и тяжелые дни. Он покидает Мадрид и устраивается в комфортабельном бунгало, принадлежавшем "Марбелла Клаб" в Коста-дель-Соль, всего в нескольких километрах от места его славных подвигов прошлых лет, Гибралтара.

"Вот я, - думал Боргезе, - вдали от политической суеты, в новом свадебном путешествии, в великолепном бунгало только для меня и жены". Он любит прогуливаться по тропинке, ведущей на пляж, где он мог отдохнуть, расположившись в комфортабельном кресле, разглядывая купающуюся публику.

Однако Валерио Боргезе не оставляло чувство вины. Признаваясь себе в этом, он не получал того удовольствия от отдыха, на которое рассчитывал.

Теплая и солнечная погода, словно созданная для поправки здоровья, великолепная обстановка, хотя и немного монотонная, эти роскошные пальмы... Но один день походил на другой и никакие неожиданности не нарушали их плавный ход. Как это отличалось от его жизни, которую он вел в Мадриде в последние месяцы. Ему ее недоставало!

25 августа, как и всегда, он занял место за столиком в круглом зале клубного ресторана, где в центре на древесных углях на вертеле жарились рыба и мясо. Он чувствовал себя угнетенным. Даже не смог допить виски, которое заказал в баре.

- Тебе нехорошо? - с тревогой спросила жена.

- Нет, совсем нет. Просто нет аппетита. Я съем только суп.

Внезапно его лицо покрыл восковой налет. Он почувствовал острую боль в животе.

- Врача! Быстрее! - кричит в телефонную трубку Дарья Боргезе.

Принц лежит в своей постели в бунгало. Он в сознании.

- Я умираю, - говорит он, - всего в нескольких сотнях метров от того места, где я знал самые славные моменты в своей жизни.

Машина "скорой помощи" несется, завывая сиреной и сверкая всеми огнями, к клинике Сан-Хуан-де-Диос в Кадисе.

- Острый панкреатит, - поставил диагноз доктор, - почти никаких шансов на спасение.

В два часа ночи 26 августа 1974 года сердце принца Боргезе остановилось. Телетайпы всего мира отстучали новость: "Джунио Валерио Боргезе по прозвищу Черный принц скончался в ночь на 26 августа сего года в Кадисе".

29 августа гроб с телом Джунио Валерио Боргезе доставлен в собор Святой Марии. Министр внутренних дел Андреотти запретил проведение похоронной церемонии в центральном нефе. Заупокойная месса проходила в семейной часовне, в левом крыле собора. Боевые соратники Боргезе присутствовали на панихиде во главе с адмиралом Джино Биринделли, в свое время первым прорвавшимся в Гибралтар, и одним из "отцов" "маиали" Элио Тоски. Элио Тоски, как самый близкий друг покойного, прочитал молитву моряков. В этот момент слеза стекла по каменному лицу старого морского волка. Рядом с ними едва можно было разглядеть убитую горем Дарью Боргезе (она не намного переживет своего мужа). Внезапно в соборе появилась группа молодых людей. При всеобщем оцепенении они подняли гроб на плечи и с пением старых песен времен Муссолини пронесли его по паперти церкви.

Этот герой, который никогда полностью не принадлежал своей семье, и после смерти оставался собственностью своей страны.

Человека, когда он честен, смел и свободен, уважают независимо от его политических убеждений. Валерио Боргезе как раз был из породы таких людей. Сегодня он покоится в

склепе собора Святой Марии между папой Павлом V и Камиллом Боргезе, супругом Полины Бонапарт. Он навсегда останется, после того как утихнет страстная непримиримость бывших партизан, символом героя, идущего до конца за своим идеалом, выполняя свой долг, в поисках себя самого, освещаемый светом солнца-правды.